

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Аласания Кира Юрьевна

**Биополитика как направление западной политической науки
второй половины XX – первой четверти XXI вв.**

5.5.1 – История и теория политики

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора политических наук

ТОМ I

Москва – 2023

Оглавление

ТОМ I

Введение	3
Глава 1. Истоки формирования концепции биополитики в западной политической мысли второй половины XIX – начала XX в.	25
1.1. Органицизм и социал-дарвинизм: корреляции и противоречия в истории становления биополитики	25
1.2. Биополитическая проблематика философии жизни (Lebensphilosophie) 52	
1.3. Биополитические идеи в теории Рудольфа Челлена	78
Глава 2. Теоретико-методологические основания биополитического подхода	109
2.1. «Биополитическая формула» Фуко и ее значение для развития биополитики как теоретического направления.....	109
2.2. «Дискурсивность» как теоретико-методологическое основание анализа биополитики.....	133
2.3. Биополитический анализ институтов западного общества	161

ТОМ II

Глава 3. Политическая картина мира в интерпретациях авторов биополитических исследований	3
3.1. Биополитика как политизация жизни в теории Джорджо Агамбена	3
3.2. Ключевые понятия биополитической теории Роберто Эспозито	27
3.3. «Война» и «выживание» как категории биополитики.....	56
Глава 4. Методологический и концептуальный потенциал биополитики	88
4.1. Роль биополитического подхода в преодолении постмодернизма.....	88
4.2. Биополитика в поисках языка описания процессов трансформации современного общества	113
4.3. Стратегии и перспективы развития биополитики как направления политической науки	146
Заключение	174
Список использованной литературы	189

Введение

Актуальность проблемы исследования. «Биополитика» – это термин, который на протяжении последних нескольких десятков лет активно используется в научном дискурсе. Вместе с тем его концептуализация в области социально-гуманитарного знания по-прежнему находится в стадии становления. Концептуальное разнообразие и вариативность осмысления биополитики характерны как для отечественной, так и для западной политической науки, хотя следует отметить, что в зарубежных исследованиях разработке биополитической проблематики уделяется значительно больше внимания, чем в российских. До сих пор консенсуса по вопросам содержания и границ проблемного поля биополитики не достигнуто. По всем аспектам биополитической проблематики ведутся острые дискуссии, в рамках которых традиционные для политической науки проблемы и темы получают новые и многогранные интерпретации. В результате все больше тем, традиционных для политической науки, рассматривается с биополитических позиций. Наряду с вопросами, связанными с природой человека и условиями политической жизни, возможностями и пределами расширения государственного влияния на повседневную жизнь человека, а также техниками политического управления населением, в данную исследовательскую сферу включаются фундаментальные проблемы сущности политической власти, государства, народа, гражданства, политических режимов.

Дополнительным стимулом для современного развития исследований в области биополитики является растущее внимание к темам, связанным с биомедициной и биотехнологиями, а также их влиянию не только на социальную политику, но и на политическую повестку. Данные вопросы актуализируются ввиду того, что одной из ключевых характеристик современного мира является его возрастающая нестабильность. В этом

контексте необходимость и актуальность обращения к биополитическим идеям становится очевидными. Так, в период пандемии COVID-19 трактовка населения как носителя коллективной биологической жизни является отправной точкой для активного продуцирования различных биополитических концепций.

Объективная значимость биополитической проблематики, безусловно, требует включения в данную исследовательскую сферу политико-этических компонентов. Однако в настоящее время гуманитарная составляющая биополитики оказывается отесненной на второй план. В силу неравномерности разработки указанного проблемного поля в различных сферах знания концепция биополитики, опирающаяся на проблематику и методы естественных наук, на сегодняшний день оказалась гораздо более разработанной и полной по сравнению с гуманитарными областями. Так, естественнонаучный подход к пониманию биополитики пользуется популярностью не только в естествознании, где по поводу содержания данного понятия существует относительный консенсус, но и в ряде направлений западной политической науки. При этом социально-гуманитарное понимание биополитического как неразрывно связанного с ценностными ориентациями общества пока не занимает доминирующих позиций ни в науке в целом, ни в политической науке, в частности. Приходится констатировать, что понятия, имеющие отношение к биополитике — даже устоявшиеся в политологическом дискурсе и постоянно упоминаемые в научной литературе — демонстрируют разную степень зависимости от естественнонаучных трактовок биополитики и не имеют единого содержания.

Актуальность разработки биополитики как одного из направлений современной политической науки не вызывает сомнений, поскольку благодаря активизации исследовательского поиска удастся расширить объяснительные возможности существующих подходов и развивать новые

методы, позволяющие выявлять и анализировать глубинные изменения и в целом современную динамику социально-политического пространства.

Степень научной разработанности проблемы. Концептуальное поле биополитики как направления политической науки находится на этапе формирования. Тем не менее, существует достаточно большой пласт источников, которые можно назвать базовыми для развития биополитики. К их числу относятся, прежде всего, сочинения тех авторов, в работах которых можно найти предпосылки формирования биополитических концепций второй половины XX – первой четверти XXI вв.

В этом смысле интерес представляют тексты, в которых развиваются органицистские идеи. С некоторыми ограничениями (суть которых будет описана в настоящем исследовании) истоки биополитики можно обнаружить в сочинениях античных мыслителей, в частности, Аристотеля¹. Безусловного внимания заслуживают тексты Герберта Спенсера², которые оказали существенное влияние на развитие биополитических концепций. Работы Спенсера как источник развития современного теоретического поля биополитики видится необходимым рассматривать в связи с работами Чарльза Дарвина³ и Томаса Мальтуса⁴. Отдельную группу источников, послуживших основанием для формирования современных биополитических исследований, составляют сочинения мыслителей, которых относят к направлению «философии жизни». Это работы Фридриха Ницше⁵, Освальда Шпенглера⁶, Георга Зиммеля⁷. Предпосылки формирования биополитики как

¹ *Аристотель*. Политика. М., 2018.

² *Спенсер Г.* Политические сочинения. В 5 тт. М., Челябинск. 2014; *Спенсер Г.* Основания биологии // Сочинения Герберта Спенсера. СПб., 1899; *Спенсер Г.* Опыт научные, политические и философские. Минск, 1999.

³ *Дарвин Ч.* Собрание сочинений в 9 тт. Т. 4. М., Л., 1951.

⁴ *Мальтус Т.-Р.* Опыт закона о народонаселении. М., 1895.

⁵ *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла // Сочинения в 2-х тт. Т. 2. М., 1990.

⁶ *Шпенглер О.* Закат Европы. М., 1998; *Шпенглер О.* Человек и техника // Культурология. XX век. Антология. М., 1995.

⁷ *Зиммель Г.* Конфликт современной культуры // Культурология. XX век. Антология. М., 1995; *Зиммель Г.* Созерцание жизни // Избранное. Т. 2. М., 1996; *Зиммель Г.* Социальная

направления политической науки, составляют усматриваются также в сочинениях Рудольфа Челлена⁸, созданных под влиянием идей Фридриха Ратцеля⁹. В качестве источника, благодаря которому становится возможным говорить о начале формирования биополитической теории как теории политической науки имеет смысл рассматривать сочинения Мишеля Фуко¹⁰. Важной составляющей настоящего диссертационного исследования является анализ линий преемственности и точек расхождения, которые существуют между биополитической теорией Фуко и последующими западноевропейскими концепциями биополитики. Особого внимания заслуживают работы французских авторов, таких как Жиль Делез, Жак Деррида, Жан-Люк Нанси¹¹, а также итальянских авторов, среди которых необходимо выделить Джорджо Агамбена, Роберто Эспозито, Антонио Негри, Карло Галли¹². Важно добавить при этом, что работы итальянских

дифференциация. Социологические и психологические исследования // Избранное. Проблемы социологии. М., СПб., 2015.

⁸ *Челлен Р.* Государство как форма жизни. М., 2008; *Челлен Р.* Политика как наука // О политической науке, ее соотношении с другими отраслями знания и об изучении политического пространства / Полис. 2005. № 2.

⁹ *Ратцель Ф.* Государство как оседлый организм // Ратцель Ф. Политическая география / Личность. Культура. Общество. 2003. Т. 5. Вып. 1-2 (15-16).

¹⁰ *Фуко М.* Рождение биополитики. СПб., 2010; *Фуко М.* Нужно защищать общество. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. СПб., 2005; *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999; *Фуко М.* Рождение биополитики. СПб., 2010; *Фуко М.* Рождение социальной медицины // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2006; *Фуко М.* Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996; *Фуко М.* Власть и знание // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2002. *Фуко М.* Ницше, Генеалогия, История // Философия эпохи постмодерна: Сборник переводов и рефератов. Минск, 1996.

¹¹ *Делез Ж.* Ницше и философия. М., 2003; *Делез Ж.* Post Scriptum к обществам контроля // Переговоры. М., 2004; *Derrida J.* Autoimmunity: real and symbolic suicide: a dialogue with Jacques Derrida. Giovanna Borradori. Philosophy in a time of terror: dialogues with Jurgen Habermas and Jacques Derrida. Chicago, London. 2004; *Деррида Ж.* Разбойники // НЛО. № 2. 2005; *Nancy J.-L.* Viral exception // Viral Intrusions and (other) Friendships. URL: <https://johnpaulricco.com/2020/02/29/viral-intrusions-and-other-friendships/> (accessed: 13.08.2022).

¹² *Агамбен Дж.* Stasis. Гражданская война как политическая парадигма. М., 2021; *Агамбен Дж.* Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М., 2011; *Агамбен Дж.* Homo sacer. Чрезвычайное положение. М., 2011; *Агамбен Дж.* Homo sacer. Что остается после Освенцима. М., 2012; Каким мир станет после пандемии: прогнозы современных философов. Составитель К. Киселева // Журнал «Сноб» URL: <https://snob.ru/entry/191734/>

мыслителей создавались отнюдь не только под влиянием идей Фуко. Огромное значение для названных выше итальянских авторов имели идеи Вальтера Беньямина, Карла Шмитта, Ханны Арендт¹³.

Нельзя не отметить также авторов, на основе сочинений которых можно говорить о биополитике как о современной форме политики. Тематический охват этих сочинений достаточно широк, начиная с работ Жана Бодрийяра и Умберто Эко¹⁴ до общетеоретических рассуждений о современной эпохе как об эпохе беспрецедентных непрекращающихся трансформаций, частью которых является превращение политики в постполитику и/или в биополитику. К числу таких работ относятся тексты Фредерика Джеймисона, Ихаба Хассана, Жана-Франсуа Лиотара, Тимотеуса Вермюлена и Робина ван ден Аккера, Славоя Жижека, Жака Рансьера¹⁵.

(дата обращения: 4.08.2020) (Дж. Агамбен о пандемии); *Agamben G. L'invenzione di un'epidemia* // Quodlibet. 26/02/2020. URL: <https://www.quodlibet.it/giorgio-agamben-l-invenzione-di-un-epidemia> (accessed: 12.08.2022); *Esposito R. Biós: Biopolitics and Philosophy*. Minneapolis. 2008; *Esposito R. Curati a oltranza* // Antinomie. Scritture e immagini. URL: <https://antinomie.it/index.php/2020/02/28/curati-a-oltranza/> (accessed: 13.08.2022). Английский перевод на странице: <https://positionspolitics.org/jean-luc-nancy-responds-to-giorgio-agamben-about-the-coronavirus/>; *Esposito R. Community, immunity, biopolitics*. URL: <https://quod.lib.umich.edu/p/pc/12322227.0003.001?view=text;rgn=main> (accessed: 15.08.2022); *Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи*. М., 2006; *Хардт М., Негри А. Империя*. М., 2004; *Galli C. Political Spaces and Global War*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2010; *Галли К. Национальное государство в глобальную эпоху* // Россия в глобальной политике. 2009. № 5. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/nacziionalnoe-gosudarstvo-v-globalnuyu-epoxyu/> (дата обращения: 27.08.2022).

¹³ *Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения*. М., 2012; *Шмитт К. Номос Земли. О праве народов jus publicum Europaeum*. СПб., 2008; *Шмитт К. Политическая теология*. М., 2000; *Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни*. СПб., 2000; *Арендт Х. Истоки тоталитаризма*. М., 1996; *Арендт Х. О революции*. М., 2011.

¹⁴ *Бодрийяр Ж. Дух терроризма* // Дух терроризма. Войны в заливе не было. М., 2016; *Бодрийяр Ж. Прозрачность зла*. М., 2000; *Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции*. М., 2015; *Эко У. Полный назад*. М., 2007; *Eco U. Travels in Hyperreality*. New York. 1986.

¹⁵ *Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна*. М., 1998; *Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма*. М., 2019; *Hassan I. The Right Promethean Fire: Imagination, Science, and Cultural Change*. Urbana, 1980; *Hassan I. The Postmodern Turn. Essays in Postmodern Theory and Culture*. Ohio. 1987; *Вермюлен Т., ван ден Аккер Р. Заметки о метамодернизме* // Metamodern URL: <http://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism> (дата обращения: 05.10.2022); *Рансьер Ж. Несогласие. Политика и философия*. СПб., 2013; *Жижек С. О насилии*. М., 2010.

Специальное место в осмыслении статуса биополитики в ситуации современности занимает тема нарастающей нестабильности, которая является ключевой характеристикой сегодняшнего мира. В этом смысле следует выделить работы западных авторов, которые интерпретируют современную эпоху как эпоху общества риска – Ульриха Бека, Энтони Гидденса¹⁶. В исследованиях последних двадцати лет, посвященных различным аспектам биополитики, наряду с сохранением тенденции осмысления биополитики как политики эпохи общества риска, обнаруживается очевидное внимание авторов к проблеме пересечений биополитического и биоэтического полей. Прежде всего, это связано с размышлениями о степени технологизации жизни современного человека, развитием биотехнологий, биомедицины, в частности, их влиянием на индивидуальное и коллективное существование. Анализ такого рода проблематики можно обнаружить в текстах Николаса Роуза, Пола Рабиноу¹⁷.

Вместе с тем современные биополитические исследования совсем не обязательно пронизаны биоэтическими идеями. В некотором смысле прямо противоположный подход продемонстрирован в работах, теоретической базой которых выступает классический бихевиорализм. Представители этого направления уверены в эффективности биологического подхода к оценке политики. В своем анализе они опираются на этологические, генетические, физиологические, социобиологические модели и гипотезы. Яркими

¹⁶ Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. М., 2000; Бек У. Жизнь в мировом обществе риска: космополитический поворот // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2012. № 5; Бек У. От индустриального общества к обществу риска // Альманах Thesis. Вып. 5. 1994. С. 161-168; Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб., 2004; Гидденс Э. Последствия современности. М., 2011; Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // Thesis. 1994. Вып. 5.

¹⁷ Rose N. The Politics of Life Itself: Biomedicine, Power, and Subjectivity in the Twenty-First Century. Princeton. 2007; Rose N. The Politics of Life Itself // Theory, Culture & Society. 2001. Vol. 18 (6). P. 1–30. URL: <https://sociology.exeter.ac.uk/media/universityofexeter/collegeofsocialsciencesandinternationalstudies/sociology/research/egenis/The Politics of Life Itself.pdf> (accessed: 06.11.2022); Rabinow P. Artificiality and Enlightenment: From Sociobiology to Biosociality // Jonathan Crary J., Sanford K. Incorporations. New York. 1992; Рабиноу П. Социобиология и биосоциальность // Человек. 2019. Т. 30, № 6. С. 8–26.

представителями этого подхода являются американские исследователи Альберт Сомит и Стивен Петерсон¹⁸.

Корпус западной научной литературы, посвященной исследованию биополитической проблематики, можно условно разделить на исторические источники и источники, в которых содержится анализ различных аспектов биополитики как направления политической науки. К «историкам биополитики» с уверенностью можно отнести Томаса Лемке, Тимоти Кэмпбелла, Адама Ситца¹⁹. Примером второго типа источников могут служить постфукольдианские исследования, посвященные анализу и разработке отдельных аспектов биополитической теории французского мыслителя. Так, биополитика как неолиберальная технология и стратегия проанализирована в работах Митчелла Дина²⁰, а аспекты, которые следует рассматривать в связи с дискурсивной природой биополитики, раскрываются в текстах Нормана Фэркло, Рут Водак и Тёна ван Дейка²¹.

¹⁸ *Peterson S.A., Somit A.* Ed. *Handbook of Biology and Politics*. Cheltenham, Northampton. 2017; *Somit A., Peterson S.* *The Failure of Democratic Nation Building: Ideology Meets Evolution*. N.Y., Hamshire. 2005; *Somit A., Peterson S.* *Darwinism, Dominance, and Democracy: The Biological Bases of Authoritarianism*. Westport. 1997. Нельзя не отметить парадоксальности ситуации, которая складывается в связи с обращением к данному подходу, получившему развитие в 60-е годы XX века в среде западных (как было сказано выше, прежде всего американских) исследователей. Несмотря на исследовательскую и публикационную активность сторонников данного подхода, и даже на то, что в 1985 году в Американской ассоциации политических наук была создана секция под названием «Ассоциация политики и наук о жизни», этот подход на данный момент вызывает очень большие дискуссии. Показательно также и то, что через десять лет после создания «Ассоциация политики и наук о жизни» перестала функционировать в связи с сокращением членства.

¹⁹ *Lemke T.* *Biopolitics: An Advanced Introduction*. N.Y.; L., 2011; *Campbell T., Luisetti F.* *On contemporary French and Italian political philosophy: an interview with Roberto Esposito* // *Minnesota Review*. # 75. 2010. P. 109-118; *Campbell T.* “Bios”, immunity, life: the thought of Roberto Esposito // *Diacritics*. Vol. 36. # 2; *Biopolitics. A Reader*. Ed. by Campbell T. and Sitze A. Durham and London, 2013.

²⁰ *Дин М.* *Правительственность. Власть и правление в современных обществах*. М., 2016.

²¹ *Fairclough N.* *Language and neo-liberalism* // *Discourse & Society*. 2000. 11:147; *Fairclough N.* *Critical discourse analysis and the marketization of public discourse: the universities* // *Discourse and Society*. 1993. Pp. 133-168; *Fairclough N.* *Discourse and Social Change*. Cambridge: Polity Press. 1992; *Fairclough N.* *Text and context: linguistic and intertextual analysis within discourse analysis* // *Discourse and Society*. 1992. 3(2). Pp. 193-217; *Водак Р.* *Критическая лингвистика и критический анализ дискурса* // *Политическая лингвистика*. 2011. № 4 (38). С. 286-291; *Водак Р.* *Язык. Дискурс. Политика*. Волгоград, 1997; *ван Дейк Т.* *Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации*. М., 2013;

В российской научной литературе на настоящий момент нет исследований, которые носили бы комплексный характер и были бы посвящены истории или разработке концептуальных оснований биополитики как направления политической науки. Однако интерес к биополитической проблематике очевиден и в среде российских ученых, о чем свидетельствует рост публикаций на эту тему в последние несколько лет. Безусловно, эта тенденция во многом связана с началом пандемии коронавирусной инфекции COVID-19. Важно отметить при этом, что публикации, в основе которых лежит вопрос о взаимосвязи биологического и политического, отличается разнообразие авторских взглядов на предмет. В этом смысле стоит отметить работы Мчедловой М.М., Казариновой Д.Б., Щипкова А.В., в которых затрагивается проблема неизбежного влияния процессов, связанных с пандемией, на трансформации общественного и политического пространства²².

Репрезентативным примером может также служить коллективная монография под названием «Диспозитив биополитики: власть и свобода. Сравнительный анализ полемических дискурсов», в которой авторы предпринимают попытку размышлять о концептуальном поле биополитики. Специфика этой монографии заключается в том, что реконструкция биополитического дискурса происходит в специфической ситуации – в реалиях пандемии. Вместе с тем нельзя не отметить внимания авторов к проблеме биовласти, которая критически оценивается в контексте «конца биополитической эпохи»²³. При этом следует отметить, что тема смены эпох, специфики настоящего времени, а также последствий происходящего

ван Дейк Т. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989; *van Dijk T. Ideology: A Multidisciplinary Approach. London, 1998; van Dijk T. Ideology and Discourse Analysis // Journal of Political Ideologies 11/2/2006. Pp.115-140 pp.; van Dijk T. Discourse, context and cognition // Discourse Studies. 2006. Vol. 8(1). P. 159–177; van Dijk T. Discourse semantics and ideology // Discourse and Society. 1995. Vol. 6 (2). P. 243-289.*

²² Мчедлова М.М., Казаринова Д.Б. Вызов пандемии COVID-19 и религия: онтология vs политика // Полис. Политические исследования. М., 2021. С. 148-162; Щипков А.В. Философия коронавируса // Международная жизнь. 2021. № 5. С. 12-19.

²³ Диспозитив биополитики: власть и свобода: сравнительный анализ полемических дискурсов: коллективная монография. СПб., 2020.

сегодня для политического существования анализируется отнюдь не только в связи с пандемией, но является чрезвычайно важной для рассмотрения биополитической проблематики. В этом смысле для настоящего исследования было полезно изучение работ Федоровой М.М., Буренко В.И., Соловьева А.И.²⁴.

В несколько иной логике написана монография Попова Д.В. «Биовласть и жизнь: философско-антропологические основания, потенциал и перспективы биополитики», где автор делает акцент на инструментальном управленческом потенциале биополитики²⁵. Биополитика в интерпретации автора представляет собой поле, где с помощью биовласти (наиболее современной формы власти) специфическим образом организована человеческая жизнь. Идеи, изложенные в монографии, позже вошли в диссертационное исследование автора²⁶. В этой связи отметим, что за последние тридцать лет в России в самых разных областях наук было защищено порядка ста диссертаций, проблематика которых так или иначе связана с биополитикой. Чуть более двух десятков диссертационных исследований из этого числа – по политическим наукам. В этом смысле примечательны два обстоятельства: 1) среди диссертаций по теории и истории политической науки нет ни одной, которая была бы посвящена истории развития биополитики как направления политической науки – в

²⁴ Федорова М.М. Суверенитет как политико-философская категория Современности // Философский журнал. 2009. № 1 (2). С. 154-164; Федорова М.М. Историческое сознание модерна и политическая проективность // Полилог. Т. 5. 2021. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110015839-4-1/> (дата обращения: 25.12.2022); Федорова М.М. Современность: подходы и проблематизация // Полилог. № 2. Т. 4. 2020 URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110011020-4-1/> (дата обращения: 25.12.2022); Буренко В.И. Управление и политика в эпоху постмодернизма // Вестник национального института бизнеса. 2018. № 32. С. 18-26; Соловьев А.И. Политическое «разрушение» государственности или «Ноев ковчег» постсовременности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 50. С. 200-209; Соловьев А.И. Гражданин в потоках цифровизации: коллизия политики и культуры // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 216-230.

²⁵ Попов Д.В. «Биовласть и жизнь: философско-антропологические основания, потенциал и перспективы биополитики». Омск. 2021.

²⁶ Попов Д.В. Управление жизнью: философско-антропологические основания, потенциал и перспективы биополитики: дис. ... докт. филос. наук: 5.7.8. Омск, 2023. 388 с.

фокусе внимания исследователей находятся лишь отдельные аспекты развития концепции биополитики²⁷; 2) анализ этих аспектов, как правило, строится на довольно ограниченном спектре теорий. В частности, авторы принимают подход А. Сомита и С. Петерсона и исследуют биополитику, ее перспективы как часть политического процесса, опираясь на бихевиоралистские принципы, которые, в свою очередь, фундируются различными биологическими предпосылками²⁸. При этом в диссертациях по политическим наукам, защищенным после 1998 г., практически всегда присутствуют ссылки на работы А.В. Олескина, доктора биологических наук, профессора биологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова²⁹.

Действительно, в работах Олескина развиваются идеи, благодаря которым можно отследить концептуализацию одного из направлений биополитики как поля социальных наук, большое внимание автор при этом уделяет вопросам истории становления биополитики. В этих, безусловно значимых для разработки биополитической проблематики, текстах очевидным является естественно-научный акцент, а связь между биологией и политологией просматривается во многом через «новый бихевиорализм».

²⁷ См., например, *Русаков С.С.* Эволюция стратегий анализа власти в политической философии Мишеля Фуко: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01. СПб., 2017. 235 с.; *Шилов А.С.* Становление экополитологии как науки: генезис, методология, перспективы развития: дис. ... докт. полит. наук: 23.00.01. М., 2005. 394 с.; *Жукова И.В.* Становление левого антитоталитаризма: франкоязычная критика сталинской системы в 1930-1940-е г.: дис. ... канд. ист. наук: 23.00.01. Екатеринбург, 1999. 182 с. и др.

²⁸ *Косов Г.В.* Экологическая составляющая политического процесса: дис. ... докт. полит. наук: 23.00.02. Ставрополь, 2005. 337 с.; *Матвеева Е.В.* Межуровневые взаимодействия в общественной, государственной и мировой экологической политике: дис. ... докт. полит. наук: 23.00.02. Саратов, 2012. 413 с.; *Богущка М.* Традиционное и человеческое измерения национальной безопасности: сравнительный анализ концептуальных моделей Польши и России: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2014. 232 с.; *Соловьева Е.С.* Мирополитическое измерение права на жизнь в глобализирующемся мире: дис. ... кандидата полит. наук: 23.00.04. СПб., 2012. 163 с.; *Фокин К.В.* Способы институционализации политического авторитета: эволюционный подход: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2022. 172 с. и др.

²⁹ *Олескин А.В.* Социокультурная роль современной биологии и ее отражение в биополитике: историко-научный анализ: дис. ... докт. биол. наук: 07.00.10. М., 2002. 284 с.; *Олескин А.В.* Биополитика и ее приложимость к социальным технологиям // Вопросы философии. № 7. 1995. С. 76-88; *Олескин А.В.* Сетевые структуры с точки зрения биополитики // Полис. Политические исследования. № 1. 1998. С. 68-86.

Представляется, однако, что рассмотрение биополитики как поля политической науки невозможно без обращения к политико-философским основаниям. В этом смысле представляют интерес исследования таких отечественных авторов, как Сидякина Н.А., Макина В.А., Соловей И.В., Яркеев А.В.³⁰. В диссертационных работах этих авторов проводится анализ философско-методологических и социальных оснований биополитики, рассматриваются институциональные аспекты становления биополитики как области социальной и политической философии. Учитывая новизну объекта, стоит отметить, что названные авторы в своих исследованиях опираются на программные работы ведущих российских специалистов в области политической науки, среди которых стоит особо отметить тексты Алексеевой Т.А. и Коваленко В.И.³¹.

Настоящее диссертационное исследование не могло бы состояться без обращения к текстам российских ученых, изучающих темы, осмысление которых позволяет провести необходимые линии демаркации в определении биополитики как направления политической науки. В этом смысле важно отметить работы Шутова А.Ю., Ширинянца А.А., Гуторова В.А., Перевезенцева С.В., посвященные анализу проблематики, в рамках которой

³⁰ Сидякина Н.А. Философско-методологические основания биополитики: автореферат дис. ... канд. философск. наук: 09.00.01. М., 1991. 24 с.; Макина В.А. Социально-философские основания биополитики: дис. ... канд. философск. наук: 09.00.11. Волгоград, 2000. 143 с.; Соловей И.В. Философские смыслы поля политики: дис. ... докт. философск. наук: 09.00.11. Ижевск, 2012. 271 с.; Яркеев А.В. Онтологические основания зла в современном обществе: философско-герменевтический аспект: дис. ... докт. философск. наук: 09.00.11. Ижевск, 2019.

³¹ Алексеева Т.А. Современные политические теории. М., 2000; Алексеева Т. А. Методологические вопросы политической философии // Полития. 2004. № 3. С. 130-169; Алексеева Т. А. Политическая философия как «практичное» знание // Полис. Политические исследования. 2010. № 1. С. 54-60; Коваленко В.И. О возможностях новых измерений предметного поля политической науки // Политическая наука и политологическое образование в России: основные вехи, проблемы, перспективы (к 30-летию образования отделения политологии в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова). Материалы всероссийской научной конференции. М., 2022. С. 6-27.

поднимаются вопросы национальной идентичности в эпоху беспрецедентных геополитических, цивилизационных, социально-экономических вызовов³².

При анализе российской исследовательской литературы нельзя не отметить того факта, что к ряду наиболее разработанных проблем относятся те, которые находятся на пересечении биополитического и биоэтического полей. Поэтому невозможно не упомянуть в качестве отдельного блока историографии работы Б.Г. Юдина, П.Д. Тищенко, О.В. Поповой, Е.В. Брызгалиной, С.А. Хмелевской в области собственно биоэтики, социально-гуманитарной экспертизы и регулирования биотехнологий³³. Нужно также отметить исследования, связанные с осмыслением влияния биотехнологий на человеческую повседневность, а также этическими оценками биотехнологических преобразований человека. Это работы И.А. Асеевой, В.Г. Буданова, В.Г. Горохова, И.В. Мелик-Гайказян³⁴.

³² Гуторов В.А., Шириняц А.А., Шутков А.Ю. О проблеме межцивилизационных отношений России и зарубежной Европы в начале XXI века // Балтийский регион. Т. 10. 2018. № 4. С. 132-141; Гуторов В.А., Шириняц А.А. О новом «историческом прочтении» либеральной традиции // Диалог со временем. 2021. № 74. С. 398-406; Перевезенцев С.В. Историческое сознание: опыт типологизации // Тетради по консерватизму. 2017. № 3. С. 11-21.

³³ Тищенко П.Д. Биотехнологическое улучшение человека в эпоху консьюмеризма // Рабочие тетради по биоэтике. Выпуск 23. Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения» человека: сб. науч. ст. / под ред. Б. Г. Юдина. М., 2016. С. 12-38; Юдин Б.Г. Биополитика улучшения человека // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 20: Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения» человека: сб. науч. ст. / под ред. Б.Г. Юдина. М., 2015. С. 91–104; Попова О.В. Биотехнологическое конструирование детства: от патологии к усовершенствованию // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 20: Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения» человека: сб. науч. ст. / под ред. Б.Г. Юдина. М., 2015. С.114 – 132; Брызгалина Е.В. Биоэтика пандемии: абрис проблемного поля // Человек. Том 31, № 4. 2020. С. 41-56; Хмелевская С.А. Регенеративная медицина – путь к биологическому бессмертию человека? // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. № 2. 2019. С. 38-54.

³⁴ Асеева И.А. Философские и биоэтические аспекты развития новых конвергентных технологий как фактора трансформации среды обитания человека // Философия науки. 2016. № 2. С. 85-96.; Буданов В.Г. Парадигма сложности и социогуманитарные проекции конвергентных технологий // Вопросы философии. 2016. № 1. С. 59-70. Горохов В.Г. Эволюция инженерии: от простоты к сложности. М., 2015; Мелик-Гайказян И.В. Диагностика моделей биоэтики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 45. С. 75-82. Горбулёва М.С., Мелик-Гайказян И.В., Мещерякова Т.В. Меч и скальпель: семиотическая диагностика трансформаций властных взаимоотношений как культурных детерминаций основных принципов биоэтики. Томск, 2013.

Проведенный анализ научной литературы показывает, что, несмотря на очевидный интерес к биополитике в самых разных научных областях, на настоящий момент не существует исследований, в которых специфицируются границы биополитики как направления политической науки, создается комплексное представление об этом феномене в политологическом поле. Данное обстоятельство обусловило выбор объекта и предмета, постановку цели и задач диссертационного исследования.

Объектом исследования является биополитика как направление политической науки. **Предметом** выступают концепции и подходы к рассмотрению биополитики, представленные в западной политической науке второй половины XX – первой четверти XXI вв.

Целью работы является определение и систематизация концептуальных основ и характеристик биополитики как самостоятельного направления политической науки на основе анализа западных политико-философских исследований второй половины XX – первой четверти XXI вв.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- выявить роль органицизма и социал-дарвинизма в истории становления биополитики;
- определить теоретические положения философии жизни, оказавшие существенное влияние на формирование современной биополитической проблематики;
- выявить ключевые политико-географические концепции, значимые для становления понятийного аппарата биополитики;
- определить специфику биополитического подхода к осмыслению политики в работах Мишеля Фуко, показать значение данного подхода для последующего развития биополитической проблематики;
- охарактеризовать методологический инструментарий, используемый в современных биополитических исследованиях;

- показать специфику биополитического подхода к анализу институтов западного общества на материале исследований западных авторов второй половины XX – первой четверти XXI вв.;
- выявить особенности интерпретации биополитики как совокупности технологий политизации жизни;
- эксплицировать семантику ключевых концептов, входящих в современное проблемное поле биополитики, уточнить содержательное наполнение базовых биополитических понятий;
- определить способы и результаты включения традиционных понятий политической науки в область биополитики;
- показать особенности биополитического подхода к осмыслению мира в эпоху современности;
- дать системную характеристику проблемного поля биополитики, его границ и структуры;
- показать стратегии и перспективы развития биополитики как направления политической науки.

Теоретико-методологические основания исследования. Для решения поставленных задач в исследовании используются методы перспективного и ретроспективного анализа, позволяющие, с одной стороны, реконструировать исторические векторы развития проблемного поля биополитики, уточнить и конкретизировать специфику биополитических моделей на различных исторических этапах, выявить влияющие на них политические, социально-экономические, этические и другие факторы; с другой стороны, – определить возможные тенденции развития концепции биополитики в современной политической науке. В совокупности с компаративным подходом это позволяет провести сопоставление биополитических концепций по различным основаниям и выработать аргументированную позицию в вопросе о взаимосвязях и взаимовлияниях в становлении и развертывании биополитической проблематики в рамках современной политической науки.

Одним из ключевых методов диссертационного исследования является метод критического дискурс-анализа, который позволяет выделять биополитические компоненты в тех нарративах взаимодействия власти и общества, которые предложены современной политической наукой.

Можно отметить также важность применения семиотического метода как подхода «встроенного» в дискурс-анализ. С одной стороны, он дает возможность говорить о биополитике как о семиотическом феномене, с другой, – позволяет раскрывать специфику биополитики через исследование семиотических данных (письменных и устных текстов, визуальных образов самого разного порядка).

Сочетание контент-анализа с концептологическим подходом дает возможность выявить и исследовать коммуникативно-значимые единицы в исследованиях, посвященных биополитической проблематике в западной политической науке. Контент-анализ в настоящем диссертационном исследовании связан с изучением текстового материала в формальном и количественном аспектах, концептологический анализ, в свою очередь, позволяет изучать понятийный аппарат теоретического поля биополитики, базовые биополитические понятия в их взаимосвязи и взаимозависимости. Сочетание данных подходов позволяет не только составить актуальный «словарь» биополитики, но и дать качественный анализ входящих в него концептов и описание их связи, в том числе, описать их семантическое поле и выявить смысловые нюансы. В диссертации эти задачи реализуются с опорой на анализ практики употребления важнейших биополитических концептов и вариантов интерпретаций в современной политической науке.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- впервые проведен системный сравнительный анализ биополитических концепций, представленных в ряде новейших западных исследований;

- доказано, что основу современных биополитических концепций составляют фактически противопоставленные друг другу в идейном отношении ключевые положения избранных органицистских, социал-дарвинистских теорий и философии жизни;
- определена значимость корреляции биополитики и политической географии, а также роль этой корреляции для развития биополитики как направления политической науки во второй половине XX века;
- установлены теоретико-методологические основания биополитического подхода к анализу политики, выделена его специфика, заключающаяся в том, что биополитика, с одной стороны, воспринимается как политическая стратегия, целью приложения которой является население (максимизация контроля над процессами жизнедеятельности населения), с другой, – биополитика предстает некоторой новой формой политики, основу которой составляет биовласть;
- доказано, что особую методологическую значимость для биополитики как направления политической науки имеет дискурс-анализ;
- на основании впервые проанализированных иностранных источников выделены категории, являющиеся ключевыми для описания проблематики биополитики как направления политической науки;
- доказано, что основные праксиологические аспекты биополитики выявляются при анализе тем демократии, глобализации, войны;

- выявлено, что продуктивной стратегией развития биополитического подхода является включение в него элементов биоэтического анализа;
- определены перспективы и стратегии развития биополитических исследований в области современной политической науки, в том числе в контексте задач социально-гуманитарной экспертизы.

Положения, выносимые на защиту:

1) В качестве источников развития биополитики как направления политической науки рассматриваются органицистские и социал-дарвинистские теории. Ключевые положения этих теорий, связанные, прежде всего, с биологизмом как принципом всеобщего развития, с конфликтной природой политических взаимодействий, с борьбой за существование как основанием политического действия, послужили основанием для развития отдельных биополитических концепций.

2) Философия жизни противопоставляется органицизму и социал-дарвинизму в понимании проблемы «природа и общество», однако ряд ключевых идей, возникших в рамках этого направления, наряду с органицистскими и социал-дарвинистскими идеями, составляет основу современных биополитических исследований.

3) Стимулом для развития биополитических концепций второй половины XX – первой четверти XXI века следует считать идеи о жизненном пространстве как пространстве политического, о государстве, возникновению и развитию которого способствуют биологические, географические и антропологические факторы.

4) В диссертации показано, что биополитический подход, основы которого были заложены в теории Мишеля Фуко, носит амбивалентный характер: с одной стороны, существует некоторый набор методологических принципов, которые использует большинство теоретиков, работающих с биополитической проблематикой, с другой стороны, отсутствует единая

парадигмальная установка, которая позволила бы говорить о биополитическом подходе как о некоторой полностью сформированной методологии.

5) Специфика методологического инструментария биополитики предполагает особое внимание к критическому дискурс-анализу. «Дискурс» как одно из ключевых понятий, разрабатываемых представителями биополитического направления, определяет особую методологическую значимость критического дискурс-анализа для биополитики как направления политической науки.

6) К числу ключевых особенностей применения биополитического подхода к анализу институтов западного общества относится введение понятия неолиберализма. Неолиберализм интерпретируется не только как идеология в традиционном представлении политической науки, но как некоторый биополитический порядок. С этих позиций в современных биополитических исследованиях характеризуются ключевые политические процессы и институты.

7) Процессы политизации жизни, описанные в работах ряда западных мыслителей, позволяют выделить основные особенности биополитики как совокупности политических технологий. В качестве наиболее релевантного примера для анализа выбрана теория Джорджо Агамбена, который, испытывая очевидное идейное влияние Карла Шмитта, Вальтера Беньямина, Ханны Арендт, Мишеля Фуко, последовательно раскрывает понятие «политизации жизни», определяет специфику биовласти, биополитического контроля.

8) В современных западных биополитических исследованиях представлен корпус лексики, которая служит для описания новой (био)политической картины мира («биополитический режим», «аффирмативная политика», «иммунизация социального тела», «аутоиммунизация»), что свидетельствует о становлении специфического словаря биополитики.

9) Понятийный аппарат биополитики трансформируется в связи с осмыслением новых принципов политического управления. Традиционные понятия, в частности, «война» и «выживание», переосмысливаются, обретая новые биополитические смыслы.

10) Методологический потенциал биополитики раскрывается в проблемном поле, связанном с осмыслением современности. В частности, биополитический подход к анализу политической реальности может рассматриваться как попытка преодоления постмодернистских установок, в рамках которых невозможна постановка политических целей.

11) Подвижность границ проблемного поля биополитики позволяет говорить о возможности реагировать на вызовы современности, которые одновременно влияют как на индивидуальное, так и на коллективное существование. Так, определяющими для формирования поля биополитики становятся проблемы, связанные с идентификацией, (био)технологизацией, биобезопасностью.

12) В противовес распространенной в западной исследовательской литературе точке зрения, согласно которой биополитический и биоэтический подходы противопоставляются, в диссертации обосновывается целесообразность рассмотрения биоэтического анализа (и прежде всего активно развивающегося сегодня направления социально-гуманитарной экспертизы) в качестве неотъемлемой части биополитики.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Настоящее диссертационное исследование, с одной стороны, дополняет теоретические представления о биополитике, существующие в российской политической науке в настоящее время. С другой стороны, учитывая динамичность развития биополитики как области политического знания, позволяет наметить направления дальнейших биополитических исследований, открывает возможности последующего уточнения и концептуализации понятий, а также разработки ключевых проблем биополитики с учетом изменения теоретического контекста.

Следует отметить также ценность диссертационного исследования для практик политического анализа, политического прогнозирования и принятия решений. Ряд теоретико-концептуальных подходов (в частности, рассмотрение дискурс-анализа и социально-гуманитарной экспертизы как обязательных составляющих биополитического анализа), предложенных в рамках настоящего исследования, может быть использован в сфере политического управления с целью минимизации биополитических рисков.

Результаты исследования могут быть использованы: при дальнейшей разработке биополитики как направления политической науки; в преподавательской деятельности при создании курсов для слушателей высших учебных заведений, специализирующихся в соответствующих областях; в сфере политического анализа и прогнозирования в рамках создания инновационных управленческих стратегий.

Апробация результатов работы. Результаты исследования прошли апробацию в ходе более 20 международных и всероссийских конференций, семинаров, круглых столов, среди которых наиболее важными являются: Международная научная конференция «Мишель Фуко: субъект настоящего. К 90-летию со дня рождения М. Фуко (1926-1984)», Москва, 28-29 октября, 2016 г.; Вторая ежегодная научно-практическая конференция «Социально-экономическая эффективность управления общественным здоровьем: философско-методологические основания», Москва, 23-24 апреля, 2018 г.; Международная конференция XVII Панаринские чтения «Россия и Европа: общая судьба и альтернативные проекты цивилизационного развития», Москва, 13 ноября, 2019 г.; Международная конференция XVIII Панаринские чтения «Глобальные угрозы и солидарность цивилизаций», Москва, 26 декабря, 2020 г.; XIII Международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы. Этика как наука и профессия». Санкт-Петербург, 18-20 ноября, 2021 г.; Международная конференция «Идентичность в контексте социокультурных трансформаций: образование, религия, культура», Москва, 24 ноября, 2022 г.

Основные идеи и положения диссертационной работы изложены в 25 научных публикациях автора общим объемом 37 п.л., в том числе 12 (объемом 3 п.л.) в рецензируемых изданиях, индексируемых в международных базах Web of Science, Scopus, RSCI и входящих в ядро РИНЦ, 6 (объемом 2 п.л.) в рецензируемых научных изданиях из Дополнительного списка рецензируемых научных изданий из перечня, рекомендованного Минобрнауки России, в котором могут быть опубликованы научные результаты диссертации, который был утвержден решением Ученого совета МГУ 18 апреля 2022 года, 7 (объемом 3 п.л.) в других научных изданиях, а также в монографиях автора «Биополитика от Спенсера до Эспозито: ключевые концепции и подходы»³⁵, «Теоретические и методологические основания анализа политической власти во французском постмодернизме (вторая половина XX – начало XXI века)»³⁶, «Биобанкинг: социально-гуманитарные аспекты» (в соавторстве)³⁷, в учебном пособии для студентов ВУЗов «Биополитика в современной западной политической философии»³⁸ (объемом 29 п.л.).

Часть результатов была получена в ходе реализации проекта «Научные основы создания Национального банка-депозитария живых систем» (руководитель – ректор МГУ имени М.В. Ломоносова, академик РАН Садовничий В.А.).

Диссертация была обсуждена на заседании кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова 07.02.2023 и рекомендована к защите.

³⁵ Аласания К.Ю. Биополитика от Спенсера до Эспозито: ключевые концепции и подходы. М., 2023.

³⁶ Аласания К.Ю. Теоретические и методологические основания анализа политической власти во французском постмодернизме (вторая половина XX – начало XXI века). М., 2010.

³⁷ Брызгалова Е.В., Аласания К.Ю., Вархотов Т.А., Гавриленко С.М., Рыжов А.Л., Шкомова Е.М. Биобанкинг: социально-гуманитарные аспекты. М., 2018.

³⁸ Аласания К.Ю. Биополитика в современной западной политической философии. М., 2021.

Структура диссертационного исследования: работа состоит из введения, четырех глав, по три параграфа каждая, заключения, списка литературы. Общий объем диссертации составляет 413 страниц, список литературы насчитывает 466 наименований.

Глава 1. Истоки формирования концепции биополитики в западной политической мысли второй половины XIX – начала XX в.³⁹

1.1. Органицизм и социал-дарвинизм: корреляции и противоречия в истории становления биополитики⁴⁰

Термин «биополитика» является относительно новым в политологическом дискурсе. По замечанию известного немецкого социолога и политического исследователя Томаса Лемке, автора работы «Биополитика: Расширенное введение», «понятие биополитики несколько лет назад было известно лишь ограниченному кругу специалистов, а сегодня оно используется в дискурсе разных наук. Более того, само слово вызывает интерес и у широкой публики»⁴¹. Сегодня интерес как ученых, так и обывателей к биополитике, несомненно, возрос в связи с пандемией COVID-19. В сущности, мы оказываемся свидетелями беспрецедентной ситуации, когда повседневность (бытовые условия) заставляют задумываться о феномене, который в определенный момент был назван «биополитикой». Слово это стало в определенном смысле модным или, как минимум, достаточно часто употребляемым в общественном дискурсе. Парадокс состоит в том, что именно в этой «моде на биополитику», очевидно, заключается одна из теоретических и методологических проблем. Мода (в том смысле, в котором об этом явлении рассуждал французский философ Ролан Барт⁴²), с одной стороны, демонстрирует несомненную актуальность проблематики и необходимость ее обсуждения, но, с другой, – в значительной степени затрудняет не только понимание смысла термина, но и

³⁹ При написании настоящей главы диссертации использованы результаты научной работы, выполненной автором лично и опубликованной ранее: *Аласания К.Ю.* Биополитика от Спенсера до Эспозито: ключевые концепции и подходы. М., 2023.

⁴⁰ При написании данного параграфа диссертации использованы результаты научной работы, выполненной автором лично и опубликованной ранее: *Аласания К.Ю.* «Биополитика»: интерпретации и смыслы в современном социально-политическом знании // *Каспийский регион: политика, экономика, культура.* № 1 (62). 2020. С. 60-65.

⁴¹ *Lemke T.* Biopolitics: An advanced introduction. New York, London, 2011. P. 2.

⁴² *Барт Р.* Система моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003.

вызывает трудности с очерчиванием концептуального поля биополитики как области политической науки.

Первым шагом к пониманию того, что такое биополитика в политической науке, кажется обращение к этимологии слова, состоящего из двух корней греческого происхождения. Значение первого корня, на первый взгляд, можно интерпретировать вполне однозначно: *bios* – жизнь. С учетом же поставленной задачи (определить рамки биополитики как поля политической науки), никак нельзя не упомянуть рассуждения одного из авторов, чьи работы называют в качестве основополагающих для разработки биополитической проблематики в области политической науки, Джорджо Агамбена.

У древних греков, помимо слова *bios*, было второе – *zoe*, которым они также обозначали «жизнь»⁴³. Здесь, по Агамбену, кроется первая сложность. *Zoe* – это жизнь вообще. Жизнь, которую проживают звери, люди, боги. А вот *bios* – слово, служащее для обозначения *правильного* способа или формы жизни индивида или группы⁴⁴. Агамбен обращает внимание на канонический для западной философской традиции отрывок из «Политики» Аристотеля о цели существования государства, где противопоставляется природная жизнь жизни в политическом измерении («возникшее ради потребностей жизни, но существующее ради достижения благой жизни»⁴⁵). Второй корень, входящий в состав слова «биополитика», обозначает то место, где происходит это взаимодействие жизней (*polis* – город, государство), или же качество взаимодействия живущих (*politikos* – гражданский, государственный, общественный).

Стоит сказать, что интерпретации биополитики, которые дает итальянский философ, исходя из этимологии слова и опираясь на аристотелевскую концепцию находят продолжение и в западной и в

⁴³ Агамбен Дж. Суверенная власть и голая жизнь. М., 2011. С. 7.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С. 14.

отечественной исследовательской литературе. В наиболее радикальных вариантах понятие политического у древнегреческих философов (Платон и Аристотель) трактуется в биополитическом ключе. Так российский исследователь А.В. Яркеев идет в своих рассуждениях много дальше Агамбена⁴⁶ и говорит о том, что «отделяя полис (polis) от ойкоса (oikos), государство от семьи, Аристотель тем не менее начинает рассуждать о государстве как о большом домохозяйстве, призванном обеспечивать поддержание и воспроизводство (биологической) жизни как необходимой предпосылки достижения жизни благой. И тут на первый план выходят такие вопросы, как регулирование численности и качества населения, миграционная политика, территориальное устройство, организация городского пространства, безопасность государства, здоровье, воспитание детей, экономическое процветание (обо всем этом весьма подробно говорится в седьмой и восьмой частях «Политики»)»⁴⁷. Действительно, процветание полиса, а значит, и достижение основной цели политики невозможно без учета всех перечисленных выше компонентов. Надо сказать также, что именно безопасность населения, организация территории, здоровье граждан – это составляющие, которые войдут в «биополитическую формулу» Фуко⁴⁸.

Вообще, если перед исследователем стоит задача найти в текстах Аристотеля то, что по прошествии нескольких тысячелетий станут называть биополитикой, то достаточно вспомнить о первом условии для обеспечения существования государства. А это, как известно, по Аристотелю, совокупность граждан. Одним из важнейших в этой связи для философа является вопрос о том, «как велико должно быть их количество, какие они должны иметь природные качества, точно так же какого размера должна

⁴⁶ Яркеев А.В. Древнегреческие истоки современной биополитики // Полития. № 2 (97). 2020. С. 7-21.

⁴⁷ Там же. С. 11.

⁴⁸ Об этом подробнее см. в параграфе 2.1. второй главы настоящего исследования.

быть территория и каковы должны быть ее свойства»⁴⁹. Такого рода положение влечет за собой рассуждения, которые опять же через много сотен лет получают название евгенических⁵⁰. Эту особенность отмечают исследователи, которые обращаются к древнегреческим истокам биополитики как направления политической науки⁵¹.

Действительно, ряд метафор, которые использует Аристотель, и собственно постулатов, которые с их помощью сформулированы, в полной мере подходят под определение евгенических. Начнем с того, что «физические свойства рождаемых детей» должны соответствовать «предначертаниям законодателя»⁵², а законодателю «следует позаботиться о брачном соединении — именно когда и обладая какими свойствами люди должны вступать в брачное сожителство. Следует устанавливать законы относительно этого соединения, имея в виду самих вступающих в брак и их возраст; они должны подходить друг другу по возрасту, и их потенция должна быть одинаковой»⁵³. Рассматривая политику как ремесло, Аристотель поясняет, что, подобно ткачу, ремесленнику или кораблестроителю, государственный деятель должен иметь в своем распоряжении «соответствующий и пригодный материал»⁵⁴, чтобы использовать его во благо государства. Стоит отметить также, что рекомендации по улучшению качества «материала» в седьмой книге «Политики» Аристотеля изложены последовательно и подробно⁵⁵. На эту особенность обращает внимание А.В. Яркеев, замечая, что подобные рассуждения лягут в основу того, что во второй половине XX века М. Фуко назовет «изнанкой» биополитики или

⁴⁹ Аристотель. Политика. М., 2010. С. 370.

⁵⁰ В данном случае термин «евгеника» и производные от него используются в отношении текстов Аристотеля с большой степенью условности.

⁵¹ См., например, *Ojakangas M.* Biopolitics in the political thought of classical Greece. URL: https://www.academia.edu/35763736/Biopolitics_in_the_Political_Thought_of_Classical_Greece (дата обращения: 10. 07.2022).

⁵² Аристотель. Политика. М., 2010. С. 523.

⁵³ Там же. С. 522.

⁵⁴ Там же. С. 370.

⁵⁵ Там же. С. 524-528.

«танатополитикой» («политикой смерти»). Дело все в том, что идеи об улучшении качества жизни населения в первоначальном варианте (в сочинениях Аристотеля, в частности) неизбежно сопряжены с постановкой вопроса о смерти. В более радикальном варианте – с решением данного вопроса на государственном или, как пишет Аристотель, на законодательном уровне.

Здесь необходимо вернуться к замечанию о том, что говорить о евгенике (и в связи с этим о биополитическом подходе) в текстах Аристотеля необходимо, осознавая, как минимум, условность терминологии. По замечанию Ю.В. Хен, «идея усовершенствования человека, составляющая основу всякого проекта переустройства государства на евгенической основе, уходит своими корнями в такую седую древность, когда не существовало не только генетики, но и государства в его современном понимании»⁵⁶. В этом состоит важная особенность в исследовании основ биополитики в части, связанной с ее евгеническими составляющими. Аристотелевские рекомендации по совершенствованию человеческого рода, конечно, подчинены идее создания наилучшего государства. Однако чрезвычайно важно понимать, что античные представления как о сущности, так и об устройстве государства принципиально отличны от современных.

О важнейшем отличии говорит и Агамбен, анализируя все те же тексты Аристотеля: «в античном мире простая природная жизнь исключена из *polis* как такового и в качестве жизни чисто репродуктивной четко ограничена пространством *oikos*»⁵⁷. Агамбен поясняет, что под словом «*oikos*» Аристотель подразумевает не просто дом или жилище, но частное пространство. «Таким образом, – заключает Агамбен, – природная жизнь исключена из области общественного и заключена в рамки частного»⁵⁸.

⁵⁶ Хен Ю.В. Цели и средства евгеники (этический и естественно-научный статус дисциплины) // *Философия науки*. Вып. 11: Этнос науки на рубеже веков. М., 2005. С. 243.

⁵⁷ Агамбен Дж. Суверенная власть и голая жизнь. М., 2011. С. 8.

⁵⁸ Там же.

Человек политический – человек, живущий в полисе, но не обретший в полисе жизнь. Жизнь человека начинается в пространстве семьи, но проходит в пространстве полиса. Эти пространства различаются и сущностно и функционально. «Единственная забота полиса (политики) — достижение благой жизни, что, кстати говоря, подразумевает и устранение любого зла, а худшее из зол — это смерть ... Смерть естественна для ойкоса, где естественным образом возникает жизнь, для полиса (политики) же она самый настоящий “скандал”»⁵⁹. Это замечание подтверждает одну из ключевых установок аристотелевских рассуждений об устройстве государства: *oikos* и *polis* составляют единое целое, но разделяются функционально («то, из чего составляется единство, заключает в себе различие по качеству»⁶⁰). Здесь открывается аспект в политической философии Аристотеля, благодаря которому, с одной стороны, можно понять специфику античного понимания политического, а, с другой, – говорить о том, что именно в сочинениях античных философов появляются предпосылки к еще одному направлению в трактовке биополитики.

Единство, основой которого является властвующее начало, о котором говорит Аристотель, есть не только принцип существования государства, но и мира вообще: «И во всем, что, будучи составлено из нескольких частей, непрерывно связанных одна с другой или разъединенных, составляет единое целое, сказывается властвующее начало и начало подчиненное. Это общий закон природы, и, как таковому, ему подчинены одушевленные существа»⁶¹.

По словам А. Ф. Лосева и А. А. Тахо-Годи, «продвигаясь и углубляясь дальше в области учения о целостности у Аристотеля, мы наталкиваемся на одно явление, которое хотя и выражено у Аристотеля в терминологическом отношении не всегда достаточно отчетливо, тем не менее окрашивает всю

⁵⁹ Яркеев А.В. Древнегреческие истоки современной биополитики // Полития. № 2 (97). 2020. С. 13.

⁶⁰ Аристотель. Политика. М., 2010. С.81.

⁶¹ Там же. С. 37.

его философию весьма специфически, настолько, что оно может считаться одной из самых центральных категорий аристотелизма и притом не только в натурфилософии (т. е. философии природы), как это может показаться с первого взгляда, но и решительно во всем мировоззрении Аристотеля»⁶². Любой объект в понимании Аристотеля по сути есть целостность, части которой взаимодополняют друг друга и в своем взаимодействии способствуют жизни целого. Разумеется, рассуждения о государстве как о природном организме полностью соответствуют этой позиции. Но в то же время в каждой из частей организма отражены черты целостности, что и определяет его принципиальную неделимость. «Организм есть такая целостность вещи, когда имеется одна или несколько таких частей, в которых целостность присутствует субстанциально. Такою целостностью как раз и является для Аристотеля и всякая отдельная вещь, и всякое отдельное живое существо, и всякая отдельная историческая эпоха, и, наконец, весь мир в целом»⁶³. И к этому стоит добавить также, что именно аристотелевский Космос отличается физической связанностью, которая определяет иерархическую упорядоченность целого.

Еще раз при этом следует обратить внимание на то, что для аристотелевского понимания Космоса важнейшим компонентом оказывается *bios*. Именно эта, органическая, жизненная составляющая отличает Космос Аристотеля от Космоса ученых Нового и Новейшего времени. Об этом очень точно пишет Г.Ю. Канарш: «Аристотель исходит из качественного представления о мироздании, в то время как для современного взгляда Космос есть пустоеместилище для случайно оказавшихся в нем (и не связанных друг с другом) вещей. Очевидный момент состоит в том, что Аристотель воспринимал реальный мир как Органический космос, т. е. — как универсальный Биокосмос... В этом подходе понятие «Био» главным образом означает Биоуниверсальность, т. е. основоположенность всех

⁶² Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А. Платон. Аристотель. М., 2005. С. 304.

⁶³ Там же. С. 305-306.

процессов жизни на Земле на общих законах — единых реалистических принципах, универсальных для всех уровней и процессов организации жизни: биологического, экологического, антропологического и личностного, социокультурного и космистского (глобальных эволюционных процессов)»⁶⁴.

При всей метафизичности, которой естественным образом пронизана античная мысль и учение Аристотеля, в частности, трудно не обратить внимания на то, что идеи, о которых шла речь выше получают продолжение в различных вариантах. Идея космического органического всеединства будет прослеживаться в рамках разработки одного из самых современных направлений западных исследований, которое можно охарактеризовать как экологическое направление биополитики.

Разумеется, важным этапом в формировании этого направления был русский космизм. Без исследований К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского, А.Л. Чижевского, Н.Н. Моисеева, думается, сама проблематизация этого направления биополитических исследований была бы невозможна. Причем речь идет не только и не столько о философских концепциях, подобных концепции экософии у Феликса Гваттари⁶⁵, концепции темной экологии Тимоти Мортон⁶⁶ или «общего мира» Бруно Латура⁶⁷, но о повестке, которая составляет теоретическую основу деятельности такой организации, как Римский клуб⁶⁸.

⁶⁴ Канарин Г.Ю. Идея органицизма в современных исследованиях человека и общества // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 2. С. 53.

⁶⁵ Guattari F. The three ecologies. London and New Brunswick. 2000. URL: https://monoskop.org/images/4/44/Guattari_Felix_The_Three_Ecologies.pdf (accessed: 28.12.2021).

⁶⁶ Мортон Т. Статья экологичным. М., 2018.

⁶⁷ Латур Б. Политики природы. М., 2018.

⁶⁸ Важно отметить, что сама идея создания Римского клуба, принадлежащая итальянскому предпринимателю и экономисту Аурелио Печчеи, заключается в том, чтобы обратить внимание общественности на глобальные проблемы, и, что более важно, на необходимость их решения. Каждый из докладов клуба (первый из которых «Пределы роста» был опубликован в 1972 году и получил очень широкую известность) — это напоминание о том, что человек — это часть глобальной экологической системы, разрушение которой чревато трагедиями во всех сферах существования. Более подробно о

В то же время нельзя не сказать о том, что органицизм в философии Аристотеля должен был претерпеть значительные изменения для того, чтобы в нем в полной мере можно было бы увидеть источник для дальнейших разработок биополитической проблематики.

Когда говорят об органицизме в современном его понимании в политической науке, традиционно упоминают теорию Герберта Спенсера. Учитывая задачи настоящего исследования, обращение к этой теории видится необходимым⁶⁹. Однако сразу же стоит отметить, что в фокусе внимания стоит держать не только ключевые позиции теории британского ученого, сколько парадоксальность влияния его идей на развитие ряда направлений современных биополитических исследований.

Итак, в интерпретации Спенсера общество есть организм, который можно уподобить организму биологическому. Развитие социального организма происходит также по аналогии с живым организмом. Из чего следуют две основополагающие позиции: 1) общество обладает целостностью (все составные части связаны между собой, и их правильное (здоровое) функционирование обеспечивает благополучную жизнь общества как целого); 2) общество проходит те же стадии в своем развитии, что и любой живой организм⁷⁰. Имеет смысл показать, в чем Спенсер видит очевидное сходство между развитием живого организма и организма социального. Мыслитель выделяет четыре основополагающие схожие черты: 1) «начинаясь соединением небольшого числа частей, они [общества] нечувствительно увеличиваются в объеме до такой степени, что некоторые из них наконец достигают размера, в десять тысяч раз большего, нежели их

биополитическом направлении в деятельности Римского клуба см. параграф 4.2. главы 4 настоящего исследования.

⁶⁹ Разумеется, Спенсер не является единственным ярким представителем органицизма. Его взгляды во многом сопоставимы со взглядами Рене Вормса, Альберта Шеффле или русского органициста Павла Федоровича Лилиенфельда-Тоаля. Однако именно сочинения Спенсера дали наибольший стимул для развития ряда идей, которые впоследствии прочно вошли в поле биополитики.

⁷⁰ *Спенсер Г.* Политические сочинения. В 5 тт. Т. 1. М., Челябинск, 2014.

первоначальный размер»; 2) «имея вначале до того простое строение, что массу их можно бы считать совершенно бесстройной, они принимают по мере возрастания своего все более и более сложное строение»; 3) «хотя в первоначальном неразвитом их состоянии почти не существует взаимной зависимости частей, части эти постепенно приобретают взаимную зависимость, которая наконец делается так велика, что жизнь и деятельность каждой части обуславливаются жизнью и деятельностью прочих частей»⁷¹; «жизнь и развитие общества независимы от жизни и развития какой-либо из составляющих его единиц и гораздо продолжительнее существования этих единиц, так как они рождаются, развиваются, действуют, воспроизводятся и умирают каждая сама по себе, между тем как политическое тело, состоящее из них, переживает одно поколение за другим, увеличиваясь в массе своей, совершенствуясь в своем строении и в деятельности своих отправлений»⁷². Для Спенсера важно, что переход от простого к сложному, являющийся естественным для организма, который он называет «политическим телом», является характерной чертой вообще всех живых тел: «Та взаимная функциональная зависимость частей, которая обнаруживается в животных и растениях едва ли не менее явно, нежели в нациях, не имеет ни в какой другой области ничего себе соответственного. И ни в каком сложном теле, кроме органического и социального, нет этого непрерывного выбывания и замены частей при продолжающейся ненарушимости целого»⁷³.

Если же попытаться разобраться в том, что есть движение от простого к сложному и, соответственно, от худшего к лучшему, то окажется, что общество движется от общества военного типа к обществу индустриальному, плавно (без социальных потрясений), проходя все стадии развития⁷⁴. Важный момент, который постоянно подчеркивает Спенсер, заключается в том, что развитие техническое (собственно усложнение социального организма,

⁷¹ Спенсер Г. Политические сочинения. В 5 тт. Т. 1. М., Челябинск, 2014. С. 307.

⁷² Там же. С. 307.

⁷³ Там же. С. 308.

⁷⁴ Там же. С. 319-341.

благодаря достижениям науки) неотделимо от освобождения общества от власти государства. То есть военный тип общественного устройства – это полное подчинение гражданина государству, когда индивидуализм в любом проявлении исключен. Общество индустриальное – это общество индивидуальных свобод в самом широком смысле (политических, экономических, духовных). Спенсер очень четко определяет вектор общественного прогресса от несвободы к свободе и замечает при этом, опираясь на базу биологического эволюционизма, что в свободном (наиболее развитом) обществе выживает сильнейший. Соответственно, о социальном равенстве в обществе, достигшем вершины развития, речи идти не могло.

Здесь имеет смысл обратиться к критике, которой вполне справедливо подвергаются взгляды Спенсера. Критика эта преимущественно основана на том, что органицистская теория Спенсера входит в противоречие с его политическими идеями. Как отмечает Эрик Мэк в предисловии к первому тому сочинений Спенсера, «главная задача метафоры “социальный организм” состоит в том, чтобы подчеркнуть немеханистический, неинтенциональный, однако взаимно скоординированный характер тех процессов, которые обеспечивают возникновение и существование любого конкретного общества и его институтов, и тот факт, что любое общество пронизано социальными структурами, которые, если воспользоваться выражением Хайека, являются результатами человеческих действий, но не замысла. Эта метафора помогает также выявить дальнейшие параллели, например, между физиологическим и экологическим разделением труда. В намерения Спенсера не входило проповедовать нравственный или методологический органицизм в каком бы то ни было виде»⁷⁵. Если бы это замечание не соответствовало действительности, то не было бы тезиса Спенсера о том, что в отличие от биологических организмов, «корпоративная жизнь в этом случае должна подчиняться жизни отдельных частей, а не

⁷⁵ Мэк Э. Предисловие // Спенсер Г. Политические сочинения. В 5 тт. Т. 1. М., Челябинск, 2014. С. XI.

жизнь отдельных частей – корпоративной жизни»⁷⁶. В этом же состоит и принципиальное отличие от античного восприятия социального организма. Для Аристотеля принципиально важно, что «первичным по природе является государство по сравнению с семьей и каждым из нас; ведь необходимо, чтобы целое предшествовало части»⁷⁷. Спенсер же, напротив, утверждает, что этот принцип работает в биологии, но не в социуме. «Пусть жизнь отдельных частей животного поглощается жизнью целого, - пишет Спенсер, - оно так и следует, потому что это целое имеет корпоративную сознательность, способную ощущать наслаждение или страдание. Общество же – дело другое: его живые единицы не утрачивают и не могут утратить индивидуальной сознательности, а община, с другой стороны, не имеет корпоративной сознательности как целое»⁷⁸. А вывод, к которому приходит Спенсер, с одной стороны, демонстрирует принципиальную разницу между античным восприятием политического, когда государство и общество неотделимы друг от друга, и политическим, которое с наступлением эпохи Нового времени трактуется как нечто, состоящее из двух компонентов – государства и общества. С другой стороны, он дает возможность сомневаться в том, что теорию Спенсера можно вообще отнести к социальным теориям органицистской направленности. По мнению Спенсера, именно эта индивидуальная сознательность, присущая общественному организму, является причиной, лежащей в основе невозможности жертвовать благосостоянием граждан ради блага государства. Более того (и здесь Спенсер парадоксальным образом практически дословно повторяет Аристотеля), «государство должно существовать единственно только во благо граждан»⁷⁹. Представление об организме, части которого существуют сами по себе, или, по крайней мере, имеют очень большую степень свободы, - повод подвергать сомнению состоятельность аргументации Спенсера как

⁷⁶ Спенсер Г. Политические сочинения. В 5 тт. Т. 1. М., Челябинск, 2014. С. 312.

⁷⁷ Аристотель. Политика. М., 2010. С. 30.

⁷⁸ Спенсер Г. Политические сочинения. В 5 тт. Т. 1. М., Челябинск, 2014. С.311-312.

⁷⁹ Там же. С. 312.

органициста. Чем пользуется, например, британский зоолог и апологет теории Ч. Дарвина Томас Гексли (Хаксли). Именно ему отвечает Спенсер в своей работе под названием «Специализация управления».

Основной вопрос Гексли состоит в том, что сам взгляд на государство как организм просто исключает, как пишет ученый, «отрицательную функцию государства»⁸⁰. Ответ Спенсера выглядит не слишком убедительным. И проблема, очевидно, в том, что он начинает рассуждать о положительно-регулятивных и отрицательно-регулятивных функциях как биологических, так и политических организмов, то есть таких, которые либо направляют, мотивируют организм к соответствующему действию, либо ограничивают его.

Вывод, который делает Спенсер, состоит в том, что «поглощающие», «обрабатывающие» и «распределяющие» структуры «не нуждаются в положительно-регулятивном контроле со стороны больших правящих центров, а только в отрицательно-регулятивном»⁸¹. Фактически это даже не ответ на вопрос, а просто констатация того, что общество должно получить максимальную свободу от государства. В то же время, отвечая на вопрос Гексли, Спенсер говорит о том, что такое положение вещей характерно для регуляции внутренних систем организма (внутренних дел государства), во внешних же взаимодействиях положительно-регулятивный контроль не просто допустим, но обязателен. Как отмечает Э. Мэк, «такой взгляд явно противоречит негативному отношению Спенсера к агрессивным войнам, колониализму и государственному регулированию внешней торговли»⁸².

Противоречивость органицистской концепции Спенсера не означает, тем не менее, невозможности рассматривать ее в качестве источника современных биополитических исследований. Как минимум, обращаясь к

⁸⁰ Спенсер Г. Политические сочинения. В 5 тт. Т. 1. М., Челябинск, 2014. С. 357.

⁸¹ Там же. С. 360.

⁸² Мэк Э. Предисловие // Спенсер Г. Политические сочинения. В 5 тт. Т. 1. М., Челябинск. 2014. С. XII.

Спенсеру как к одному из крупнейших представителей европейского либерализма, использующему органицистский подход при осмыслении социально-политических процессов, мы выходим на тему, которая станет во второй половине XX века одной из ключевых для биополитических исследований в области политической науки. Речь идет о вопросе соотношения неолиберализма и биополитики, сформулированном в сочинениях Мишеля Фуко, и остающемся актуальным на сегодняшний момент⁸³. Менее очевидный, но, безусловно, связанный с установками, обозначенными в текстах Спенсера вопрос о соотношении частного и государственного получит «биополитическое» продолжение в работах Э. Гидденса, Н. Роуза. Вместе с тем нельзя не отметить, что без теории Спенсера не сформировалось бы направление, которое называют социал-дарвинизмом.

Стоит отметить, что и в российской и в западной исследовательской литературе существует достаточно большое количество интерпретаций того, что собой представляет социал-дарвинизм. Однако практически в каждой интерпретации можно увидеть акцент на дарвиновской идее борьбы за существование. Так, например, социал-дарвинизм трактуют как теоретическое направление, в основе которого лежит процесс биологической борьбы, «который без всяких перемен входит в область социологии»⁸⁴, или область, где все «причины поступательного хода развития человечества» сводятся «к одной борьбе за существование»⁸⁵, как «экстраполяцию дарвиновской идеи борьбы за существование на общество»⁸⁶. Собственно, именно в отношении к этой идее, а, точнее, к вопросу о возможности

⁸³ Анализ этого вопроса посвящен параграф 2.3. второй главы настоящего исследования.

⁸⁴ Мухатаев П.Н. Интерпретация понятия «социал-дарвинизм» в западной и отечественной историографии конца XIX – начала XXI века // Самарский научный вестник. 2016. № 4 (17). С. 127.

⁸⁵ Ковалевский М.М. Социология. Теоретико-методологические и историко-социологические работы. СПб., 2011. С. 111.

⁸⁶ Мухатаев П.Н. Интерпретация понятия «социал-дарвинизм» в западной и отечественной историографии конца XIX – начала XXI века // Самарский научный вестник. 2016. № 4 (17). С. 128.

соотнесения борьбы за существование в биологическом смысле с социально-политическими процессами и состоит важнейшее отличие между социал-дарвинизмом и теорией Спенсера.

Как было показано выше, проблема эволюции общественного организма у Спенсера – одна из ключевых, однако естественный отбор не является базовым критерием общественного развития. Есть вместе с тем ученые, полагающие, что именно Спенсер является основоположником социал-дарвинизма. Как пишет М.И. Бойченко, «в 1852 году, за семь лет до публикации «Происхождения видов» Ч. Дарвина, Спенсер написал статью «Гипотеза развития» (“The Development Hypothesis”), в которой высказывалась идея эволюции, во многом следовавшая теории Жана Батиста Ламарка и Карла Бэра. В своей второй работе «Принципы психологии» (1855) он применил к психологии гипотезу естественного происхождения видов и указал, что необъяснимое на основании индивидуального опыта может быть обосновано опытом родовым. Поэтому сам Дарвин называл его в числе своих предшественников и высоко ценил, называя «величайшим из ныне живущих философов Англии, кто мог бы быть равным каждому из предыдущих философов»⁸⁷. Впоследствии Спенсер рассматривал теорию Дарвина как специальное применение своей общей эволюционной теории и даже стал создателем некоторых понятий теории эволюции в биологии, которые до сих пор иногда ошибочно приписывают Дарвину. Среди них: «“выживание наиболее приспособленных”»⁸⁸. Вместе с тем большинство исследователей сходятся во мнении о том, что органицистская теория Спенсера в содержательном отношении полнее, чем направление, которое называют социал-дарвинизмом. Таким образом, органицизм Спенсера может рассматриваться в качестве источника для развития социал-дарвинизма, но не должен отождествляться с ним.

⁸⁷ Бойченко М.И. Герберт Спенсер как создатель новой картины мира // Спенсер Г. Социальная статика. Киев, 2013. С. VI.

⁸⁸ Там же. С. V.

К социал-дарвинизму в той или иной форме апеллируют все авторы, которые обращаются к теме биополитики, начиная со второй половины XX столетия, когда биополитическая проблематика стала активно разрабатываться в поле социально-политических наук, и до настоящего момента. Стоит отметить также, что теория Дарвина, воспринимаемая в естественных науках как одна из наиболее значимых (пусть и неоднозначных) эволюционных теорий, в социальных науках ассоциирована с расизмом⁸⁹, иногда с нацизмом, а в последнем пределе с чем-то антигуманным, противоречащим *жизни*. В данной связи интересно проследить механизм переноса смыслов с биологической теории на теорию социальную, правомерность этого переноса, не оставляя при этом в стороне теорию Спенсера.

Собственно дарвинизм определяется следующим образом: «теория эволюции, основанная на трудах Ч. Дарвина, считавшего естественный отбор, борьбу за существование и наследственную изменчивость главными факторами видообразования и формирования приспособлений (адаптаций) организмов к условиям жизни. В этом смысле термин «дарвинизм» в 1889 году предложил использовать Альфред Рассел Уоллес, подчеркивая ведущее значение трудов Дарвина в ее принятии биологическим сообществом»⁹⁰. Любопытный факт заключается в том, что дарвинизм (по инициативе упомянутого выше Томаса Гексли) стали использовать как полный синоним эволюционного учения, а это не совсем верно. К дарвинизму, например,

⁸⁹ Самую известную работу Ч. Дарвина, посвященную эволюционной теории, часто называют «Происхождение видов», опуская подзаголовок «Происхождение видов путем естественного отбора или сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь» (“On the Origin of Species by Means of Natural Selection, or the Preservation of Favoured Races in the Struggle for Life”). Российские исследователи К.В. Черезова и А.Е. Сериков обращают внимание на то, что в подзаголовке русскоязычного издания 1939 года слово “races” переводится как породы, а в более поздних изданиях как «расы». Об этом подробнее см. Черезова К.В., Сериков А.Е. Социальный эволюционизм Герберта Спенсера и Дарвинизм // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2014. № 2 (16). С. 99-115.

⁹⁰ Колчинский Э.И. Дарвинизм // Большая Российская энциклопедия – электронная версия. URL: <https://bigenc.ru/rf> (дата обращения: 08.07.2022).

никак нельзя отнести проблемы, которые «сам Дарвин считал недоступными для научного познания (проблема происхождения жизни или появление новых типов)»⁹¹. Возможно, здесь дело как раз в том, что при создании биологической теории Дарвин обращался не только к трудам естественно-научного характера (в этом смысле на Дарвина повлиял Ламарк, например⁹²), но и к сочинениям авторов, интересы которых, если и были связаны с осмыслением биологических процессов, то опосредованно. Особый интерес в свете заявленной темы, помимо идей Спенсера, представляет влияние воззрений Томаса Мальтуса на формирование теории Дарвина.

Очевидно, что именно этот факт стал одним из важнейших, прежде всего, в процессе возникновения такой модификации дарвиновской теории как социал-дарвинизм, и (что более существенно) обусловил возможность для формирования одного из полей биополитических исследований, в рамках которого биополитика воспринимается как «политика истребления», основанная на идее уничтожения во благо существования государства⁹³.

Традиционно исследователи констатируют, что для Дарвина была существенна мысль Мальтуса о том, что члены любой популяции (как животной, так и человеческой) вынуждены вести борьбу за выживание, которая возникает по причине нехватки пищи, в силу того, что увеличение популяции происходит в геометрической прогрессии, а запас пищи в

⁹¹ Колчинский Э.И. Дарвинизм // Большая Российская энциклопедия – электронная версия. URL: <https://bigenc.ru/rf> (дата обращения: 08.07.2022).

⁹² Надо отметить при этом, что отношение к теории Ламарка у Дарвина не было однозначным. Так, например, в одном из своих писем Дарвин заявляет, что «небо уберегло» его «от глупостей Ламарка по поводу существования “тенденции к прогрессу”, “приспособлений вследствие постепенной готовности животных (the slow willing of animals)” Но выводы, к которым я пришел, не слишком отличаются от его...». Об этом более подробно, см., например, Черезова К.В., Сериков А.Е. Социальный эволюционизм Герберта Спенсера и Дарвинизм // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2014. № 2 (16).

⁹³ Первая ассоциация, которая должна возникнуть в связи именно с такой интерпретацией биополитики, это политика Третьего Рейха. Действительно, это наиболее яркий, но отнюдь не единственный пример такой трактовки биополитики. Различные варианты интерпретаций биополитики как политики истребления будут рассмотрены в последующих главах настоящего исследования.

арифметической. Помимо этой закономерности для эволюционной теории Дарвина существенным является наблюдение Мальтуса, связанное с такими ограничителями роста популяции, как болезни и эпидемии.

Однако нельзя не отметить яркой метафоричности в текстах Мальтуса, которая связана с восприятием государства как организма. Соответственно, возможные меры (или манипуляции), направленные на улучшение социальной, политической, экономической жизни государства, будут связаны с «оздоровлением» населения в самом широком смысле. Главными же показателями «нездоровья» государства являются порок и нищета⁹⁴. Мальтус утверждает, что «уменьшение пороков и бедствий является, конечною целью его стремлений, а указанные им препятствия к размножению должны быть рассматриваемы как средства достижения такой цели»⁹⁵. Препятствия, по Мальтусу, сводятся к «нравственному обузданию», «пороку» и «несчастью». Если рост населения неизбежен (а он неизбежен, исходя из идей Мальтуса), то правительство должно использовать данные «препятствия» в своих целях. Мальтус делает оговорку, что причинение страданий и погружение населения в состояние нищеты – самые крайние меры. Предпочтение стоит отдавать вопросам семьи и брака⁹⁶. В модели, которую предлагает Мальтус в качестве идеальной, нравственные аспекты общественной жизни общества прочно соединены с экономическими, экономические – с социальными. В основе этих взаимодействий – политический контроль и соответствующее законодательство, которое должно быть основано на законах природы. И если не углубляться собственно в тексты сочинений Мальтуса, то перед нами – один из прототипов системного подхода в социально-политических науках. Но специфика отношения к мальтузианской теории заключается в том, что

⁹⁴ Так, например, пятая глава программного труда Мальтуса «Опыт закона о народонаселении» имеет следующий подзаголовок «Учение, изложенное в этом сочинении, не противоречит законам природы; оно имеет в виду вызвать здоровое и крепкое население и размножение, не влекущее за собой порока и нищеты». [Мальтус Т.-Р. Опыт закона о народонаселении. М., 1895.]

⁹⁵ Мальтус Т.-Р. Опыт закона о народонаселении. М., 1895. С. 209.

⁹⁶ Там же. С. 67-68.

материал, с которым работает Мальтус и примеры, которые он приводит, заставляют его критиков, а также критиков тех, кто впоследствии будет представлять направление социал-дарвинизма, обращать внимание совсем на другие позиции. Это не удивительно, ведь речь идет откровенно о том, что государство не просто может, но должно контролировать то, что установлено природой. Причем «сдерживать» природные проявления допускается фактически любыми способами.

Уильям Годвин, например, говорит о Мальтусае как о «мрачном и ужасном гении, готовом погубить все надежды человеческого рода. Если к провозглашенным им в первом издании своей книги препятствиям к размножению народонаселения, Мальтус прибавил еще одно под именем нравственного обуздания, то это лишь для того, чтобы успокоить возмущенных читателей. Тем не менее в течение вот уже двадцати лет чувства английского населения грубеют под влиянием учения Мальтуса. Я не могу предвидеть, какое влияние окажет это учение на характер английского народа, но глубоко убежден, что производимому им злу нужно положить предел. В течение двадцати лет пытаются уверить народ, что нужно презирать человеческие существа и в особенности детей. По словам учения Мальтуса, идущая по улице беременная женщина представляет поистине тревожное зрелище, а отец многочисленной семьи, если он принадлежит к низшему классу населения, должен считаться гнусным человеком»⁹⁷. Годвин был далеко не одинок в своих оценках сочинений Мальтуса. И Джеймс Бонар, биограф и комментатор, Мальтуса говорил о нем как о «самой пагубной личности своего века», и Пьер-Жозеф Прудон характеризовал произведения Мальтуса как «теорию убийства, якобы, из-за политических соображений, из-за филантропии, из-за любви к богу»⁹⁸. Прудон не скупился на самые жесткие характеристики учения Мальтуса. Он говорил, что «мораль мальтузианцев – это мораль свиней», оправдывая откровенную грубость

⁹⁷ *Мальтус Т.-Р.* Опыт закона о народонаселении. М., 1895. С. XIX.

⁹⁸ Там же. С. XXI.

возмущением, которое испытывает человек, видящий, как искажаются «законы стыдливости», пародируются заповеди в рассуждениях об «излечении народа»⁹⁹. К числу критиков теории Мальтуса стоит отнести и Спенсера, и это видится важным обстоятельством в рамках рассмотрения вопроса о корреляции его теории и теории Дарвина.

Спенсер не был так категоричен, как Годвин или Прудон, но пришел к заключению, фактически противоположному выводу Мальтуса. С точки зрения Спенсера, по мере развития общества человек приближается к «низшему пределу плодовитости», при котором равновесие поддерживается благодаря тому, что количество новорожденных детей будет ровно таким же, как количество умерших от старости¹⁰⁰, что в корне отличается от идеи Мальтуса.

Стоит отметить при этом, что учение Мальтуса обрело огромное число почитателей и последователей, в числе которых почти все экономисты манчестерской школы, а также, к примеру, А.-Д. де Траси, Ж.-Б. Сэй и, разумеется, Ч. Дарвин. Парадоксальность ситуации состоит в том, что Дарвин был вдохновлен собственно главной идеей Мальтуса (которую Спенсер, если не отрицал совсем, то развивал, как видно, в ином ключе), но в основу своей теории заложил мысль Спенсера. Речь идет об идее естественного отбора. Здесь вновь необходимы некоторые уточнения, которые, с одной стороны, проясняют связь между теориями Спенсера и Дарвина, а с другой, – являются необходимыми для понимания того, как и почему именно эта идея и сопряженные с ней понятия биологических теорий были адаптированы к социально-политическим наукам и, в частности, использовались в качестве основополагающих в социал-дарвинизме.

В работах Дарвина термины «естественный отбор» и «выживание наиболее приспособленного» (“survival of the fittest”) используются как

⁹⁹ Мальтус Т.-Р. Опыт закона о народонаселении. М., 1895. С. XIX.

¹⁰⁰ Спенсер Г. Основания биологии // Сочинения Герберта Спенсера. СПб., 1899. С. 343.

синонимы. Для ученого «“естественный отбор” означает выживание особей, лучше всего приспособленных к окружающим их сложным и изменяющимся в течение веков условиям, и произведение этими особями себе подобных»¹⁰¹. В работах же Спенсера, который ввел термин «выживание наиболее приспособленного» в научный оборот в работе «Основания биологии»¹⁰², можно наблюдать иное толкование естественного отбора. В части «Недостаточность естественного подбора» работы «Основания биологии» Спенсер пишет: «Естественный подбор или переживание наиболее приспособленных действует почти единолично во всем растительном мире и среди мира низших животных, характеризующихся относительной пассивностью. Но по мере поднятия к высшим типам животных, его действие все больше и больше заменяется действием, обусловленных унаследованием приобретенных признаков, пока наконец в животных сложного строения, унаследование приобретенных признаков делается важным, если не главной, причиной эволюции»¹⁰³. Вывод, который очевиден при виде этого высказывания, – Спенсер подчеркивает ограниченный характер принципа естественного отбора для эволюции. Чем более развит живой организм, тем слабее роль естественного отбора и сильнее влияние приобретенных признаков. Собственно, именно эту позицию часто выделяют исследователи, проводя различие между пониманием роли естественного отбора у Спенсера и Дарвина. Но в рассуждениях Спенсера о естественном отборе присутствует еще одна важная идея, которая, с одной стороны, проясняет характер теоретических и личностных взаимодействий Спенсера и Дарвина, а, с другой, – открывает область, которая будет отнюдь не безразлична исследователям биополитики.

¹⁰¹ Дарвин Ч. Изменение домашних животных и культурных растений // Собрание сочинений в 9 тт. Т. 4. М., Л., 1951. С. 595.

¹⁰² Об этом подробнее см. Черезова К.В., Сериков А.Е. Социальный эволюционизм Герберта Спенсера и Дарвинизм // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2014. № 2 (16). С. 102.

¹⁰³ Спенсер Г. Основания биологии // Сочинения Герберта Спенсера. СПб., 1899. С. 387.

Все в том же разделе, где Спенсер говорит о недостатках концепции естественного отбора, он фактически напрямую обращается к Дарвину и пишет, что «заглавие великого труда Дарвина может служить примером того, как из метафорических выражений возникает недоразумение»¹⁰⁴. Спенсер уверен, что название самой знаменитой работы Дарвина¹⁰⁵ вводит читателя в заблуждение как раз потому, что в нем содержатся два фигуральных выражения. Термин «естественный отбор», по мнению Спенсера, было выбрано Дарвином с целью показать соотношение и, соответственно, разницу с искусственным отбором, который применяют селекционеры («заводчики и садоводы»)¹⁰⁶. Но в то же время, как утверждает Спенсер, слово «отбор»¹⁰⁷ подразумевает «волю и тем самым дает мыслям читателя ложное направление»¹⁰⁸. Спенсер полагает, что и сочетание «благоприятные расы»¹⁰⁹ отнюдь не добавляет ясности, «ибо, когда мы знаем, что существует что-либо-благоприятствуемое, то невольно подразумеваем лицо, которое благоприятствует»¹¹⁰. Спенсер утверждает, что Дарвин понимал это, приводя в подтверждение слова из четвертой главы «Происхождения видов» о том, что термин «естественный отбор», понимаемый буквально, – это «ложный термин», а «олицетворение природы должно быть избегаемо»¹¹¹. Первое заблуждение Дарвина, по мнению Спенсера, состоит в том, что он был уверен в компетентности своих читателей, в том, что они научатся «остерегаться ложных выводов»¹¹². А второе (и оно, конечно, более существенное и для Спенсера, и для последователей каждой из двух теорий) – в том, что он отождествляет естественный и искусственный отбор. Автор

¹⁰⁴ Спенсер Г. Основания биологии // Сочинения Герберта Спенсера. СПб., 1899. С. 366.

¹⁰⁵ «Происхождение видов путем естественного отбора или сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь» (“On the Origin of Species by Means of Natural Selection, or the Preservation of Favoured Races in the Struggle for Life”).

¹⁰⁶ Спенсер Г. Основания биологии // Сочинения Герберта Спенсера. СПб., 1899. С. 366.

¹⁰⁷ В переводе дореволюционного издания используется слово «подбор».

¹⁰⁸ Спенсер Г. Основания биологии // Сочинения Герберта Спенсера. СПб., 1899. С. 366.

¹⁰⁹ В переводе дореволюционного издания – «благоприятствуемые расы».

¹¹⁰ Спенсер Г. Основания биологии // Сочинения Герберта Спенсера. СПб., 1899. С. 366.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Там же.

«Оснований биологии» ссылается на следующее утверждение Дарвина: «то самое, что признавалось невозможным для изменчивости и естественного подбора, оказывалось неоднократно выполненным путем изменчивости и искусственного подбора»¹¹³. Спенсер однозначно заявляет, что это просто неверно. Естественный отбор и искусственный отбор, если и похожи, то очень в узком смысле и, что еще более важно в контексте настоящего исследования, «в громадном большинстве случаев естественный подбор не в состоянии сделать того, что делает подбор искусственный»¹¹⁴. Очевидно, именно это расхождение между теориями Дарвина и Спенсера позволяет по-разному оценивать их корреляцию с теориями, совокупность которых получила название «социального дарвинизма». Безусловно, идея естественного отбора, которая, как было показано выше, была чрезвычайно важна и для теории Спенсера¹¹⁵ и для теории Дарвина. Однако ее экстраполяция на эволюцию общества, а также теоретические и отчасти практические последствия такой экстраполяции, представляют собой все же интерпретацию и соответствующую адаптацию идей Спенсера и Дарвина, но не их прямое продолжение.

Определения социал-дарвинизма с течением времени, конечно, меняются. Так, российский исследователь Мухатаев П.Н. в статье «Интерпретация понятия “социал-дарвинизм” в западной и отечественной историографии конца XIX – начала XXI века» приводит достаточное количество таких определений, например, дефиницию социал-дарвинизма из политической энциклопедии конца 90-х годов прошлого века, где это течение описано как «совокупность идеологических течений и концепций второй половины XIX–XX века, распространяющих биологические законы и принципы естественного отбора, борьбы за существование и выживание

¹¹³ Спенсер Г. Основания биологии // Сочинения Герберта Спенсера. СПб., 1899. С. 366.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Здесь следует отметить, что, несмотря на значительный вклад Спенсера в историю политической мысли, концепция естественного отбора подробно описана в рамках его биологических исследований.

наиболее приспособленных на социальную и политическую жизнь»¹¹⁶. В этой же статье есть указание на то, что социал-дарвинизм абсолютизирует биологические факторы, делает их движущей силой социально-политической жизни общества¹¹⁷. Есть и более детальные определения социал-дарвинизма, в которых, с одной стороны, подчеркивается непосредственная и обязательная связь биологического и социального, а, с другой, – конкретизируются возможности реализации этой связи. Ссылаясь на одно из диссертационных исследований начала 2000-х годов, Мухатаев обращает внимание на такое определение социал-дарвинизма: «Течение в обществоведении, возникшее в начале XIX века и являющееся одной из форм биологического редукционизма, которому свойственно сведение законов социальной формы движения материи к факторам биологической эволюции, законам борьбы за существование, естественного отбора, наследственности и т.д., путем механистического понимания сущности человека и общества. С помощью биологических закономерностей объясняются демографические процессы, культурные и интеллектуальные отличия у представителей различных рас, конфликты в обществе, конкуренция, влияние окружающей среды на экономические и политические изменения, социальная преемственность и адаптация, прогрессивные и регрессивные тенденции в обществе и другие последствия»¹¹⁸. Стоит заметить, что, независимо от степени конкретизации дефиниции и специфики направления социальной науки, в которой оно дается, практически всегда так или иначе в определении социал-дарвинизма будет указание на то, что это псевдонаучная теория (или совокупность теорий), что она несостоятельна и «носит лишь познавательный интерес»¹¹⁹. Подавляющая часть исследований или даже

¹¹⁶ Политическая энциклопедия. В 2-х тт. Т. 2. М., 1999. С. 453.

¹¹⁷ Мухатаев П.Н. Интерпретация понятия «социал-дарвинизм» в западной и отечественной историографии конца XIX – начала XXI века // Самарский научный вестник. 2016. № 4 (17). С. 130.

¹¹⁸ Там же. С. 131.

¹¹⁹ Политическая энциклопедия. В 2-х тт. Т. 2. М., 1999. С. 453.

высказываний о социал-дарвинизме так или иначе содержат критику этого направления, и это имеет неоспоримые основания¹²⁰.

Здесь достаточно привести простой, хотя и парадоксальный пример, связанный с тем, что, в основе социально-политического развития лежит принцип естественного отбора (кстати, в этом случае такая значимая для Спенсера разница между естественным и искусственным отбором теряет смысл). У Спенсера есть знаменитый текст «Парламентская реформа: опасности и предохранительные меры», где он абсолютно в соответствии со своими социально-политическими воззрениями, о которых речь шла выше, говорит, что «во все времена издавалось и издается много законов, основанных на ложном убеждении, будто обязанность государства не только заботиться о том, чтобы в битве жизни людей боролись честным оружием, но и помогать каждому бороться, причем издержки на это покрываются деньгами из его собственного или чужого кармана»¹²¹. Тут нельзя не вернуться к мысли самого Спенсера об опасности метафоры, которая всегда есть повод для интерпретаций. В оптике социал-дарвинизма это высказывание означает, что принцип коллективного (политического) общежития не работает, – каждый сам за себя. И именно этот принцип движет обществом¹²².

¹²⁰ Нельзя не отметить при этом, что есть ряд исследователей, которые полагают, что клеймо, наложенное на социал-дарвинизм как на научное направление с возникновением нацизма и в 30-е годы никуда не исчезнувшее, а, напротив, ставшее еще более заметным после Второй мировой войны, не должно оставаться клеймом навсегда. К их числу относится британский экономист Джофри Ходжсон. Об этом подробнее см., например, *Hodgson G.M. Social darwinism in Anglophone academic journals: A contribution to the history of the term // Journal of historical sociology. 17(4). 2004. Pp. 428-63. URL: <https://uhra.herts.ac.uk/bitstream/handle/2299/406/100873.pdf?sequence=1>* (дата обращения: 28.12.2022).

¹²¹ *Спенсер Г.* Опыты научные, политические и философские // Сочинения Герберта Спенсера. СПб., 1900. С. 213-214.

¹²² Стоит отметить, что существует достаточно большое количество исследований, в которых Спенсера уверенно причисляют к социал-дарвинистам. Так, например, «М. Хокинс указывает на то, что социальный дарвинизм был довольно популярной доктриной на протяжении полутора столетий после появления в свет книги Дарвина “Происхождение видов”. Герберт Спенсер, по мысли Хокинса, попытался соединить основные принципы либеральной идеологии и социального дарвинизма. При этом у Спенсера, как пишет

Вспомним теперь размышления Мальтуса, прямо противоположные в данном случае точке зрения Спенсера, о необходимости регулирования количества браков и качества семейной жизни для блага государства. Никаких других вариантов создания благополучной жизни государства быть не может в силу того, что в основе всего – биологический закон.

И та и другая позиция выглядят, как минимум, антигуманно. Здесь, действительно, трудно не согласиться с учеными, которые утверждают, что социал-дарвинизм – это некоторое название для фактически любой теории, в рамках которой идея борьбы за существование и естественного отбора в биологическом смысле переносятся в социально-политическую сферу. Критика же, которая, как было сказано выше, сопутствует практически всем исследованиям, посвященным возможности развития этой идеи, строится на том, что такого рода перенос просто не состоятелен. С этой точки зрения, важным кажется упомянуть фамилии мыслителей, в работах которых не просто приведена критика социал-дарвинизма, но обращено внимание на аспекты, последующее размышление над которыми позволит выявить еще один важный источник современных биополитических исследований. Речь идет о русских мыслителях Петре Алексеевиче Кропоткине и о Павле Ивановиче Новгородцеве.

Работа Кропоткина «Взаимная помощь как фактор эволюции» вообще представляет собой некий вариант «антидарвинизма» и как следствие – «анти-социал-дарвинизма». Борьба за существование не может служить единственным условием эволюции ни в природном мире, ни в мире

английский ученый, возникали некоторые противоречия, которые связаны, с одной стороны, с признанием ключевой роли естественного отбора в обществе и положительного эффекта борьбы за существование. С другой стороны, либеральное представление о саморазвитии и успехе каждого индивида, которое выходит в некоторых работах Г. Спенсера на первый план, противоречит магистральной идее социал-дарвинизма. Тем самым, Хокинс возвращает Спенсера в орбиту дискуссий о социал-дарвинизме как одного из самых авторитетных авторов в этом направлении» [Мухатаев П.Н. Интерпретация понятия “социал-дарвинизм” в западной и отечественной историографии конца XIX – начала XXI века // Самарский научный вестник. 2016. № 4 (17). С. 132-133].

социальном, – утверждает Крпоткин. Напротив, в основе развития – «закон взаимопомощи», который, по убеждению мыслителя, работает не только в мире людей, но и в мире животных. При этом отдельной темой в размышлениях Крпоткина является индивидуализм по большей части в социальном смысле, крайние проявления которого он очевидно критикует, говоря о том, что «сама стойкость родовой организации показывает, насколько ложен тот взгляд, в силу которого первобытное человечество изображают в виде беспорядочного скопища индивидуумов, подчиняющихся одним лишь собственным страстям и пользующихся каждый своею личною силою и хитростью, чтобы одержать верх над другими»¹²³. И если потребность во взаимопомощи в животном мире можно оспаривать, то в мире людей – нет. Очевидно, что речь идет не просто о более сложной организации в биологическом смысле, но о специфике человеческой организации, о свойствах человеческого сообщества.

Подводя итоги семилетней работы над содержанием этой книги Крпоткин приходит к выводу о том, что для большинства биологических видов характерна жизнь в сообществе, что именно это является условием успешной борьбы за существование, и настаивает на том, что борьбу за существование надо понимать как «борьбу против всех естественных условий, неблагоприятных для вида». Те виды животных, у которых индивидуальная борьба сведена к минимуму¹²⁴, а «практика взаимной помощи достигла наивысшего развития, оказываются неизменно более многочисленными, наиболее процветающими и наиболее приспособленными к дальнейшему прогрессу. Взаимная защита, получающаяся в таких случаях, а вследствие этого – возможность достижения преклонного возраста и накопления опыта, высшее умственное развитие и дальнейший рост общежительных навыков, обеспечивают сохранение вида, его

¹²³ Крпоткин П.А. Взаимная помощь как фактор эволюции. URL: https://iphras.ru/elib/Kropotkin_Vzaimopom.html (дата обращения: 28.12.2022).

¹²⁴ Там же.

распространение на более широкой площади и дальнейшую прогрессивную эволюцию. Напротив, необщительные виды, в громадном большинстве случаев, осуждены на вырождение»¹²⁵. Идеи Кропоткина, несомненно, выделяются среди критиков социал-дарвинизма стремлением предложить альтернативу за счет обращения к специфике именно человеческого общества.

В определенном смысле эту линию продолжает П.И. Новгородцев, хотя в его взглядах есть существенные отличия. Прежде всего, Новгородцев откровенно признает состоятельность теории Спенсера (о Дарвине и Гексли он также высказывается весьма и весьма положительно), но отмечает одно противоречие, которое видится важным. Новгородцев критикует положение теории Спенсера, связанное с приспособлением человека к общественной среде «в области морали», а также с тем, что итогом этого приспособления станет некое идеальное моральное состояние человечества.

По мнению Новгородцева, это положение никак не коррелирует с утверждением о том, «прочного совершенства в мире быть не может, что рано или поздно каждый агрегат, а в том числе и общественное соединение, подвергается разложению»¹²⁶. Преодолеть это противоречие у Спенсера не получается, поскольку, как говорит Новгородцев, его теории не хватает того, что так важно было для тех мыслителей, которых принято относить к такому направлению, как «философия жизни», а именно «первичного жизненного стремления» или компонента «творческой эволюции».

1.2. Биополитическая проблематика философии жизни (Lebensphilosophie)

Говоря о теоретических источниках биополитики, западные исследователи, которых можно назвать признанными специалистами в

¹²⁵Кропоткин П.А. Взаимная помощь как фактор эволюции. URL: https://iphras.ru/elib/Kropotkin_Vzaimopom.html (дата обращения: 28.12.2022).

¹²⁶Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 78.

области истории биополитики, традиционно упоминают «философию жизни», но обычно не говорят о корреляциях, существующих между современными биополитическими исследованиями и философией жизни, подробно. Так, например, Томас Лемке на первых страницах книги «Биополитика: расширенное введение» в главе под названием «Жизнь как основа политики» отмечает, что концепция биополитики имеет почти столетнюю историю. Она возникла в соответствующем историческом и научном контексте. Вторая половина XIX столетия была ознаменована появлением такого направления в философии, как «философия жизни», у истоков которого стояли Артур Шопенгауэр и Фридрих Ницше в Германии, Анри Бергсон – во Франции. Лемке подчеркивает, что «философия жизни» – это совокупность довольно разнообразных теоретических позиций, которые, тем не менее, объединяет фундаментальная категория – жизнь¹²⁷. Не забывая об указанном выше многообразии трактовок, Лемке говорит о том, что «жизнь, понимаемая как телесный факт или органическое существование, как инстинкт, интуиция, чувство или опыт, противопоставляется мертвому, застывшему, представленному «абстрактной» концепцией, «холодной» логикой... То есть концепция жизни служила критерием критического рассмотрения процессов, которые воспринимались как противопоставленные жизни, а именно, – рационализация, механизация, технологизация...»¹²⁸ Именно эти условия, по мнению Лемке, способствовали возникновению концепции биополитики. Можно предположить, что суждения одного из самых известных исследователей истории биополитики в сфере гуманитарных наук абсолютно справедливы. Но есть проблема, которая очевидна так же, как и правомерность суждений Лемке. Проблема эта связана как раз с многообразием позиций, которая отличает философию жизни как направление мысли. В связи с этим видится необходимым

¹²⁷ Lemke T. Biopolitics: An advanced introduction. New York, London, 2011. P. 9.

¹²⁸ Ibid. P. 9.

прояснить, какие именно из представленных в философии жизни положений получают в дальнейшем продолжение в биополитических исследованиях.

Начало развития философии жизни как направления в истории науки традиционно связывают с именем Ницше. Пожалуй, лучшее объяснение этому дает Генрих Риккерт в своей знаменитой работе «Философия жизни»: «До Ницше слово «жизнь» едва ли для кого-нибудь в Германии имело то очарование, которое ныне ему свойственно в глазах многих, и которое владеет сердцами даже там, где не знают, что источником этой «жизненной мудрости» служит Ницше. Уже по этой причине при общем изложении современного мировоззрения нужно начать с Ницше»¹²⁹. В свете темы настоящего исследования интересно отметить, что Риккерт обращает внимание на неоднозначные отношения Ницше с дарвинистами, говорит о том, что изначально Ницше был вдохновлен дарвинистскими идеями, но затем разочаровался в них. Сведение прогресса человечества к дарвиновскому принципу борьбы за существование никак не могла вписаться в концепцию Ницше. В сочинении «По ту сторону добра и зла» Ницше говорит об этом так: «Прежде всего нечто живое хочет проявлять свою силу – сама жизнь есть воля к власти: самосохранение есть только одно из косвенных и многочисленных следствий этого»¹³⁰. То есть воля к жизни составляет основу ницшеанской воли к власти, а она, несомненно, шире, чем принцип борьбы за существование, чем принцип «выживает сильнейший», хотя бы потому, что не подразумевает «победы» и «проигрыша», «выживания» и «гибели» в традиционном смысле этого слова.

Риккерт интерпретирует ницшеанскую идею таким образом, что «не “воля к существованию” и не борьба за сохранение в живых господствует в мире живого, но “воля к власти”, ее повышение служат побуждающим фактором»¹³¹. В соответствии с этим в борьбе за власть и заключается смысл

¹²⁹ Риккерт Г. Философия жизни. Киев, 1998. С. 289.

¹³⁰ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Сочинения в 2-х тт. Т. 2. М., 1990. С. 575.

¹³¹ Риккерт Г. Философия жизни. Киев, 1998. С. 355.

подлинно живой жизни, которая открывается настоящей философией жизни¹³². «Принцип экономии презренен и свойственен черни, изобретен теми, кто не может жить и не может умереть. Он свидетельствует об явлениях вымирания, о всеобщем вырождении. Против этого выступает аристократический принцип биологизма, который ратует за лучших, понимая под таковыми самые сильные и мощные живые существа»¹³³. «Принцип экономии» означает, что погибают те, кто не может жить, а точнее, не использует волю к жизни/власти. Во многом с этой идеей связана совершенно специфическая ницшеанская интерпретация проблемы раба и господина, которая, по справедливому замечанию Жюль Делеза, благодаря Ницше обретает совсем иные коннотации в сравнении с классической трактовкой этой проблемы¹³⁴.

Выход на данный аспект философии Ницше любопытен по ряду причин. С одной стороны, в ницшеанской трактовке проблемы раба и господина просматривается очевидное отличие от дарвиновского представления о борьбе за существование. Оказывается, что отнюдь не всегда победу одерживает сильнейший. С другой стороны, эта тема в творчестве Ницше хотя и с достаточной степенью условности, но приближает к идеям, которые повлияют на формирование концепции биовласти в творчестве Мишеля Фуко. Стоит добавить также, что во многом именно благодаря ницшеанской трактовке проблемы раба и господина (господства и подчинения) было положено начало всевозможным неклассическим интерпретациям власти¹³⁵.

¹³² Риккерт Г. Философия жизни. Киев, 1998. С. 355.

¹³³ Там же. С. 355.

¹³⁴ Делез Ж. Ницше и философия. М., 2003. С. 49.

¹³⁵ Термин «неклассические» используется в рамках классификации «классика-неклассика-постнеклассика», например, см. Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб., 2009. С. 249-295. Для настоящего исследования важно, что с неклассическими интерпретациями власти будет связана концепция биополитики как постполитики (подробнее об этом – в главе 4 настоящего исследования).

Прежде всего, стоит сказать о парадоксальности, которая заложена в ницшеанской интерпретации названной проблемы. Очевидное противопоставление господина и раба, властвующего и подчиненного, сильного и слабого оказывается у Ницше далеко не очевидным. Причиной тому – воля к власти. Об этом достаточно подробно и точно пишет Делез в известной работе «Ницше и философия», сопоставляя классическую диалектическую гегелевскую модель взаимодействия господствующего и подчиненного и ницшеанскую интерпретацию этого взаимодействия: «Знаменитый диалектический аспект отношений между господином и рабом в действительности обусловлен тем, что власть здесь понимается не как воля к власти, но как представление (representation) о власти, как представление о превосходстве, как признание “одним” превосходства “другого”»¹³⁶. Фактически противопоставление существует тогда, когда речь идет не о воли к власти, а о чем-то ином (о власти в традиционном смысле, о господстве, о превосходстве). У Ницше, как известно, раб и господин меняются местами. Для раба важна победа как итог борьбы, и это является его определяющим признаком. «Ведь именно раб воспринимает власть лишь как объект признания, материал представления, ставку в состязании и, следовательно, ставит ее в зависимость от исхода борьбы, от простого присвоения (attribution) установившихся ценностей. Сквозь оболочку гегелевского образа господина всегда пробивается раб»¹³⁷. Воля к власти, трактуемая как воля к жизни и сама жизнь, не может быть ограничена ничем, в том числе и обретением власти как ставкой в борьбе за нее. Воля к власти у Ницше подвижна и бесконечна, поскольку проявляется в постоянном, не прекращающемся столкновении сил. И это столкновение сил есть залог жизни. «Воля к власти является элементом, из которого проистекают сразу и количественное различие соотнесенных между собой сил, и качество, выпадающее на долю каждой из этих сил. Воля к власти обнаруживает здесь

¹³⁶ Делез Ж. Ницше и философия. М., 2003. С. 49.

¹³⁷ Там же. С. 50.

свою природу: она есть принцип синтеза сил. Именно в этом синтезе, соотносящемся со временем, силы многократно проходят через одни и те же различия, или, иными словами, воспроизводится различное. Синтез есть синтез сил, их различия и воспроизводства; вечное возвращение — это синтез, принципом которого является воля к власти»¹³⁸.

Как было отмечено выше, эти идеи Ницше получают продолжение в биополитической теории М. Фуко. Французский мыслитель не ссылается на Ницше прямо, говоря о биополитике или биовласти, но параллели будут очевидны. Если же исходить из того, что концепция биополитики есть часть фукольдианской теории власти, то уместно будет вспомнить достаточно известный текст Фуко под названием «Ницше, генеалогия, история», где он подробно рассматривает специфику ницшеанской философии и подробно останавливается, опираясь преимущественно на две работы Ницше «Генеалогия морали» и «По ту сторону добра и зла». Размышления Фуко, представленные в сочинении «Ницше, генеалогия, история», интересны именно потому, что в них видна отсылка и к очевидному концептуальному разрыву, который существует между Ницше и дарвинистами, и к собственным фукольдианским представлениям о природе власти. Кроме того, в этом небольшом по объему тексте возникают две важнейшие для дальнейшего развития биополитики концептуальные корреляции. Первая корреляция – между жизнью и властью, вторая – между телом и историей¹³⁹.

Фуко обращается к понятию «Entstehung», который использует Ницше в своих работах, где осмысливаются категории жизни, воли к власти, и трактует это понятие как «выход на поверхность», «точку проявления»¹⁴⁰. Здесь нужно добавить: «точку проявления сил» или «точку проявления

¹³⁸ Делез Ж. Ницше и философия. М., 2003. С. 121.

¹³⁹ Специфика языка Фуко очевидно предполагает, что термин «тело» используется, с одной стороны, в буквальном, с другой, – в фигуральном смысле. Здесь контекстуально у Фуко «тело» – это биологические и психофизиологические особенности человека.

¹⁴⁰ Фуко М. Ницше, Генеалогия, История // Философия эпохи постмодерна: Сборник переводов и рефератов. Минск, 1996. С. 84.

жизни». Фуко настаивает на том, что генеалогический метод Ницше позволяет показать, как происходит процесс столкновения сил между собой или с внешними обстоятельствами, как именно удастся избежать проигрыша даже в случае поражения, почему исход борьбы всегда временный. Важно, что Фуко обращается к весьма специфическому примеру: «...возникновение определенного вида (животного или человека) и его стойкость обеспечены “долгой борьбой с существенно одинаковыми неблагоприятными условиями”. Действительно, “вид необходим себе как вид, как нечто такое, что именно благодаря своей твердости, однообразию, простоте формы вообще может отстаивать себя и упрочить свое существование при постоянной борьбе с соседями или восставшими...” Напротив, проявление индивидуальных особенностей происходит при другой расстановке сил, едва лишь побеждает вид, едва перестает существовать опасность внешней угрозы и едва лишь разворачивается борьба «свирепствующих друг против друга, как бы взрывающихся эгоизмов, которые борются за “солнце и свет”». Случается так, что сила борется против самой себя: и не только в упоении чрезмерностью, которая позволяет ей разделиться, но в момент своего ослабления. Она реагирует на свое утомление, черпая из него, не перестающего увеличиваться, свою мощь, и оборачиваясь против него, чтобы еще и еще уязвить, она устанавливает для него пределы, рядит его высшей моральной ценностью и, таким образом, вновь обретает мощь. И вот каково то движение, посредством которого рождается аскетический идеал “в инстинкте дегенерирующей жизни (...) борющийся за существование”...»¹⁴¹. Жизнь, отождествляемая с волей к власти, проявляет себя во всем, – в победе и в поражении, в силе и в слабости, в энергии и пассивности. Это, в свою очередь, обуславливает ее распространение или, как говорит Фуко, «безмestье».

¹⁴¹ Фуко М. Ницше, Генеалогия, История // Философия эпохи постмодерна: Сборник переводов и рефератов. Минск, 1996. С. 84-85.

Эта идея специфическим образом получит продолжение в теории Фуко при осмыслении власти вообще и в особенности биовласти. «Власть повсюду потому, что она отовсюду исходит»¹⁴², - говорит Фуко. Власть рассеяна везде, по всему социальному телу, ее можно обнаружить в каждой точке социального пространства. Парадокс заключается в том, что обнаружение власти – это отнюдь непростая задача. Власть становится «видимой», когда возникают «отношения неравенства»¹⁴³. Соответственно, кажется вполне логичным, что «читая Ницше», Фуко обращает внимание на то, что жизнь в понимании немецкого философа – это «в каком-то смысле одна и та же пьеса, разыгрываемая в театре без места», и «повторяется она между господствующими и подчиненными»¹⁴⁴.

«Игра господства» оказывается одновременно и пусковым механизмом, и неотъемлемой частью общественной жизни и общественной истории. «Одни люди господствуют над другими, и так рождается дифференциация ценностей; одни классы господствуют над другими — и так рождается идея свободы; люди подчиняют вещи, в которых нуждаются для того, чтобы жить, придавая несвойственную им долговечность или насильно их ассимилируя — и это есть рождение логики»¹⁴⁵. Господство – установление правил, которые меняются от эпохи к эпохе, от общества к обществу. Неизменным остается только одно правило – «установить правила». То, на что обращает внимание Фуко, анализируя далее ницшеанскую «игру господства», вполне могло служить одним из известных поводов к тому, чтобы говорить о том, что без Ницше нацизм как идеология не состоялся бы. «Вселенная правил предназначена не столько для того, чтобы смягчать, сколько, напротив, для того, чтобы утолить жажду насилия. Было бы неверно полагать, в соответствии с традиционной схемой, что общая война, истощаемая

¹⁴² Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 193.

¹⁴³ Там же. С. 194.

¹⁴⁴ Фуко М. Ницше, Генеалогия, История // Философия эпохи постмодерна: Сборник переводов и рефератов. Минск, 1996. С. 85.

¹⁴⁵ Там же.

собственными противоречиями, заканчивается отказом от насилия и соглашается быть погребенной в законах гражданского мира. Правило — это рассчитанное удовольствие неистовства, это обещанная кровь. Оно позволяет снова и снова начинать игру господства, оно выводит на сцену скрупулезно повторяемое насилие. Жажда мира, сладость компромисса, молчаливое принятие закона, не будучи грандиозным нравственным обращением, или же полезным расчетом, рождающим правило, представляют собой не более чем результат, и, по правде сказать, перверсию: “в долговом праве таится рассадник мира моральных понятий “вина”, “совесть”, “долг”, “священность долга” — корни его, как и корни всего великого на земле, изобильно и долгое время орошались кровью”. Человечество не медленно прогрессирует от битвы к битве, вплоть до всеобщей взаимности, когда правила навеки придут на смену войне; оно встраивает каждое из этих насилий в систему правил, идя, тем самым от господства к господству»¹⁴⁶. Действительно, вырванный из контекста, приведенный отрывок из работы Фуко, с цитатами из ницшеанских сочинений читается как оправдание насилия, как призыв отвечать насилием на насилие, как манифест антигуманности. Но в этом тексте также содержится один из важнейших смыслов, который будет воспроизводиться не только в биополитических работах Фуко, но и в сочинениях его последователей. Смысл этот заключается в том, что в последнем пределе главной противопоставленной жизни силой оказывается смерть. А с учетом того, что жизнь (воля к власти) проявляет себя в столкновении сил, то эта борьба со смертью есть неотъемлемая ее часть. Этот тезис окажется основополагающим в рассуждениях Фуко и Агамбена о танатополитике. Стоит добавить также, что этот же тезис, хотя и опосредованно, но будет связан с концепциями глобальной войны у

¹⁴⁶ Фуко М. Ницше, Генеалогия, История // Философия эпохи постмодерна: Сборник переводов и рефератов. Минск, 1996. С. 86.

итальянского теоретика Карло Галли и режима выживания у испанского исследователя Эдгара Ийяса¹⁴⁷.

В то же время нельзя не отметить, что фукольдианский анализ концепции воли к власти у Ницше подразумевает соответствующую оптику. Отсюда происходит идея о том, что сама структура господства теряет свой смысл. «Грандиозная игра истории — вот кому подчиняются правила, вот кто займет место тех, кто их использует, вот кто маскируется, чтобы их извратить, употребить их в противоположном смысле и повернуть их против тех, кто их установил; именно она, проникая в сложный аппарат, заставляет его функционировать таким образом, что господствующие оказываются в подчинении у своих собственных правил»¹⁴⁸. Однако стоит отличать «историю историков» и истинную историю, «историческое чувство». На это Фуко обращает особое внимание, проводя анализ метода Ницше. Говорить о том, что Фуко откровенно заимствует метод Ницше, выстраивая собственную теорию власти, нельзя, но и не увидеть соответствующие параллели трудно. Важно при этом, что в контексте рассуждений об историческом чувстве у Ницше, Фуко обращает внимание на проблему человека в очень специфическом ключе. «Мы верим в постоянство чувств? Но все они, и даже те, что кажутся нам самыми благородными и самыми бескорыстными, имеют свою историю. Мы верим в скрытое постоянство инстинктов и воображаем, что они всегда начеку, здесь и там, как раньше, так и теперь. Но историческое знание без труда разбивает их, чтобы показать их перевоплощения, подметить сильные и слабые моменты, идентифицировать их варианты, уловить их неспешное сотворение и те движения, посредством которых, оборачиваясь против самих себя, они могут упорствовать в своем собственном уничтожении. Во всяком случае, мы полагаем, что у тела нет других законов, кроме закона его физиологии, и что

¹⁴⁷ Подробнее об этом – в параграфе 3.3. третьей главы настоящего диссертационного исследования.

¹⁴⁸ Фуко М. Ницше, Генеалогия, История // Философия эпохи постмодерна: Сборник переводов и рефератов. Минск, 1996. С. 86.

оно ускользает от истории. Вновь заблуждение: оно втянуто в ряд режимов, которые его приспособливают, оно разорвано ритмами работы, отдыха и празднеств, оно отравлено ядами — пищей или ценностями, вкусовыми пристрастиями и нравственными законами одновременно, оно составлено из сопротивлений»¹⁴⁹. Впоследствии в сочинениях Фуко появится идея о том, что человеческому телу никак не уклониться от правил, которые устанавливаются помимо воли человека, сохранится и впишется в концепцию биовласти.

В ницшеанской трактовке «действительной истории» есть еще одна существенная деталь, которую никак нельзя не брать во внимание, рассматривая философию Ницше в качестве одного из источников биополитических исследований. Речь идет об особом понимании такого феномена, как событие. Традиционная история («история историков») подчинена идее континуальности, в которой событие как бы растворяется. «Действительная история» фиксирует «уникальную случайность события»¹⁵⁰. Событие подразумевает, что столкновение сил является одновременно ожидаемым и неожиданным. «В противоположность христианскому миру, повсеместно сотканному божественным промыслом, в отличие от мира греческого, поделенного между правлением воли и правлением великой космической бессмысленности, мир действительной истории знает лишь одно царство, в котором нет ни провидения, ни конечной причины, но лишь “железная рука необходимости, встряхивающая рог случая”. Быть может, стоит понимать эту случайность не как простое бросание вызова, но как риск, всегда проистекающий из воли к могуществу, всякому случайному исходу противопоставляющий, чтобы обуздать его, риск еще более грандиозной случайности»¹⁵¹. История, трактуемая как бесконечная череда случайных событий, проистекающих из столкновения жизненных сил, — тема,

¹⁴⁹ Фуко М. Ницше, Генеалогия, История // Философия эпохи постмодерна: Сборник переводов и рефератов. Минск, 1996. С. 87.

¹⁵⁰ Там же. С. 89.

¹⁵¹ Там же. С. 89.

безусловно, ницшеанская. Однако, претерпев определенные трансформации, именно она становится одной из ключевых в рамках самых современных биополитических исследований. При этом стоит отметить парадоксальность такой преемственности. Авторы, концептуализирующие текущую ситуацию в терминах случайности, говорящие о неизбежности существования в обществе риска, как правило концентрируются либо на проблеме ответственности человека за происходящее, либо на вопросе выживания в ситуации, которую невозможно изменить¹⁵².

Феномен истории в философии жизни видится чрезвычайно важным ввиду необходимости анализа источников современных биополитических исследований. И, разумеется, Ницше отнюдь не единственный представитель философии жизни, в чьих работах понятия жизни и истории тесно связаны. Развитие человечества (течение человеческой истории), понятое как органическое развитие, – одна из ключевых идей Освальда Шпенглера, который сам себя к философам жизни не причислял, но, по замечанию Риккерта, им являлся без своего ведома: «Так, чтобы не быть голословным, можно привести в пример хотя бы книгу, имеющую столь многочисленных читателей и столь сенсационное заглавие, как «Гибель Запада» Освальда Шпенглера: она — в большей своей части результат современных тенденций жизни, хотя «воля к жизни» у автора, как и у Вотана в кольце Нибелунгов, волит только одно: конец!»¹⁵³

Логичным кажется для начала привести вполне законченный тезис Шпенглера: «Культуры суть организмы. Всемирная история — их общая биография. Огромная история китайской или античной культуры представляет собой морфологически точное подобие микроистории

¹⁵² К числу таких авторов можно отнести Э. Ийяса, У. Бека, Э. Гидденса, Н. Роуза, о биополитических представлениях которых будет идти речь в главах 3 и 4 настоящего исследования.

¹⁵³ *Риккерт Г.* Философия жизни. Киев. 1998. С. 299.

отдельного человека, какого-нибудь животного, дерева или цветка»¹⁵⁴. Для настоящего диссертационного исследования важна не просто идея органической жизни, лежащая в основе исторической концепции Шпенглера, но ее соотнесенность с идеями предшественников и современников философа. В этом смысле важно отметить, что в теории Шпенглера совмещаются идеи Спенсера (по крайней мере в части органицистского подхода к пониманию общественно-политического развития) и Ницше. При этом Спенсер подвергается откровенной критике Шпенглера¹⁵⁵, а о Ницше он высказывается прямо противоположно: «В завершение мне не терпится еще раз назвать имена, которым я обязан почти всем: Гёте и Ницше. У Гёте я заимствую метод, у Ницше—постановку вопросов, и, если бы мне пришлось выразить в одной формуле мое отношение к последнему, я был бы вправе сказать: я сделал из его прозрения своего рода обозрение. Что до Гёте, то он сам того не ведая, был во всем своем образе мыслей учеником Лейбница. Оттого-то и ощущаю я то, что, к собственному моему удивлению, вышло в конце концов из-под моих рук как нечто такое, что, несмотря на убогость и мерзость этих лет, я хочу с гордостью назвать немецкой философией»¹⁵⁶. Ввиду того, что было сказано выше, интересно, что Шпенглер ставит в заслугу Ницше его мысль о двойственности всякой морали и замечает, что ницшеанское разграничение «морали рабов» и «морали господ» является слишком однозначным¹⁵⁷, но по сути верным¹⁵⁸. Шпенглер вслед за Ницше помещает понятия «хороший» / «плохой», «благой» / «злой» в социальный, даже классовый контекст, относя первое различие – к «аристократическим»

¹⁵⁴ Шпенглер О. Закат Европы. М., 1998. Т. 1. С. 262.

¹⁵⁵ Одно из суждений Шпенглера, указывающее на его вполне однозначное отношение к Спенсеру, выглядит так: «Однако системы Конта и Спенсера, материализм, монизм и дарвинизм, заставлявшие в XIX в. кипеть лучшие умы, все-таки сделались захолустным мировоззрением уже сегодня» [см. Шпенглер О. Закат Европы. М., 1998. Т. 1. С. 123].

¹⁵⁶ Шпенглер О. Закат Европы. М., 1998. Т. 1. С. 123.

¹⁵⁷ В частности, Шпенглер считает ошибочным отождествление христианства с «моралью рабов» у Ницше.

¹⁵⁸ Шпенглер О. Закат Европы. М., 1998. Т. 2. С. 357.

различиям, второе – к «священническим»¹⁵⁹. «Хороший» и «плохой» – тотемные понятия уже первых человеческих союзов и родов, обозначают не умонастроение, но человека, причем в целостности его живого бытия. Хорошие – властные, богатые, счастливые. «Хороший» означает сильный, храбрый, благородной расы, причем это так в словоупотреблении всех ранних времен. Плохие, продажные, бедствующие, низменные – это в изначальном смысле бессильные, нищие, несчастные, трусливые, немногочисленные ... «Благой» и «злой» – понятия табу – оценивают человека в отношении его ощущения и понимания, т. е. бодрствующего умонастроения и сознательных действий. Прегрешение против любовного этикета в расовом смысле – это низко; ослушаться церковного запрещения любви – зло»¹⁶⁰. Из этих противопоставлений происходят рассуждения Шпенглера о нравах и морали, которые также противопоставляются друг другу. Нравы есть то, чему можно обучиться, находясь в обществе, то, что можно «почувствовать». Мораль же представляет собой инструкцию, которую можно механически заучить. «У всякой жизни есть нравы; иначе ее невозможно и мыслить», – заключает Шпенглер. Нравы – часть жизни, мораль – «вечное требование», довлеющее над жизнью. Основой нравов является, по Шпенглеру, честь, которая есть «вопрос крови, а не рассудка»¹⁶¹. Честь обозначает принадлежность к расе, сословию и собственно к жизни. Здесь, конечно, имеет смысл заметить, что понятие «раса» в максимально широком значении (или даже в любом из некоторого количества значений). «Раса» в данном случае, скорее, служит для обозначения рода, породы, возможно, качества. Вместе с тем рассуждения Шпенглера о нравах и морали, трактуемых через понятие жизни и в связи с понятием «раса», вполне коррелируют с ницшеанским пониманием морали, которое во многом справедливо подвергалось и подвергается критике. Однако нельзя не

¹⁵⁹ Шпенглер О. Закат Европы. М., 1998. Т. 2. С. 357.

¹⁶⁰ Там же. С. 357.

¹⁶¹ Там же. С. 358.

заметить, что мысль Шпенглера развивается в направлении, которое заслуживает особого внимания.

Шпенглер достаточно подробно описывает ключевые критерии социального и политического порядка, пользуясь метафорикой органицизма. Анализируя понятия «собственность» и «имение», философ фактически объясняет появление формулы «кровь и почва»¹⁶², которую будут активно использовать идеологи нацистской Германии. «Духовенство микрокосмично и животно, знать космична и растительна, – пишет Шпенглер, – отсюда ее глубокая связь с землей. Она сама есть растение, прочно укорененное в земле, привязанное к почве, и в том числе и поэтому она – возвысившееся крестьянство. Из этого рода связанности произошла идея собственности, совершенно чуждая микрокосму как таковому, свободно двигающемуся в пространстве ... “Имение” начинается с растения и продолжается в истории высшего человека до тех пор, пока в нем есть растительное, есть раса. Поэтому собственность в наиболее непосредственном ее значении – это земельная собственность, и стремление к тому, чтобы превратить нажитое в землю и почву, всегда есть свидетельство человека доброй породы. Растение владеет почвой, в которой оно коренится. Она является его собственностью, которую оно обороняет с отчаянностью всего своего существования - против чуждых ростков, против превосходящих мощью соседних растений, против всей природы»¹⁶³. Шпенглер, действительно, не дает свободы интерпретаций, формулируя идею «крови и почвы», увязывая понятие «доброй породы», «человека высшей расы» со стремлением к завоеванию, которое, в свою очередь, трактуется как жизнь.

В данном случае трудно опровергнуть замечание французского публициста Анри Массиса, яркого критика Шпенглера как «предвестника национал-социализма», о том, что «под видом жизни (или смерти), то есть

¹⁶² «Кровь и почва» – название одной из частей второй главы второго тома «Заката Европы».

¹⁶³ Шпенглер О. Закат Европы. М., 1998. Т. 2. С. 359.

биологических фактов, возведенных в систему мира, он [Шпенглер] разрешает все «эволюции», все перевороты»¹⁶⁴. Вместе с тем, как и у Ницше, биологизм и воинствующая витальность не может восприниматься в узком социально-политическом смысле, хотя, безусловно, теория Шпенглера включает в себя этот смысл. По замечанию российского ученого О.Ю. Бойцовой, «аналогия с биологическим организмом является важнейшим аргументом при обосновании фундаментальных тезисов учения [Шпенглера]: о преходящем характере всего сущего, о жизненном цикле культуры, о природе человека и т.д.»¹⁶⁵

«Человек» и «человеческое» в философии жизни Шпенглера отнюдь не однозначные понятия. С одной стороны, история человека коротка в сравнении с историей мира растений и животных. «Внезапный подъем и упадок через несколько тысячелетий – это маловажно для судеб Земли, но для нас, здесь и теперь рожденных, эта история обладает трагическим величием и силой»¹⁶⁶. Краткость истории человека, помещенного в определенное время, в определенное место в пределах грандиозной мировой истории, как будто не оставляет ему выбора, - он вынужден бороться с этим «назначенным» ему миром. «Эта борьба и есть жизнь, – пишет Шпенглер, – а именно, борьба в смысле Ницше, как воля к власти, свирепая, жестокая борьба без пощады. ... Ибо человек является хищником»¹⁶⁷. Своего рода вынужденное положение не умаляет мощи этого «хищника». Все дело в том, что Шпенглер спорит с Дарвином, выступая против так называемой «иерархии тел», и говорит о «иерархии жизней»¹⁶⁸. Жизнь – то, что является основой этой иерархии, но жизнь растения – это «пассивная жизнь», жизнь, которая происходит помимо субъекта жизни, он при этом не желает и не

¹⁶⁴ *Массис А.* Шпенглер – предвестник национал-социализма // Тетради по консерватизму. 2020. № 4. С. 248.

¹⁶⁵ *Бойцова О.Ю.* Капкан для хищника: Освальд Шпенглер о судьбах религии в западном мире // Диалог со временем. 2020. Выпуск 71. С. 135.

¹⁶⁶ *Шпенглер О.* Человек и техника // Культурология. XX век. Антология. М., 1995. С. 459.

¹⁶⁷ Там же. С. 460.

¹⁶⁸ Там же. С. 461.

выбирает¹⁶⁹. Более сложные субъекты (животные, живущие за счет растений) характеризуются тем, что их целью выступает объект, не способный к сопротивлению. Человек относится к группе живых существ, которые «делают другого добычей»¹⁷⁰. Очередная метафора Шпенглера, используемая для описания человека как воплощения высшей формы жизни, несомненно, шокирует. Но и здесь необходимо обратить внимание на то, что философ остается в рамках собственной концепции и понимает под «добычей» хищника-человека все, что его окружает. Вновь проводя параллель между человеком и хищным животным, Шпенглер говорит о специфике их зрения, способности «определять вещи согласно их положению и дальности»¹⁷¹. Уже в этом для Шпенглера заключена идея господства: «Бесконечное чувство власти заключено в этом дальнем, спокойном взгляде, то чувство свободы, которое...покоится на большой силе, на уверенности в том, что он не станет ничьей добычей. Мир есть добыча – в конечном счете, из этого факта вырастает человеческая культура»¹⁷². Этот тезис видится абсолютно естественным и позитивным для Шпенглера в рамках его теории и, разумеется, подогревает критику, адресованную Шпенглеру. Так Анри Массис полагает, что именно эта вседозволенность, ничем не ограниченная жажда добычи, которая и есть шпенглеровская жизнь, приводят к крайнему, даже преступному, релятивизму. Именно этот релятивизм, подкрепленный идеями Шпенглера, окажется так необходим нацистам. Массис приводит отрывок из текста немецкого расиста Ганса Гюнтера: «Мы имеем право не доверять различным доктринам, которые подчеркивают важность духа и души, с избытком ее подчеркивают, не указывая способ реализации этих духовных и нравственных ценностей, способ заставить их играть роль в человеческих поколениях. С этой точки зрения множество вещей, которые нам даются через дух, нам представляются идущими от не-духа (Ungeist)...

¹⁶⁹ Шпенглер О. Человек и техника // Культурология. XX век. Антология. М., 1995. С. 461.

¹⁷⁰ Там же. С. 462.

¹⁷¹ Там же. С. 463.

¹⁷² Там же.

Одна-единственная культура, достойная этого имени, есть та, которая достигает инкорпорирования своих собственных нравственных ценностей в образцовые поколения»¹⁷³. Нацизм, по мнению Массиса, вдохновлен шпенглеровским пониманием места человека в истории, всемогущим, устанавливающим собственные правила хищником. «Германия воодушевляется единственно тем пониманием мира, которое позволяет все, которое ей предоставляет возможность делать все»¹⁷⁴. При том, что такого рода отношение к идеям Шпенглера видится вполне оправданным, нельзя не заметить противоречия в учении философа, которое в итоге оказывается существенным для последующего развития биополитических исследований.

Трагедия человека (хищного, всемогущего, свободного) состоит в том, что «природа сильнее»¹⁷⁵. Человек, «охотящийся на мир», преобразующий его, оказывается в ловушке, ведь человек – часть мира, творение природы. Трудно не согласиться с выводом О.Ю. Бойцовой в отношении сущности шпенглеровского человека, когда она говорит о том, что он есть «уникальный охотник, способный преобразовывать мир, создавать нечто не существующее в природе» и «именно становление этой способности становится движущей силой человеческой истории»¹⁷⁶. Но парадокс заключается в том, что именно это является причиной их гибели. «Все великие культуры, – пишет Шпенглер, – являются поэтому столь же великими поражениями ... Борьба против природы безнадежна и все же она будет вестись до самого конца»¹⁷⁷.

Интересно, что, если корреляции шпенглеровских идей с нацистской идеологией кажутся весьма заметными, часто справедливо критикуемыми

¹⁷³ Массис А. Шпенглер – предвестник национал-социализма // Тетради по консерватизму. 2020. № 4. С. 249.

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ Шпенглер О. Человек и техника // Культурология. XX век. Антология. М., 1995. С. 469.

¹⁷⁶ Бойцова О.Ю. Капкан для хищника: Освальд Шпенглер о судьбах религии в западном мире // Диалог со временем. 2020. Выпуск 71. С. 136.

¹⁷⁷ Шпенглер О. Человек и техника // Культурология. XX век. Антология. М., 1995. С. 469-470.

исследователями, то идея о трагедии человека, покоряющего мир, остается как будто в стороне. На самом деле именно она получит развитие не только в текстах ученых, но в докладах действующих политиков и экономистов в тот момент мировой истории, когда проблемы экологического порядка станут глобальными, а следовательно, так или иначе политизируются¹⁷⁸. И здесь нужно отметить еще один парадокс. Трагедия человека, обреченного на борьбу с миром, как биополитическая проблема обозначится в политических условиях, принципиально отличных от тех, которые осмысливает Шпенглер. Это в полной мере отражено в шпенглеровском понимании социально-политического порядка, при описании которого он, вполне естественно, исходит из витальности и жизненной силы тех, кто составляет человеческое общество.

Кажется вполне естественным, что идея о природном равенстве видится Шпенглеру нелепой. Различие «рангов между людьми» определяется просто тем, что одни рождены для господства, а другие – для «услужения». Одни – «вожди», другие – «ведомые жизни»¹⁷⁹. И вожди и ведомые составляют одно большое единство, которое Шпенглер называет «организацией». Так происходит переход от «органического к организованному»¹⁸⁰, от «естественных групп – к искусственным»¹⁸¹, «от стаи – к народу, сословию и государству»¹⁸². Но возникает вопрос о том, замещается ли «органическое» «организованным». Для Шпенглера такое замещение вряд ли возможно. Он понимает государство как «внутренний порядок народа для достижения внешних целей»¹⁸³. Государство, конечно, – необходимость, отвечающая природе человека. Но это отнюдь не

¹⁷⁸ К примерам такого рода можно отнести упомянутые выше публикации Римского клуба, начиная со знаменитого доклада «Пределы роста», а также концепцию «полного мира» американского экономиста Германа Дейли, о которой речь пойдет в главе 4 настоящего исследования.

¹⁷⁹ Шпенглер О. Человек и техника // Культурология. XX век. Антология. М., 1995. С. 476.

¹⁸⁰ Там же. С. 477.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Там же.

¹⁸³ Там же.

аристотелевское государство. Это государство – хищник. «Характер свободного хищника в значительной степени передается от индивида организованному народу – зверю с одной душой и многими руками»¹⁸⁴. Если это так, то государство ведет себя, подобно, хищнику. Отсюда шпенглеровское утверждение о том, что история по сути своей есть история рас, история войн, «дипломатическая история, судьба потоков существования в образе мужчины и женщины, судьба рода, народа, сословия, государства»¹⁸⁵, а политика – «эрзац войны с помощью оружия духа»¹⁸⁶.

Впрочем, апофеозом биополитического в теории Шпенглера видится вполне определенные суждения о сущности политики. Шпенглер утверждает, что подлинная история не может быть «антиполитической»¹⁸⁷. Сама политика есть жизнь, «а жизнь – это политика»¹⁸⁸. Объясняется это по-прежнему тем, что естественное, жизненное, биологическое первостепенно. Кровь превалирует над духом. Духовное – продолжение биологического и никак иначе. Политика – это государство, государство – это народ (раса), народ – это язык, религия, искусство. Но все это, по Шпенглеру, «есть также и выражение крови, струящейся сквозь эти формы в бодрствовании целых последовательностей поколений»¹⁸⁹.

Благодаря исследованию творчества Шпенглера (не лишеного идейного влияния Ницше, разумеется) складывается довольно полная картина того, какие именно аспекты философии жизни могли оказывать влияние на развитие биополитики. Здесь важно еще раз подчеркнуть, что в философии жизни с легкостью можно найти идеи, которые станут

¹⁸⁴ Шпенглер О. Человек и техника // Культурология. XX век. Антология. М., 1995. С. 477.

¹⁸⁵ Шпенглер О. Закат Европы. М., 1998. Т. 2. С. 354.

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ Стоит отметить, что в этом состоит важное отличие от позиции Ницше, касающейся подлинной истории. У Ницше политическая подоплека в понимании истории не артикулирована, хотя идея воли к власти подразумевает и ее, а у Шпенглера показана со всей четкостью.

¹⁸⁸ Шпенглер О. Закат Европы. М., 1998. Т. 2. С. 354.

¹⁸⁹ Там же.

чрезвычайно продуктивными в условиях формирования нацистской идеологии. В то же время нельзя отрицать собственно теоретического потенциала философии жизни для последующего развития биополитики как поля политической науки. В этом смысле необходимо заметить, что теория биополитики, корнями которой являются описанные выше идеи, – начинает свое формирование как *критическая* теория. В этом смысле органицизм Спенсера и социал-дарвинизм как источники биополитических исследований качественно не отличаются от теорий Ницше и Шпенглера. Но как было отмечено выше, философия жизни слишком разнородна для того, чтобы делать однозначный вывод о качестве источника. Примером, отличным от приведенных выше концепций (от органицизма, социал-дарвинизма, концепций жизни Ницше и Шпенглера), может служить концепция Георга Зиммеля.

Говоря о теории Зиммеля, исследователи практически всегда отмечают его особой внимание к духовным аспектам человеческой жизни, человеческой истории. Хотя в разные творческие периоды приоритеты мыслителя менялись – от идей, совершенно очевидно формировавшихся под влиянием Г. Спенсера и Ч. Дарвина, через увлечение неокантианством, к возникновению авторской версии философии жизни, – он всегда говорит о жизни как о главном предмете своих исследований. Ввиду обозначенной задачи – показать отличие позиции Зиммеля и, соответственно, иную направленность последующих биополитических исследований в сравнении с приведенными выше концепциями, – имеет смысл, прежде всего, остановиться на аспектах, которые интересуют каждого из названных ранее мыслителей, но подходы к осмыслению которых и соответствующие выводы у Зиммеля принципиально отличаются.

Так, рассматривая тему человека и его жизненного пространства, Зиммель концентрируется на проблеме соотношения индивидуального и социального. Эта тема ярко представлена в работе «Социальная

дифференциация. Социологические и психологические исследования». Важно, что эта работа относится к периоду, когда Зиммель испытывает очевидное влияние эволюционизма. Еще одной из существенных характеристик творчества Зиммеля этого периода выступает его приверженность к анализу общественных отношений с позиции формально-социологического подхода, когда важнейшие социально-политические, правовые и этические феномены (социальный порядок, власть, право, мораль и др.) рассматриваются как «социальные формы, в которых объективируется жизнь»¹⁹⁰.

«Жизнь» у Зиммеля – некий абсолютный принцип, неиссякаемый источник энергии. Сама жизнь иррациональна, спонтанна, креативна. Познавать жизнь означает познавать те формы, которые она принимает, механизмы, благодаря которым они складываются. В пространстве социального такое познание возможно через определение разного рода социальных взаимодействий, к числу которых относятся, например, господство и подчинение, конкуренция, солидаризация и т.п. При этом роль человека в процессе познания у Зиммеля носит противоречивый характер. Как отмечает Риккерт, «Зиммель исходит из того, что всегда и повсюду мы натываемся на границы и сами ими являемся. Но вместе с тем мы также и знаем о наших границах, и только тот может иметь знание о них, кто уже стоит вне их. ... Согласно Зиммелю, преодоление духом самого себя происходит в самых различных областях»¹⁹¹. То есть, с одной стороны, мы имеем дело с целенаправленным актом (познания), который, несомненно, зависит от человека, но с учетом того, что социальные формы есть порождение потока жизни, то собственно человеческое влияние на них является в большой степени ограниченным. «Жизнь, – пишет Зиммель, – не хочет подчиняться от нее зависимому. Она вообще не хочет быть в чьем-

¹⁹⁰ Бойцова О.Ю. Зиммель // Философия политики и права. Энциклопедический словарь. М., 2018. С. 140.

¹⁹¹ Риккерт Г. Философия жизни. Киев. 1998. С. 329.

нибудь подчинении, даже от идеального, требующего себе более высокого иерархического положения... Сущность жизни в том и заключается, чтобы творить из самой себя все руководящее и искушающее все противоречия, все победы и поражения...»¹⁹². Любопытно, что именно с этой идеей связано существенное расхождение между шпенглеровской «охотой на мир», которую осуществляет человек, и тем, что представляет собой человек Зиммеля. «В известной степени мы превзошли наше природное бытие, т.е. взаимное соответствие нашей целостной организации и мира наших представлений. Теперь перед нами лежит мир, который уже не является «нашим», если мы мыслим себя как единое существо в гармоничной соотнесенности наших составных частей. Превзойдя собственное бытие им же самим созданными силами, бросив на себя взгляд назад, мы видим себя в неслыханном космическом умалении»¹⁹³. В некотором смысле это видение человека и его роли в познании жизни (мира) прямо противоположно тому, о чем пишет Шпенглер. Человек преодолевает жизнь, познавая ее, но не становится ее хозяином. Жизнь как будто бы возвращает человека к началу его пути. С точки зрения Зиммеля, эта проблема разрешается следующим образом: «Тем не менее уже тот факт, что мы, познающие существа, находясь в рамках возможного познания, вообще способны прийти к идее, что мир не входит в формы нашего познания; тот факт, что мы, будучи сами чисто проблематичными существами, можем мыслить данность мира, каковую мы мыслить как раз не можем, — именно это является выходом духовной жизни за собственные пределы, прорывом к лежащему по ту сторону. И это — прорыв не какой-то единичной границы, но границ вообще, акт самотрансценденции, устанавливающий имманентную границу, будь она действительной или только возможной»¹⁹⁴. Эти общие для философии

¹⁹² Зиммель Г. Конфликт современной культуры // Культурология. XX век. Антология. М., 1995. С. 391.

¹⁹³ Зиммель Г. Созерцание жизни // Избранное. Т. 2. М., 1996. С. 10.

¹⁹⁴ Там же. С. 11.

Зиммеля принципы получают вполне определенное воплощение в его социально-политической теории.

Прежде всего, нельзя не отметить очевидное влияние идей Спенсера на природу социального организма в интерпретации Зиммеля. Государство предстает у него органическим целым, состоящим из элементов, подчиненных единому началу. «Социальный организм обнаруживает явления, аналогичные тем, которые привели к предположению о наличии в отдельном живом существе особой жизненной силы. Удивительная стойкость, с какой тело переносит лишение его тех условий, к которым приспособлено его нормальное питание и сохранение формы; сопротивление, которое оно оказывает прямым препятствиям, черпая в самом себе силы, которых в его распоряжении оказывается ровно столько, сколько необходимо, чтобы отразить данное нападение; наконец, помимо всего прочего, еще и отращивание поврежденных или утраченных частей, что способно или же, по крайней мере, стремится до некоторой степени восстановить (самостоятельно и посредством внутренней движущей силы) целое, как бы ни было оно повреждено, — все это, казалось, указывает на особую силу, которая, господствуя над всеми отдельными частями и сохраняя свою независимость от них, поддерживает целое как таковое во всем его составе»¹⁹⁵. К этому добавим, что государство, по Зиммелю, есть не что иное, как «всеохватывающая» форма жизни, в том смысле, что в сферу влияния государства «втянуты все возможные содержания жизни»¹⁹⁶. Необходимость существования государства обусловлена тем, что именно благодаря ему обеспечивается воспроизводство ключевых форм взаимодействия индивидов в обществе. Именно благодаря взаимодействию людей обеспечивается, с одной стороны, поддержание всевозможных форм жизни, воплощенных в социальных институтах, с другой, — констатируется

¹⁹⁵ Зиммель Г. Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования // Избранное. Проблемы социологии. М., СПб., 2015. С. 28.

¹⁹⁶ Зиммель Г. Созерцание жизни // Избранное. Т. 2. М., 1996. С. 256.

важность индивидуального участия в области общественного. В социальном смысле так реализуется описанная выше специфическая роль человека и человеческого познания в процессе постижения жизни. Человек, «неоформленный комплекс содержаний, сил, возможностей как будто включен жизнью в предлагаемые обстоятельства»¹⁹⁷, а благодаря государству он «преобразуется в дифференцируемый, со строго определенными границами объект, сконструированный продукт»¹⁹⁸. Человек, находясь в обществе, взаимодействует с себе подобными, но и с самой жизнью, заставляющей вступать во взаимодействия, которые и формируют социальность. Собственно, по Зиммелю, «вся социальная жизнь есть взаимодействие» и в силу этого она и представляет собой единство, которое не что иное, как связь отдельных элементов¹⁹⁹. Функциональные связи между индивидами и институтами обеспечивают процесс, который у Зиммеля носит название «обобществление». Под обобществлением у мыслителя понимается «“совершение общества”, то есть развитие и усложнение как результат многочисленных процессов взаимодействия»²⁰⁰. «Обобществление» при этом достаточно широкое понятие, чтобы включать в себя любые типы взаимодействия, в том числе и конфликты. «Разумеется, общество живет только за счет индивидуумов. Однако это ни в коем случае не исключает возможности многочисленных и разнообразных конфликтов между ними. С одной стороны, конфликты возникают в результате того, что те элементы, те свойства индивидуумов, посредством которых они создают общество, выливаются именно в особое образование под названием «общество», которое обретает собственные устои и органы, противостоящие своими требованиями в лице чиновников исполнительной власти индивидууму как некая чуждая ему партия; с другой стороны, конфликт обусловлен именно

¹⁹⁷ Зиммель Г. Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования // Избранное. Проблемы социологии. М., СПб., 2015. С. 255.

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ Там же.

тем, что общество входит в жизнь каждого составляющего его индивидуума»²⁰¹. Конфликт оказывается из социальных форм проявления жизни. Следовательно, он неизбежен и даже желателен. Являясь примером взаимодействия, исход конфликта (не зависимо от того приведет ли он к примирению, или поражению одной из сторон) является фактором изменения социального пространства, а значит, продолжению жизни, принимающей очередную социальную форму. Конфликт как частный случай взаимодействия обеспечивает совершенно иное представление и о господстве в интерпретации Зиммеля. Господство и в широком и в узко политическом смысле не может трактоваться как одностороннее воздействие властвующего на подчиненного. Господство есть взаимодействие, предполагающее и волю властвующего, и реакцию подчиненного.

И интеракционизм как подход к анализу социальности у Зиммеля, и само понимание жизни, в рамках которого, по замечанию Риккерта, «форма примеряется с содержанием, косное с подвижным, твердое с текучим, ограниченное с безграничным, и при том так, чтобы, в конце концов, жизненность жизни сохранила за собой свои преимущества»²⁰², несомненно, оказали влияние на развитие биополитической проблематики в социально-политических науках. Одним из примеров влияния идей Зиммеля может выступать концепция «жизненной политики» Энтони Гидденса. В его теории найдет отражение и идея жизни, меняющейся под воздействием развития знания, и идея изменения человека, являющегося познающим субъектом, и идея «текучести», временного характера знания о мире, являющегося залогом продолжения развития общественно-политической жизни. Разумеется, идеи Зиммеля трансформируются, со всей четкостью обозначится новый, не характерный для немецкого ученого, контекст повседневности, в рамках которого будут по-новому рассматриваться

²⁰¹ *Зиммель Г.* Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования // Избранное. Проблемы социологии. М., СПб., 2015. С. 308.

²⁰² *Риккерт Г.* Философия жизни. Киев. 1998. С. 328.

проблемы соотношения жизни индивидуальной и общественной, проблемы дифференциации, основанные на том, что Гидденс и будет называть «жизненной политикой».

Ценность теории Зиммеля состоит не только в том, что в ней обнаруживается оригинальный взгляд на воплощение жизни в различных социально-политических формах, но в способе постановки проблемы, которая станет одной из центральных в биополитических исследованиях. Вместе с тем мыслитель продолжает традицию рассмотрения государства как органического целого, которая развивается не только в рамках философии жизни, но в иных теоретических направлениях, одно из которых необходимо проанализировать в качестве обязательного источника последующих биополитических исследований. Речь идет о геополитических теориях, которые формируются, начиная со второй половины XIX века. Особое внимание имеет смысл уделить теории шведского ученого Рудольфа Челлена.

1.3. Биополитические идеи в теории Рудольфа Челлена²⁰³

Рудольф Челлен²⁰⁴ хорошо известен специалистам в области геополитики, но в том, что его имя следует обязательно назвать, начиная разговор о биополитике, нет ничего странного. Ассоциации с геополитическими учениями, возникающие в связи с упоминанием имени

²⁰³ При написании данного параграфа диссертации использованы результаты научной работы, выполненной автором лично и опубликованной ранее: *Аласания К.Ю.* Понятие биополитики в геополитической теории Рудольфа Челлена // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2020. № 1. С. 18-28.

²⁰⁴ Рудольф Челлен (1864-1922) – профессор Упсальского университета и Гетеборгской высшей школы, известен не только как успешный ученый, к исследованиям которого с явным одобрением относился, например, Карл Шмитт, но и как участник политической жизни Швеции. С 1905 по 1908 год и с 1911 по 1917 год Челлен был членом второй палаты шведского парламента и принадлежал к консервативной партии. См., например, Ден В.Э. Учение Рудольфа Челлена о предмете и задачах геополитики // Известия Русского географического общества. 1997. Т. 129. Вып. 1-2. URL: http://ecgeo.spbu.ru/doc/Den%20vs%20Rudolf_Kjellen.pdf (дата обращения: 28.12.2022), Gunneflo M. Rudolf Kjellén: Nordic biopolitics before the Welfare State // *Retfærd*. 2015. Årg. 38, nr.150. Pp. 24-39. Именно благодаря Челлену в научный оборот входят термины «геополитика» и «биополитика».

шведского государствоведа объяснимы, поскольку сам термин «биополитика» хоть и используется Челленом, но кажется вспомогательным для развития концепции геополитики. Однако для того, чтобы разобраться, в какой степени и каким образом биополитика концептуализируется в связи с рассмотрением Челленом границ и проблем геополитики, следует обратиться к деталям теории Челлена.

Прежде всего, тексты Челлена отличает системность и последовательность²⁰⁵, которая связана со стремлением создать новую науку, которая изучала бы государство с позиций иных, нежели делали это современные ученому юристы. В 1905 году выходит двухтомник под названием «Великие державы. Очерки из области современной высокой политики». Несколько раз содержание этого сочинения претерпевало изменения. В 1911-1913 году сочинение под этим же названием издавалось как четырехтомник, в 1914 было издано в сокращенном виде под названием «Современные великие державы», а после войны (в которой Челлен, надо сказать, открыто поддерживал действия Германии²⁰⁶) вышло под заголовком «Великие державы и мировой кризис». Разумеется, и корректировки, связанные с изменениями содержания, а в итоге со сменой названия не были случайными. От характеристик ряда «основных» субъектов мировой политики (изначально Челлена интересовали внутренние и внешние особенности «великих держав») Челлен переходит к анализу вопросов, которые, очевидно, актуализировались в условиях I Мировой войны. Работа

²⁰⁵ О системности и четкости исследовательских намерений свидетельствует, например, тот факт, что статья «Политика как наука», напечатанная в газете «Göteborgs Aftonbladet» в 1901 году была включена в качестве приложения в немецкое издание самого известного труда Челлена «Государство как форма жизни» в 1924 году.

²⁰⁶ Пангерманский настрой Челлена, его достаточно жесткая позиция в отношении реальных политических интересов и стратегий государств зачастую и небезосновательно подвергается критике в исследовательской литературе. Однако взгляды Челлена на природу государства, системный анализ феномена политики и, в частности, разработка концепции геополитики являются несомненно ценными для развития политической мысли XX века.

над этой проблематикой подготавливала почву для формирования нового политического учения.

В том, что речь шла о создании нового направления в науке, не приходится сомневаться. И в упомянутых работах, и в сочинении «Основы системы политики» (в последней крупной работе Челлена), и, по убеждению самого мыслителя, в его главной книге «Государство как форма жизни»²⁰⁷ речь идет о совершенно особом понимании государства. Критики и последователи теории Челлена в качестве одного из важнейших положений выделяют понимание государства как живого организма. Органицизм Челлена вполне закономерен, учитывая то, что он считал себя последователем Фридриха Ратцеля. Вместе с тем есть некоторые нюансы, которые заслуживают особого внимания во многом потому, что именно с этим специфическим взглядом на государство связано понимание Челленом геополитики и биополитики.

Государство является органическим целым, внутри которого происходят изменения, и которое при этом находится в постоянном взаимодействии с окружающей средой. По аналогии с биологическими организмами государство неизбежно (естественно) ведет борьбу за существование, вступая в отношения (чаще конфликтные) с другими государствами. При этом важен акцент Челлена на том, что политическая наука должна иметь своим объектом именно персонифицированное государство, государство, которое можно уподобить личности. В этом смысле Челлен идет дальше. В его интерпретации государство предстает не как животное высшего порядка («хищник»), но как человеческая личность. Челлен утрированно говорит об этом следующим образом: «Государства действуют, говорят, заседают на конгрессах и сражаются на полях битв, завидуют и ненавидят друг друга или симпатизируют друг другу, помогают и

²⁰⁷ Это сочинение Челлена фактически представляет собой расширенную версию учебного курса, прочитанного им в университете Гетеборга в 1908 году под названием «Государство как форма жизни. Очерки эмпирического учения о государстве».

разрушают друг друга точно так же, как и живые существа в сообществе друг с другом. Словом, каждый ведет себя как индивид, обладающий своим особенным характером, своими особыми интересами, отличный своим образом действий, своим чувственным миром ... Насколько интенсивным является такое олицетворение, полагаем, зависит от готовности народной фантазии к индивидуализации своих государств вплоть до наделения их собственными именами и человеческими образами. Так, мы знаем “*moder Svea*” [Мать-Швецию - швед.], сравнимую с названием другой женщины “*la belle France*” [прекрасной Франции - фр.]. При этом вовсе не обязательно перелистывать далее “*Review of reviews*”, чтобы узнать “Джона Буля” или “дядю Сэма” – постоянных персонажей на этом карнавале²⁰⁸. Складывается впечатление, что исследователи, обращающиеся к Челлену, обходят вниманием эту, достаточно четко очерченную позицию мыслителя. И это кажется действительно упущением, поскольку именно тезис о персонификации государства дает впоследствии возможность обосновать соотношение геополитического и биополитического начал в теории Челлена. В определенном смысле можно утверждать, что и структуру самой науки о политике, по Челлену, задает концепция «персонифицированного государства». Челлен говорит о государстве как о «триединстве общества – его тела, т. е. внешне выраженной совокупности частных и непосредственных интересов и потребностей; нации – его души, характера народа; и специфически понятого народного духа, его разумной организации»²⁰⁹ и настаивает на том, что политическая наука должна изучать государство совершенно специфическим образом, исследуя «народную индивидуальность, исходя из тех же посылок, на которых строится изучение отдельных индивидов: ее интересуют не только принципы разума (отчетливее всего запечатленные в правовой организации, являющейся предметом специальной дисциплины – государственного права), но и

²⁰⁸ Челлен Р. Государство как форма жизни. М., 2008. С. 83.

²⁰⁹ Челлен Р. Политика как наука // О политической науке, ее соотношении с другими отраслями знания и об изучении политического пространства / Полис. 2005. № 2. С. 115.

действующие поверх них общественные отношения и потребности (политическая статистика, или социополитика), природные характеристики и духовные сущности (этническая психология, или этнология), прошлое развитие (отчасти принадлежащее истории) и наличная географическая среда (геополитика)»²¹⁰.

Очевидно, что рассуждения Челлена о духе народа коррелируют с пониманием этого феномена у Гегеля, когда он говорит о том, что народный дух есть то общее, что «проявляется и познается в государстве, та форма, под которую подводится все существующее, является тем, что составляет образование нации. ...Определенное содержание, которому придается форма общности и которое заключается в той конкретной действительности, которой является государство, есть сам дух народа»²¹¹. И, разумеется, в сочинениях Челлена прослеживается связь с идеями ярчайших представителей немецкой исторической школы права Карла Фридриха фон Савиньи и Фридриха Георга Пухты²¹².

Савиньи, как известно, в отличие от сторонников теории позитивного права, представляет «народный дух» в качестве истинного источника права. Он есть главный его принцип. То есть право невозможно мыслить, не имея в виду национальную специфику. В свою очередь, право есть отражение характера народа, его духа²¹³. Важно, что у Савиньи, например, отчетливо звучит мысль о том, что развитие права можно воспринимать как развитие именно человеческой жизни²¹⁴.

²¹⁰ Челлен Р. Политика как наука // О политической науке, ее соотношении с другими отраслями знания и об изучении политического пространства / Полис. 2005. № 2. С. 117.

²¹¹ Гегель Г.В.Ф. Философия истории // Сочинения в 14 тт. Т. VIII. М., 1956. С. 375.

²¹² Челлен отмечает, что историческая школа права способствовала развитию столь необходимой ему идеи, но логика этого развития была иной. См., например, Челлен Р. Государство как форма жизни. М., 2008. С. 153.

²¹³ См. подробнее Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права. Т. 1. М., 2011.

²¹⁴ Савиньи Ф. Римское право в Средние века // Немецкая историческая школа права: Сборник. Челябинск, 2010. С. 13.

В творчестве Пухты безусловно сохраняется идея о духе народа как об основополагающем принципе существования права и как следствия государства, однако акцент сделан на том, что дух народа есть источник исторического развития. На этом основании выстраивается концепция, согласно которой следует говорить о том, что мировая история есть совокупность «индивидуальных» историй государств²¹⁵.

Вполне естественно, что критики Челлена зачастую строят аргументацию на тех же основаниях, что и критики исторической школы права. Главная ошибка Челлена, по мнению критиков, состоит в том, что он осознанно преуменьшает значение правового компонента в определении сущности государства, говорит о том, что государство не может сводиться лишь к правовому устройству, откровенно спорит с теорией общественного договора, утверждая, что государство есть «нечто незаконченное, неспособное пребывать в состоянии покоя. Оно не принадлежит к неорганической природе. Оно есть жизнь, движущаяся, действующая, развивающаяся вовнутрь и вовне. Оно постоянно совершенствует свою организацию. Оно предполагает ежедневную деятельность в имеющихся организационных рамках. Оно неослабно стремится к реализации тех возможностей, которые предоставляют ему склонности народа и географическая среда»²¹⁶.

На это обратит внимание современный итальянский философ Роберто Эспозито. Он говорит о том, что для Челлена политическое – не что иное, как продолжение природы. Размышляя о способах существования великих держав, Челлен приходит к выводу, что ввиду необходимости расширения территории (тут напрашивается аналогия со средой обитания) для обеспечения соответствующих условий жизни населения государство естественным образом расширяет свои границы, завоеывая, присоединяя,

²¹⁵ См. Пухта Г.Ф. Энциклопедия права. Ярославль. 1872.

²¹⁶ Челлен Р. Политика как наука // О политической науке, ее соотношении с другими отраслями знания и об изучении политического пространства / Полис. 2005. № 2. С. 118.

колонируя другие земли. Такая интерпретация смысла политического существования логично влечет за собой выход за пределы либерального дискурса, в рамках которого ключевым компонентом в понимании государства является право. Восприятие государства как «формы жизни» исключает возможность определять природу политического посредством обращения к искусственным, по мнению Челлена, источникам, к которым относится, например, договор²¹⁷.

Здесь органицизм Челлена принципиально расходится с концепцией Томаса Гоббса. Движимое «инстинктами» государство никак не может быть «искусственным продуктом свободного выбора индивидов»²¹⁸. Именно этот принцип становится критически важным для понимания того, почему геополитика и биополитика в теории Челлена прочно связаны. Государство воспринимается не как субъект закона, производная от добровольно заключенного договора, но единое целое, состоящее из людей. Человек соотносится с государством как часть соотносится с целым, и, соответственно, целое обладает свойствами частей его составляющих. По словам Эспозито, государство как единство, которое способно проявлять себя как индивид, обладающий духом и телесностью, составляет биополитическое ядро концепции Челлена²¹⁹. В работе «Основы системы политики» Челлен говорит о том, что биополитика представляет собой науку о жизни. Но эту жизнь следует понимать в том смысле, в котором говорили о ней древние греки. Греческое слово βίος обозначает не только жизнь в физическом, природном смысле, но и, что более важно, жизнь в культурном понимании²²⁰.

Государство, по Челлену, должно жить, и качество его жизни должно определяться отнюдь не только поддержанием правового порядка, но

²¹⁷ *Esposito R.* *Biós: Biopolitics and philosophy.* Minneapolis, 2008. P. 16.

²¹⁸ *Ibid.* P. 16.

²¹⁹ *Ibid.*

²²⁰ *Ibid.* P. 17.

погружением в вопросы, решение которых способствует благополучию граждан. Это благополучие – фактически организация *bios* опять же в аристотелевском смысле²²¹, организация достойных условий существования, начиная от постройки жилья и дорог, заканчивая образованием. Образование, кстати, важнейшая составляющая в компетенциях государства, с точки зрения Челлена. Ведь хороший уровень образования означает возможность поддержания определенного духовного уровня народа. «В самом деле, мы знаем множество случаев, когда государство помогает индивиду и советом, и делом. Оно предоставляет субсидии на возведение жилья, занимается осушением болот, прокладыванием дорог, организацией профессионального обучения – вот несколько взятых наугад примеров деятельности современного государства. <...> Полностью или частично возложив на себя заботу о народном образовании на всех его этапах, государство вторгается в огромную сферу духовных и культурных интересов <...> весьма далекую от правовых рамок»²²². Как отмечает шведский исследователь Маркус Гуннефло, по Челлену, государство инвестирует в благосостояние своих граждан и, следовательно, в национальный проект своей целостности²²³. Надо сказать, что и понятие целостности у Челлена нуждается в определенном комментарии. Фактически она обеспечивается за счет отказа от одной из фундаментальных установок либерализма. Челлен утверждает, что противопоставление “*Staat*” (государства – нем.) и “*Gesellschaft*” (общества – нем.) уже неактуально, «поскольку время и сама жизнь сделали его устаревшим <...>»²²⁴. С одной стороны, это утверждение служит основанием для разумной критики теории, обвинений Челлена в теоретизации тоталитаризма, а с учетом его реальных политических

²²¹ См. параграф 1.1. настоящей главы.

²²² *Челлен Р.* Политика как наука // О политической науке, ее соотношении с другими отраслями знания и об изучении политического пространства / Полис. 2005. № 2. С. 120-121.

²²³ *Gunneflo M.* Rudolf Kjellén: Nordic Biopolitics before the Welfare State // *Retfærd*. 2015. Årg. 38, nr.150. P. 31.

²²⁴ *Челлен Р.* Политика как наука // О политической науке, ее соотношении с другими отраслями знания и об изучении политического пространства / Полис. 2005. № 2. С. 121.

предпочтений, и в пангерманизме. Но с другой стороны, для Челлена – это обоснование «проекта целостности», который в итоге позволяет понять, почему в сущности политику составляют геополитика и биополитика.

Вклад государства в население, в «национальный проект» обретает несколько воплощений. Несмотря на отрицание примата права Челленом, нельзя забывать о том, что одна из областей функционирования государства, по Челлену, – политика правления. Политика правления есть то, что представляет собой сферу общего интереса и власти. Государство, реализуя себя в этом случае, предстает как аппарат принуждения, ограничивающее свободу индивида. Вместе с тем оно выступает и как защитник индивидов. «В качестве такой огромной, мощной и тайной воли государство стоит за спиной живущих повседневной жизнью индивидов, огораживая их крепкой стеной из правовых норм, изданных во имя общественного порядка и свободы»²²⁵. Но воля к сохранению правопорядка и сила поддерживать этот правопорядок – не единственная и отнюдь не главная функция государства.

Вопрос хозяйствования является, по Челлену, - также часть политики правления. Отношение мыслителя к проблеме политической экономии, конечно, входит в очевидное противоречие с либеральным пониманием данной проблемы. Государство не может и не должно «обслуживать» рынок. Челлен убежден в том, что не существует никаких универсально применяемых законов рынка. Государство решает свои хозяйственные вопросы индивидуально, в зависимости от особенностей экономического развития, от того, является ли государство импортером или экспортером, аграрной или индустриальной державой. В связи с этим под большим вопросом для Челлена оказывается космополитизм, свободный рынок и прочие очевидные для либерализма ценности. При этом Челлен подчеркивает, что во многом именно экономические установки и как

²²⁵ Челлен Р. Политика как наука // О политической науке, ее соотношении с другими отраслями знания и об изучении политического пространства / Полис. 2005. № 2. С. 120.

следствие экономические отношения определяют отношения социополитические. Более того, именно взаимодействие социальных сил с государством определяется наличием или отсутствием противостояния между производителями и потребителями, аграриями и приверженцами индустриализма, протекционистами и сторонниками свободного рынка, а на глобальном уровне – между капиталом и трудом.

Каждое из утверждений Челлена в качестве основы имеет все то же комплексное представление о политической науке как таковой. Подробный анализ системного представления о политике в интерпретации Челлена дает один из крупных российских и советских специалистов в области экономической географии В.Э. Ден. Согласно позиции Челлена, государство как объект для изучения – это всегда пять областей – территория, население (народ), общество, власть и хозяйство. Соответственно, изучением территории занимается геополитика, населения – демополитика, общества – социополитика, хозяйства – экополитика, власти – кратополитика. Области эти находятся в теснейшей связи между собой (фактически составляя политику правления). Отделены же они для лучшего постижения предмета. Каждая из пяти областей включает в себя еще несколько полей для изучения²²⁶. Ввиду темы настоящего исследования нас интересует социополитика, поскольку именно к ней Челлен относит биополитику. Интересно, что социополитика трактуется Челленом как наука, изучающая общество, а биополитика изучает «жизнь общества: дух, душу, систему»²²⁷. В интерпретации Челленом биополитика все же включает в себя понятие социального организма, который представляет собой и органическое, и духовное целое. Эта духовная целостность и есть, по Челлену, нация, понятие, которое заслуживает отдельного внимания в творчестве Челлена.

²²⁶ Об этом подробнее см. Ден В.Э. Учение Рудольфа Челлена о предмете и задачах геополитики // Известия Русского географического общества. 1997. Т. 129. Вып. 1-2. URL: http://ecgeo.spbu.ru/doc/Den%20vs%20Rudolf_Kjellen.pdf (дата обращения: 28.12.2022)

²²⁷ Об этом подробнее см. Там же.

Первооснову нации составляют отнюдь не право, формальные, искусственные правила. Основания национального объединения, как отмечает Гуннефло, субъективны и ориентированы на «здоровое самоутверждение», которое может не быть очевидно тем, кто наблюдает за государством из вне²²⁸.

Челлен, размышляя о связи понятий «нация» и «народ», несомненно, разделяет их. Для него в понятии народа соединяются прошлое, настоящее и будущее, и он олицетворяет собой «сердечный союз в жизни и смерти»²²⁹. Нация же, по Челлену, есть душа народа. Однако, эта мысль вопреки возможным ожиданиям далека от романтического идеала исторической школы юристов. Челлен добросовестно приводит тезисы своих предшественников, вроде Ренана²³⁰, и во многом с ними солидаризируется, говоря о том, что нация как феномен никак не может в качестве основания лишь расовый признак. То есть нация не есть раса, поскольку никак не может быть однородной из-за фактора миграции. Нация не есть общий язык. При том, что Челлен говорит о важности общего языка для жизни нации, он отвергает его первостепенную значимость для формирования нации. То есть язык оказывается производной нации, а не наоборот. В конце концов, нация может изменить язык в связи опять-таки с миграционными процессами. В качестве примера Челлен приводит целый ряд примеров: болгар, которые представляли собой народ финно-угорской группы, а потом (с перемещением с Волги на Дунай) «господствующим стал славянский язык», датчан, которые в Нормандии «в языковом отношении обратились в народ романской группы, а переселившись в Англию, вновь стали германцами»²³¹. Наконец, Челлен критикует психологический подход к определению нации, поскольку в

²²⁸ Gunneflo M. Rudolf Kjellén: Nordic Biopolitics before the Welfare State // Retfærd. 2015. Årg. 38, nr.150. P. 31.

²²⁹ Челлен Р. Государство как форма жизни. М., 2008. С. 153.

²³⁰ Эрнест Ренан (1823 – 1892) – французский историк и философ, автор работы «Что такое нация?»

²³¹ Челлен Р. Государство как форма жизни. М., 2008. С. 165.

рамках этого подхода нация интерпретируется как нечто идеальное и субъективное. Челлен опять ссылается на Ренана и его определение нации как «целостной группы, основывающейся на осознании общей жертвы ради совместной жизни и решившей отныне жить вместе»²³², подразумевающий наличие некоего единого духовного принципа, выполняющего функцию души²³³. Нация в таком случае есть духовная общность. «Мы не можем согласиться с мнением, – пишет Челлен, – согласно которому вся сущность нации покоится в эфемерной области галлюцинаций [syggestiones omrade]. Мы не верим в какие-либо лишние субстанции души народов, неприкаянно витающие вокруг групп людей и внезапно вселяющиеся в них, превращая последних тем самым в нацию. Мы полагаем, что нация возникает изначально как целостное явление и что требуется всего лишь наличие определенных обстоятельств, высвобождающих сознание и волю нации»²³⁴. Но Челлен, кажется, отступил бы от собственного исследовательского принципа, если бы ограничился определением нации, идя от противоположного. Разумеется, шведский ученый предлагает «биологический» вариант объяснения того, чем же, собственно, является нация. Челлен ссылается на собственную работу, в которой определяет нацию как «личность, обладающую только ей присущими свойствами»²³⁵. Для Челлена такое, пусть схематическое определение нации, дает возможность выделить биологический критерий в качестве основополагающего. Он называет нацию «этническим индивидом», «всечеловеком», который «достоверно передает всю духовную, разумную сущность человека»²³⁶.

Нация есть нечто живое, образующееся благодаря тяготению индивидов друг к другу. «Жизненная сила» нации тем сильнее, чем сильнее чувство общности, солидарности. Там, где индивидуальное уступает место

²³² Челлен Р. Государство как форма жизни. М., 2008. С. 167.

²³³ Там же.

²³⁴ Там же. С. 168.

²³⁵ Там же. С. 169.

²³⁶ Там же.

общности, начинается сильная нация²³⁷. Это утверждение Челлена кажется в целом вполне соответствующим позиции, например, процитированного им же Ренана, которого он уверенно критикует ввиду «эфемерности» психологического подхода. Однако рассуждения, связанные со степенью развития жизненной силы нации приводят Челлена к выводу, который видится весьма соответствующим его биополитической концепции, хотя небесспорным.

Челлен настаивает на том, что «нации невозможно рассматривать в качестве личности в высшем смысле этого слова, поскольку их образ действий лишь частично определен разумом»²³⁸ и ссылается при этом на собственный пример о недостаточности правового компонента как главного условия существования государства²³⁹. Ученый говорит о том, что это свидетельствует о «невысоком градусе развития народа», «обозначающем слабость самопознания власти». Соответственно, «неразумные» нации следует рассматривать в биологическом смысле²⁴⁰. Эти нации отличает «инстинкт самосохранения и роста, воля к жизни и власти»²⁴¹. Кажется, что для того, чтобы подкрепить тезис о биологической сущности нации, Челлен обращается к вопросам демографии.

Нация существует за счет сохранения популяции. Демополитика, биополитика и геополитика составляют природный, естественный компонент государства. Непосредственно показатели биологической жизни, которые можно отследить через ситуацию с рождаемостью или миграционными процессами оказывают влияние как на внутреннюю, так и на внешнюю политику государства. Например, способы решения вопросов о перенаселении или недостаточных показателях рождаемости очевидно

²³⁷ Челлен Р. Государство как форма жизни. М., 2008. С. 169-170.

²³⁸ Там же. С. 174.

²³⁹ Челлен апеллирует к сомнительному характеру абсолюта права, ярко выраженному в английском языке. См. С. 76 работы «Государство как форма жизни». М., 2008.

²⁴⁰ Челлен Р. Государство как форма жизни. М., 2008. С. 174

²⁴¹ Там же. С. 175.

входят в компетенции государственной политики. Более того, эти биологические показатели непосредственно влияют на оценку потенциала государства, его мощи. Чем выше показатели роста населения, тем сильнее государство. И, наверное, самое главное для Челлена, что биологические показатели являются объективным и достаточным основанием для расширения границ государства. Здесь становится совершенно ясным, почему именно биополитика и геополитика составляют природный компонент государства.

Будучи живым организмом, государство ищет возможности для наиболее комфортного существования. В случае, если население растет и территории становится недостаточно, территорию *необходимо* расширить. То есть наращивание мощи государства, по Челлену, есть следствие жизненной (биологической) необходимости. Разумеется, здесь Челлен прямо обращается к Ратцелю и, безусловно, соглашаясь с ним, приводит цитату о том, что «государство является своего рода очеловеченной и организованной землей»²⁴². Здесь имеет смысл более подробно сказать о влиянии теории Ратцеля на воззрения Челлена в части, касающейся связи биополитики и геополитики.

По большому счету сама метафора государства как формы жизни вполне может быть заимствована Челленом у Ратцеля. В одной из своих знаменитых работ «Политическая география» Ратцель говорит о том, что «государство людей есть форма распространения жизни» и «оно подвержено тем же влияниям, что и все живое в целом»²⁴³. Ратцелю же принадлежит идея о том, что по мере увеличения численности населения растет как число государств, так и их размеры. И именно этот рост свидетельствует о жизнеспособности государства-организма. Государство как живой организм

²⁴² Челлен Р. Государство как форма жизни. М., 2008. С. 69.

²⁴³ Ратцель Ф. Государство как оседлый организм // Ратцель Ф. Политическая география / Личность. Культура. Общество. 2003. Т. 5. Вып. 1-2 (15-16). С. 211-229. URL: <https://iphras.ru/uplfile/reznic/sovvet/bibl/1/Ratzel.pdf> (дата обращения: 28.12.2022)

неразрывно связан с землей (климатом, условиями жизни), на которой оно расположено. Ратцель настаивает на том, что государство «слагается из народа и земли», так начинается «процесс политической организации». Именно благодаря этим составляющим и их обязательному взаимодействию «чисто географическое понятие не просто наполняется политическим содержанием»²⁴⁴, но духовным, нравственным смыслом. «Государство для нас является организмом не только потому, что оно является связью движущегося народа с неподвижной землей, а в силу того, что эта связь благодаря их взаимодействию укрепляется настолько, что народ и земля становятся единым»²⁴⁵. В самом упрощенном виде эти идеи составляют знаменитую концепцию жизненного пространства, в которой в единстве сосуществуют биологические, географические и антропологические факторы. Исходя из этой концепции политика государства должна пониматься как политика жизни в силу того, что показатели численности населения должны расти. Фактически Ратцель демонстрирует позицию очевидно противоположную Мальтусу, о котором речь шла выше. Об этом точно пишет шведский исследователь Марк Бассин, отмечая, что теория Ратцеля, очевидно, испытывает влияние мальтузианских идей, но выводы делает прямо противоположные. То, что у Мальтуса было поводом для регламентации (рост населения), поскольку угрожало государству, то у Ратцеля свидетельствует о здоровье, жизненной силе нации и говорит о том, что государству необходимо завоевывать новые пространства²⁴⁶.

Важно при этом, что как таковая проблема «борьбы за жизнь» не исчезает в теории Ратцеля, но интерпретируется отнюдь не в дарвиновском ключе. Анализируя концепцию «жизненного пространства» в творчестве

²⁴⁴ Ратцель Ф. Государство как оседлый организм // Ратцель Ф. Политическая география / Личность. Культура. Общество. 2003. Т. 5. Вып. 1-2 (15-16). С. 211-229. URL: <https://iphras.ru/uplfile/reznik/sovet/bibl/1/Ratzel.pdf> (дата обращения: 28.12.2022)

²⁴⁵ Там же.

²⁴⁶ Bassin M. Imperialism and the Nation State in Friedrich Ratzel's political geography // Progress in human geography. September. 1987. P. 478.

Ратцеля, шведский исследователь Кристиан Абрамссон отмечает, что понятие «борьбы за существование» заменено у Ратцеля на «борьбу за пространство». Именно пространство есть условие жизни, которые определяет все остальные условия. Проблема, таким образом, заключается в «неподвижности» пространства и «подвижности» жизни²⁴⁷. Если каждое из государств представляет собой «растущий организм», то бороться они будут за одно и то же пространство, остающееся неподвижным. Впоследствии Челлен назовет это явление «категорическим политическим императивом»: «Жизнеспособные государства, обладающие ограниченным пространством, подчиняются категорическому политическому императиву, требующему от них расширения своего пространства посредством колонизации, ассимиляции или различного рода завоеваний»²⁴⁸.

Челлен уверенно продолжает геополитическую линию Ратцеля, постоянно апеллируя к нему. Он настаивает на том, что земля первостепенна, а государство и люди, его населяющие, «кусочек высокоразвитой земли»²⁴⁹. Надо сказать при этом, что Челлену свойственен большой прагматизм в определении необходимости государственной экспансии. Так он утверждает, что государства, территории которых недостаточно заполнены, не нуждаются в расширении границ. Кстати, современная Челлену Швеция относится к числу этих стран.

Одна из ключевых черт взгляда на геополитику в интерпретации Челлена заключается в настоящем стремлении не просто «биологизировать» это учение, но «очеловечить» его. Этой задачей

²⁴⁷ *Abrahamsson C.* On the genealogy of Lebensraum Department of Human Geography // *Geographica Helvetica*. 68. 2013. Pp. 37-44. P. 40. У Челлена этот тезис отражен в меткой метафоре: «Государство не может никуда переехать. У него постоянное место жительства и право прописки в противоположность бродячим ордам кочевников. И это установлено раз и навсегда для всех краев [mark]. Государство прикреплено к своей собственной земле, оно погибнет, если нарушит эту связь. Оно подчинено «Особенностям жизни» на этой территории» [Челлен Р. Государство как форма жизни. М., 2008. С. 102].

²⁴⁸ *Челлен Р.* Государство как форма жизни. М., 2008. С. 134.

²⁴⁹ Там же. С. 107.

объясняется, кажется сама метафорика Челлена. Так он говорит, что «геополитика учит нас, что современное государство подчинено действию закона географической индивидуализации, чей идеал – естественная земля в качестве тела государства. Все, что мы видим теперь в принципе национальности, так это лишь действие закона этнической индивидуализации, чьей целью является естественный народ с такой же душой. Внутренне – это одно и то же стремление к природе и органической жизни. Подобно тому как естественная земля или царство [rike] имеет естественный образ и естественные границы, так же и естественный народ или нация имеют собственную внутреннюю взаимосвязь и свои отличительные признаки. И так же как государство само может содействовать самостоятельному развитию собственных сфер, оно может помогать национальности, укрепляя чувство лояльности и внутри нее, но в обоих случаях оно не может обойтись без основной формы объективной предпосылки»²⁵⁰. Здесь имеет смысл остановиться на двух важных позициях – на том, что Челлен называет «географическим индивидуализмом», а также на том, что государство способно самостоятельно развивать каждую из сфер жизни.

«Географический индивидуализм» у Челлена связан с безусловной ценностью земли (в самом широком смысле), а также с ее границами. Это внутренняя и внешняя специфика государства как географического объекта, которая обуславливает возможности его действия в любой из сфер существования. «Неподвижное», таким образом, обеспечивает движение. В частности, именно с вопросом возможности обеспечения этого движения «неподвижной» землей связан у Челлена вопрос об уровне автаркии. Если вернуться к классификации Челлена, о которой шла речь ранее, и исходить из того, что «персональность государства отражается в этих ее различных

²⁵⁰ Челлен Р. Государство как форма жизни. М., 2008. С. 196 – 197.

сторонах, подчиняясь действию закона всеорганической жизни»²⁵¹, можно проследить, как геополитика соотносится с экополитикой и социополитикой в той части, которую Челлен называет биополитикой, на примере автаркии. В самом определении автаркии нет ничего авторски оригинального. Ученый говорит, что автаркия – это «экономическая самодостаточность, при которой существенные потребности народа могут покрываться только за счет запасов страны»²⁵². Кстати, в вопросе необходимости автаркии Челлен проявляет разумную умеренность, как и в вопросе с территориальной экспансией, и говорит, что такого рода самодостаточность может проявляться при необходимости, но может быть рассмотрена и как некое постоянное состояние при условии определенной гармонии. Под «гармонией» Челлен подразумевает отсутствие «всепоглащающей промышленности и торговли с сопутствующей зависимостью от заграницы, но одновременно и не засилье сельского хозяйства, а гармоничный обмен и взаимное снабжение таким образом, чтобы различные потребности высокоразвитого народа могли быть удовлетворены в собственных пределах»²⁵³. При таком вполне стандартном подходе к определению автаркии в тексте работы «Государство как форма жизни» есть очень важные дополнения, которые характерны именно для теории Челлена. Он утверждает, что автаркия есть ни что иное, как «экономическая индивидуальность государства, подобно тому, как природный ландшафт является географической, а национальность – этнической индивидуальностью государства»²⁵⁴. Но еще более важно то, что эта экономическая индивидуальность не статична, а подвижна. Она возникает органически, из земли. «Поскольку государство не получает автаркию в качестве придатка к стране, оно само в силе в определенной степени переделать страну с тем, чтобы последняя более соответствовала его (государства) требованиям. Ведь автаркия всего лишь скрыта в земле и

²⁵¹ Челлен Р. Государство как форма жизни. М., 2008. 217.

²⁵² Там же. С. 216.

²⁵³ Там же. С. 217.

²⁵⁴ Там же.

должна быть высвобождена из нее посредством труда, усиленного и систематического труда на земле, направленного не только на развитие ее качеств, но также и на восполнение ее недостатков, что и означает мощный вклад в развитие индивидуальности страны. Следовательно, государство в состоянии сделать свою землю более естественной, чем она есть сама по себе»²⁵⁵. Здесь можно вновь увидеть отличную от понимания Ратцеля интерпретацию «жизненного пространства», которое обязательно должно расширяться. Благодаря такому своеобразному пониманию автаркии обнаруживается важнейшая для Челлена «внутренняя взаимосвязь в постоянном взаимодействии между страной, народом и государственной властью, которая, таким образом, отражается в нашем мышлении»²⁵⁶.

Следует еще раз отметить, что теоретическая ценность выводов Челлена важна для последующих биополитических исследований не только с точки зрения их идейного наполнения, но с точки зрения методологии, которую применяет шведский ученый. В определенном смысле сам подход Челлена можно назвать биополитическим (имея в виду при этом государствоцентристскую позицию). Собственно, Челлен говорит об этом сам, хотя трудно отделаться от ощущения, что делает это как будто между прочим, не акцентируя внимания на слове «биополитический»: «С определенной точки зрения, - писал я в 1905 году в своей работе «Великие державы», - невозможно избежать того, что в самих великих державах можно распознать биологические факты. Исходя из собственной жизненной силы и благодаря конъюнктуре, в постоянной конкуренции друг с другом и, следовательно, в борьбе за существование путем естественного отбора, эти великие державы также ступают по внешней поверхности земли. Мы можем наблюдать, как они зарождаются и изменяются, мы видим, как они увядают и умирают, словно обыкновенные организмы. Таким образом, они представляют собой особые формы жизни среди прочих других форм жизни,

²⁵⁵ Челлен Р. Государство как форма жизни. М., 2008. С. 127.

²⁵⁶ Там же. С. 129.

но на нашей Земле они наиболее привлекательны. Как таковые они должны были бы быть предметом, так сказать, биополитического изучения»²⁵⁷. В сущности, именно об этой специфике не только понимания политического, но и самого подхода Челлена, пишет Кристиан Абрамссон. Исследователь замечает, что «биополитический смысл» можно было уловить в рассуждениях Ратцеля о «жизненном пространстве», но система Челлена, выстроенная им сложная структура взаимодействия разных полей политики и, соответственно, областей политической науки их изучающих, способствует пониманию того, что политическое должно рассматриваться как некая целостность, в которую включены физические, антропологические, экономические, биологические элементы²⁵⁸. Познание политического как органической целостности, как формы жизни возможно, исходя из целостности теоретической, системного подхода, который предполагает неразрывную связь, прежде всего, геополитики и биополитики.

Вместе с тем, говоря о концептуальных и методологических истоках биополитики, которые без труда опознаются в работах Челлена (во многом благодаря предшествующей теории Ратцеля), имеет смысл уточнить одно обстоятельство, которое кажется чрезвычайно важным. После смерти мыслителей (Ратцеля – в 1904 году, Челлена – в 1922 году) их идеи получают широкое и трагически известное продолжение.

В 1924 году Карл Хаусхофер начинает издавать «Журнал геополитики» и, пожалуй, именно в этот период биополитика начинает обретать всевозможные негативные коннотации. Роль Хаусхофера в этом процессе видится очевидно значимой. Однако здесь имеет смысл солидаризироваться с точкой зрения К. Абрамссона и отметить, что теорию Хаусхофера, в котором концепция «жизненного пространства» занимает важное положение, нельзя назвать лишь продолжением теории Ратцеля. Вклад, который внес

²⁵⁷ Челлен Р. Государство как форма жизни. М., 2008. С. 86.

²⁵⁸ Abrahamsson C. On the genealogy of Lebensraum // Geographica helvetica. 68. 2013. P. 42.

Хаусхофер, в развитие геополитической теории неразрывно связан «с его желанием превратить дискурс “жизненного пространства” в государственную политику»²⁵⁹.

Кажется, что именно с этой мыслью должен быть связан парадокс, который сопутствует истории биополитики. В тот момент, когда идеи биополитического характера, к которым относятся отнюдь не только размышления Ратцеля и Челлена, но и фактически всех, кто был упомянут в первом и втором параграфе настоящего исследования, становятся политической программой, «политика жизни» превращается в «политику смерти». Биополитика, направленная на усиление государства, благоденствие населения, оказывается в дискурсе Третьего Рейха танатополитикой, политикой уничтожения. В этом смысле можно говорить даже не о том, что Лемке называет «расистским уклоном» органицистской концепции государства, но о поражающей своим цинизмом подмене, вылившейся в многомиллионные жертвы.

Лемке в то же время очень точно описывает, в чем состояла эта «подмена» при том, что слова этого не использует. Он говорит о том, что органицистские концепции (с определенной долей условности можно добавить, что и соответствующие концепции философии жизни) в качестве базового допущения имеют то, что политическому и правовому всегда предшествует «живое целое», которое по сути своей является «подлинным и вечным, полезным и ценным»²⁶⁰. «Жизнь», таким образом, выступает в этом случае и точкой отсчета, и нормативным принципом. Лемке не заостряет внимания на том, что, если государство и есть жизнь, то оно получает неограниченные возможности, но явно это подразумевает, поскольку настаивает: благодаря именно такому пониманию жизни «удается избегать любых рациональных оснований для принятия решений или собственно

²⁵⁹ *Abrahamsson C.* On the genealogy of Lebensraum // *Geographica helvetica*. 68. 2013. P. 43.

²⁶⁰ *Lemke T.* Biopolitics: An advanced introduction. New York, London, 2011. P. 10.

демократических решений»²⁶¹. Нет никаких сомнений в том, что «государство как форма жизни» - это консервативное, авторитарное, недемократическое государство. Но нацистское государство предстает как совершенно особая «форма жизни». Если попытаться определить сущность этой формы, то она будет определяться не жизнью вообще, а качеством жизни в медицинском смысле этого понятия. Сам язык эпохи нацистской Германии демонстрируют это. По замечанию Лемке, «широко используемая метафора “народное тело” определяла иерархически структурированное и расово однородное общество»²⁶², что, кстати, в корне отличается от позиции, например, Челлена²⁶³.

Здесь имеет смысл подчеркнуть парадоксальность ситуации, связанной с тем, что в большинстве исследований, которые касаются биополитики как государственной политики нацистской Германии, достаточно четко описаны позиции, по причине которых «политика жизни» превращается в «политику смерти», но акцента на том, за счет чего происходит это трагическое превращение, как правило нет. Некоторым исключением выступает исследование Томаса Лемке, хотя и его комментарии носят весьма общий характер. Ученый выделяет несколько черт политики нацистского государства. Он говорит о том, что в рамках этой политики продвигается идея о том, что субъектами истории являются не индивиды, группы и классы, но «закрытые сообщества с общим генетическим наследием»²⁶⁴. Эта идея дополняется допущением «естественной иерархии людей и рас» в соответствии с их «наследуемым биологическим качеством». Данное допущение, в свою очередь, означает, что в основе социально-политического порядка лежит неравенство. Далее Лемке говорит о том, что идеология

²⁶¹ Lemke T. Biopolitics: An advanced introduction. New York, London, 2011. P. 10.

²⁶² Ibid. P. 11.

²⁶³ И дело не только в том, что у шведского ученого речь идет не о «теле», а, прежде всего, «о духе народа». Живое (сильное государство) у Челлена – в расовом отношении государство вовсе не однородное.

²⁶⁴ Lemke T. Biopolitics: An advanced introduction. New York, London, 2011. P. 11.

национал-социализма исходит из убеждения о детерминации социальных и политических отношений биологическими причинами. При этом сторонники нацистского режима концепции биологического детерминизма отвергают и подчеркивают, что «органическая природа имеет своей основой нечто историческое и духовное»²⁶⁵. В таком случае идеологи нацизма рассматривают в качестве основания развития и индивидов, и коллективов образование и волю к власти. Но и это не последняя вариация в попытках обоснования национал-социалистической идеологии. Лемке приводит слова немецкого генетика Отмара фон Вершуера о том, что «наследственная предрасположенность обозначает возможность реакции. Среда же определяет, какая из возможностей будет реализована»²⁶⁶. Трудно не согласиться с характеристикой, которую дает Лемке нацистской концепции биополитики, говоря о том, что она отмечена «конституирующим напряжением между, с одной стороны, идеей жизни как фатальной властью и убеждением, что возможен контроль биологического, – с другой»²⁶⁷. Здесь наблюдается феноменальная подтасовка идей. Лемке ограничивается замечанием о том, что нацисты используют в основном идеи Дарвина в сочетании с пангерманскими и националистическими идеологиями. Но здесь можно поспорить, поскольку даже при очень беглом взгляде на содержание текстов из самых разных областей, появившихся в эпоху нацистской Германии, возникает ощущение, что идеи, которые объединены биополитической темой, могут быть соотнесены и с учением Аристотеля, и с дарвиновской концепцией, и с размышлениями Спенсера, и с ницшеанской философией, и с идеями Шпенглера, и с геополитическими взглядами Ратцеля и Челлена. Только это соотнесение представляется сопоставлением

²⁶⁵ Lemke T. Biopolitics: An advanced introduction. New York, London, 2011. P. 11.

²⁶⁶ Verschuier Otmar von. Rassenhygiene als Wissenschaft und Staatsaufgabe. Frankfurt am Main. S. 10 // Цит. по Lemke T. Biopolitics: An advanced introduction. New York, London, 2011.

²⁶⁷ Lemke T. Biopolitics: An advanced introduction. New York, London, 2011. P. 11.

на уровне употребления одних и тех же слов в совершенно разных контекстах.

Нацистская биополитика есть специфическим образом составленная компиляция из «антропологических, биологических и медицинских концепций», которые стали стимулом для производства теорий и эмпирической работы в рамках каждой из названных сфер знания²⁶⁸. Таким образом, биополитика эпохи нацистской Германии не может рассматриваться в качестве целостной концепции. Это, скорее, государственная программа, которая в основе своей имеет целую совокупность иногда случайным образом скомбинированных идей, принадлежащих социально-политическим мыслителям разных исторических эпох (от Античности до эпохи Третьего Рейха). Действительно, наиболее ярко в рамках этой программы выделялись идеи Дарвина, прочитанные совершенно особым образом, и имеющие результатом расистскую гигиену нацистской германии и положения о «наследственной биологии».

Здесь снова имеет смысл сослаться на Лемке, который обращается к известной речи Ганса Рейтера, главы департамента здравоохранения Германии, произнесенной в 1934 году, когда он заявляет о разрыве с классической концепцией политики с переходом к биополитике. Обоснование при этом было построено на тезисе о том, что «прошлое, настоящее и будущее каждой нации определяется наследственно-биологическими факторами», и именно этот тезис должен лечь в основу «нового биологического мышления», позволяющего проводить эффективную политику²⁶⁹. «Эффективность» политики определялась, с одной стороны, увеличением популяции, а с другой, – «улучшением генетического

²⁶⁸ *Lemke T.* Biopolitics: An advanced introduction. New York, London, 2011. P. 12.

²⁶⁹ *Reiter H.* Unsere Biopolitik und das Auslandsdeutschtum. In *Das Reichsgesundheitsamt 1933–1939: Sechs Jahre nationalsozialistische Führung*, 37–43. Berlin: Julius Springer Verlag, 1939. S. 38. // Цит. по *Lemke T.* Biopolitics: An advanced introduction. New York, London, 2011. P. 11.

материала»²⁷⁰. Дальнейшие рекомендации Рейтера были связаны с евгеническими практиками «отсеивания некачественного (слабого) потомства» с целью дать больше возможностей для «сильного»²⁷¹.

Выводы подобного рода отражались в законах, предписаниях, политических программах и имели своей целью не просто обозначить приоритеты государства, но предотвратить «опасности проникновения чужой крови» в кровь «чистой расы»²⁷². Это, в свою очередь, означало необходимость борьбы с внутренними и внешними врагами. Так в интерпретации нацистов биополитика смыкается с геополитикой²⁷³. Геополитическое направление становится вторым ключевым направлением «новой» политики Третьего Рейха, о которой говорил Рейтер. Важно подчеркнуть, однако, что из геополитических теорий для нацистов важна концепция «жизненного пространства», интерпретируемая опять же особым образом.

В одном из выпусков «Журнала геополитики» автор по имени Луи фон Коль пишет о том, что биополитика и геополитика вместе составляют основу для «естественной науки страны»²⁷⁴. Интерпретация этим автором вопроса о соотношении биополитики и геополитики видится очередным показательным примером фактически извращения концепции, которая служит основанием для возникновения этого соотношения. В частности, Коль говорит о том, что биополитика связана с развитием «народного тела» во времени, геополитика – в пространстве, и выстраивает систему координат такого развития.

²⁷⁰ *Reiter H.* Unsere Biopolitik und das Auslandsdeutschtum. In *Das Reichsgesundheitsamt 1933–1939: Sechs Jahre nationalsozialistische Führung*, 37–43. Berlin: Julius Springer Verlag, 1939. S. 38. // Цит. по *Lemke T.* *Biopolitics: An advanced introduction*. New York, London, 2011. P. 11.

²⁷¹ *Ibid.*

²⁷² *Ibid.*

²⁷³ Здесь опять важно подчеркнуть, что вопрос о связи геополитики и биополитики, составляющий фактически основу концепции Челлена, в данном случае остается номинальным и интерпретируется совершенно иначе в нацистской риторике.

²⁷⁴ *Kohl Louis von.* Biopolitik und Geopolitik als Grundlagen einer Naturwissenschaft vom Staate. *Zeitschrift für Geopolitik* 10: 305–310. 1933. S. 306 // Цит. по *Lemke T.* *Biopolitics: An advanced introduction*. New York, London, 2011. P. 13.

Вертикальная перспектива подразумевает исследование показателей «народного тела» (увеличение, убывание, изменения в социальной структуре). В свою очередь, на в горизонтальной перспективе отображены всевозможные «властные столкновения в географическом пространстве»²⁷⁵. Как пишет Лемке, темпоральное развитие (биополитика) и пространственное развитие (геополитика) должны рассматриваться совместно и служат Колю директивой и мерилем политики²⁷⁶. Наверное, это стремление создать «систему биополитических координат» является вполне отвечающей требованиям времени и политической конъюнктуры, но при этом совершенно очевидно видится очередной подтасовкой идей, которые в оригинальном изложении складывались в иную систему.

²⁷⁵ *Kohl Louis von*. Biopolitik und Geopolitik als Grundlagen einer Naturwissenschaft vom Staate. *Zeitschrift für Geopolitik* 10: 305–310. 1933. S. 309 // Цит. по *Lemke T*. *Biopolitics: An advanced introduction*. New York, London, 2011. P. 13.

²⁷⁶ *Lemke T*. *Biopolitics: An advanced introduction*. New York, London, 2011. P. 13.

Выводы главы

В первой главе были проанализированы источники, которые могут рассматриваться в качестве концептуальной основы западных биополитических исследований второй половины XX – начала XXI века.

Прежде всего, внимание было обращено на органицистские концепции в политической науке. Этимологические особенности термина «биополитика» обусловили обращение к античной традиции понимания политического, а именно, к аристотелевскому пониманию этого феномена. Анализ концепции политического у Аристотеля помогает, во-первых, описать семантические корреляции между понятиями «жизнь» (bios) и «политика» (polis), во-вторых, выявить основания для развития концепций биополитики, в основе которых будет лежать представление об органическом всеединстве природного и социального.

Нельзя при этом не отметить, что в качестве одной из основ построения наилучшего государства у Аристотеля фигурирует идея совершенствовании общества при помощи политических средств контроля. Фактически речь идет о том, что впоследствии будет названо евгеническими практиками. В настоящем исследовании подчеркивается, что такого рода корреляции, если и возможны, то с большой степенью условности, ввиду принципиальных отличий античных представлений о природе и устройстве государства от современных.

В качестве наиболее яркого примера «современного», отличного от античного, органицизма в главе проанализирована концепция Герберта Спенсера, показана ее неоднозначность с точки зрения воздействия на формирование биополитических исследований. С одной стороны, органицизм Спенсера как одного из ярчайших представителей европейской либеральной традиции, несомненно, повлиял на появление такой темы современных биополитических исследований как соотношение биополитики

и современных либеральных идеологий (неолиберализма, в частности). С другой стороны, показано, что одна из ключевых тем в творчестве Спенсера, касающаяся проблемы соотношения частного и государственного, впоследствии будет актуализирована в работах Энтони Гидденса и Николаса Роуза.

Помимо тем в творчестве Спенсера, получивших развитие в рамках современной биополитики, начиная со второй половины XX столетия, было важно рассмотреть корреляции спенсеровской теории с таким направлением как социал-дарвинизм. В главе обращено особое внимание на то, что социал-дарвинизм представляет собой в известной мере условное название для совокупности подходов к осмыслению социально-политической проблематики, основанной на законах биологии, и не может рассматриваться как некоторая целостная теория, определяющая впоследствии специфику биополитики как области политической науки.

С целью доказательства данного положения проведен сопоставительный анализ мальтузианской теории с теорией Дарвина, показаны параллели и противоречия, возникающие при сравнении этих теорий с подходами, характерными для осмысления социально-политической проблематики у Спенсера.

Анализ критических воззрений на органицистские теории, представленных как в западной, так и в отечественной исследовательской литературе, позволил сделать вывод о том, что в качестве своеобразного преодоления недостатков органицистского представления о государстве и обществе может быть рассмотрена иная совокупность подходов, которую в принято называть «философией жизни».

В параграфе, посвященном исследованию философии жизни как одному из источников биополитических исследований, констатируется, что в рамках этого направления формируется достаточно разнообразный спектр

тем, которые впоследствии будут маркироваться как биополитические. Особое внимание уделено взглядам Фридриха Ницше, Освальда Шпенглера и Георга Зиммеля.

В главе показано, что, во многом благодаря ницшеанской концепции воли к власти (термин, который у Ницше зачастую используется как синоним «воли к жизни») формируются два важнейших направления в биополитической теории Мишеля Фуко. Первое связано с корреляцией между понятиями «жизнь» и «власть» (из этой корреляции во многом вырастает концепция биовласти), второе – с развитием темы «тело и история». Помимо этого, нельзя не сказать о совершенно очевидном влиянии методологии Ницше (генеалогический метод) на подход, который использует Фуко в собственной (био)политической теории.

Теория Шпенглера отчасти опирается на ницшеанские идеи, однако специфика акцентов, расставленных Шпенглером, позволяет говорить об отдельной теме, которая станет одной из ключевых для развития биополитической проблематики, – теме «человека, охотящегося на мир», но обреченного на проигрыш в этой бесконечной борьбе с миром. Проблема противостояния человека и окружающего мира станет одной из основополагающих в рамках современных биополитических исследований, хотя рассматриваться она будет в ракурсе, прямо противоположном шпенглеровскому, но похожем на ракурс, который предлагает Зиммель.

Человек, познающий жизнь, у Зиммеля не стремится стать «хозяином мира», но меняет его в силу собственных возможностей. Вместе с тем человек меняется сам, являясь частью живого мира. В качестве одного из примеров влияния идей Зиммеля на биополитическую проблематику можно привести концепцию жизненной политики Энтони Гидденса.

В качестве специфического продолжения и дополнения органицистской теории, а также идей, изложенных в работах мыслителей,

которых относят к философии жизни, выступает теория геополитики, представленная, прежде всего, в работах шведского ученого Рудольфа Челлена, благодаря которому термины «геополитика» и «биополитика» вошли в научный оборот. Особое внимание в главе уделено корреляции этих понятий, которые позволяют раскрыть то, что изначально понимается под «биополитикой». В теории Челлена отражен целый спектр вопросов, который впоследствии будет включен в теоретическое поле биополитики.

Прежде всего, речь идет о том, что именно в теории Челлена подробнейшим образом анализируются понятия территории и населения как составляющие единой органической целостности. Именно эти две составляющие войдут в «биополитическую формулу» Фуко, хотя будут рассматриваться в отличном (иногда прямо противоположном) от Челлена ключе. Важным выводом является то, что особый подход Челлена (в самом общем смысле этот подход можно назвать системным) к осмыслению политики позволяет характеризовать его теорию не только как геополитическую, но как биополитическую.

В методологическом смысле теория Челлена представляет собой некое связующее звено между теориями, в рамках которых были высказаны идеи, которые не назывались биополитическими, но оказались весьма продуктивными для развития современных биополитических исследований и непосредственно биополитическими концепциями. В этой связи в главе проанализирован вопрос о специфике биополитики, возникшей как идеологический феномен в эпоху национал-социализма.

В исследовании констатируется, что биополитику как продукт национал-социализма не следует рассматривать как полноценную научную концепцию. Она представляет собой специфическую компиляцию идей, во многом представленных в дарвинизме, органицизме, геополитических теориях, в философии жизни. Специфика состоит в том, что соответствующие идеи, вырванные из разных контекстов, используются для

оправдания политики, проводимой государством. В этом смысле следует подчеркнуть разницу между биополитикой как частью идеологии Третьего Рейха, которая по сути своей является «политикой смерти» (политикой истребления), но для обоснования которой используются идеи, составляющие концептуальный фундамент «политики жизни», и биополитикой как областью политической науки, которая в полной мере начинает развиваться во второй половине XX века в работах Мишеля Фуко.

Глава 2. Теоретико-методологические основания биополитического подхода²⁷⁷

2.1. «Биополитическая формула» Фуко и ее значение для развития биополитики как теоретического направления²⁷⁸

Когда речь заходит об истории биополитики в сфере социально-гуманитарного знания, первое имя, которое традиционно называют, – Мишель Фуко. Как было показано выше, Фуко был отнюдь не первым, кто использовал сам термин «биополитика», и даже не первым, кто начал осуществлять его концептуализацию в сфере политической науки (в этом смысле своего рода отцом-основателем оказывается все-таки Рудольф Челлен). Однако именно в трудах Фуко, начиная с середины 70-х годов XX столетия, формируются концептуальное поле биополитики, которое впоследствии будет разрабатываться политическими исследователями. Благодаря Фуко выстраивается понятийная система биополитики, своеобразный «словарь», которым впоследствии так или иначе (поддерживая Фуко, или споря с его концепцией) будут пользоваться все, кто обращается к биополитической проблематике в области политической науки. Фуко фактически создает то, что с некоторой степени условности можно назвать «формулой биополитики», компонентами которой становятся такие элементы, как «население», «безопасность», «территория»²⁷⁹.

²⁷⁷ При написании настоящей главы диссертации использованы результаты научной работы, выполненной автором лично и опубликованной ранее: *Аласания К.Ю.* Биополитика от Спенсера до Эспозито: ключевые концепции и подходы. М., 2023.

²⁷⁸ При написании данного параграфа диссертации использованы результаты научных работ, выполненных автором лично и опубликованных ранее: *Аласания К.Ю.* Концепция политического пространства в теории власти М. Фуко // *Каспийский регион: политика, экономика, культура.* 2015. № 4 (45). С. 141-144; *Аласания К.Ю.* Биополитика как реальность и стратегия // *Философия политики и права. Ежегодник научных работ.* 2018. № 9. М., С. 70-77; *Аласания К.Ю.* Философская концепция биовласти: истоки и перспективы // *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия.* 2018. №4. С. 70-77; *Аласания К.Ю.* Теоретические и методологические основания анализа политической власти во французском постмодернизме (вторая половина XX – начало XXI века). М., 2010.

²⁷⁹ Сам Фуко не использует понятие «биополитической формулы». Это условное обозначение, используемое в настоящем исследовании. «Безопасность, территория, население» - название курса лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 годах.

В исследованиях, посвященных творчеству Фуко, достаточно часто отмечается парадокс, связанный с тем, что, благодаря французскому мыслителю, сегодня о биополитике как области политической науки говорят именно так, а не иначе, но сам Фуко не слишком подробно рассуждал конкретно о феномене биополитики. Но парадокс этот исчезает, если обратиться к тому факту, что одной из характеристик собственно теории власти Фуко является ее «биополитичность». Можно добавить также, что, отслеживая генеалогию власти, можно наблюдать то, как Фуко пришел к созданию биополитической формулы.

Итак, Фуко определяет биополитику, как «то, как начиная с XVIII в. пытались рационализировать проблемы, поставленные перед правительственной практикой феноменами, присущими всем живущим, составляющим население: здоровье, гигиена, рождаемость, продолжительность жизни, потомство...»²⁸⁰. Это определение было артикулировано Фуко в цикле лекций, опубликованных под общим названием «Рождение биополитики», прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году. Из этого определения ясно, что главным объектом биополитики является население, что биополитика – практика государственного управления, которая нацелена на «рационализацию» проблем населения²⁸¹, что эта практика берет свое начало в XVIII веке. Но по большому счету представленное определение биополитики есть закодированное сообщение, которое необходимо расшифровать.

Слова «биополитика» и «биовласть» Фуко активно использует в работах 1975-1976 года²⁸². В лекции от 17 марта 1976 года Фуко детально говорит тех трансформациях, которые проходит власть. В самом общем виде вектор

²⁸⁰ Фуко М. Рождение биополитики. СПб., 2010. С. 405.

²⁸¹ Там же.

²⁸² В 1976 году выходит первый том «Истории сексуальности» под названием «Воля к истине», в это же время (в 1975-1976 учебном году) Фуко читает курс лекций в Коллеж де Франс.

трансформаций определяется как движение от «суверенной власти» к «власти над жизнью».

Важно, что рассуждения о власти в полном смысле политической (власти государства, власти суверена) ведутся в текстах Фуко в связи с вопросом о жизни и смерти²⁸³. Достаточно вспомнить, что часть «Воли к знанию», посвященная трансформациям власти в истории, носит название «Право на смерть и власть над жизнью», а в лекции о биополитике Фуко начинает разговор с замечания о том, что понимание происхождения биовласти невозможно без обращения к классической теории суверенитета, главным атрибутом которой является «право суверена в отношении жизни и смерти подданных»²⁸⁴.

Согласно Фуко, суверенная власть основана на парадоксе: «право на жизнь и смерть реализуется только в неравновесии и всегда с перевесом смерти. Право суверенной власти на жизнь начинается с момента, когда у суверена появляется право убить»²⁸⁵. Политическое право в таком случае устроено таким образом, что подданный оказывается «нейтральным» в смысле обладания каким-либо правом (на жизнь или на смерть) в то время, как суверен «полноправен» в буквальном смысле этого слова. Для того, чтобы уловить суть властных трансформаций, нельзя не обратить внимание на то, что, по мнению Фуко, биовласть во многом формируется, благодаря тому, что важнейшее правило суверенной власти («заставить умереть и позволить жить») не заменяется, а дополняется (модифицируется) другим – «заставить жить и позволить умереть»²⁸⁶. Важнейшая властная метаморфоза происходит тогда, когда встает вопрос об общественном договоре: «...Почему индивиды заключают общественный договор, почему они

²⁸³ Здесь можно отметить, что, если в интерпретации Шпенглера «политика – это жизнь», то для Фуко в данном контексте «политика – это жизнь и смерть».

²⁸⁴ Фуко М. Нужно защищать общество. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. СПб., 2005. С. 254.

²⁸⁵ Там же.

²⁸⁶ Там же. С. 255.

объединяются, чтобы создать суверена и делегировать ему абсолютную власть над ними? Они делают это, потому что их подталкивает опасность или нужда. Следовательно, они делают это, чтобы защитить свою жизнь. Они создают суверена, чтобы иметь возможность жить. И в силу этого, может ли действительно жизнь войти в число прав суверена? Но если не жизнь служит основанием права суверена, то может ли суверен реально потребовать от своих подданных права на власть над их жизнью и смертью, то есть просто на власть их убивать? Должна ли жизнь остаться вне договора, если именно она была первым, изначальным и основным мотивом к заключению договора?»²⁸⁷ Для Фуко все эти вопросы означают, что проблема жизни становится политической проблемой, а, значит, она становится и предметом политического анализа. Вместе с тем Фуко предпочитает не обращаться к сфере политической теории, но к тому, что сам называет сферой «механизмов, техник, технологий власти»²⁸⁸.

В XVII веке появляются технологии власти, которые имеют своим объектом индивидуальное тело. И с изменением объекта меняется и сущность власти, которая проявляется в ее техниках. Что именно представляет собой эта «новая власть», Фуко подробно описывает в своей знаменитой работе «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы», увидевшей свет в 1975 году.

Со временем в области властных мер доля телесных наказаний становится все меньше, в то время как растет число всевозможных исправительных учреждений (тюрем, психиатрических больниц, приютов для несовершеннолетних преступников). На первый взгляд, система наказаний становится менее жесткой. Однако меняется объект наказания, и воздействие карательной меры оказывается более эффективным.

²⁸⁷ Фуко М. Нужно защищать общество. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. СПб., 2005. С. 255.

²⁸⁸ Там же.

Лишить человека жизни означает прекратить его существование. Лишить человека свободы означает прекратить его существование в обществе. Более того, в условиях несвободы индивид оказывается под постоянным контролем власти в лице надзирателя, врача, тюремного священника, психиатра, воспитателя. Физическое наказание оказывается слабее наказания постоянным контролем. Одно из наиболее эффективных средств контроля – ограничение.

В «Надзирать и наказывать» Фуко демонстрирует исключительную действенность «геометрии власти», применяющуюся не только в рамках карательной системы. Согласно Фуко, с «распределением индивидов в пространстве» связана дисциплина в целом. Методы организации дисциплинарного пространства следующие: отгораживание, при этом «клеточное» («каждому индивиду отводится свое место, каждому месту — свой индивид»); функциональное размещение; организация пространства по рядам и т.д.²⁸⁹ Дисциплинарная власть (именно такое определение дает Фуко типу власти, в который трансформировалась власть суверенная) принципиально «геометрична»: «Тут развивается целая проблематика: проблематика архитектуры, которая создается отныне не просто для того, чтобы предстать взору (пышность дворцов), не для обеспечения обзора внешнего пространства (геометрия крепостей), а ради осуществления внутреннего упорядоченного и детального контроля, ради того, чтобы сделать видимыми находящиеся внутри. Словом, архитектура теперь призвана быть инструментом преобразования индивидов: воздействовать на тех, кто в ней находится, управлять их поведением, доводить до них проявления власти, делать их доступными для познания, изменять их. Камни могут делать людей послушными и знающими. Старая простая схема заключения и ограждения (толстые стены, тяжелые ворота, затрудняющие вход и выход) заменяется расчетом числа окон и дверей, глухих и пустых

²⁸⁹ Грицанов А.А. «Надзирать и наказывать» // Постмодернизм. Энциклопедия. Минск, 2001. С. 488.

пространств, проходов и просматриваемых мест»²⁹⁰. Положение индивида усугубляется еще и тем, что надзор осуществляется даже тогда, когда надзирателя не видно. Здесь Фуко акцентирует внимание на важнейшей идее, которая фундирует не только концепцию дисциплинарной власти, но и биовласти. Речь идет об идее всеподнадзорности, паноптикума.

В одном из интервью Фуко, говоря о том, насколько важен вопрос о «полной видимости тел, индивидов, вещей»²⁹¹, замечает, что изначально данная тема заинтересовала его в контексте своеобразной архитектуры тюрем. В первой половине XIX века тюрьмы строились по следующей схеме: по краю располагалось кругообразное здание, в середине этого круга находилась башня, в башне же проделывались широкие окна, выходящие на внутреннюю сторону кольца. Строение по краю было разбито на камеры, каждая из которых проходила сквозь всю толщу здания. У этих камер было по два окна: одно, выходящее внутрь напротив окошек башни, и другое, выходящее на внешнюю сторону и позволяющее свету освещать всю камеру. В центральную башню достаточно поместить одного надзирающего, а в каждую камеру запереть безумца, больного, осужденного, рабочего или школьника, и на просвет из башни можно будет рассматривать вырисовывающиеся на свету маленькие силуэты узников, заточенных в ячейках этого кругообразного здания. Фуко признает, что, благодаря перечисленным выше особенностям организации пространства тюрем, построенных в первой половине XIX века, была решена важнейшая для того периода задача – задача надзора²⁹².

Подобная схема контроля обладала весьма важной характеристикой: власть всегда оказывалась в тени и в буквальном, и в переносном смысле. Положение человека, потерявшего свободу, усугублялось тем, что он становился объектом невидимого и всеобъемлющего надзора, источник

²⁹⁰ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 251.

²⁹¹ Фуко М. Интеллектуалы и власть. Т.1. М., 2002. С. 220.

²⁹² Фуко М. Надзирать и наказывать. М., 1999. С.292.

которого был скрыт. Благодаря данному свойству, органы власти получали безусловное преимущество, в то время как индивид, находящийся под наблюдением, имел лишь одно право – знать о постоянном контроле. Фуко настаивает на том, что «в условиях паноптикона сила власти заключается в том, что она никогда не вмешивается, а отправляется самопроизвольно и бесшумно, она образует механизм, чьи действия вытекают одно из другого. Не располагая никакими материальными инструментами, кроме архитектуры и геометрии, власть воздействует непосредственно на индивидов, она “дает сознанию власть над сознанием”»²⁹³. «Бесшумность», «незаметность» дисциплинарной власти обеспечивают возможность «интеграции в любую функцию»²⁹⁴. Паноптизм дисциплинарной власти позволяет ей «приспосабливается» к той сфере, в которой она существует. Это может быть образование, медицина, производство, пенитенциарная система.

Размышляя над идеей паноптикума, представленной в «Надзирать и наказывать», писатель Морис Бланшо замечает: «В качестве трагического преимущества подобная видимость <...> способна сделать бесполезным физическое насилие, которому иначе должно было бы подчиниться тело»²⁹⁵. Закономерность, которую подчеркивает Бланшо, связана с одной из основных мыслей Фуко: чем незаметнее становятся проявления власти, тем жестче их реальное воздействие. При оценке результатов исследования, предпринятого Фуко в «Надзирать и наказывать», Бланшо утверждает, что апофеозом совершенствования властных тактик становится тот факт, что каждый оказывается подчиненным власти и при этом оправдывает властные действия или, по меньшей мере, мирится с ними. Бланшо пишет: «Мы все более и более подавляемы. Из этого уже не грубого, а деликатного *подавления* мы извлекаем знаменитое следствие, оказываясь *подданными*, свободными субъектами, способными трансформировать в знание самые

²⁹³ Фуко М. Надзирать и наказывать. М., 1999. С. 302.

²⁹⁴ Там же.

²⁹⁵ Бланшо М. Мишель Фуко, каким я себе его представляю. СПб., 2002. С. 31.

разные приемы лгущей власти»²⁹⁶. «Ложь власти», о которой говорит Бланшо, заключается в том, что за кажущейся мягкостью наказания скрываются более серьезные меры.

Триумф дисциплинарной власти приходится на конец XVII – середину XVIII веков, но во второй половине XVIII века появляется некоторая новая техника, которая вырастает внутри дисциплинарной власти и благодаря ей. По крайней мере, в той части, которая касается совершенствования техник незаметного и постоянного наблюдения. Принципиальным отличием этого нового типа власти (или усовершенствованной модификации дисциплинарной власти), с точки зрения Фуко, является ее объект.

В исследованиях, посвященных биополитической проблематике в творчестве Фуко, для того, чтобы прояснить разницу между дисциплинарной властью и биовластью (именно так мыслитель называет новый тип власти) часто приводят утверждение о том, что объектом дисциплинарной власти является тело, биовласти – человек как живое существо. Несомненно, это так просто потому, что именно эти слова использует Фуко, в частности, в названной выше лекции, посвященной биополитике. Но это утверждение требует достаточно подробных пояснений, поскольку первый очевидный вопрос, который возникает: о каком теле идет речь в случае с дисциплинарной властью – не о теле ли человека? Если ответ положительный (а он, разумеется, положительный), то в чем же тогда заключается разница? Фуко, конечно, отвечает на эти вопросы.

Дисциплинарная власть управляет множеством людей, но это множество должно восприниматься как совокупность индивидуальных тел. Собственно, именно в этом и заключается смысл дисциплинарных техник – разделить множество на индивидуальные тела, «подлежащие надзору, дрессировке, использованию, и при случае, наказанию»²⁹⁷. В случае с биовластью – все принципиально по-другому. В фокусе внимания биовласти – множество, но

²⁹⁶ Бланшо М. Мишель Фуко, каким я себе его представляю. СПб., 2002. С. 32-33.

²⁹⁷ Фуко М. Нужно защищать общество. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. СПб., 2005. С. 256.

не как «множество тел», а как единое тело, подчиненное всеобщим жизненным процессам – рождению, смерти, болезни, воспроизводству²⁹⁸. Здесь еще раз важно отметить, что Фуко не отказывается ни от понятия индивид, ни от понятия тела, говоря о биовласти, но утверждает, что «кроме первого проявления власти в отношении тела, которое осуществляется способом индивидуализации, есть второе проявление власти, не индивидуализующее, а массофицирующее, оно, если угодно, реализуется не в отношении человека-тела, а в отношении человека-рода»²⁹⁹. То есть эти два типа власти сосуществуют и никак не отменяют друг друга. Область, где проявляет себя дисциплинарная власть, называется у Фуко «анатомо-политикой» или «анатомо-политикой человеческого тела», область проявления биовласти – «биополитика» или «биополитика человеческого рода»³⁰⁰.

Итак, биополитика в качестве объекта рассматривает жизнь человека (человеческого рода) как совокупность биологических процессов. Здесь возникает новый вопрос, в каком смысле этот тип власти может рассматриваться как новый, если проблемы жизни, смерти, здоровья, контроля численности населения в качестве важнейших рассматриваются еще в «Политике» Аристотеля. С точки зрения Фуко, именно начиная со второй половины XVIII века процессы «рождаемости, смертности, продолжительности жизни» составляют «первые объекты знания и первые объекты <политического> контроля»³⁰¹. «Жизнь» становится объектом

²⁹⁸ Фуко М. Нужно защищать общество. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. СПб., 2005. С. 256.

²⁹⁹ Там же.

³⁰⁰ Там же. Здесь необходимо сказать о том, что Фуко использует термины «биополитика» и «биовласть» весьма произвольно. В ряде случаев «биополитика» и «биовласть» используются как синонимы. По контексту можно понять, что в этих случаях речь идет о техниках власти (о политике как об определенном политическом курсе, технике политического управления). Иногда Фуко говорит о биополитике как о понятии более общем в сравнении с биовластью. Биополитика тогда понимается как область применения биовласти как техники.

³⁰¹ Фуко М. Нужно защищать общество. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. СПб., 2005. С. 257.

нового типа власти в тот момент, когда определенного уровня достигает знание. Фуко пишет о том, что во второй половине XVIII века активно развивается статистика и появляются первые формы демографии. Это, в свою очередь, означает, что «жизненные процессы» можно, как минимум, подвергнуть количественным исчислениям. Если продолжать мысль о том, что биовласть – трансформированная дисциплинарная власть, то в результате развития знания удастся распространять техники дисциплинарной власти (разделение, распределение, наблюдение) на жизненные процессы.

Биовласть в интерпретации Фуко – это апофеоз «власти-знания». Концепция «власти-знания» напрямую связана с развитием концепции дисциплинарной власти. Анализируя эту связь, З.А. Сокулер говорит о том, что в XVIII веке «государство все более системно патронирует науку. Его отношения с наукой становятся все более тесными и организованно оформленными»³⁰². Но важно, что при этом государство к этому моменту вполне успешно использует техники дисциплинарной власти. А это значит, что характер взаимодействия власти и науки не может не учитывать специфики дисциплинарной власти – «тенденцию к непрерывному функционированию, всепроникающему надзору и контролю, к эффективному использованию своих объектов...»³⁰³ Такая власть эффективна, когда она устанавливает предельно четкие правила, действует в соответствии с общеобязательной нормой.

Управление телом невозможно без знания законов его функционирования, поэтому, разумеется, дисциплинарная власть – это власть знания о человеке. Но опять же, возвращаясь к задачам, которые ставит перед собой нормализующая, распределяющая, организующая пространство и условия существования человека дисциплинарная власть, нельзя не брать во

³⁰² Сокулер З.А. Знание и власть: наука в обществе модерна. СПб., 2001. С. 80-81.

³⁰³ Там же. С. 81.

внимание обязательность использования знаний в самых разных областях естественных наук – биология, физика, химия³⁰⁴.

«Размышляя над тем, насколько оправдано использование концепции Фуко при исследовании социальных факторов развития науки, необходимо также учесть и то, что власть, с его точки зрения, — это не только государство. Фуко стремится рассматривать ее как систему отношений, пронизывающих все социальное поле. Всюду присутствуют многочисленные узлы отношений власти и подчинения, обладающие общими типологическими чертами. Повсеместно в них завязываются сложные игры подчинения и сопротивления. Учет данного аспекта отношений власти позволяет поставить вопрос о том, не возникают ли в эту эпоху в самой науке структуры, обладающие “семейным сходством” с дисциплинарной властью и не являются ли такие структуры столь же продуктивными. И если ответ положителен, то интересно выяснить, в каких формах выражает себя эта продуктивность»³⁰⁵. Своеобразным ответом на этот вопрос оказывается, к примеру, обращение Фуко к истории социальной медицины.

В лекции «Рождение социальной медицины» (1974) Фуко говорит о том, что, начиная с XVIII века человек, человеческое тело, человеческое поведение интегрируются в сферу медицинских услуг, и это неизбежно приводит к необходимости развития экономики здравоохранения. В этом контексте Фуко ставит вопрос о том, как следует характеризовать современную, то есть научную медицину. В итоге он делает вывод о том, что современная медицина представляет собой медицину социальную. А, значит, в основе ее – технологии социального тела. Отношения больной – врач – лишь частный случай этой социальной практики. Кажется, что это яркий пример проявления власти, лишенной субстанции, обусловленной множеством факторов, обретающей разные формы рационализации. Именно

³⁰⁴ Сокулер З.А. Знание и власть: наука в обществе модерна. СПб., 2001. С. 81.

³⁰⁵ Там же.

эти черты, как известно, Фуко считает присущими дисциплинарной власти в целом. Формирование социальной медицины, о котором говорит Фуко в лекции, совершенно закономерно сопряжено с реализацией биополитических стратегий. Эти стратегии становятся все более совершенными с развитием капитализма, поскольку именно «капитализм, развивавшийся в конце XVIII в. и в начале XIX в., вначале социализировал первый объект, тело, в функции производительных сил, рабочей силы»³⁰⁶. Это означает, что воздействовать можно не только на сознание индивида, используя определенную идеологию, но осуществлять контроль «в теле и вместе с телом». «Тело, – пишет Фуко, — биополитическая реальность; медицина — биополитическая стратегия»³⁰⁷. Государству нужно здоровое социальное тело. Медицина в данном случае становится действительно биополитической стратегией или частью комплекса стратегий, которые имеет государство в своем арсенале. Биополитическое, биологическое, соматическое, телесное измерения становятся много важнее идеологии в классическом понимании.

Фуко, рассуждая об истории медицины говорит, что в эпоху господства меркантилистских идей с конца XVI до середины XVIII века, для всех государств Европы была характерна забота о приросте и здоровье населения. Объясняется это тем, что регулирование производственной деятельности населения способствует развитию международного товарооборота в Европе, и в итоге достижению наибольшего финансового влияния. Речь идет о том, что экономические предпосылки вполне могут стать основой политического курса, нацеленного на решение государственных задач посредством заботы о населении. Но речь об эффективности такого курса не шла, по крайней мере, в конце XVI – середине XVIII века. Биополитика того периода – это ведение статистики рождения и смертности, а также переписи населения. То есть речь шла не о заботе о здоровье, а о создании системы, которая позволяла бы оценивать показатели здоровья населения и прироста. Дальнейшая история

³⁰⁶ Фуко М. Рождение биополитики. СПб., 2010. С. 82.

³⁰⁷ Там же.

социальной медицины, с точки зрения Фуко, подразумевает возможности рассматривать специфические ее виды, отражающие сущность определенной биополитической стратегии, возникающей в условиях национальных государств. Чтобы проиллюстрировать, как работают различные биополитические стратегии, Фуко обращается к примерам Германии, Франции и Англии.

Для Германии характерным является тот тип медицины, который следует называть государственным. Целью государства, развивающего такой тип биополитической стратегии является создание рабочей силы, которая могла бы обеспечивать развитие промышленности. Вместе с тем Фуко подчеркивает, что понятие рабочей силы обретает совершенно специфический смысл в условиях политического (биополитического) курса, который характерен для Германии. «Тело трудящихся», в сущности, не интересует государство, главный интерес – «тело индивидов вообще». Государство – союз индивидов, который должен обеспечивать его мощь в условиях реальных и потенциальных политических и экономических конфликтов с другими государствами. Фуко пишет, что «забота о государственной медицине имеет целью определенную экономико-политическую солидарность»³⁰⁸, но не получение рабочей силы в традиционном понимании.

В отличие от «огосударственной», социализированной, бюрократизированной немецкой медицины, французская социальная медицина характеризуется Фуко как урбанистическая и обладает иными чертами. Фуко говорит о локальных процессах, связанных с устройством городов, исходя из проблем и опасностей, которыми изобилует городская жизнь. И здесь речь идет об иной биополитической стратегии. Прежде всего, Фуко рассуждает о прототипе экологической политики государства. Уровень

³⁰⁸ Фуко М. Рождение социальной медицины // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2006. С. 88.

медицинского знания в сочетании со знанием в области химии обеспечивало властям возможность контроля условий жизни населения. «Городская медицина, по существу, – пишет Фуко, – является медициной не человека, тела и организма, но медициной воздуха, воды, распада, брожения; это медицина условий жизни и среды обитания»³⁰⁹.

Вместе с тем французский город XVIII века – это совершенно особое биополитическое пространство, которое формируется, исходя из социально-политических предпосылок. Прежде всего, речь идет о необходимости унифицировать городскую власть. В условиях соперничающих властей и разнородных территорий (а именно так функционировал большой французский город середины XVIII века) управление населением осложняется. Объединение города было возможно при наличии единой регламентированной власти³¹⁰. В дальнейшем только такая власть обеспечивала управление городом, в котором должны были сосуществовать множество различных социальных групп. Для этого власть использовала хорошо известную со времен Средневековья медицинскую схему карантина. Эта модель, доведенная до совершенства к концу XVIII века³¹¹, позволяла проводить постоянный анализ состояния городского населения и, следовательно, контролировать город.

Собственно, все меры, проводимые французскими властями, были основаны на «политической власти медицины»³¹², как и в Германии. Однако существенное отличие немецкой государственной медицины как биополитической стратегии от французской заключается в том, что немецкая обладает большими полномочиями, в то время, как французская – остротой наблюдения и научностью. Благодаря характеристикам, которые Фуко называет ключевыми для развития городской медицины появилась

³⁰⁹ Фуко М. Рождение социальной медицины // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2006. С. 99.

³¹⁰ Там же. С. 90.

³¹¹ Там же. С. 94.

³¹² Там же.

возможность рационализации управления городского пространства. В первой половине XIX века механизм рационализации сводился к разделению городского пространства на бедные и богатые районы. Причина была очевидна: совместное проживание бедных и богатых представляет политическую и санитарную опасность для города³¹³.

Эта опасность становится серьезнее в период стремительного промышленного развития в середине XIX века в Англии. Угроза является настолько значительной, что становится главной точкой приложения власти. И здесь на помощь снова приходит медицинское знание. В Англии формируется «медицина рабочей силы». Фуко полагает, что эта разновидность социальной медицины являлась наиболее перспективной, поскольку обладала чертами медицины государственной и городской.

У этого английского типа медицины было будущее — в противоположность городской медицине и особенно государственной медицине. Английская система позволила ввести «медицинскую помощь бедным, контроль над здоровьем рабочей силы, а также общую статистику публичной гигиены — тем самым защищая богатые классы от величайших опасностей»³¹⁴. С одной стороны, эта система была удобным инструментом власти, реализуя себя в форме государственной или частной медицине, с другой, - позволяла вести достаточно полную медицинскую статистику, что достигалось благодаря принципу деления населения на сектора. Такая стратегия, очевидно, была наилучшей в сфере стабилизации и контроля политической системы.

Таким образом, в интерпретации Фуко альянс дисциплинарной власти и медицины есть наиболее яркая репрезентация «власти-знания», которая становится одним из главных оснований концепции биополитики. Помимо этого, Фуко настаивает на том, что медицина есть та область, в которой

³¹³ Фуко М. Рождение социальной медицины // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2006. С. 102.

³¹⁴ Там же. С. 106.

сочетаются техники дисциплинарной власти и регулятивные техники, присущие биовласти. «Медицина — это знание-власть, которая соотносится одновременно с телом и с населением, с организмом и с биологическими процессами, и поэтому должна оказывать как дисциплинирующее, так и регулирующие воздействия»³¹⁵.

Главное преимущество «власти-знания» как основания биополитики дает возможность власти сохранить социальное тело в той форме, которая, с одной стороны, позволяет осуществлять постоянный контроль, а, с другой, — извлекать пользу. В сущности, это и есть расшифровка тезиса о том, что биополитический контроль нацелен на то, чтобы «заставить жить», а не «позволить умереть». Биополитика не просто «ведет подсчеты» и «оценивает потери». В период, когда дисциплинарная власть сменяется биовластью, появляются, как говорит Фуко, «проект политики рождаемости или, во всяком случае, схемы вмешательства в глобальные процессы рождаемости»³¹⁶, а также всевозможные техники контроля заболеваемости. Знание (в данном случае опять же медицинское) достигает такого уровня, что меняется как восприятие самой болезни, так и социальное отношение к ней. Болезни, распространяющиеся среди населения, «более или менее трудные для искоренения, но они не рассматриваются в качестве эпидемии, в качестве причины более частых случаев смерти, а как постоянные факторы — и так их интерпретируют — убавления сил, уменьшения рабочего времени, снижения энергии, экономических издержек, причиной которых являются как потери в производстве, так и стоимость ухода за больными. Короче, болезнь как феномен населения: не как смерть, грубо обрушивающаяся на жизнь — это эпидемия, —а как всегда присутствующая смерть, которая внедряется в жизнь, постоянно ее грызет, уменьшает ее и ослабляет»³¹⁷. Соответственно, первостепенной биополитической задачей, по Фуко, выступает «забота» о

³¹⁵ Фуко М. Нужно защищать общество. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. СПб., 2005. С. 266.

³¹⁶ Там же. С. 257.

³¹⁷ Там же.

населении, понимаемая в самом общем виде как обеспечение населения медицинскими услугами, внимание к вопросам рождаемости и воспроизводства. Как было показано выше, сущность и качество этого обеспечения могут варьироваться в зависимости от территории, особенностей географического положения, климата, но при этом и социально-экономических условий.

Во вторую очередь забота о населении как сфера реализации биополитики проявляет себя в области того, что Фуко называет «всей совокупностью феноменов, одни из которых универсальны, а другие случайны»³¹⁸. Примером универсального феномена выступает старость. Индивид не перестает существовать как политический объект, но как субъект трудовой деятельности он становится бесполезен. Примером случайного феномена выступают, по Фуко, всевозможные несчастные случаи, внезапные ситуации, которые также меняют «статус полезности». Соответственно, власти необходимы такие механизмы, которые работали бы в таких неизбежных ситуациях. Этими механизмами оказываются страхование, пенсии, коллективные накопления.

Третьей областью, о которой говорит Фуко, отмечая ее как основополагающую для реализации биовласти, является «проблема среды». Речь идет, в сущности, о том, как среда (естественная и/или искусственная) влияет на состояние населения.

Учитывая вышеизложенное и, возвращаясь к тому, что условно было названо «биополитической формулой» Фуко, можно сказать несколько слов о соотношении элементов «безопасность», «территория», «население», входящих в эту формулу. Разумеется, с точки зрения значимости первым элементом оказывается, конечно, население как основной объект биополитики. Фуко дает очень точное описание-пояснение тому, что есть

³¹⁸ Фуко М. Нужно защищать общество. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. СПб., 2005. С. 258.

население в этом новом, биополитическом смысле слова, говоря о том, что в политической науке появляется «новый персонаж», который отличен от «индивида, заключающего контракт» и «общества, созданного на основе реально состоявшегося или подразумеваемого договора индивидов», от «индивида-тела», который был объектом дисциплинарной власти³¹⁹. «Новая технология власти имеет дело не с обществом в точном смысле слова (или, во всяком случае, не с обществом в понимании юристов); и не с индивидом-телом. Оно ориентируется на новое тело: тело сложное, тело со множеством голов, если не бесконечным, то по меньшей мере нуждающимся в перечислении. Оно выражается понятием “население”»³²⁰. Население в этом новом смысле – проблема одновременно политическая, биологическая и научная. Для Фуко чрезвычайно важно, что население – это коллективный или даже массовый феномен. Это обуславливает специфику восприятия жизни населения, закономерности которой отслеживает и регулирует биополитика.

Соответственно, второй элемент формулы – безопасность – это то, что обеспечивает жизнь населения. «Биополитические механизмы вырабатывают, конечно, прежде всего предвидения, осуществляют статистические подсчеты, глобальные измерения; перед ними стоит задача модификации не какого-то отдельного явления, не индивида, взятого в его единичности, а модификации, которая осуществляется, по сути, на уровне детерминации общих феноменов, обретающих свой смысл в глобальном измерении»³²¹. Безопасность – это внедрение таких механизмов, которые в любой, даже непредвиденной ситуации, смогут удержать показатели жизни

³¹⁹ Фуко М. Нужно защищать общество. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. СПб., 2005. С. 259.

³²⁰ Там же.

³²¹ Там же.С. 260.

населения на должном уровне, «оптимизировать, если угодно, состояние жизни»³²².

Третий элемент «биополитической формулы» – территория – находится в прочной связи с элементом «безопасность», поскольку его следует рассматривать не в буквальном и даже не в политическом смысле (территория как признак государства), но с точки зрения взаимодействия населения со средой, условиями существования в самом широком значении. Речь может идти о бытовых или производственных условиях, о месте проживания, о климате, о почве и т.д. Для биополитики важно, во-первых, то, как эти условия влияют на население, во-вторых, что можно/необходимо сделать для того, чтобы обеспечить жизнь населения в тех или иных условиях. Заметим при этом, что при осуществлении контроля в области «среда-население» прекрасно проявляет себя сочетание техник дисциплинарной власти с ее «геометрией» и регулятивные техники, присущие биовласти. Фуко приводит пример рабочего города, где легко обнаружить все дисциплинарные механизмы – «разделение, возможность наблюдения за индивидами, нормализация форм поведения, род спонтанного полицейского контроля, который осуществляется в силу самого пространственного расположения города»³²³. Но здесь же можно говорить о регулятивных правилах, которые нельзя не соблюдать, живя в этом городе. «К регулятивным механизмам принадлежат системы страхования болезни или старости; правила гигиены, которые обеспечивают оптимальную продолжительность жизни населения; давление, оказываемое самой организацией города на сексуальность, а следовательно, на потомство; влияние на гигиену семей; забота о детях; школа...»³²⁴

³²² Фуко М. Нужно защищать общество. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. СПб., 2005. С. 259.

³²³ Там же. С. 265.

³²⁴ Там же. С. 265.

Необходимость применения этой биополитической формулы обусловлена необходимостью «заставить жить». Фуко делится наблюдением, которое можно назвать Абсолютом биополитического. Он говорит о том, что важность заботы о населении, которая, в сущности, сводится к постоянному биополитическому контролю, обусловлена тем, что смерть для биовласти неприемлема, она противоречит самой ее сути. Смерть означает конец власти. Отсюда необходимость как можно раньше внедриться в жизнь, «определить способ жизни, то “как” нужно жить», начиная с рождения, контролировать «все случайности, риски»³²⁵.

Итак, биополитика включает в себя всевозможные техники контроля, которые имеют своей целью всеобъемлющий контроль над жизнью населения, но значит ли это, что смерть как явление не входит в биополитическое поле? Фуко отвечает на этот вопрос, обращаясь к теме расизма, и говорит о том, что расизм «вписывается в государственные механизмы с появлением биовласти»³²⁶. Расизм – механизм биовласти, который позволяет перейти границу жизни. Суть техники расизма состоит в том, чтобы определить, что должно/достойно жить, а что – нет.

Расизм в интерпретации Фуко предстает уникальным биополитическим феноменом, поскольку он имеет своей основой собственно биологическое – различие рас, но использует это биологическое различие в политических целях. Расизм как биополитическая техника позволяет «власти воспринимать население как смесь рас или, точнее, разделить род, за который оно взяло на себя ответственность, на подгруппы, которые именно и будут расами»³²⁷. Это ярчайший пример модификации дисциплинарной власти в биовласть – фрагментация биологического – и первостепенная функция расизма. Но следующая функция расизма видится не менее значимой в контексте того,

³²⁵ Фуко М. Нужно защищать общество. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. СПб., 2005. С. 259.

³²⁶ Там же. С. 268.

³²⁷ Там же.

как смерть входит в поле биополитики. Фуко формулирует эту функцию, обращаясь к следующему принципу «“чем больше ты будешь убивать, тем больше ты заставишь жить» или «чем большему количеству людей ты позволишь умереть, тем больше, в силу самого этого факта, ты будешь жить”»³²⁸. Принципиально важным замечанием оказывается то, что этот принцип не является современным изобретением, но это основной принцип любой войны: «чтобы выжить, нужно убивать своих врагов»³²⁹. Расизм в биополитическом смысле – это война, в которой власть «назначает врагов», руководствуясь биологическим принципом. Но и здесь у Фуко трудно не заметить апелляции к дисциплинарной власти: «чем больше низшие породы будут исчезать, чем больше аномальных индивидов будет исключено, тем меньше вырожденцев будет существовать в роду, тем больше я — не в качестве индивида, а в качестве рода, — буду жить, буду сильным, буду бодрым, смогу размножаться»³³⁰. «Биологический другой» в расистской трактовке – это ненормальный, подлежащий исключению (в биологическом смысле это означает «смерть»), поскольку он делает жизнь небезопасной³³¹.

Расизм – это средство нормализации через реализацию права на убийство. «Биополитическая формула» и здесь работает, но специфическим образом. Расизм как техника биовласти предполагает «войну» с биологической угрозой безопасности. Если одна совокупность биологических признаков угрожает другим (или объявляется угрожающей другим), то она должна быть уничтожена. Только в этом случае можно говорить об оздоровлении, очищении, укреплении расы. «Раса, расизм — это

³²⁸ Фуко М. Нужно защищать общество. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. СПб., 2005. С. 269.

³²⁹ Там же.

³³⁰ Там же.

³³¹ И понятие расизма, и понятие исключения, и понятие убийства следует трактовать максимально широко. Фуко говорит об этом так: «Понятно, под умерщвлением я не имею в виду просто прямое убийство, но все, что может убить косвенно: факт приговора к смерти, увеличение для некоторых риска смерти или просто политическая смерть, изгнание, неприятие и т. д.» [Фуко М. Нужно защищать общество. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. СПб., 2005. С. 270.]

условие приемлемости умерщвления в обществе, в котором осуществляется нормализация»³³². Расизм, по Фуко, неизбежен, если речь идет о биовласти, поскольку ей необходимо оправдание для самой возможности умерщвления. Кажется, что здесь проявляется в некотором смысле семантический парадокс, связанный с самим понятием «биополитики». «Политика» (при всей сложности определения и множественности трактовок) едва ли мыслима без войны в широком смысле. Война едва ли мыслима без жертв. Таким образом, биополитика оказывается своего рода оксюмороном. Тем не менее, с точки зрения Фуко, этот парадокс преодолевается, если расизм (опять же в самом широком смысле) трактовать так, как было показано выше.

Вместе с тем в теории биополитики Фуко есть упоминание об особой форме расизма, в которой биовласть, с одной стороны, проявляет себя в наивысшей степени, с другой, – превращается в свою противоположность. Речь идет, разумеется о нацизме. Нацизм, по Фуко, – уникальный пример сочетания практик суверенной, дисциплинарной и биовласти. Проект нацистов был одновременно нормализующим и регулирующим, «дисциплинирующим» и «охранительным», но через техники дисциплинарной власти и биополитики «проступал полный разгул ... суверенной власти убивать»³³³. Специфика нацистского режима заключалась в том, что властью убивать обладал фактически каждый, а не исключительно государство. Хотя именно государство эту власть санкционировало. Фуко приводит пример доноса, который вполне мог привести к уничтожению в буквальном смысле.

Война, которую Фуко также называет в качестве неотъемлемой части биовласти, в нацистском государстве определяется как «политическая цель»³³⁴: «политика должна привести к войне, и война должна стать конечной

³³² Фуко М. Нужно защищать общество. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. СПб., 2005. С. 270.

³³³ Там же. С. 273.

³³⁴ Там же.

и решающей фазой, увенчивающей целое»³³⁵. Фуко полагает, что нацистское государство можно характеризовать как «государство абсолютно расистское, абсолютно смертоносное и абсолютно самоубийственное»³³⁶. И если определения «расистское» и «смертоносное» не вызывают вопросов, то характеристика «самоубийственное» требует пояснений. Фуко убежден в том, что «суверенное право убивать» неизбежно распространяется «не только на других», но и «на своих»³³⁷. Перед нами фактически обратная сторона биополитики. Когда биовласть переходит границу жизни, используя право убивать, она превращается в политику смерти. Всеохватывающая диктатура, выражающаяся в праве уничтожать население, имеет своей изнанкой «самоубийство» государства. Фуко обращает внимание на два исторических факта – это «“окончательное решение” 1942—1943 гг. (в силу которого захотели уничтожить, через евреев, все другие расы, символом и проявлением которых стали евреи)» и «телеграмма за № 71 в апреле 1945 г., в которой Гитлер отдал приказ разрушить условия жизни самого немецкого народа»³³⁸.

Митчелл Дин, последователь Фуко, один из ярчайших представителей англоязычной фукольдианской традиции, называет эти рассуждения французского философа провокативными, хотя, безусловно, заслуживающими дальнейшего изучения, и говорит о «темной стороне биополитики»³³⁹. Дин солидарен с Фуко в том, что нацизм – особый случай биополитики: «Нацизм обобщил биополитику без критики пределов, осуществляемой юридическим субъектом права, но не смог избавиться от суверенитета. Вместо этого он учредил ряд постоянных вмешательств в поведение индивида в населении и выразил это при помощи “мифической

³³⁵ Фуко М. Нужно защищать общество. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. СПб., 2005. С. 273.

³³⁶ Там же. С. 274.

³³⁷ Там же.

³³⁸ Там же.

³³⁹ Дин М. Правительность. Власть и правление в современных обществах. М., 2016. С. 341.

заботы о крови и торжестве расы”»³⁴⁰. Дин также согласен с Фуко в том, что проект нацизма осознается как нечто, что не должно повторяться, но «история биополитического расизма» не закончена³⁴¹. Дин ссылается на утверждение Фуко о том, что проявления государственного расизма обнаруживают себя в самых современных вариантах социализма, и обращается к примеру Китая 90-х годов XX века. «Биополитический государственный расизм можно обосновать в терминах цели эволюции, ведущей к идеальному обществу, или оптимизации качества населения, равно как и эволюции расы. ... Поэтому национальные власти устанавливают в качестве целей количественные параметры, а власти в провинциях затем переводят их в квоты на деторождение, квоты распределяются между префектурами и уездами, которые, в свою очередь, распределяют их между волостями, общинами и т. д. <...> В этой детализированной цепочке контроля используются такие инструменты, как встречи семейных пар, сертификаты с разрешением на беременность, пособия для пар с одним ребенком и суровые штрафы для зачавших ребенка без сертификата и имеющих более чем одного ребенка. Таким образом, в китайской политике суверенные элементы (декреты, запреты, наказания и вознаграждения) встраиваются в детализированное биополитическое вмешательство в интимную жизнь населения. Это делается не ради родины, крови или расовой чистоты, а на языке целей, предусмотренных планом»³⁴². Здесь Дин проводит параллель с мальтузианской политикой «осведомленных бедных».

Несмотря на то, что Фуко очевидно разделяет «государственный расизм» и нацизм, он всегда подчеркивает «особую артикуляцию специфических элементов биополитики, ее знания о населении и индивидах»³⁴³. Здесь мы снова возвращаемся к неразрывной связи власти и

³⁴⁰ Дин М. Правительственность. Власть и правление в современных обществах. М., 2016. С. 344-345.

³⁴¹ Там же. С. 350.

³⁴² Там же. С. 352.

³⁴³ Там же. С. 50.

дискурса. Государственный расизм и нацизм как его крайнее проявление есть в сущности результат «переписывания расового дискурса в рамках биополитики населения и его связывания с темами суверенной идентичности, автономии и политического сообщества»³⁴⁴. Дин еще раз подчеркивает, что у этого типа дискурса (имеющего своей целью расовый критерий разделения) есть риски, в последнем пределе – политическое самоуничтожение, но есть и неоспоримая сила, поскольку именно этот дискурс «делает благосостояние и жизнь расиализированного населения основой национального суверенитета и политического сообщества»³⁴⁵. Этот дискурс становится возможным просто потому, что такова природа власти (независимо от ее исторического типа). Власть у Фуко оказывается вездесущей, «не потому вовсе, что она будто бы обладает привилегией перегруппировывать все под своим непобедимым единством, но потому, что она производит себя в каждое мгновение в любой точке или, скорее, – в любом отношении от одной точки к другой. Власть повсюду; не потому, что она все охватывает, но потому, что она ото всюду исходит»³⁴⁶. Принципиальная «нестатичность», подвижность власти, выраженная в отсутствии институциональности, бессистемность (отсутствие «всеобщей системы господства» и моноцентричности) становятся возможными именно благодаря погруженности власти в пространство дискурса.

2.2. «Дискурсивность» как теоретико-методологическое основание анализа биополитики³⁴⁷

Стоит напомнить, что Фуко идет от противного, когда пытается дать определение власти, спорит с нерушимостью как самой структуры власти,

³⁴⁴ Дин М. Правительность. Власть и правление в современных обществах. М., 2016. С. 50.

³⁴⁵ Там же.

³⁴⁶ Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 193.

³⁴⁷ При написании данного параграфа диссертации использованы результаты научных работ, выполненных автором лично и опубликованных ранее: Аласания К.Ю. Дискурсивные начала биополитики в работах М. Фуко и С. Жижека // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. № 2. 2022. С. 96-109.

так и ее «классической» концепцией: «Властью, я называю не «Власть» как совокупность институтов, которые гарантировали бы подчинение граждан в каком-либо государстве. Под властью я также не подразумеваю такой способ подчинения, который в противоположность насилию имел бы форму правила. Наконец, я не имею в виду и всеобщей системы господства, осуществляемого одним элементом (или группой) над другими, господства, результаты действия которого через ряд последовательных ответвлений пронизывали бы все социальное тело»³⁴⁸. Наполнение понятия власти у Фуко кардинально отличается от традиционных политологических наполнений: «Под властью, мне кажется, следует понимать, прежде всего, множественность отношений силы, которые имманентны области, где они осуществляются, и которые конститутивны для ее организации; понимать игру, которая путем непрерывных битв и столкновений их трансформирует, усиливает и инвертирует; понимать опоры, которые эти отношения силы находят друг в друге таким образом, что образуется цепь или система, или, напротив, понимать смещения и противоречия, которые их друг от друга обособляют; наконец, под властью следует понимать стратегии, внутри которых эти отношения силы достигают своей действенности, стратегии, общий абрис или же институциональная кристаллизация которых воплощаются в государственных аппаратах, в формировании закона, в формах социального господства»³⁴⁹.

Важной особенностью власти является её негосударственность в том смысле, что феномен власти невозможно охватить, рассматривая его лишь в рамках теории государства (и права). Власть не осуществляется лишь через подчиненные государству институты и, соответственно, рассматривается Фуко как «власть вообще», но не как отдельные её воплощения, в том числе политические. Власть производится многими институтами, в том числе

³⁴⁸ Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 191-192.

³⁴⁹ Там же.

образовательными, воспитательными и медицинскими. Именно это дает власти проявляться в полном объеме.

Интерпретации власти, описанные выше, достаточно далекие от классических трактовок политической науки, заставляют задуматься над тем, *что* делает возможным именно такое рассмотрение власти. Фуко определенно отвечает на этот вопрос, когда вводит понятие «дискурс» в свои рассуждения о власти.

О «дискурсе», как и о понятии власти у Фуко, сказано достаточно и в текстах самого философа, и в работах исследователей его творчества. В данном случае важно подчеркнуть некоторые аспекты, которые видятся важными для раскрытия проблематики настоящего исследования.

Дискурс – одно из ключевых теоретических и методологических понятий в творчестве Фуко. Как отмечает З. А. Сокулер, во-первых, под «дискурсом» у Фуко может подразумеваться «текст или высказывания, но также – и скорее – тип или серия текстов и высказываний, функционирующих в одной и той же системе отношений»³⁵⁰. Во-вторых, это текст «вместе с той социальной практикой, к которой он принадлежит и которая определяет способ обсуждения некоторой темы, образцы постановки проблем и подхода к ним, оправдания, обоснования, связи с другими темами...»³⁵¹ Основопологающим свойством дискурса оказывается то, что складывание определенного типа дискурса (например, властного) производит то или иное понятие или группу понятий. Фуко, демонстрирует, как одно и то же понятие меняется в зависимости от разницы в дискурсе. «Так, “человек”, о котором говорит философия и гуманитарное познание XIX–XX вв. – это совсем не тот персонаж, к которому относятся характерные для Просвещения рассуждения о человеческой природе, а «жизнь», о которой

³⁵⁰ Сокулер З. А. Методология гуманитарного познания и концепция “власти-знания” Мишеля Фуко // Философия науки. Выпуск 4. М., 1998. С. 175.

³⁵¹ Там же. С. 177.

говорит биология XIX–XX вв. – не тот же объект, что растения и животные, о которых говорит естественная история XVIII в.»³⁵².

Разумеется, в области политической «дискурс» используется как собирательное понятие, служащее для обозначения практик, при помощи которых распространяется власть. Отдельный человек окружен «целым пучком властных отношений, которые его связывают с его родителями, с его работодателем, с его хозяином - с тем, кто знает, с тем, кто вбил ему в голову то или иное представление»³⁵³. Важно, что эти «пучки» возникают из-за сплетения знаков, слов, речей в любой момент жизни. Человек неизбежно вступает в отношения с властью, если он *говорит*, выражает себя в коммуникации с другими. Это та точка, в которой понятия власти и дискурса не просто пересекаются, но проникают друг в друга, что делает невозможными дальнейшие рассуждения об одном из понятий в отрыве от другого. Именно, исходя из этой неразрывной связи дискурса и власти, Фуко ставит важнейший для него как политического мыслителя вопрос о техниках властного контроля, который одновременно является вопросом о сущности власти.

Фуко, говоря о власти, подразумевает «...ситуацию господства (а не суверенитета), на материальные механизмы господства, на формы подчинения, на связи и формы использования локальных систем этого подчинения и, наконец, на системы знания»³⁵⁴. В лекции «Порядок дискурса», прочитанной в 1970 году в Коллеж де Франс, Фуко подчеркивает, что дискурс обретает свою материальную реальность в форме «произнесенной или написанной вещи». А это означает для него, что формирование дискурса есть специальная задача. И это задача государства. Государство при этом предстает как некоторое «дискурсивное сообщество»,

³⁵² Сокулер З. А. Методология гуманитарного познания и концепция «власти-знания» Мишеля Фуко // Философия науки. Выпуск 4. М., 1998. С. 177.

³⁵³ Фуко М. Власть и знание // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2002. С. 289.

³⁵⁴ Там же. С. 53.

которое следит за распространением и структурированием дискурса с целью нейтрализации его власти (если это необходимо) и контроля над его непредвиденными последствиями.

Очевидно, что рассуждения о смене типов власти можно трактовать как рассуждения о смене типов дискурса и контроля над ним³⁵⁵. Однако такая трактовка видится неполной. Важно отметить, у Фуко одним из критериев отличия одного типа власти от другого является способ, уровень открытости, а также степень централизации источника контроля над дискурсом. Соответственно, и суверенная, и дисциплинарная, и биовласть могут быть рассмотрены при помощи этой оптики.

Так суверенная власть – это власть, контролирующая территорию (землю), блага и богатства, относящиеся к ней. Она централизована, сосредоточена в руках суверена. Она абсолютна и абсолютно *демонстративна*. Нарушение закона означает покушение на незыблемость верховной власти, казнь – показательное и справедливое возмездие. Дискурс суверенной власти подразумевает постоянную публичную трансляцию знания о существовании источника абсолютной власти, а также осознание угрозы наказания за неповиновение. Порядок такого «дискурса полновластия» возможен еще и потому, что именно суверен и только он дает право подданному на жизнь, как это было показано выше. Легитимность обладания правом на жизнь подданного – ключевая характеристика дискурса суверенной власти. Очевидно, что в этой ситуации лишь власть может говорить, подданные такой возможности не имеют, и этот принцип обязательно демонстрируется.

Итак, право суверена, прямой контроль, демонстративность наказания и поощрения, открытое наблюдение являются инструментами, формирующими дискурс суверенной власти. Однако со временем этих

³⁵⁵ Об этом см., например, Фуко М. Нужно защищать общество. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. СПб., 2005. С. 60-81.

инструментов оказывается недостаточно. «Голос» дисциплинарной власти становится более «тихим». Гарант порядка отныне не воплощенный суверен, а армии, тюрьмы, заводы и школы – оплоты дисциплины и иерархии. «Очерчивая» дисциплинарные поля (устанавливая правила, а, следовательно, и порядок дискурса), власть контролирует дискурс. И принцип этого контроля отличается от деклараций суверенной власти. Установленные правила существования в каждом из дисциплинарных полей нацелены не на то, чтобы реализовывать право прекратить существование индивида в случае необходимости (как это было в случае с суверенной властью). Дисциплинарная власть «слышит», но «не говорит», – за нее «говорят» структуры (институты, функционирующие по строго определенным правилам). Действия и время индивида строго регламентировано. Расписания и графики, правила и нормы, зафиксированные документально, – вот специфика дискурса дисциплинарной власти. Важно, что такой порядок дискурса позволяет власти наблюдать и за тем, как существуют подчиненные, и за тем, как работает сама дисциплинарная система, основной целью существования которой является устранение любых нарушений нормы, посредством бесконечного установления норм. Норма же устанавливается через называние предмета, явления, действия, признака и т.д. Именно таким образом в понимании Фуко происходит пересечение (в определенном смысле слияние) понятий дискурса, нормы и власти. «Дискурс», трактуемый как «насилие, которое мы совершаем над вещами»³⁵⁶, «власть», определяемая как «имя, которое дают сложной стратегической ситуации в данном обществе»³⁵⁷, «дисциплина», понимаемая как «принцип контроля над производством дискурса»³⁵⁸ совмещаются в одном понятийном поле, и в последнем пределе дают возможность Фуко утверждать что «дискурс не просто то, через что являют себя миру битвы и системы подчинения, но и то, ради чего сражаются, то, чем сражаются, власть,

³⁵⁶ Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 80.

³⁵⁷ Там же. С. 193.

³⁵⁸ Там же. С. 69.

которой стремятся завладеть»³⁵⁹. Дискурс в интерпретации Фуко становится полем для разворачивания властных отношений, средством борьбы за власть и самой властью. Такое совмещение понятий в одном поле становится естественным, когда философ рассуждает о биовласти.

Если суверенная власть «говорит», но «не слышит», дисциплинарная – «слышит», но «не говорит», то биовласть, кажется, «подслушивает» и «настоятельно нашептывает», что делает этот вид власти тотализующим, в полной мере всеохватным и чрезвычайно сложным с точки зрения сопротивления ей. Биовласть, как было отмечено выше, – власть, основанная на знании, объем которого колоссален, может позволить себе делать много больше, чем власть суверенная и власть дисциплинарная.

Биовласть не нуждается больше в механизмах разграничения, чтобы заполнять соответствующие поля определенным дискурсом и, следовательно, контролировать, каждое из их полей. Она настолько оснащена знанием и технологиями, что не нуждается в этой мере, поскольку способна проникнуть в любую точку социального тела без обозначения собственного присутствия. Власти теперь не нужно производить *специальный дискурс* (свойственный определенному социальному полю), дискурс воспроизводит сам себя просто потому, что уровень жизни людей достиг определенного уровня. Власть исходит из того, что жизненно важные потребности (быть здоровым, продолжать род) определяют социальные (быть образованным, статусным, богатым), но эти потребности неотделимы друг от друга, поскольку свойственны человеку. То, чем естественным образом озабочен человек, экспроприируется властью при помощи дискурса. Фуко это видит следующим образом: «Сколько бы ни утверждалось, что образование по неотъемлемому праву является средством, открывающим для любого индивида в обществе, подобном нашему, доступ к дискурсу любого типа, – хорошо известно, что в своем распределении, в том, что оно позволяет и чего

³⁵⁹ Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 52.

не допускает, образование следует курсом, который характеризуется дистанциями, оппозициями и социальными битвами. Любая система образования является политическим способом поддержания или изменения форм присвоения дискурсов - со всеми знаниями и силами, которые они за собой влекут»³⁶⁰.

Дискурсивное понимание природы власти вообще и биовласти, в частности, становится одним из важнейших теоретических и методологических оснований анализа биополитических феноменов. К ярким примерам продолжения этой традиции можно отнести работы Славоя Жижека, посвященные проблемам дискурсивной власти, а также связанной с этим биополитической проблематике. Здесь необходимо уточнить, что Жижек в сравнении с Фуко значительно реже использует само понятие «дискурс», хотя, безусловно, обращается к нему. «Дискурс» у Жижека используется, прежде всего, в психоаналитическом смысле. Он достаточно часто ссылается на понятие дискурса у Лакана, на его теорию «четырех дискурсов», в той ее части, когда Лакан говорит о «несбалансированности коммуникации»: «Она [коммуникация] не помещает участников в симметричные взаимно ответственные позиции, где они должны следовать одним и тем же правилам и обосновывать свои утверждения доводами. Напротив, в своем понятии дискурса Господина как первой (исходной, конститутивной) формы дискурса Лакан указывает на то, что всякое конкретное, реальное пространство дискурса в конечном счете основывается на насильственном насаждении господствующего означающего, которое, строго говоря, является “иррациональным”: его невозможно обосновать доводами. Здесь можно только сказать: “точка!”; чтобы остановить бесконечный регресс, кто-то должен сказать: “Это так, потому что я так сказал!”»³⁶¹. В целом отсылка к Лакану не противоречит представлению о дискурсе у Фуко, а лишь отчасти видоизменяет и дополняет его. Нельзя не

³⁶⁰ Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 75.

³⁶¹ Жижек С. О насилии. М., 2010. С. 52.

отметить также параллели с фукольдиданским представлением о дискурсе как о понятии, в котором совмещаются власть и знание. Жижек говорит о современной «гегемонии научного дискурса, на символические идентификации, составляющие основание нашей идентичности»³⁶².

Вместе с тем у Жижека дискурс предстает как «ядро идентичности субъекта»³⁶³, которое проявляется через язык и в то же время отгорожено от других при помощи языка. Такими представлениями Жижека о дискурсе, очевидно, объясняется возможность замещения понятия «дискурс» на понятия коммуникации и языка. По крайней мере, при описании условий, феноменов, контекстуально похожих на условия и феномены, которые описывает Фуко, язык и коммуникация зачастую используются как синонимы понятия «дискурс».

Наконец, Жижек использует понятие «дискурс» собственно в социально-политическом значении, имея в виду идеологические установки и их взаимодействие в социально-политических условиях (расистский дискурс, либеральный дискурс и т.д.).

Таким образом, Жижек фактически обозначает тему дискурсивного насилия в одной из частей работы «О насилии», которую он называет «Насилие языка». При отличиях в терминологии Жижек во многом продолжает традицию Фуко и в понимании того, что представляет собой современная власть (биовласть в фукольдиданской трактовке), и в понимании того, как она существует в дискурсивном пространстве. В то же время в этом тексте Жижека обнаруживаются очевидные связи с источниками развития биополитического направления, появившимися много раньше текстов Фуко, а также ряд тем, которые являются чрезвычайно актуальными для поля современных биополитических исследований.

³⁶² Жижек С. О насилии. М., 2010. С. 88.

³⁶³ Там же. С. 60.

Мир сегодня для Жижека – это мир общения. Но, ссылаясь на слова немецкого философа и культуролога Петера Слотердейка, он отмечает, что иметь больше общения, означает иметь больше конфликтов. С одной стороны, иллюзия эпохи глобализации как эры всеобщего взаимопонимания или единого глобального дискурса опровергается для Жижека как раз через всевозможные языковые проявления³⁶⁴. С другой стороны, язык – идеальный инструмент манипуляций сознанием общественности. Жижек приводит пример истории с карикатурой на пророка Мухаммеда, опубликованной в одной из «малотиражных датских газет»: «Первая вещь, которую нужно отметить, настолько очевидна, что ее, как правило, не замечают: большинство участников многочисленных выступлений протеста против карикатур на пророка Мухаммеда, посчитавших себя оскорбленными, даже не видели их. Это обстоятельство сталкивает нас с другим, менее привлекательным аспектом глобализации: появление чего-то в непонятной газетенке в Дании может вызвать мощное движение в далеких мусульманских странах только в условиях “глобальной информационной деревни”. <...> Мусульманские толпы реагировали не на карикатуры на Мухаммеда как таковые. Они реагировали на сложную фигуру или образ Запада, который, как они считали, стоял за карикатурами»³⁶⁵. Жижек уверен, что протесты были связаны не с действием, а с символическим действием. Есть ассоциативный ряд – карикатура, Дания, Скандинавия, Европа, Запад. Он возникает по причине сложившегося дискурса (символов, образов, установок). В итоге уже сообщения о том, что карикатура на сакральный для определенного сообщества образ была выпущена в западной газете, достаточно, чтобы вызвать описываемый эффект. «Это сгущение, – говорит Жижек, – которое нельзя оставлять без внимания, является базовым фактом

³⁶⁴ Следует отметить также, что язык понимается Жижеком в семиотическом смысле, как совокупная знаковая система. При том, что Жижек в основном апеллирует собственно к словам как к языковым единицам, он также апеллирует ко всевозможным визуальным знакам. В частности, пример эффекта, произведенного появлением карикатуры на пророка Мухаммеда. [См. Жижек С. О насилии. М., 2010. С. 49.]

³⁶⁵ Жижек С. О насилии. М., 2010. С. 50.

языка, создания и установления определенного символического поля. Это простое и слишком очевидное размышление о работе языка делает проблематичным распространенное представление о языке и символическом порядке как среде примирения и опосредования, мирного сосуществования, в отличие от насильственной среды непосредственного и грубого столкновения»³⁶⁶. Язык – сфера конфликта (в последнем пределе – насилия), язык – сфера власти, но при этом язык – инструмент власти.

Жижек категорически не согласен с Жаном-Мари Мюллером³⁶⁷, который говорит о том, что методы ненасилия определяют человечность людей, а насилие извращает человеческую сущность. С точки зрения Жижека, все происходит с точностью до наоборот. Его замечание о том, что «...люди превосходят животных в своей способности к насилию именно потому, что они *говорят*»³⁶⁸ по сути открывает возможность для дальнейших рассуждений о биополитике.

Интересно, что Жижек критикует теорию власти Фуко, подчеркивая избыточность в стремлении французского философа абсолютизировать власть, стереть грани между политическим и неполитическим, что возможно как раз благодаря дискурсивной природе власти. Политическое у Жижека остается особой областью социальной реальности, характеризующуюся определенными чертами, где действуют свои законы, акторы обладают специфическими признаками. Но парадокс заключается в том, что Жижек, рассуждая о власти, политике, исходит фактически из тех же предпосылок, что и Фуко. Имеет смысл вспомнить также, что, по мнению Жижека, сегодняшняя политика (или, по крайней мере, ее преобладающая форма) есть не что иное, как биополитика³⁶⁹.

³⁶⁶ Жижек С. О насилии. М., 2010. С. С. 51.

³⁶⁷ Мюллер Жан-Мари (1939 г.р.) – французский философ, писатель, научный руководитель Института исследований ненасильственного разрешения конфликтов.

³⁶⁸ Жижек С. О насилии. М., 2010. С. 51. (Курсив автора диссертационного исследования).

³⁶⁹ Там же. С. 36.

В интерпретации Жижека биополитика предстает как часть постполитики, которая, в свою очередь, определяется следующим образом: «постполитической» считается политика, которая утверждает, что она преодолела старую идеологическую борьбу и вместо этого сосредоточилась на экспертном управлении и администрировании, а под «биополитикой» понимается регулирование безопасности и благополучия человеческой жизни в качестве своей главной цели»³⁷⁰. Жижек уверен, что только страх обеспечивает успех политического управления жизнью: «...при деполитизированном, социально объективном, экспертном управлении и координации интересов, выступающем в качестве нулевого уровня политики, единственным средством внесения страсти в эту область, дабы активно мобилизовать людей, служит страх, основной элемент сегодняшней субъективности. Поэтому биополитика - это, в конечном счете, политика страха»³⁷¹. И здесь возникает тема, которая, по понятным причинам, не могла быть артикулирована в лекциях Фуко, – тема политкорректности³⁷².

Жижек называет политкорректность «образцовой либеральной формой политики страха». Именно эта форма постполитического дискурса есть совершенный инструмент биовласти. Жижек использует термин «политкорректность» и никак специально не указывает на его дискурсивную природу, а это кажется необходимым в контексте настоящего исследования.

О дискурсивной природе политкорректности очень точно пишут В.В. Миронов и Д. В. Г. Миронова в статье, посвященной анализу проблемы «добродетельного террора», поднятой в работах немецкого политика и политического теоретика Тило Саррацина: «Политкорректность ... выступает как некая мыслительная конструкция совокупности правил и норм, основанная на проводимой политической линии, которая сама по себе может

³⁷⁰ Жижек С. О насилии. М., 2010. С. 36.

³⁷¹ Там же. С. 36.

³⁷² Термин «политкорректность» активно начинает использоваться, начиная с 80-х годов XX века (хотя концепция имеет более давнюю историю).

меняться, изменяя и формы политкорректности. Политкорректность – это жестко повелительная форма, предписывающая тип поведения в публичном пространстве дискурса... Очень часто ... политкорректность приводит к тому, что «язык политической корректности у людей вызывает ощущение завуалированности подлинных проблем»³⁷³. Политкорректность парадоксальным образом выступает коррективной мерой: с помощью этого инструмента власть все также предписывает, что можно, а что нельзя (говорить). При этом принцип политкорректности вполне соотносим с принципами, согласно которым функционирует биовласть у Фуко – власть «молчит», но при этом владеет сознанием. Точнее, однажды, провозгласив, принцип политкорректности, власть не нуждается в том, чтобы бесконечно о себе напоминать. Такой дискурс будет самовоспроизводиться, ведь он надежно спрятан за «политкорректностью как вместилищем добродетели»³⁷⁴. Человек, который *говорит*, отныне боится себя самого и в то же время боится за себя. Важно, что, по мнению Жижека, это не страх вообще, это «страх перед иммигрантами, страх перед преступлениями, страх перед безбожной сексуальной распущенностью, страх перед произволом государства с его бременем высоких налогов, страх перед экологической катастрофой, страх перед домогательством»³⁷⁵. Этот страх бесконечно поддерживается опять же парадоксальным образом, поскольку понятие политкорректности связывается с понятием толерантности.

В контексте рассуждений Жижека о современной форме политики использование термина, естественного для медицины, психологии, биологии, кажется совершенно не случайным, ведь толерантность означает «снижение (или отсутствие) чувствительности организма к воздействию какого-либо чужеродного (то есть отличного от данного организма) фактора в результате

³⁷³ Миронов В.В., Миронова Д.В.Г. Добродетельный террор, или Кто определяет границы свободы слова (размышляя над книгами Тило Саррацина) // Этическая мысль. 2018. Т. 18. № 2. С. 105-106.

³⁷⁴ Там же. С. 105.

³⁷⁵ Жижек С. О насилии. М., 2010. С. 37.

привыкания или нераспознавания его как чужеродного»³⁷⁶. Стоит отметить при этом, что для естественно-научного определения толерантности важен диапазон устойчивости к воздействию «чужого». Соответственно, возникает вопрос о том, насколько человеческое общество устойчиво к такого рода раздражителям.

Как отмечают В.В. Миронов и Д. В. Г. Миронова в работе «Мультикультурализм: толерантность или признание?», «в отличие от биологического мира в обществе толерантность (или терпимость) предполагает особое социально-психологическое состояние, которое может быть, во-первых, неустойчивым или недолговечным, а во-вторых, весьма некомфортным как для того кто терпит, так и для того, кого терпят; как отмечал Гёте, “...толерантность (Toleranz) должна быть всего лишь временным убеждением: за ней должно следовать признание. Терпеть – значит оскорблять”. Терпят до тех пор, пока полностью не отвергают или пока полностью не признают. Поэтому толерантность как социальный принцип требует завершения в признании Другого в качестве равноправного себе»³⁷⁷. Если продолжать идею Гёте, то можно сказать, что в эпоху биополитики состояние, которое должно быть временным оказывается постоянным, и именно поэтому оно некомфортно для человека, но при этом, по мнению Жижека, весьма комфортно для власти. «Сегодня, – пишет Жижек, – либеральная толерантность к другим, уважение другого и открытость к нему дополняются навязчивым страхом перед домогательством. Короче говоря, с Другим все прекрасно, но лишь до тех пор, пока его присутствие не донимает, пока этот Другой не является настоящим Другим... Мой долг быть терпимым к другому на самом деле означает, что я не должен приближаться к нему слишком близко, вторгаться в его пространство. Иными словами, я должен уважать его нетерпимость к

³⁷⁶ *Миронов В.В., Миронова Д.В.Г. Мультикультурализм: толерантность или признание? // Вопросы философии. 2017. № 6. С. 24.*

³⁷⁷ Там же. С. 25.

моей чрезмерной близости. Главным правом в позднекапиталистическом обществе все чаще становится право не подвергаться домогательствам, то есть право держаться на безопасной дистанции от других»³⁷⁸. Ситуация осложняется все тем же обстоятельством: знание о том, что можно, а что нельзя, поддерживается постоянно, благодаря безупречному действию дискурса власти: человек осознает, что находится в опасности, но при этом защищаться он может только, отдаляясь на безопасное расстояние, ведь защита в непосредственном взаимодействии с Другим может нарушить принципы политкорректности и толерантности.

«Домогательства», о которых говорит Жижек, на самом деле, представляют собой *потенциальные* «домогательства», угроза которых сохраняется благодаря власти. Биовласть у Жижека оказывается не просто властью дискурса, но властью парадоксального дискурса, в основе которого лежит идея о том, что «целью нашей жизни является сама жизнь»³⁷⁹. И ради этой цели можно «терпеть», не отвергая ее до конца и полностью не признавая.

Несомненно, лучшим инструментом для реализации биополитических целей является язык. Жижек говорит, что «сама по себе реальность в своем глупом присутствии никогда не бывает невыносимой: такой ее делает язык, его символизация»³⁸⁰. Здесь трудно не увидеть параллели с идеями Фуко о дискурсе как о насилии, которое мы совершаем над вещами, когда называем их, и, соответственно, о том, что благодаря языку (словам, которые циркулируют в пространстве социального) формируется картина мира, выстраивается «порядок дискурса», в котором эта картина мира заключена. Язык разделяет, язык объединяет, язык расставляет приоритеты, определяет общественные статусы, то есть фактически место каждого в мире, представление о котором сформировано у каждого при помощи того же

³⁷⁸ Жижек С. О насилии. М., 2010. С. 37.

³⁷⁹ Там же. С. 38.

³⁸⁰ Там же. С. 55.

самого специфического инструмента – «человеческого» языка. У Жижека идеи, очень похожие на фукольдианские, выражаются в формуле: «...Вербальное насилие является не вторичным искажением, а основным средством всякого специфически человеческого насилия»³⁸¹.

Учитывая взрывной рост интереса ученых к теме биополитики в 2020-2021 годах, нельзя не упомянуть работу Жижека «Пан(дем)ика! COVID-19 сотрясает мир» (2020), хотя она в контексте сказанного выше выглядит, на первый взгляд, парадоксально. Дело в том, что Жижек, вынося в заглавие тему, которая по всем признакам могла бы быть связана с продолжением размышлений о биополитике как постполитике, концентрируется на вопросах, которые, конечно, имеют в прямом смысле биологический источник и отражаются на мировой ситуации, но биополитическими (в том понимании, о котором говорилось выше) не выглядят. Вместе с тем исключать дискурсивность как конституирующий элемент политики из рассуждений Жижека о современной ситуации нельзя – ведь фактически в книге речь идет о борьбе идеологических дискурсов (дискурса, который условно можно охарактеризовать как «переосмысленный коммунизм», и дискурса капитализма).

Представления Жижека о дискурсивной природе биополитики очень созвучны фукольдианским. Однако, учитывая очевидные отличия, связанные не только с терминологией, но и с социально-историческим контекстом, в котором написаны работы Жижека, его подход максимально близок к методологии критического дискурс-анализа, относительно нового направления, возникшего во многом благодаря фукольдианской теории.

Дискурс-анализ представляет собой совокупность методов, которые позволяют анализировать социально-политические процессы через дискурсивные практики. В самом общем виде можно сказать, что объектом анализа выступает взаимодействие власти и общества, выраженное через

³⁸¹ Жижек С. О насилии. М., 2010. С. 55.

язык (в самом широком смысле). Если же мы исходим из положения о том, что население – главный объект биополитики, то следует определить критический дискурс-анализ как способ обнаружения влияний власти на население и в последнем пределе разоблачение техник власти.

Очевидно, что дискурсивные начала политической теории Фуко легли в основу методологии современного дискурс-анализа³⁸², однако эта дисциплина носит явный междисциплинарный характер. На ее формирование оказали влияние и философия, и социально-политические науки, и, разумеется, языкознание. Как сложившееся направление критический дискурс-анализ начинает функционировать в начале 90-х годов XX века. Если попробовать в самом общем виде обозначить, что составляет фокус исследований представителей критического дискурс-анализа, то это отношения господства и подчинения, дискриминация, идеологические представления, имеющие языковые репрезентации. Нельзя не отметить в то же время, что внутри дисциплины существует некоторое количество направлений, которые имеют свою специфику. Об этом довольно подробно пишет Рут Водак, австрийский лингвист, одна из тех, кто стоял у истоков формирования критического дискурс-анализа как академической дисциплины.

Водак объясняет, почему анализ дискурса определен как критический, говорит о том, что критическая перспектива восходит к термину «критический» в понимании Франкфуртской школы, в частности, Ю. Хабермаса. В то же время «критический» означает «обнаружение взаимосвязи вещей»³⁸³. Для дискурсивного анализа того типа, о котором говорит Водак, важна предпосылка о том, что в социальных практиках (языковая деятельность в такие практики, разумеется, включена) «вещи

³⁸² Прямые ссылки на работы или концепции Фуко есть практически у всех наиболее ярких современных представителей дискурс-анализа (Нормана Фэркло, Тёна ван Дейка, Рут Водак).

³⁸³ Водак Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 286.

могут быть искажены до неузнаваемости»³⁸⁴. Однако это не исключает обращения в рамках критического дискурсивного анализа к открытому выражению доминирования, дискриминации, власти и контроля, выраженных в языке. В качестве одного из ключевых оснований изучения всех форм неравенства, выраженного в языке, Водак приводит высказывание Хабермаса о том, что «язык есть ... средство доминирования и социальной силы. Он служит для законодательного закрепления отношений организованной власти. Насколько законодательно закрепленные (легитимные) отношения власти не выражены, настолько язык идеологизирован»³⁸⁵. Здесь обнаруживается вновь обнаруживается параллель с высказыванием Жижека о языке как о средстве сегрегации и, следовательно, доминирования: «... язык, а не примитивные эгоистические интересы служит первым и главным средством разделения; именно благодаря языку мы и наши ближние можем “жить в разных мирах”, даже когда мы живем на одной улице ... вербальное насилие является не вторичным искажением, а основным средством всякого специфически человеческого насилия»³⁸⁶. Водак вместе с тем подчеркивает, что критический анализ дискурса имеет своим объектом не только устный или письменный текст, но предполагает изучение исторических условий, благодаря которым стало возможно появление того или иного текста, а также современных условий, в которых индивид или группа создают те или иные смыслы. Водак делает вывод о том, что любой критический дискурс-анализ включает в себя «концепты власти, истории и идеологии (последняя определяется ... как системы мнений и убеждений, выдвигаемых группой, имеющей власть»³⁸⁷. Вместе с тем критический дискурс-анализ отнюдь не однороден, в его рамках разрабатывается ряд направлений (Водак говорит

³⁸⁴ Водак Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 286.

³⁸⁵ Там же. С. 287.

³⁸⁶ Жижек С. О насилии. М., 2010. С. 51.

³⁸⁷ Там же.

даже о существовании нескольких школ), отличающихся и по теоретической, и по методологической направленности.

К первому направлению Водак относит представителей так называемой социальной семиотики Майкла Халлидея и Гюнтера Кресса. Специфика наиболее современного варианта этого направления (теория Кресса) заключается в стремлении объяснить, «как индивидуум становится членом общества, используя доступные “ресурсы обозначения (репрезентации)”». Язык в данном случае трактуется как семиотическая система в самом полном смысле слова. То есть система, в которой значение не обязательно связано с языковой формой. Отсюда – интерес «к описанию, анализу и теоретическому осмыслению других знаковых средств, в особенности зрительных»³⁸⁸. Ряд представителей этого направления, среди которых Тео ван Леувен, напрямую обращаются к понятию дискурса как к инструменту власти, контроля, социального конструирования действительности. Именно эти аспекты должны учитываться при изучении социальной реальности: «дискурс сам по себе как социальная практика и дискурс как форма действия, как то, что люди делают, общаясь. Есть также и дискурс в смысле М. Фуко, дискурс как представление социальной практики, как вид знания, как то, что люди говорят о социальной практике»³⁸⁹.

Второе направление представляет собой школу дискурсивной социолингвистики, представителем которой является Рут Водак. Разработки этой школы основаны на традиции Франкфуртской школы. Водак часто и подробно обращается в своих работах к исследованиям Хабермаса. Пожалуй, направление дискурсивной социолингвистики можно в полной мере охарактеризовать как прикладное, поскольку в фокусе внимания представителей этой школы находятся «обстоятельства общения». Однако обязательной частью исследований является создание рекомендаций.

³⁸⁸ Жижек С. О насилии. М., 2010. С. 289.

³⁸⁹ Водак Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 289.

Например, результаты исследований по половому признаку предполагают рекомендации «по созданию недискриминационного языка, сориентированного на женщин, по выработке эффективных форм беседы врачей с пациентами, по осуществлению судебной экспертизы в случае разжигания антисемитизма в печати»³⁹⁰.

Третье направление критического дискурс-анализа можно обозначить как социокогнитивное. Главный представитель этого направления – Тён ван Дейк. Водак в своем обзоре ключевых понятий, методов и направлений критического дискурс-анализа определяет это направление как «социокогнитивную модель». Это кажется неслучайным. Действительно, пожалуй, только в теории ван Дейка есть подробное описание когнитивной модели, которая, собственно, позволяет вскрывать механизмы дискриминации и доминирования.

Если попробовать максимально лаконично описать схему, в которую вписывается ментальная модель, то можно привести следующее высказывание ван Дейка. Возможность конструирования дискурса связана с социальным, культурным, историческим опытом. Понятие «опыт» используется здесь в максимально широком значении. В данном случае важно, что та часть опыта, которая включает в себя социальные образцы, стереотипы, убеждения, мнения, установки, имеет потенциал к тому, чтобы раскрыться в дискурсе, но совсем необязательно будет раскрыта. Для того, чтобы понять, раскрываются ли те или иные компоненты опыта в дискурсе и, если раскрываются, то каким именно образом, существует ментальная модель. В самом общем смысле ментальная модель есть инструмент, позволяющий анализировать вопросы социальной обусловленности дискурса. Сам ван Дейк в общем виде определяет ментальную модель следующим образом: это «интерфейс между социально разделяемыми

³⁹⁰ Водак Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 290.

политическими знаниями с одной стороны, и личными убеждениями с другой»³⁹¹. Для того, чтобы попробовать понять, как работает ментальная модель, имеет смысл обратиться к интерпретациям ван Дейка.

Ван Дейк подчеркивает, что, несмотря на очевидный (прежде всего эпистемологический) потенциал того, что он называет «ментальной моделью», теория ментальных моделей не является оформленной до конца³⁹². Вместе с тем ментальная модель определяется ученым как субъективный конструкт, который в свою очередь, необходим для производства и понимания дискурса. Собственно, производство дискурса невозможно без «формирования, активации и актуализации ментальных моделей как репрезентаций эпизодической памяти»³⁹³. То есть прежде всего функция ментальной модели состоит в том, чтобы обеспечить понимание того, что перед нами. В то же время ментальная модель есть не что иное, как репрезентация опыта. Фактически ментальная модель представляет собой архив, где в определенной связи сосуществуют дискурсивные и недискурсивные компоненты. Она включает в себя оценки событий, мнения, эмоции, которые ассоциируются с событием.

Как было отмечено выше, ментальная модель есть неотъемлемая часть производства дискурса. Однако имеет смысл уточнить, что она как бы «запускает его производство»³⁹⁴. У нас есть некоторое представление о событии, возможно, мнение о нем или эмоции, которые грядущее событие вызывает. Именно такого рода репрезентация, по ван Дейку, служит базой для разворачивания дискурса. То есть ментальная модель задает некий курс, но при этом никак не может и не должна претендовать на то, что этот курс является верным. Если продолжать рассуждения в этой логике, то

³⁹¹ ван Дейк Т. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2013. С. 197.

³⁹² Van Dijk T. Discourse, context and cognition // Discourse studies. 2006. Vol. 8(1). P. 168.

³⁹³ Ibid. P. 169.

³⁹⁴ Ibid.

ментальная модель способствует разворачиванию того дискурса, который актуален для текущей ситуации и по определению субъективен. Эта субъективность для ван Дейка во многом связана с развитием идеи о том, что вообще означает столь «туманное» (vague) понятие «иметь смысл»³⁹⁵.

Помимо того, что ментальная модель выступает отправной точкой производства дискурса, она представляет собой одновременно и инструмент, служащий для понимания дискурса, и цель, на которую направлен анализ. Ван Дейк пишет, что «мы понимаем дискурс, когда способны сконструировать ментальную модель для него»³⁹⁶. В тот момент, когда становится ясно, какие элементы модели реализуются в дискурсе, мы понимаем его смысл. Надо заметить при этом, что в качестве одной из ключевых характеристик ментальной модели ван Дейк обозначает изменчивость. Это вполне объяснимо, поскольку функционирование ментальной модели связано с влиянием конкретных условий (время, место), участников (и их ролей), событий и т.д.

В то же время культурный опыт, который непременно включает в себя ментальная модель, предполагает элементы, которые являются универсальными, статичными в том смысле, что они не меняются в зависимости от обстоятельств. Привычки, стереотипы, установки относятся к этим самым неподвижным элементам. Здесь имеет смысл заметить, что понятие «установки» важное с точки зрения понимания функций ментальной модели как инструмента познания. Установки служат для опознавания новой информации, но более важно то, что ван Дейк определяет знание как систему установок, общих для всех. Но к этой идее мы обратимся чуть дальше. Любопытно, что именно с этой амбивалентностью ментальной модели ван Дейк связывает весьма специфическую функцию этого конструкта – объяснять не только то, почему мы находимся именно в таком, а не в другом

³⁹⁵ Van Dijk T. Discourse, context and cognition // Discourse studies. 2006. Vol. 8(1). P. 169.

³⁹⁶ Ibid.

дискурсивном поле, но и то, как и почему мы можем *ошибочно* извлекать, «вспоминать» информацию, которая никогда эксплицитно не фигурирует в том или ином дискурсе или то, как мы можем помнить какое-то событие, но совсем не помнить о том, из какого источника мы знаем о нем (где мы это видели или читали, например)³⁹⁷. Это воспоминание возникает как воображаемое. И именно за это отвечает ментальная модель с ее неоднозначной дискурсивно-недискурсивной, подвижно-статичной сущностью. Чтобы сделать некоторый промежуточный вывод, стоит сказать, что для Ван Дейка перспективы ментальных моделей как «очень мощного теоретического конструкта» очевидны. И кажется, что этот потенциал связан с тем, что они «существуют независимо от дискурсов, через которые могут быть выражены»³⁹⁸. Эта «независимость» проявляется в том числе в возможности ментальных моделей преобразовываться в контекстуальные.

Иногда возникает ощущение, что Ван Дейк говорит об одном же понятии, называя его разными терминами, но это не так. Контекстуальная модель так же, как и ментальная модель служит для определения события или ситуации, но только в том случае, если мы оказываемся участниками этого события или ситуации, то есть, когда мы начинаем непосредственно произносить или писать текст. Контекстуальная модель – это поле, где встречаются дискурсивное и недискурсивное (так же, как и в случае с ментальной моделью), личное и социальное. Функционально контекстуальная модель отличается от ментальной. Ментальная модель, как отмечалось выше, запускает процесс производства дискурса и в этом смысле детерминирует его. Контекстуальные модели нужны для того, чтобы обозначить рамки дискурса, то есть, отталкиваясь от обстоятельств, определить некоторое количество вариантов развития событий, в некотором смысле они определяют уместность дискурса и, соответственно, ограничивают эти варианты. В контекстуальной модели Ван Дейка

³⁹⁷ Van Dijk T. Discourse, context and cognition // Discourse studies. 2006. Vol. 8(1). P. 170.

³⁹⁸ Ibid.

характеристика, которую мы обозначили раньше как «изменчивость», трансформируется в характеристику, которую условно можно назвать «обновляемостью»³⁹⁹.

Любопытно, что Ван Дейк подчеркивает важность фактически одной и той же характеристики, которую выполняют ментальные и контекстуальные модели. Речь идет о том, что они занимают промежуточное положение, и обеспечивают связь. Но связь разных явлений между собой. «Контекстуальные модели обеспечивают необходимую связь между ментальными моделями событий и способом, благодаря которому формулируются дискурс. <...> Контекстуальная модель – недостающее звено между дискурсом и обществом, личностным и социальным»⁴⁰⁰. Ментальная модель обеспечивает связь между дискурсом и идеологией. И именно в этой связи ментальная модель встраивается в систему идей ван Дейка о политическом познании.

Ван Дейк понимает идеологию как одну из важнейших форм социального познания. «Идеологии представляют собой основание для социального познания, которое является общим для членов социальных групп, объединенных на основе избранных социокультурных ценностей и организованных в соответствии с идеологической схемой, обеспечивающей самоидентификацию группы. Помимо социальной функции поддержания интересов социальной группы, идеологии имеют когнитивную функцию, которая заключается в организации социальных репрезентаций (установок, знаний) группы, и, соответственно, в косвенном контроле социальных практик группы, а, следовательно, и речевой деятельности членов, принадлежащих к данной группе»⁴⁰¹. Механизм работы ментальной модели

³⁹⁹ *Van Dijk T.* Discourse semantics and ideology // *Discourse and society.* 1995. Vol. 6 (2). P. 243-289. P. IX.

⁴⁰⁰ *Ibid.* P. X.

⁴⁰¹ *ван Дейк Т.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2018. С. 248.

обусловлен тем, что она занимает промежуточное положение между дискурсом и идеологией. Она выступает как пусковой механизм для производства дискурса. Основанием для этого становятся идеологические установки, которые, по Ван Дейку, являются частью социального опыта, таким образом намечается курс (идеологический), который будет положен в основу идеологического дискурса. И, наоборот, цель, связанная с пониманием идеологического дискурса, заставляет нас обращаться к возможности конструирования ментальной модели как некоторой законченной картины или, скорее, карты, схематично репрезентирующей необходимые для понимания элементы.

Социокогнитивный подход, предлагаемый ван Дейком, и, в частности, механизм работы ментальной модели видится весьма перспективным с точки зрения включения его в методологическое поле биополитических исследований. Собственно, спектр проблем, которые ван Дейк рассматривает в качестве основных объектов дискурсивного анализа имеют все основания называться биополитическими. Одна из ключевых тем в работах ван Дейка – расизм и этнические стереотипы, проявляющиеся в дискурсе. Ученый говорит о том, что «Дискурс играет ... ключевую роль в когнитивном измерении расизма. Этнические предрассудки и идеологии не являются врожденными и не возникают спонтанно в этническом взаимодействии»⁴⁰².

Надо сказать, что расизм понимается ван Дейком достаточно широко – это «формы антипатии по отношению к “расово” и этнически маркированным Другим»⁴⁰³. Здесь важно обратить внимание, что концепция ван Дейка абсолютно вписывается в фукольдианскую концепцию расизма как часть биополитической теории, описанную выше. «Маркировка» Другого происходит посредством дискурса и в пространстве дискурса. В то же время положения, которые ван Дейк формулирует в качестве основополагающих

⁴⁰² ван Дейк Т. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2018. С. 130.

⁴⁰³ Там же. С. 124.

очень схожи с положениями Жижека, хотя понятия толерантности и политкорректности не являются ключевыми для голландского ученого. «Одной из стратегий доминирующего дискурса является целенаправленное убеждение в том, что этнический статус-кво является «естественным», «желаемым», «неизбежным» или даже «демократическим», что достигается за счет, например, отрицания дискриминации и расизма или исключения неравенства из расового контекста («de-racializing inequality») с помощью его переопределения в терминах класса, культурных различий или особых (единичных, временных) последствий статуса иммигранта. Убеждающий или манипулятивный успех этого доминирующего дискурса частично обусловлен паттернами доступа к соответствующим текстам и речи»⁴⁰⁴.

В соответствии с обозначенным методологическим подходом Ван Дейк рассматривает расизм как систему, состоящую из социальной и когнитивной подсистем. Социальная подсистема – это «практики дискриминации на локальных уровнях и злоупотребление властью со стороны доминирующей группы»⁴⁰⁵. Когнитивная подсистема – это ментальная основа этих практик, состоящая из «оценочных моделей этнических событий и отношений, которые, в свою очередь, укоренены в расистских предрассудках и идеологиях»⁴⁰⁶.

Отличительной чертой методологии ван Дейка (как, впрочем, большинства представителей критического дискурс-анализа) является обращение к актуальным событиям повседневного характера. Отсюда происходит задача, которую ван Дейк определяет в качестве ключевой – обнаруживать всевозможные «манипуляции ментальными моделями социальных событий», которые осуществляет власть, «посредством использования таких специфичных дискурсивных структур, как

⁴⁰⁴ ван Дейк Т. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2018. С. 96.

⁴⁰⁵ Там же. С. 130.

⁴⁰⁶ Там же.

тематические структуры, заголовки, стиль, риторические фигуры, семантические стратегии и т. д.»⁴⁰⁷. Результатом этих манипуляций – оказывается «формирование желательных моделей определенных ситуаций, которые, в свою очередь, могут быть генерализованы в виде более общих, желаемых знаний, установок и идеологий»⁴⁰⁸. Достигается этот результат, поскольку аудитория (население) не имеет достаточного доступа к альтернативным источникам информации. В этом случае критический дискурс-анализ выступает своего рода инструментом просвещения или, как минимум, представляет собой способ демонстрации наличия дискурса, альтернативного доминирующему.

Похожим образом видит задачи критического дискурс-анализа Норман Фэркло, который, согласно классификации Рут Водак, представляет четвертое направление критического-дискурс анализа. Этого британского ученого называют прямым продолжателем Фуко, который «видит ценность критического анализа дискурса в том, что этот анализ можно использовать, наряду с другими методиками, при изучении социальных и культурных изменений, а также в качестве базы данных в борьбе против эксплуатации и угнетения»⁴⁰⁹.

Фэркло фактически исходит из того, что Фуко называет «порядком дискурса», правда, использует этот термин во множественном числе «orders of discourse»⁴¹⁰. Здесь Фэркло ссылается на работы М. Пешё и говорит об интердискурсивности. В работах «Дискурс и социальное изменение» и «Текст и контекст: лингвистический и интертекстуальный анализ» Фэркло много и подробно говорит об интердискурсивности. Это явление возникает

⁴⁰⁷ ван Дейк Т. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2018. С. 90.

⁴⁰⁸ Там же.

⁴⁰⁹ Водак Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 289.

⁴¹⁰ Fairclough N. Critical discourse analysis and the marketization of public discourse: the universities // Discourse and society. 1993. P. 133-168.

тогда, когда в одном коммуникативном событии (Фэркло понимает под коммуникативным событием некоторое языковое проявление в определенной ситуации) проявляют себя разные дискурсы. Фактически происходит взаимодействие дискурсов, в основе которого языковая составляющая. Каждое новое коммуникативное событие способно поменять порядок дискурса⁴¹¹.

С точки зрения Фэркло, интердискурсивность должна рассматриваться как некоторое естественное положение вещей, «и как признак стабильности, и как признак нестабильности, и как постоянство, и как изменение. Изменение создается за счет нового использования существующих дискурсов, но возможности для изменения ограничены распределением власти, которое, среди прочего, детерминирует доступность дискурсов для различных акторов»⁴¹². Таким образом, взаимодействие дискурсов не только не исключает, но обязательно включает в себя конфликт, или, наоборот, является частью социальной борьбы.

Во многом из этих предпосылок происходит критика неолиберализма у Фэркло. Неолиберализмом Фэркло называет новый мировой порядок, который есть воплощение глобального (в самом широком смысле) капитализма. Главной характеристикой этого мирового порядка оказывается конкуренция. Очевидно можно наблюдать все увеличивающийся разрыв между бедными и богатыми, который едва ли можно сократить в текущей ситуации. Мир сегодня – мир, где люди не могут чувствовать себя в безопасности по экономическим, политическим, экологическим причинам. Если не остановить победное шествие неолиберализма, то последствия будут ужасающими⁴¹³.

⁴¹¹ Fairclough N. Discourse and social change. Cambridge, 1992; Fairclough N. Text and context: linguistic and intertextual analysis within discourse analysis // Discourse and society. 1992. 3(2). P. 193-217.

⁴¹² Филлипс Л., Йоргенсен М. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, 2008. С. 130.

⁴¹³ Fairclough N. Language and neo-liberalism // Discourse & society. 2000. 11:147. P. 147-148.

Фэркло исходит из того, что язык – важная часть текущего мирового порядка, во-первых, потому что «навязывание правил предполагает новые репрезентации реальности, то есть новые дискурсы, во-вторых, потому что новая реальность предполагает возникновение новых способов использования языка. Таким образом, проект нового мирового порядка – это отчасти языковой проект. Соответственно, борьба против нового порядка – это борьба против языка, который используется для установления и поддержания этого порядка»⁴¹⁴.

Небольшой текст Фэркло более, чем двадцатилетней давности под названием «Язык и неолиберализм», представляет собой фактически манифест представителей критического дискурс-анализа. Первое предложение в этой работе звучит следующим образом: «Это призыв к согласованным действиям в борьбе с неолиберализмом со стороны исследователей, представляющих критический дискурс-анализ»⁴¹⁵. Такая позиция Фэркло видится абсолютно не случайной. В данном случае перед нами – последовательное продолжение *биополитических* идей Мишеля Фуко, именно в его сочинениях феномен неолиберализма, понимаемый совершенно специфическим образом, через понятие дискурса (или можно сказать «дискурсивной природы власти») связывается с биополитикой.

2.3. Биополитический анализ институтов западного общества

Один из парадоксов технического порядка, на который обращают внимание исследователи, последователи и критики теории Фуко, заключается в том, что в знаменитом цикле лекций, прочитанном в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году, носящем название «Рождение биополитики», философ о феномене биополитики практически не говорит. Этот курс лекций фактически посвящен осмыслению такого явления, как неолиберализм. На самом деле, Фуко сам разрешает этот парадокс.

⁴¹⁴ Fairclough N. Language and neo-liberalism // Discourse & society. 2000. 11:147. P. 147.

⁴¹⁵ Ibid.

Приступая к чтению курса, он дает преамбулу, которая проливает свет на то, как и почему связаны у Фуко неолиберализм и биополитика. «В этом году я решил посвятить курс биополитике. <...> Однако мне представляется, что анализ биополитики возможен только тогда, когда понятен общий режим тех правительственных интересов, о которых я говорю, — тот общий режим, который можно назвать вопросом об истине, прежде всего об экономической истине изнутри правительственных интересов, а следовательно, если мы хорошо поняли, о чем идет речь в этом режиме, который представляет собой либерализм, сопротивляющийся государственным интересам — или, скорее, фундаментально изменяющий их <...> — как только мы выясним, что такое этот правительственный режим, называемый либерализмом, мы сможем, как мне кажется, уловить, что такое биополитика»⁴¹⁶. Надо отметить, что в этом отрывке термин «неолиберализм» не используется, пока речь идет о связи либерализма и биополитики. Думается, что, с точки зрения Фуко, противоречия здесь нет. Мыслитель, абсолютно последовательный в части избранной методологии, используя генеалогический подход, видит неолиберализм новейшей (современной) формой либерализма. Либерализм и неолиберализм Фуко различает, но для того, чтобы перейти к специфике неолиберализма как феномена биополитики, необходимо обратиться к интерпретации либерализма в теории Фуко.

Прежде всего, либерализм у Фуко трактуется максимально широко. По меньшей мере, это не только идеология в классическом понимании политической науки. Либерализм — это принцип, утверждающий «некоторое ограничение правления, которое бы не было просто внешним правом», практика поиска ограничения правления и расчёта «результатов этого ограничения», решение о том, чтобы «максимально ограничить формы и

⁴¹⁶ Фуко М. Рождение биополитики. СПб., 2010. С. 37-38.

сферы действия правительства», а также институциональное ограничение властных практик (конституция, парламент, СМИ, общественное мнение)⁴¹⁷.

Когда Фуко говорит о либерализме как о форме управления, задачей которого является установление «права на самоограничение, которое знание предписывает управлению»⁴¹⁸, он обращает внимание на то, что, начиная с XVIII века (и это значимо в контексте периодизации, на которую указывает Фуко, говоря о появлении биовласти) указанная задача сводится либо к вопросу о том, как правительству реализовать собственный интерес, обеспечивая свободу в правах, либо к вопросу о фундаментальных правах. В первом случае важной оказывается проблема целей и средств правления, во втором – проблема формирования правления только при условии саморегулирования воспроизводства этих фундаментальных прав⁴¹⁹. И, наконец, либерализм в трактовке Фуко как самоограничение правления исходит из «натуральности объектов» и «соответствующей практики управления этими объектами»⁴²⁰. К «натуральным объектам» относятся: «блага как продукты, как полезное и потребляемое, как средства обмена между экономическими партнерами. — Это также индивиды. Не в качестве покорных или непокорных подданных, но в том отношении, как они связаны с этой экономикой природы, в сложных и запутанных отношениях их количества, их живучести, их здоровья, их манеры поведения с этими экономическими процессами»⁴²¹.

Осмысление либерализма у Фуко невозможно без обращения к основам политэкономии, что видится логичным ввиду рассуждений, приведенных выше, если вспомнить, что классики политэкономической мысли в качестве фокуса своих исследований имели обеспечение роста национальной экономики за счет увеличения уровня благосостояния населения. Фуко идет

⁴¹⁷ Фуко М. Рождение биополитики. СПб., 2010. С. 36-37.

⁴¹⁸ Там же. С. 37.

⁴¹⁹ Там же.

⁴²⁰ Там же.

⁴²¹ Там же. С. 37.

дальше, он говорит о том, что именно политическая экономия «позволила утвердить самоограничение правительственных интересов»⁴²² и довольно подробно объясняет механизм этого утверждения.

Прежде всего, ввиду основной цели – обогащения государства, – политэкономия, по убеждению Фуко, «формировалась в рамках самих целей, которые государственные интересы ставили перед искусством управлять»⁴²³. Подчеркнем еще раз: «управлять» означает «управлять населением». В сфере внешней политики, благодаря политэкономии, поддерживалась конкуренция между государствами, но эта конкуренция предполагала вместе с тем обязательное соблюдение определенного равновесия с целью обеспечения как внешнего, так и внутреннего политического порядка⁴²⁴. Вместе с тем нельзя забывать о «политической экономии физиократов», которые утверждают, «что политическая власть должна быть властью без внешних ограничений, без внешнего противовеса, без границы, происходящей из чего-либо иного, нежели она сама, и именно поэтому они призывали к деспотизму» как к «экономическому правлению, сдерживаемому в своих границах не чем иным, как экономикой, которую он сам же определяет и которую сам он всецело контролирует»⁴²⁵.

Фуко отмечает, что объектом изучения политэкономии являются собственно властные (правительственные практики), а не вопросы их легитимности с точки зрения права. То есть политическая экономия дает оценку результата, а не основания политической практики⁴²⁶. Наконец, Фуко обращает внимание на методологию политической экономии, в основе которой представление о некотором неизменном основании, законе. «Объектам правительственной деятельности присуща некая природа. Самой правительственной деятельности присуща некая природа, именно ее и будет

⁴²² Фуко М. Рождение биополитики. СПб., 2010. С. 28.

⁴²³ Там же.

⁴²⁴ Там же.

⁴²⁵ Там же. С. 29.

⁴²⁶ Там же. С. 30.

изучать политическая экономия. <...>Так, например, экономисты объясняют, что стремление населения ко все более высокой заработной плате — это закон природы; что повышение барьерного таможенного тарифа на продукты питания неизбежно влечет за собой голод, — это закон природы»⁴²⁷. Собственно, именно этот принцип и становится, по Фуко, причиной того, что политическая экономия оказывается первой формой управленческой самоограничивающейся рациональности: «раз существует присущая управлению в его целях и действиях природа, как следствие правительственная практика не может ее касаться»⁴²⁸. В случае, если закон природы не берется в расчет, то негативные последствия не заставят себя ждать. Соответственно, правительственная деятельность должна оцениваться не из соображений права, а из соображений результата или даже полезности этого результата. «С появлением политической экономии, с введением ограничительного принципа в саму правительственную практику происходит важная перемена или, скорее, удвоение, поскольку субъекты права, на которых распространяется политическая власть, выступают как население, которым должно руководить правительство. Здесь отправная точка организационной линии «биополитики»... Либерализм нужно рассматривать как общие рамки биополитики»⁴²⁹.

Иными словами, либерализм, основанный на принципах политэкономии, — некий порядок, в рамках которого функционирует биовласть. Здесь возникает вопрос о том, как трактовать государство или, точнее, роль государства в установлении этого порядка, существования этого порядка. Если исходить из логики Фуко, то государство едва ли может устанавливать этот порядок, оно, скорее, встраивается в логику этого порядка, становится его частью. «Государство — это не универсалия, государство — это не автономный источник власти в-себе. Государство — это не что иное, как

⁴²⁷ Фуко М. Рождение биополитики. СПб., 2010. С. 31.

⁴²⁸ Там же.

⁴²⁹ Там же. С.103.

эффект, контур, подвижный срез непрестанной этатизации или этатизаций, непрестанных взаимодействий, которые изменяют, смещают, сотрясают, коварно заставляют перемещаться источники финансирования, способы инвестирования, центры принятия решения, формы и типы контроля, отношения между местными властями и центральной властью и т. п.»⁴³⁰ В этой интерпретации государство оказывается результатом действия власти/биовласти, которая способна проявить себя в каждой точке социального пространства. «Государство — это не что иное, как меняющееся следствие сложного режима руководств»⁴³¹. Соответственно, «изучать государство» означает «изучать практики руководства».

Если попытаться в самом общем виде охарактеризовать сущность практик либерального управления, то они будут сводиться к снижению уровня контроля государством все большего числа сфер жизни общества. Социолог Г.Б. Юдин говорит о том, что либеральное (современное) государство «бросает образование, бросает здравоохранение. Все мы хорошо знаем, что чем дальше, тем больше денег требуется каждому отдельному гражданину потратить из своего собственного кошелька, для того, чтобы получить качественную услугу в области здравоохранения или образования. С другой стороны, государство при этом странным образом становится все сильнее и сильнее. Хотя классическая либерально-политическая мысль должна была предсказывать, что в случае, когда государство уходит и оставляет все больше пространства для свободного рынка, оно становится более умеренным, более воздержанным, сила его не так чувствуется. Мы же видим обратное: государство укрепляется, оно забирает себе все больше и больше прав и полномочий, оно ограничивает наши свободы и возможности, при этом не давая нам взамен государственной опеки»⁴³². Собственно, именно

⁴³⁰ Фуко М. Рождение биополитики. СПб., 2010. С. 38

⁴³¹ Там же.

⁴³² Юдин Г.Б. «Зарождение биополитики Мишеля Фуко и максимизация жизни» // Биополитика – все самое интересное на ПостНауке. URL: <https://postnauka.ru/video/61275> (дата обращения: 04.08.2022).

этот парадокс становится ключевым для Фуко, когда он говорит о связи либерализма и биополитики. Согласно Фуко, либеральное государство действует по принципу «уйти, чтобы остаться», но при этом быть незаметным, а в последнем пределе – невидимым. Это происходит тогда, когда вопрос о необходимости сильной (суверенной) власти сменяется на вопрос о ее эффективности. Фуко утверждает, что анализирует либерализм как «принцип рационализации управления»⁴³³, но у этого типа управления есть своя специфика, которая обусловлена как раз особенностями понимания сущности и роли государства, которое представляет собой «не институцию правительства», но практику, состоящую в том, чтобы «руководить поведением людей в рамках и с использованием этатистских инструментов»⁴³⁴. Фуко, кажется, снова подводит нас к взаимосвязи биополитики, либерализма и дискурса, и говорит, что рамки политической рациональности под названием «либерализм», подразумевают в качестве одной из основополагающих проблем вопрос о том, «от имени чего и по каким правилам можно управлять» населением⁴³⁵. В сущности, правильно выбранное «имя» (дискурс) и определяет качество управления и степень контроля. С точки зрения традиционного восприятия, парадоксально выглядит то, что в случае с либерализмом этим именем оказывается «свобода». Но с точки зрения Фуко, никакого парадокса тут нет. Имя власти может быть любым, если оно обеспечивает ее эффективность. Как замечает Г.Б. Юдин, «Главный вопрос для либеральной мысли — это вопрос о том, как сделать так, чтобы люди, взаимодействующие друг с другом в формате саморегулирующихся рынков, достигали наибольшего благосостояния. Если мы хотим обеспечить им возможность достигать наибольшего благосостояния, независимо взаимодействуя друг с другом, это значит, что мы должны всерьез задуматься о том, до какой степени мы как правитель должны вмешиваться в их жизнь. Именно с этим связано переключение

⁴³³ Фуко М. Рождение биополитики. СПб., 2010. С. 405.

⁴³⁴ Там же. С. 406.

⁴³⁵ Там же. С. 405.

с вопроса о допустимых границах на вопрос об эффективности»⁴³⁶. Можно сказать точнее: в процессе формирования либеральной рациональности право как критерий легитимности и, в сущности, силы власти уступает место экономике, юридический закон – закону экономическому. «Правительственное мышление в своей современной форме, появляющейся в начале XVIII в., <...> есть мышление, функционирующее как интерес. Но этот интерес теперь, конечно, не интерес государства, всецело сосредоточенный на нем самом и заботящийся только о его росте, богатстве, населении, могуществе, как это было в случае государственных интересов. Теперь интерес, принципу которого подчиняются правительственные интересы, представляет собой сложную игру интересов индивидуальных и коллективных, общественной полезности и экономической выгоды, равновесия рынка и режима государственной власти, это сложная игра основополагающих прав и независимости управляемых. Правительство, во всяком случае правительство этого нового правительственного разума, есть то, что манипулирует этими интересами. Выражаясь точнее, можно сказать так: дело в том, что интересы — это, в сущности, то, что правительство извлекает из индивидов, действий, речей, богатств, ресурсов, собственности, прав и т. п.»⁴³⁷. С изменением формы политической рациональности меняется и представление об индивиде, о его существовании в обществе, о природе его взаимодействий с государством. Фуко ссылается на различие, которое вводит И. Бентам, между «экономической деятельностью, спонтанно развиваемой членами общества без какого-либо вмешательства со стороны правительства» и «экономической деятельностью, способствующей или не способствующей увеличению счастья (максимизации удовольствий и минимизации страданий), что составляет цель всей политической

⁴³⁶ Юдин Г.Б. «Зарождение биополитики Мишеля Фуко и максимизация жизни» // Биополитика – все самое интересное на ПостНауке. URL: <https://postnauka.ru/video/61275> (дата обращения: 04.08.2022).

⁴³⁷ Фуко М. Рождение биополитики. СПб., 2010. С. 65.

деятельности»⁴³⁸. Режим либерального управления нацелен на создание таких условий, которые позволяют индивиду максимизировать удовольствие, бесконечно улучшать свою жизнь («максимизировать жизнь»⁴³⁹). Фуко приводит очевидный пример с законодательством большинства стран, которое вводило запрет на неограниченный экспорт зерна странами, у которых есть избыток этого зерна, в страны, где случился неурожай. Экономисты, – говорит Фуко, – считают это полным абсурдом. «Позвольте действовать механике интересов, позвольте торговцам зерном вывозить свой товар в страны, где случился недород, где зерно дорого и где его легко продать, и вы увидите, что чем больше они будут следовать своему интересу, тем лучше будут идти дела, и вы получите общую выгоду, которая будет происходить из максимизации интереса каждого. Каждый не просто может следовать своему интересу, но нужно, чтобы каждый следовал своему интересу, чтобы он следовал ему до конца, пытаясь довести его до максимума, и тогда обнаружатся элементы, исходя из которых интерес других будет не только сохранен, но даже окажется большим»⁴⁴⁰. В основе этой логики управления – лежит удивительно простой и очень действенный принцип. Максимизация интереса одного индивида естественным образом согласуется с интересом другого, и, разумеется, государство никак не должно этому мешать. Государство может и должно «манипулировать интересами», но никак не ограничивать их. Здесь Фуко обозначает тему, которая видится принципиально важной для дальнейшего развития биополитических исследований. Речь идет о проблеме либерального управления фактически как технологии риск-менеджмента.

Фуко говорит о том, что искусство управлять в условиях либерализма невозможно, не учитывая рисков, которые несут сами условия

⁴³⁸ Фуко М. Рождение биополитики. СПб., 2010. С. 41.

⁴³⁹ Юдин Г.Б. «Зарождение биополитики Мишеля Фуко и максимизация жизни» // Биополитика – все самое интересное на ПостНауке. URL: <https://postnauka.ru/video/61275> (дата обращения: 04.08.2022).

⁴⁴⁰ Фуко М. Рождение биополитики. СПб., 2010. С. 343.

существования населения. Эти риски принципиально отличны от рисков средневековья. Не смерть, не война, не болезнь как таковая, но повседневность несет опасность. Фуко говорит о том, что девиз либерализма – «жить опасно»⁴⁴¹. Это свойство либерализма специфическим образом перетекает в неолиберализм (в наиболее современную форму либерализма), становясь «стимулом», определяющим новые техники власти (биовласти). «И эта разновидность стимула опасности, как мне кажется, является одним из основных следствий либерализма. В XIX в. появляется воспитание опасности, целая культура опасности ... Исчезновение всадников Апокалипсиса и, напротив, появление, вторжение повседневных опасностей, непрестанно оживающих, реактуализируемых, пускаемых в обращение, — все то, что можно было бы назвать политической культурой опасности XIX в.»⁴⁴² Либеральная практика – это практика предупреждения об опасностях, бесконечно угрожающих «максимизации жизни». Фуко приводит примеры из самых разных областей политики XIX века, говорит о возникновении кампаний по учреждению сберегательных касс, всевозможные компании по оздоровлению и гигиене, кампании, предупреждающие вырождение в самом широком смысле («индивида, семьи, расы»)⁴⁴³. Но предупреждение об опасности означает стимуляцию страха, который находится под контролем⁴⁴⁴.

Отсюда еще одна характеристика либерального правления – «невиданное распространение процедур контроля»⁴⁴⁵. Проявляя заботу об индивиде, «заставляя его жить», улучшая условия существования, либерализм доводит паноптикум Бентама до совершенства. Либеральное (и уж тем более неолиберальное) общество – это общество контроля. Техники

⁴⁴¹ Фуко М. Рождение биополитики. СПб., 2010. С. 90.

⁴⁴² Там же. С. 90.

⁴⁴³ Там же. С. 90.

⁴⁴⁴ Здесь трудно не увидеть параллели с пониманием биополитики как политики страха у Жижека.

⁴⁴⁵ Фуко М. Рождение биополитики. СПб., 2010. С. 90.

власти в обществе контроля направлены на то, чтобы «предоставить место всему тому, что может быть «естественной механикой, деятельностью и производством. Оно должно предоставить место этим механизмам и не должно иметь никакой другой формы вмешательства в них, по крайней мере в первой инстанции, инстанции надзора. И только когда правительство, ограничиваясь поначалу функцией надзора, увидит, что что-то происходит не так, как велит общая механика деятельности, обменов, экономической жизни, оно должно вмешаться»⁴⁴⁶.

То, как работает идея паноптикума по прошествии более, чем 200 лет, опишет Жиль Делез в эссе «Post Scriptum к обществам контроля». В этой работе 1990 года Делез повторяет мысль Фуко о том, что, что дисциплинарные техники достигают своего апогея и становятся совершенными. «Именно общества контроля идут на смену дисциплинарным. “Контроль” — вот слово, которым Берроуз предлагает назвать нового монстра, а Фуко признает за ним наше ближайшее будущее. Поль Вирильо постоянно анализирует ультраскоростные формы контроля в открытом пространстве, которые заменили собой старые дисциплинарные методы, действующие всегда в рамках закрытой системы ... Например, кризис больницы как пространства изоляции, пространства, разбитого на сектора, привел к образованию открытых госпиталей, к появлению ухода за больными на дому, и, если сначала эти новые формы были знаком появления новых свобод, то затем они же приняли участие и в работе новых механизмов контроля, которые соперничают с самыми жесткими формами изоляции»⁴⁴⁷. Общество контроля, действительно, совершенно с точки зрения идеи паноптикума — оно все переводит в цифру. Опознавательным знаком индивида в дисциплинарном обществе являются личная подпись и число (регистрационный номер, который позволяет идентифицировать положение индивида в массе) — «власть массивизировалась и индивидуализировалась, т.

⁴⁴⁶ Фуко М. Рождение биополитики. СПб., 2010. С. 91.

⁴⁴⁷ Делез Ж. Post Scriptum к обществам контроля // Переговоры. М., 2004. С. 227.

е. собирала в единое тело тех, кем управляла, и вместе с тем моделировала индивидуальность каждого члена этого тела»⁴⁴⁸. В обществе контроля работает шифр. Шифр допускает к информации или запрещает доступ к ней. Больше не существует противопоставления «индивид-масса»: «Индивидуумы становятся «дивидуумами», а массы — сэмплами, рынками и банками данных»⁴⁴⁹. Делез формулирует позицию, которая абсолютно точно угадывается в рассуждениях Фуко о специфике условий существования современного человека, но не артикулирована так: «Человек отныне не человек-заключенный, но человек-должник»⁴⁵⁰. Таков результат работы паноптизма, развившегося из дисциплинарной техники в технику биовласти.

Контроль в либерализме обладает спецификой, в основе которой лежит очередной парадокс. Контроль заключается в том, чтобы «внедрять свободу»⁴⁵¹. Этот парадокс, собственно, и приводит к кризису либерализма. Принцип «правления всегда слишком много»⁴⁵² прочно связан со «свободопорождающим» контролем. Вместе, по мнению Фуко, эти два принципа приводят к прямо противоположным результатам, в частности, он приводит пример «механизмов, которые в 1925 и 1930 гг. пытались предложить экономические и политические формулы, защищающие государства от коммунизма, социализма, национал-социализма, фашизма, эти механизмы, гаранты свободы, призванные производить все больше свободы или во всяком случае реагировать на угрозы, нависшие над этой свободой, носили характер экономического вмешательства, то есть опирались на сдерживание или по крайней мере на принуждающее вмешательство в область экономической практики»⁴⁵³. Вместе с тем именно этот парадокс, по Фуко, прочно закрепляется собственно в неолиберализме, становится одной

⁴⁴⁸ Делез Ж. Post Scriptum к обществам контроля // Переговоры. М., 2004. С. 229.

⁴⁴⁹ Там же. С. 230.

⁴⁵⁰ Там же. С. 232.

⁴⁵¹ Фуко М. Рождение биополитики. СПб., 2010. С. 91.

⁴⁵² Там же. С. 406.

⁴⁵³ Там же. С. 93.

из его ключевых характеристик: «неолиберализм помещается не под знаком *laissez-faire*, но, напротив, под знаком бдительности, деятельности, постоянного вмешательства»⁴⁵⁴. Для Фуко важно, что неолиберализм – это не прямое продолжение либерализма. Имея в своей основе ключевые принципы либерализма, неолиберализм трансформирует их с целью преодоления кризиса либерализма⁴⁵⁵. Если либеральная рациональность предполагает то, что можно обозначить как «риск-менеджмент», то неолиберальная рациональность и, соответственно, неолиберализм оказывается в интерпретации Фуко «кризис-менеджментом».

Проясняя, что именно подразумевается под «неолиберализмом», Фуко ссылается на сборник выступлений, известный как «Коллоквиум Уолтера Липпмана», составленный в 1939 году, поскольку именно в нем отчетливо видно, что, с одной стороны, неолиберализм «повторяет темы классического либерализма», но с другой, – демонстрирует свои особенности⁴⁵⁶. Именно в рамках этого коллоквиума был предложен термин «неолиберализм», а также сформулированы проблемы, которые неолибералы определяют в качестве ключевых. В частности, Фуко говорит о том, что классическая для либерализма о границах вмешательства государства в жизнь общества в неолиберализме трансформируется в вопрос о «способе действия». Главный принцип неолиберализма – это «невмешательство», но трактуемое специфически: «не стоит прямо вмешиваться в экономический процесс, потому что экономический процесс сам по себе, если ему позволить безраздельно играть роль регулятивной структуры, которая есть структура конкуренции, никогда не подведет»⁴⁵⁷. Фуко, правда, дает существенное пояснение. Невмешательство предполагает установление институциональных рамок, «которые должны помешать людям либо личной

⁴⁵⁴ Делез Ж. *Post Scriptum* к обществам контроля // Переговоры. М., 2004. С. 170.

⁴⁵⁵ См., например, Фуко М. *Рождение биополитики*. СПб., 2010. С. 246, 247, 251.

⁴⁵⁶ Фуко М. *Рождение биополитики*. СПб., 2010. С. 172.

⁴⁵⁷ Там же. С. 178.

власти, либо гражданским властям вмешаться, чтобы создать монополию»⁴⁵⁸. Важным в этой связи вопрос для неолиберализма – вопрос о допустимости действия. Говоря об этом, Фуко обращается к тексту немецкого экономиста, теоретика неолиберализма Вальтера Эйкена «Основания экономической политики», где он развивает теорию допустимых действий. Именно в этом тексте с ясностью артикулируется положение, согласно которому неолиберализм предполагает «бдительность и активность» в весьма специфических техниках регулирования рынка. Немецкий неолиберализм (ордолиберализм) называет это «заботой об основах» существования рынка. Так вот объектом «политики основ» становится население. «Нужно опираться на данности, которые являются не непосредственно экономическими данностями, но данностями, обуславливающими вероятную рыночную экономику. На что, таким образом, следует опираться? ... Конечно, на основы. То есть прежде всего, на население»⁴⁵⁹. Далее описаны механизмы контроля, которые отличает воздействие не на сам объект управления, а на условия существования этого объекта – на жизнь населения. Если наблюдается избыток сельского населения, то необходимо вмешаться на уровне миграционной политики, если наблюдается спад производства, то необходимо улучшить условия труда в самом широком смысле (от техники, до социальных мер).

Фуко подробно разбирает еще один текст Эйкена «Основы», где автор сосредоточен преимущественно на проблемах европейского сельского хозяйства, но вывод, который делает Фуко относится к принципам функционирования неолиберализма как совокупности политических техник, имеющих биополитические основания. «Население, техники, воспитание и образование, юридический режим, наличие незанятых земель, климат: все это, как видите, элементы не прямо экономические, не затрагивающие рыночные механизмы, однако, по Эйкену, это условия, позволяющие

⁴⁵⁸ Фуко М. Рождение биополитики. СПб., 2010. С. 178.

⁴⁵⁹ Делез Ж. Post Scriptum к обществам контроля // Переговоры. М., 2004. С. 182.

заставить сельское хозяйство функционировать как рынок, в пределах рынка. <...> правительственное вмешательство на уровне экономических процессов должно быть сдержанным, тогда как, если речь идет обо всех технических, научных, юридических, демографических, в общем, скажем так, социальных данностях, которые отныне все больше и больше становятся объектом правительственного вмешательства, оно должно быть жестким»⁴⁶⁰. В неолиберализме, таким образом, проблемы классической либеральной мысли показаны в ином ракурсе, который, если исходить из «формулы» Фуко, должен называться биополитическим. Этому, надо сказать, способствует то, что Фуко апеллирует к текстам, в которых не просто представлена соответствующая оптика рассмотрения неолиберальных проблем, но и терминология⁴⁶¹. Так, Фуко цитирует текст Александра фон Рюстова и ссылается на предложенный им термин «политика жизни»⁴⁶². Рюстов определяет «политику жизни» как политику, которая «не была бы сущностно ориентирована, как традиционная социальная политика, на увеличение заработной платы и сокращение рабочего времени, но которая сознавала бы общую жизненную ситуацию трудящегося, его реальную, конкретную ситуацию, с утра до вечера и с вечера до утра, материальную и моральную гигиену, чувство собственности, чувство социальной вовлеченности и т. п., которые в его глазах были бы столь же важны, как заработная плата и рабочее время»⁴⁶³. Фуко трактует это понимание «политики жизни» как неолиберальную технику власти, нацеленную на создание «предприятия» в самом широком смысле слова. Речь идет не о предприятии на государственном или межгосударственном уровне, речь идет, например, о частной собственности, об усадьбе, то есть о всевозможных способах организации инфраструктур, обеспечивающих жизнь населения. Фуко

⁴⁶⁰ Фуко М. Рождение биополитики. СПб., 2010. С. 181.

⁴⁶¹ Именно этот термин будет использоваться Николасом Роузом при разработке его биополитической концепции.

⁴⁶² Фуко М. Рождение биополитики. СПб., 2010. С. 190.

⁴⁶³ Там же. С. 205.

называет эту неолиберальную технику «демультипликацией формы «предприятия» внутри социального тела», которая «и составляет цель неолиберальной политики»⁴⁶⁴. Добавим, что в этом случае рынок, конкуренция и собственно предприятие, функционируя, согласно определенным правилам, выполняют свою предписывающую функцию.

Объект предписания, а точнее его составляющие, также претерпевают соответствующие изменения в неолиберализме. Фуко рассуждает о трансформациях концепции *homo oeconomicus* ввиду изменений концепции управления. В классической либеральной концепции *homo oeconomicus* – один из партнеров, участвующий в процессе обмена. «*Homo oeconomicus* как партнер обмена, теория полезности, исходящая из проблематики потребностей: вот что характеризует классическую концепцию *homo oeconomicus*»⁴⁶⁵. *Homo oeconomicus* в неолиберализме – антрепренер («который сам себе капитал, сам себе производитель, сам себе источник доходов»⁴⁶⁶). Принципиальное отличие *homo oeconomicus* в неолиберализме в том, что потребитель, производитель и капитал представляют целостность. Фуко ссылается на теорию потребления американского экономиста Гэри Беккера, который говорит, что «человек потребления — это не один из членов обмена. Человек потребления, поскольку он потребляет, есть производитель. Что он производит? Так вот, он производит свое собственное удовлетворение»⁴⁶⁷. Отсюда следует совершенно особое понимание феномена человеческого капитала.

Фуко говорит о том, что главным предметом изучения неолиберальной теории (с целью, разумеется, дальнейшего применения практик властвования) является человеческий капитал. Изучение этого предмета позволяет формировать новые области знания или, как минимум, «применять

⁴⁶⁴ Фуко М. Рождение биополитики. СПб., 2010. С. 191.

⁴⁶⁵ Там же. С. 285.

⁴⁶⁶ Там же.

⁴⁶⁷ Там же. С. 285.

экономические знания к совершенно новым областям»⁴⁶⁸. Прежде всего, человеческий капитал есть нечто, состоящее из врожденных и приобретенных элементов. Если переводить это на экономический язык, то часть человеческого капитала составляет то, за что необходимо платить, часть капитала является *изначально*⁴⁶⁹ «бесплатной». Любопытно, что дальнейшие рассуждения Фуко выглядят несколько наивно с учетом того, насколько за 40 лет продвинулись генетические исследования. Вместе с тем суть этих рассуждений абсолютно понятна в свете сегодняшнего дня. Фуко говорит о том, как «механизм производства детей» потенциально составляет основу для формирования проблемного поля социально-политического и экономического характера. «Если вы хотите иметь ребенка, человеческий капитал которого, понимаемый в терминах врожденных элементов и элементов наследственных, будет высок, с вашей стороны требуется вложение, то есть вы должны достаточно трудиться, иметь достаточные доходы, иметь такой социальный статус, который позволит вам взять в супруги или в со-производители того, чей капитал сам по себе значителен»⁴⁷⁰. Фуко делает важную ремарку, разделяя постановку вопроса об использовании генетики в политическом ключе (когда речь идет об улучшении человеческого капитала в смысле роста населения, способного к обогащать себя и государство) и о «расистских следствиях» этого использования. Тем более, что, с точки зрения Фуко, в соотношении врожденного и приобретенного в формировании человеческого капитала в рамках неолиберализма преобладает приобретенное.

Главным вкладом в человеческий капитал, разумеется, становится образование. Фуко отмечает, что такое «вложение» имеет довольно давнюю историю, однако именно неолибералы заметили, что «образовательные

⁴⁶⁸ Фуко М. Рождение биополитики. СПб., 2010. С. 286.

⁴⁶⁹ Курсив автора диссертационного исследования.

⁴⁷⁰ Фуко М. Рождение биополитики. СПб., 2010. С. 288.

инвестиции» шире, чем школьное или профессиональное образование⁴⁷¹. На формирование человеческого капитала влияют опять же сами условия жизни. Фуко ссылается на исследования, которые свидетельствуют о том, что количество часов, проведенных с матерью в раннем детстве, влияют на адаптивность человека. Так даже нежность становится вложением, «способным конституировать человеческий капитал»⁴⁷². Конечно, для формирования человеческого капитала важны вопросы медицинского обеспечения, мобильности (миграции) и многие другие вопросы, которые, возможно, трудно отнести к ряду вопросов о человеческом капитале.

Таким образом можно констатировать, что неолиберализм в интерпретации Фуко, являясь безусловным продолжением либерализма как особой формы рациональности, ставит новые вопросы, обнаруживает новые связи (политические, экономические, социальные), но всегда имеет в качестве объекта и цели приложения управленческих усилий население. Идеи Фуко, связанные с неолиберализмом как режимом биополитики получают продолжение, в частности, в работах упомянутого выше Митчелла Дина⁴⁷³.

Прежде всего, Дин обращает внимание на то, что в качестве двух современных версий либерализма Фуко выделяет немецкий либерализм периода 1948-1962 гг. и американский либерализм (либерализм Чикагской школы). Сближаются эти версии в том, что они представляют собой «критику рациональности, присущей излишку правления, и как возврат к

⁴⁷¹ Фуко М. Рождение биополитики. СПб., 2010. С. 289.

⁴⁷² Там же.

⁴⁷³ Имя Митчелла Дина связывают, прежде всего, с продолжением разработки фукольдиданской темы «правительности» («gouvernementalité»). «Правительность» один из вариантов перевода неологизма, предложенного Фуко («Общеизвестна этимология понятия “gouvernementalité”, возводимая одновременно к “правлению” и “ментальности”. Впрочем, как указывает Дин, даже она служит предметом самостоятельной дискуссии. Сам Фуко не добивался однозначности понятия, ... которое характеризует одновременно и формы субъективности («ментальности»), и технологии (институты)». [Дин М. Правительность. Власть и правление в современных обществах. М., 2016. С. 24.]). В рамках разработки теории правительности Дин говорит о неолиберализме как биополитическом феномене.

технологии умеренного правления»⁴⁷⁴. Излишком правления в Германии был не только нацизм, но и плановая экономика, «доставшаяся в наследство от периода 1914-1918 гг.»⁴⁷⁵. Ордолиберализм (немецкий неолиберализм) ставил своей задачей создание такой рыночной экономики, институциональные рамки которой, с одной стороны, гарантировали бы ограничение государственной власти, а, с другой, – невозможность социального разрушения по причине экономической свободы.

Американский неолиберализм развивался как ответная реакция на военное планирование, политику New Deal. Принципиальным отличием от немецкого ордолиберализма было то, что «американский неолиберализм стремится скорее распространить рациональность рынка, схемы предлагаемого им анализа и утверждаемые им критерии решения на области, не являющиеся исключительно и прежде всего экономическими»⁴⁷⁶. К этим областям можно отнести политику рождаемости, семейную политику, сферы, касающиеся преступности (уголовная политика). Ордолиберализм исходил из того, что регулирование рынка (рыночных цен) представляет собой ненадежный механизм, который активно должен поддерживаться социальными программами (помощь безработным, покрытие медицинских расходов, жилищная политика).

Дин полагает, что эти примеры неолиберализма чрезвычайно важны, поскольку демонстрируют, что неолиберализм отнюдь не однороден. То есть каждая форма либерализма «подключается к определенному режиму управления»⁴⁷⁷, поэтому анализ некоторого идеального типа неолиберализма не продуктивен. Вместе с тем разница в формах неолиберализма не означает, что он противоречит принципу «руководства поведением»: «В одной версии, немецкой социальной рыночной экономике (так же, как во многих

⁴⁷⁴ Фуко М. Рождение биополитики. СПб., 2010. С. 410.

⁴⁷⁵ Там же. С. 410.

⁴⁷⁶ Там же. С. 412.

⁴⁷⁷ Дин М. Правительство. Власть и правление в современных обществах. М., 2016. С. 174.

современных формах трудовой политики в англоязычных странах), аппараты национального управления играют активную и интервенционистскую роль в организации условий (функционирования) рыночной экономики и производства отвечающих ее требованиям типов субъектов. В другой версии, более близкой к Чикагской школе и современной «правоцентристской» политике, цели государственного управления оборачиваются на его средства».⁴⁷⁸ Наконец, с точки зрения Дина, благодаря этим примерам можно понять, что восприятие неолиберализма как критики «излишка правления», позволяет говорить об изменчивости объектов этой критики, ее целей в зависимости от исторических и социально-политических условий⁴⁷⁹. Действительно, из рассуждений Фуко понятно, что неолиберализм – это и некоторые установки, и некоторая практика, основанные на данных установках. Но это явление вместе с тем не является статичным в том смысле, что исходит из определенных обстоятельств.

Ценность переосмысления Митчеллом Дином теории Фуко не только в том, что он очень точно определяет те пункты, которые являются смыслообразующими для последующих исследований (биополитических, в том числе) и отнюдь не только в рамках англоязычной традиции, но в том, что он все время подчеркивает экспериментальный характер концепций, которые предлагает Фуко. В этой связи хочется отметить, что восприятие Фуко как автора, который говорит о неолиберализме лишь для того, чтобы заявить о неприятии этого типа «политической рациональности» слишком опрометчиво. Во-первых, потому что неолиберализм в понимании Фуко есть нечто отличное от неолиберализма в политологическом и политико-философском смысле, во-вторых, потому что сам философ неоднократно подчеркивает важность анализа происхождения неолиберализма, понимания его биополитической сущности с целью понять механизмы его действия,

⁴⁷⁸ Дин М. Правительность. Власть и правление в современных обществах. М., 2016. С. 174.

⁴⁷⁹ Там же. С. 175.

спрогнозировать следствия (прежде всего негативные), но не представить критику ради самой критики.

Вместе с тем резонанс, который до сих пор вызывают тексты Фуко свидетельствует о том, что подготовленная философом почва дает возможность его продолжателям говорить о неолиберализме все-таки в резко негативном ключе. Конечно, в этом смысле показателен пример упомянутого выше Нормана Фэркло, в восприятии которого неолиберализм предстает как «политический проект, созданный для реконструирования общества в соответствии с требованиями необузданного глобального капитализма»⁴⁸⁰, использующий дискурсивные практики с целью интенсификации конкуренции, разделения, «структурирования различий»⁴⁸¹. «Дискурсивные проекты» неолиберализма успешны с точки зрения насаждения новых форм производительной активности, продуцирования новых форм социальных отношений, включая новые формы идентичности (в самом широком смысле), новых ценностей. Одна из таких (с точки зрения Фэркло, безусловно опасных) дискурсивных практик – продвижение концепции гибкости⁴⁸². В разных вариантах эта концепция входит в экономический, политический образовательный дискурс, в дискурс культуры, да и повседневной жизни. Добавим к этому, что «изнанкой гибкости» оказывается дискурс опасности, нестабильности, риска. И это, с точки зрения Фэркло, неизбежный и вместе с тем желаемый эффект неолиберализма.

Несомненно, у Фэркло есть все основания трактовать неолиберализм именно так, опираясь на фукольдианские идеи. Но все же нельзя не отметить наличия в современном поле политических исследований иных взглядов на неолиберализм в интерпретации Фуко. Репрезентативным в этом смысле видится интервью коллеги и соавтора Митчелла Дина социолога Дэниэла

⁴⁸⁰ Fairclough N. Language and neo-liberalism // Discourse & society. 2000. 11:147. P. 147

⁴⁸¹ Ibid. P. 148.

⁴⁸² В английском языке слово «flexibility» имеет множество значений, помимо указанного, – податливость, уступчивость, маневренность, мобильность, вариативность и т.д., – но эта полисемия только добавляет веса тезису Фэркло.

Заморы французскому электронному изданию “Le Comtoir”, опубликованному в журнале «Якобинец» (“Jacobin”) на английском языке в 2019 году. Название этого интервью говорит само за себя: «Как Мишель Фуко мог настолько неверно воспринять неолиберализм».

В преамбуле к интервью артикулируется мысль о том, что в неолиберализме 70-х годов XX столетия Фуко видел возможности для появления нового социального порядка, в котором будет больше места для автономии индивида и экспериментального образа жизни. Оказалось, что он ошибался⁴⁸³. Замора отмечает, что тексты того, кто сам себя назвал «историком настоящего», читают и интерпретируют, абстрагируясь от настоящего, в котором «историк» жил. Объясняется такое положение вещей как раз спецификой фукольдианского подхода, который позволяет «приспосабливать» его идеи фактически к любому направлению мысли, к любому интеллектуальному эксперименту. Замора говорит о том, что такой подход понятен, но вызывает вопросы.

Что же касается фукольдианской интерпретации неолиберализма, то здесь соавтор Митчелла Дина высказывается вполне конкретно, отвечая на вопрос о том, являются ли идеи Фуко «культурным дополнением» к идеям Хайека, Фридмана и Беккера. Замора настаивает на том, что трактовка неолиберализма у Фуко не является просто дополнением идей Хайека и Фридмана. Проблема Фуко, по убеждению Заморы, состоит в том, что он имплицитно воспринял их представление о рынке как о пространстве менее нормативном, менее принудительном, более терпимом к экспериментам, чем государство всеобщего благоденствия, которое подчинено правлению большинства. Здесь Замора приводит высказывание Фридмана о том, что «урна для голосования порождает согласие без единодушия», в то время, как

⁴⁸³ *Boucaud-Victoir K.* How Michel Foucault got neoliberalism so wrong. Interview with Daniel Zamora // Jacobin. 09/06/2019. URL: <https://jacobin.com/2019/09/michel-foucault-neoliberalism-friedrich-hayek-milton-friedman-gary-becker-minoritarian-governments> (accessed: 08.08.2022).

«рынок порождает единодушие без согласия»⁴⁸⁴. То есть с точки зрения Фридмана, рынок по определению представляет собой более демократический механизм, чем любая политическая структура, поскольку защищает множественность индивидуальных предпочтений. Так вот Замора полагает, что подспудно Фуко способствовал распространению этой ложной дихотомии⁴⁸⁵. Он не оспаривает мысль Фуко о необходимости борьбы с нормализацией и принуждением, но это не должно означать полного отказа от нормализации, поскольку политика (нелиберальная, либеральная, неолиберальная) нормативна. Замора приводит очень простой пример, касающийся того, что предоставление базового дохода населению, вместо бесплатного медицинского обслуживания, означает замену одной нормативности (определяющей «определенные предметы через определенные социальные права») на другую («отдающую определенный приоритет индивидуальному выбору на рынке»)⁴⁸⁶. У Фуко же все выглядит таким образом, что государство – это всегда нормализация, а рынок – возможность сопротивления нормализации. Здесь необходимо сделать некоторое уточнение. Анализ представлений Фуко о неолиберализме, приведенный выше в настоящем исследовании, демонстрирует, что данное утверждение Заморы не соответствует действительности. В условиях неолиберализма механизмы государственной нормализации становятся более сложными, менее очевидными и индивид, действительно, получает большую автономию, но при этом оказывается заложником рынка в своем стремлении «максимизировать жизнь». В этом выражается биополитическая сущность неолиберализма.

⁴⁸⁴ *Boucaud-Victoir K.* How Michel Foucault got neoliberalism so wrong. Interview with Daniel Zamora // *Jacobin*. 09/06/2019. URL: <https://jacobin.com/2019/09/michel-foucault-neoliberalism-friedrich-hayek-milton-friedman-gary-becker-minoritarian-governments> (accessed: 08.08.2022).

⁴⁸⁵ *Ibid.*

⁴⁸⁶ *Ibid.*

Выводы главы

Вторая глава диссертационного исследования была посвящена рассмотрению наследия Мишеля Фуко как мыслителя, благодаря которому в полной мере была начата концептуализация понятия «биополитика» в политической науке.

Прежде всего, в главе было показано, как и за счет чего формируется «биополитическая формула Фуко», составляющими которой являются такие компоненты, как «население», «безопасность» и «территория». Первый параграф главы был посвящен анализу сущности данных понятий в интерпретации мыслителя и, что важнее, – исследованию их взаимосвязи.

Развитие форм власти, представленное в теории Фуко, имеет совершенно определенный вектор: от суверенной власти – к биовласти. Опираясь, на известный тезис Фуко о том, что власть всегда имеет дело с вопросами жизни и смерти, можно, во-первых, повторить, что история власти движется от принципа «позволить жить или заставить умереть» к принципу «позволить умереть или заставить жить», во-вторых, констатировать, что новый принцип властвования неразрывно связан с развитием знания. Дело в том, что один принцип сменяется на другой в тот момент истории, когда знание позволяет сделать население (а точнее, жизненные процессы, общие для совокупности, обозначаемой как «население») объектом (био)политического контроля. В этом смысле можно утверждать, что биовласть становится апофеозом «власти-знания». При этом ключевым для конституирования биополитики оказывается медицинское знание, которое представляет собой область, в которой естественным образом сочетаются техники дисциплинарной власти и регулирование, характерное для биовласти. Медицинское знание необходимо и для поддержания здоровья населения – главного объекта биополитики, основного элемента биополитической формулы, – и для обеспечения безопасности – второго элемента биополитической формулы. Но медицина – лишь часть механизма

обеспечения безопасности. Под безопасностью в биополитическом смысле у Фуко понимается все, что помогает оптимизировать жизнь населения. Отсюда совершенно особое понимание территории (третьего элемента биополитической формулы). Можно сказать, что Фуко далек от традиционной политологической трактовки этого понятия, ведь под территорией он понимает условия жизни населения, среду обитания. С точки зрения действия биополитической формулы, стоит отметить, что биовласть сосредоточена не на территории в географическом смысле, но на взаимовлияниях населения и условий существования.

Отдельным вопросом для Фуко и, несомненно, значимой проблемой для дальнейшего развития биополитических исследований является вопрос о месте и значении смерти в «политике жизни». В этой связи Фуко обращается к теме расизма. Расизм выступает у Фуко механизмом, который биополитичен по своей сути. В основе расизма всегда лежит решение о том, что достойно жизни, что нет. При этом важнейшим различием для Фуко выступает разделение государственного расизма и нацизма. Нацизм – особый пример биополитики, поскольку представляет собой в сущности нечто прямо противоположное политике жизни. И причина не только в том, что смерть как сущность и цель политики достигает своего апогея в нацизме, но и в том, что политика, имеющая своей целью смерть одних ради жизни других, обречена на самоуничтожение.

Пример нацизма не исключает в то же время продолжения государственного расизма (в самом широком смысле это разделение на «своих» и «чужих» и применение к «чужим» различных мер контроля), который со временем обретает все более и более совершенные формы. Это совершенствование характеризуется, прежде всего, уходом от жестких дисциплинарных мер (в частности, о смерти в буквальном смысле речи не идет). Эта трансформация расизма как отдельной формы проявления

биополитики и биополитики вообще становится возможной благодаря тому, что в теории Фуко можно обозначить как «дискурсивность».

В главе показано, насколько феномен дискурса важен для биополитической теории Фуко и в концептуальном, и в методологическом отношении. Во втором параграфе обращено внимание на то, что история власти в интерпретации Фуко – это история формирования различных типов дискурса. «Дискурсивность» властной природы представляется одним из важнейших методологических оснований анализа биополитики у Фуко, но вместе с тем становится основополагающим принципом для развития такого направления, как критический дискурс-анализ.

Критический дискурс-анализ как методология, направленная на рассмотрение социально-политических процессов через дискурсивные практики, в качестве ключевых объектов выделяет властное доминирование в самых разных проявлениях, дискриминацию, расизм. В самом общем виде ключевой задачей дискурс-анализа является обнаружение названных проблем, критика и выработка рекомендаций по их устранению. И проблемное поле, и методология (в частности, социокогнитивный подход Тёна ван Дейка и интердискурсивный метод Нормана Фэркло) критического дискурс-анализа позволяют сделать вывод о возможности включения этого направления в поле современных исследований биополитики.

Одной из специальных тем, к которой обращаются представители критического дискурс-анализа, является критика неолиберализма, который предстает отнюдь не только как идеология в традиционном представлении политической науки, но как некоторые современные условия существования, характеризующиеся специальным «порядком дискурса». В третьем параграфе главы подробно проанализирован механизм формирования именно такой трактовки неолиберализма и показаны линии преемственности между фукольдианским восприятием неолиберализма и его современными трактовками.

Неолиберализм рассматривается Фуко как политический режим, сущность которого неразрывно связана с биовластью. Подобно тому, как биовласть, формируясь, вбирает в себя черты предыдущих форм власти, неолиберализм, с одной стороны, видится продолжением либерализма, а, с другой, – представляет собой ответ на кризис либерализма. Собственно, биовласть – это власть, развивающаяся в рамках либеральной рациональности, инструментом которой становится свободный рынок. Свободный рынок – это те условия, воздействуя на которые, можно контролировать население. Именно в либерализме возникает парадокс, который в неолиберализме достигает апогея. Свобода становится средством контроля. Забота о населении проявляется, прежде всего, в предоставлении возможности обогащения, улучшения качества жизни до возможного максимума. Власть обретает возможность «заставлять жить» именно с наступлением эпохи либерализма.

В самом общем виде переход от либерализма к неолиберализму предполагает изменение формулировки вопроса о вмешательстве власти в жизнь населения. В случае с либерализмом это вопрос о границах вмешательства, в случае с неолиберализмом – о границах невмешательства. Но объект для организации этого вмешательства/невмешательства остается тем же – население. В качестве поля деятельности власти все так же используется рынок. Изменяются технологии (для техник невмешательства характерны все менее заметные и более эффективные технологии) и то, что можно назвать ключевыми концепциями либерализма.

В этом смысле особого внимания заслуживает идея Фуко о специфической линии либерализма, которая сводилась к стратегии «предупреждения об опасности». Практически это выражалось в усовершенствовании пенсионной системы, системы страхования и т.п., но в основе этого была заложена идея о том, что благосостояние населения в любой момент может пострадать. В неолиберализме эти техники принимают

более совершенные формы. Изменение концепции homo oeconomicus (от «человека-партнера» в рыночном обмене на «человека-антрепренера») предполагает совершенно иное понимание такой категории, как «человеческий капитал». В рамках нелиберальной рациональности человек становится и инвестором, и инвестицией, и получателем дохода. То есть доход напрямую зависит от состояния инвестора, как в прямом, так и в переносном смысле. Проблема заключается в том, что в этой ситуации всегда есть риск, который невозможно предсказать, но который оказывается неотъемлемой частью человеческого существования. И в этом смысле можно говорить о том, что, если либерализм есть своего рода риск-менеджмент, то нелиберализм предстает как кризис-менеджмент.

В главе показаны линии преемственности, которые обнаруживаются между идеями Фуко, его последователями, современными мыслителями. Так, идею трансформаций техник либерализма можно наблюдать в концепции обществ контроля Жюльена Делеза. О дискурсивных началах биополитики говорит Славой Жижек, представляя свою концепцию постполитики. Вместе с тем в рассуждениях Жижека отчетливо прослеживается идея «предупреждения об опасности» как базовая для биополитики.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Аласания Кира Юрьевна

**Биополитика как направление западной политической науки
второй половины XX – первой четверти XXI вв.**

5.5.1 – История и теория политики

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора политических наук

ТОМ II

Москва – 2023

Оглавление ТОМ II

Глава 3. Политическая картина мира в интерпретациях авторов биополитических исследований	3
3.1. Биополитика как политизация жизни в теории Джорджо Агамбена	3
3.2. Ключевые понятия биополитической теории Роберто Эспозито	27
3.3. «Война» и «выживание» как категории биополитики.....	56
Глава 4. Методологический и концептуальный потенциал биополитики	88
4.1. Роль биополитического подхода в преодолении постмодернизма.....	88
4.2. Биополитика в поисках языка описания процессов трансформации современного общества	113
4.3. Стратегии и перспективы развития биополитики как направления политической науки	146
Заключение	174
Список использованной литературы	189

Глава 3. Политическая картина мира в интерпретациях авторов биополитических исследований⁴⁸⁷

3.1. Биополитика как политизация жизни в теории Джорджо Агамбена⁴⁸⁸

В последние двадцать лет в исследовательской литературе, посвященной биополитической проблематике, достаточно обычным является употребление сочетания «итальянская биополитическая теория»⁴⁸⁹. Такое обозначение кажется не очень удачным. Собственно, об этом говорят сами исследователи, использующие это сочетание, отмечая, что «итальянская биополитическая теория», во-первых, представляет собой теорию в очень ограниченном смысле, поскольку речь идет о ряде авторских позиций, которые зачастую объединены лишь общей темой, а, во-вторых, как ни странно, вопрос возникает к слову «итальянская», так как, например, один из ведущих представителей «итальянской биополитической теории» Антонио Негри свою самую известную и обсуждаемую работу создал в соавторстве с американцем Майклом Хардтом. Так что национальный признак в данном случае тоже оказывается не слишком уместным. Таким образом, речь идет о некотором условном обозначении, которое, тем не менее, служит для того, чтобы совместить в одном проблемном поле различные авторские подходы.

Если попробовать выделить объединяющие начала, то, очевидно, следует назвать такую характерную черту итальянских биополитических исследований, как их критическая направленность. Итальянская биополитика

⁴⁸⁷ При написании настоящей главы диссертации использованы результаты научной работы, выполненной автором лично и опубликованной ранее: *Аласания К.Ю.* Биополитика от Спенсера до Эспозито: ключевые концепции и подходы. М., 2023.

⁴⁸⁸ При написании данного параграфа диссертации использованы результаты научной работы, выполненной автором лично и опубликованной ранее: *Аласания К.Ю.* Выживание как биополитическая концепция // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2020. № 6. С. 35-46.

⁴⁸⁹ См., например, *Chiesa L., Nedoh B., Piasentier M.* Italian biopolitical theory and beyond: genealogy, psychoanalysis, and biology. Edinburg. 2016; *Campa R.* Biopolitica e biopotere. Da Foucault all'Italian theory e oltre // *Orbis Idearum. Special Issue. Idea of Power. V. 3. Issue 1.* 2015. Pp. 125-171.

– это практически всегда критика, причем критика не в фукольдианского типа (критика-реконструкция, которая возможна, благодаря генеалогическому подходу, критика-сравнение, критика-множественность вариантов), это политическая критика в полном смысле, хотя и опирающаяся на философские основания.

Итальянские биополитические исследования отличает антропологичность в том смысле, что именно с подачи итальянских мыслителей с особой остротой встают вопросы о том, что представляет собой человек как животное биополитическое и как происходит процесс политизации человека как живого существа.

В рамках итальянской традиции формируется своеобразный биополитический словарь, в котором фигурируют понятия, по которым достаточно легко узнать концепции Джорджо Агамбена, Роберто Эспозито, Антонио Негри.

Имя Джорджо Агамбена неслучайно стоит первым в этом ряду. Именно его концепция связывает фукольдианскую традицию с традицией итальянской. Анализ преемственности между идеями Фуко и Агамбена, а также специфики представлений итальянского мыслителя о биополитике составляют особый интерес в рамках проблематики настоящего исследования.

Сегодня имя Джорджо Агамбена упоминают не только в связи с его биополитической концепцией, которая получила широкую известность в 1995 году, с выходом работы «*Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь*». Сегодня Агамбен – лицо итальянского COVID-диссидентства, ярый противник вакцинации, человек, вступающий в конфронтацию с действующим правительством⁴⁹⁰. Такая политическая позиция мыслителя

⁴⁹⁰ См., например, *Silva G.A.D., Higuera Del Prado C. Political theology and COVID-19: Agamben's critique of science as a new "Pandemic Religion"//Open theology. URL:*

фундируется его биополитическими идеями, и он уверен, что своей актуальности она не просто не теряет, а, напротив, получает практические подтверждения.

Итак, в первой части труда «Homo Sacer» Агамбен вводит знаменитое противопоставление между жизнью, понимаемой как *bios* и жизнью как *zoe*, о котором шла речь в первом параграфе первой главы настоящего исследования. Это обращение к этимологии слова «биополитика», действительно, выглядит убедительно, с точки зрения поиска биополитических оснований в античной философии, но в данном случае много важнее обозначить, что это противопоставление дает Агамбену для развития его ясной и радикальной концепции биополитики.

Агамбену было важно обращение к аристотелевской концепции политического, в сущности, для того, чтобы обозначить одно из радикальных отличий собственной трактовки биополитики от интерпретаций, существовавших ранее (в частности, речь идет о Фуко). У Фуко, как было подробно описано выше, биовласть начинает функционировать в XVII веке, постепенно встраиваясь в механизмы дисциплинарной власти. Агамбен подчеркивает, что у Фуко человек оставался «аристотелевским человеком» – животным, который способен существовать политически, и лишь с наступлением эпохи Нового времени власть заинтересовалась человеческой жизнью. «По мнению Фуко, “порог биологической современности” общества находится в точке, где вид и индивид становятся ставкой в его политических стратегиях, функционируя всего лишь как некое живое тело»⁴⁹¹. Но, с точки зрения Агамбена, само разделение на *bios* и *zoe* подразумевает, что биополитика начинается там, где начинается политическая власть. «Включение голой жизни в сферу политического составляет первоначальное – хоть и потаенное – ядро суверенной власти. Можно даже сказать, что

<https://doi.org/10.1515/opth-2020-0177> (accessed: 09.08.2022); *Rovescio I., Agamben G. Two texts on the Green pass. URL: <https://illwill.com/green-pass>* (accessed: 09.08.2022) и др.

⁴⁹¹ Агамбен Дж. *Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь*. М., 2011. С. 9.

производство биополитического тела и является подлинной деятельностью суверенной власти. В этом смысле биополитика – по меньшей мере такая же древняя, как и ситуация суверенного исключения»⁴⁹². Как отмечает российский исследователь И.И. Кобылин, говоря о биополитической концепции Агамбена, «самим актом исключения суверенная власть включает исключение в сферу своего влияния»⁴⁹³.

Агамбен вполне согласен с тем, что биовласть как производная от дисциплинарной власти способствовала «развитию и триумфу капитализма»⁴⁹⁴. Именно в этой связи он обращается к исследованиям Ханны Арентд, которая в своей работе «*Vita activa* или о деятельной жизни» очертила круг проблем, которые по прошествии почти двадцати лет частично вошли в поле фукольдианских в части трактовки неолиберализма как биополитического феномена. Речь идет об анализе Арентд процесса, приводящего к тому, что *homo laborans* (“человек работающий”), а с ним и биологическая жизнь вообще, все больше превращаются в центр современной политической сцены»⁴⁹⁵. Агамбен с очевидным сожалением говорит о том, что Арентд не удалось связать свои более ранние исследования, касающиеся тоталитарной власти, с проблемами, затронутыми в «*Vita activa*», собственно, как и об упущении Фуко в том смысле, что он никогда не говорил о биополитике как о явлении практической политики, его не интересовали «концентрационный лагерь и структура основных тоталитарных государств XX века»⁴⁹⁶.

⁴⁹² Агамбен Дж. *Homo Sacer*. Суверенная власть и голая жизнь. М., 2011. С. 13.

⁴⁹³ Кобылин И.И. Исток и сингулярность: Дж. Агамбен и М. Фуко о рождении биовласти // *Философия и общество*. № 3. 2011. С. 171-183. С. 176.

⁴⁹⁴ Там же. С. 10. Агамбен не использует слово «неолиберализм», но, очевидно, используя слово «капитализм», он подразумевает примерно то же, что Фуко под «неолиберализмом» – социальные, экономические и политические условия, характеризующиеся господством биовласти.

⁴⁹⁵ Агамбен Дж. *Homo Sacer*. Суверенная власть и голая жизнь. М., 2011. С. 10.

⁴⁹⁶ Там же.

Агамбен вообще полностью уверен в том, что теорию Фуко нельзя считать целостной именно потому, что ему не удалось (в том числе и в силу объективных причин) развить биополитическую перспективу в том ракурсе, о котором говорит итальянский философ. Фуко «последовательно отказывался разрабатывать единую теорию власти»⁴⁹⁷, поскольку он решительно обходил вниманием разработку темы, которая особенно важна для его последних текстов. Речь идет о тезисе, согласно которому «современное западное государство в беспрецедентной мере интегрировало субъектные техники индивидуализации и объектные процедуры тотализации», что «говорит буквально о политическом “двойном послании, состоящем из индивидуализации и одновременной тотализации структур современной власти”»⁴⁹⁸. Фактически именно этот тезис оказывается основанием, пожалуй, самого провокативного в теории Агамбена положения о том, что, с точки зрения биополитики, нет разницы между демократией и тоталитаризмом. «Тезис о глубинной солидарности между демократией и тоталитаризмом (который мы вынуждены, со всей осторожностью, выдвинуть) не является, естественно, <...> историографическим тезисом, который позволил бы полностью сбросить со счетов или сгладить огромные различия, характеризующие их историю и их противостояние. Тем не менее на уместном здесь историко-философском уровне мы будем отстаивать этот тезис со всей твердостью, так как только он позволит нам ориентироваться перед лицом новых реалий и непредсказуемых сближений конца тысячелетия, расчищая поле для новой политики, которую во многом еще только предстоит изобрести»⁴⁹⁹. Для Агамбена биополитика – это, очевидно, и проблемное поле, и способ критики, и некоторая методология, применимая к изучению современной политики. Только «биополитическая перспектива», по мнению Агамбена, позволит решить «должны ли понятия, на оппозициях которых базируется современная политика (правое/левое, частное/публичное,

⁴⁹⁷ Агамбен Дж. Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М., 2011. С. 12.

⁴⁹⁸ Там же. С. 12.

⁴⁹⁹ Там же. С. 18.

абсолютизм/демократия и так далее) и которые, все более размываясь, попали сегодня в самую настоящую зону неразличимости, быть окончательно оставлены - или же они смогут заново обрести значение исходя из той самой перспективы, в которой они его и утратили»⁵⁰⁰. Этой цели можно достичь, если, вслед за Фуко и Беньямином, обратиться к связке «голая жизнь-политика».

Упоминание Вальтера Беньямина здесь отнюдь не случайно. Агамбен переводил тексты Беньямина, был редактором итальянских переводов его работ. Важнейший для биополитической концепции Агамбена термин «голая жизнь» и в сущности его значение были позаимствованы им из работы Беньямина «Критика насилия». Однако в работах Агамбена «голая жизнь» встраивается в поле понятий, связь между которыми определяет специфику восприятия биополитики итальянским философом.

С точки зрения Агамбена, основу западной политики составляет оппозиция «голая жизнь/политическое существование, *zoe/bios*, исключение/включение»⁵⁰¹. Фактически (био)политика строится на своеобразной игре в «правило исключения». То есть представленные оппозиции – это по сути воплощения этой игры. «Политика существует потому, что человек - живое существо, которое отделяет от себя и противопоставляет себе ... свою собственную голую жизнь и в то же время остается связанным с ней через включающее исключение»⁵⁰². Символом голый жизни является *homo sacer* («человек священный»), «которого можно убить, но нельзя принести в жертву»⁵⁰³. Голая жизнь, воплощенная в этой, как пишет Агамбен, «неясной формуле римского права»⁵⁰⁴, становится основой современной политики. Кажется, что слово «неясный» в данном случае имеет специальное значение. Голая жизнь оказывается основанием

⁵⁰⁰ Агамбен Дж. *Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь*. М., 2011. С. 11.

⁵⁰¹ Там же. С. 15.

⁵⁰² Там же.

⁵⁰³ Там же. С. 16.

⁵⁰⁴ Там же.

политики, но вместе с тем чем-то чрезвычайно подвижным, ускользающим. Агамбен предлагает «скорректировать» положение Фуко и говорить о том, что биовласть рождается не тогда, когда жизнь становится объектом политики (zoe включается в polis), но когда «исключение повсеместно становится правилом, пространство голой жизни, расположенное поначалу на периферии порядка, постепенно движется к совпадению с пространством политического, и исключение и включение, внутреннее и внешнее, bios и zoe, юридическое и фактическое входят в зону абсолютной неразличимости»⁵⁰⁵. Периферия становится центром, то, что было исключено, составляет основу политики. Жизнь и смерть человека *всегда*, по Агамбену, были объектом власти, но до определенного момента это оставалось «тайной» политики, сегодня ни о какой тайне речь не идет. Если Фуко говорит о том, что биовласть, сменив суверенную власть и встроившись в дисциплинарную, начинает проявлять себя с наступлением эпохи Нового времени, то Агамбен настаивает на том, что биовласть «нашла» пространство, где она могла бы больше не таиться. И это пространство открывается, благодаря созданию деклараций о правах человека и гражданина.

«Декларации о правах являются местом изначального вписывания естественной жизни в политико-юридический порядок национального государства. Естественная голая жизнь при Старом порядке не была никак политически окрашена и, как сотворенная жизнь, принадлежала Богу; а в Античности (по крайней мере внешне), будучи zoe, она явно отличалась от жизни политической (bios). Теперь же голая жизнь оказывается на первом плане, принадлежа к самой структуре государства и становясь земным основанием его легитимности и суверенности»⁵⁰⁶. Здесь Агамбен совершенно специфическим способом интерпретирует идеи гражданства и нации, трактуя назначение документов, о которых идет речь фактически с точностью до наоборот. Если следовать логике итальянского мыслителя, то декларации

⁵⁰⁵ Агамбен Дж. Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М., 2011. С. 16.

⁵⁰⁶ Там же. С. 162.

дают права и таким образом отнимают жизнь или, по меньшей мере, берут ее под контроль.

Эта двойственная природа декларации отражена, например, в названии всем известной декларации, принятой Национальным учредительным собранием Франции в 1789 году, – «Декларации прав человека и гражданина». Агамбен говорит о неясности, связанной с тем, что обозначают термины «человек» и «гражданин», в каком соотношении они находятся⁵⁰⁷. Если максимально коротко сформулировать позицию Агамбена, касающуюся этого соотношения, то окажется, что всякая неясность пропадает, если рассматривать подобные декларации не как «даровое провозглашение вечных метаюридических истин (ценностей), призванных (по правде говоря, без особенного успеха) обязать законодателя уважать вечные этические принципы»⁵⁰⁸, но с точки зрения их истинного предназначения – «политизировать голую жизнь». Агамбен «вчитывается» в пункты декларации 1789 года и говорит о том, что «именно естественная голая жизнь, то есть чистый факт рождения» есть «источник и носитель права», но эта «голая жизнь» вместе с тем «растворяется в гражданине», сохраняя его права⁵⁰⁹. Логично в этом случае, что сама жизнь помещается в «сердцевину» политики, когда суверенными правами наделяется народ. Здесь Агамбен вновь обращается к этимологии и делает очень убедительный вывод: «В понятии народа, нации, этимологически происходящего от глагола nascere, рождаться, исчерпывается круг, разомкнутый рождением человека»⁵¹⁰. Интересно, что между идеями Фуко и Агамбена наблюдается весьма специфическая корреляция.

Биовласть, по Агамбену, заявляет о себе в полной мере с появлением деклараций: «Права присваиваются человеку (или же исходят от него самого)

⁵⁰⁷ Агамбен Дж. Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М., 2011. С. 162.

⁵⁰⁸ Там же.

⁵⁰⁹ Там же. С. 163.

⁵¹⁰ Там же.

лишь в той мере, в какой он является неким невидимым залогом (который как раз никогда не должен обнаружиться) появления гражданина»⁵¹¹. И это в точности совпадает с периодом начала применений техник биовласти в интерпретации Фуко. При этом, кажется, сохраняется принцип дискурсивности власти, столь важный для Фуко. Ведь декларации – идеальный способ «замаскировать» власть при помощи слов. В сущности, Агамбен описывает процесс, идентичный процессу либерализации у Фуко, когда слово «свобода» и производные от него составляли основу властных практик. При терминологическом различии в осмыслении следствий «политизации жизни» обнаруживаются и концептуальные, и хронологические параллели между идеями Фуко и Агамбена.

Агамбен пишет о том, что после Первой мировой войны вопрос об отличии между рождением и нацией возникает с новой остротой, когда национальное государство переживает кризис. Ответом на этот кризис становятся «фашизм и нацизм, то есть два собственно биополитических движения, которые превращают естественную жизнь в место, где прежде всего и проявляется суверенная воля»⁵¹². Агамбен остается безусловно верным себе, рассуждая о сущности нацизма. Он вспоминает, что формула «кровь и почва», на самом деле, имеет «невинное юридическое происхождение» и представляет собой «обобщение двух критериев, которые начиная уже с римского права служат для идентификации гражданства (то есть первичной фиксации жизни в государственном строе): *ius soli* (рождение на определенной территории) и *ius sanguinis* (появление на свет от родителей-граждан)»⁵¹³. До определенного момента вопрос о том, кто такой немец (француз, англичанин) относился к ряду антропологических, возможно, культурологических, но с момента появления деклараций о правах человека и гражданина он вбирает в себя все больше и больше политического, пока «в

⁵¹¹ Агамбен Дж. Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М., 2011. С. 164.

⁵¹² Там же.

⁵¹³ Там же. С. 165.

национал-социализме ответ на вопрос «кто и что такое немец» (и, следовательно, также: «кто и что таковым не является») непосредственно не совпадет с высшей политической задачей»⁵¹⁴. Вспомним, что для Фуко – это тупиковый путь. Государство, которое хочет управлять не только жизнью, но и смертью, обречено на «самоубийство», самоуничтожение. У Агамбена возникает иная идея, исходящая из предпосылки о том, что любой режим – режим биополитический. Нацизм в этом смысле является исключением лишь с точки зрения открытой демонстрации силы биовласти. Философ полагает, что единственный вариант «изолировать» священную жизнь, высвободить ее из пространства политики – это «определить новые формы и границы» внутри пространства зое. «Эти границы, как мы увидим, будут смещаться к тому призрачному пределу, который отделяет жизнь от смерти, и совпадут наконец там, где перед нами вновь возникнет живой мертвец – новый священный человек»⁵¹⁵. Символом homo sacer нового типа оказывается беженец. Важнейшей чертой, объединяющий тех, кого называют беженцами, является то, что они все живы в биологическом смысле, но мертвы, исходя из логики современной власти, – они вне закона государства.

Рассуждая о фигуре беженца как об олицетворении нового «человека священного», Агамбен, разумеется, ссылается на тексты Ханны Арендт. Действительно, в «Истоках тоталитаризма» Арендт дает детальный разбор не просто проблемы беженца в истории XX века, но говорит об их статусе в политико-онтологическом ключе. Беженец в трактовке Арендт – «человек без государства», безгосударственное лицо. Его пространство – это пространство бесправия или «определенного права»⁵¹⁶. Но у Агамбена это «бесправие» амбивалентно. «Вместе с беженцем, являющим собой этот разрыв между рождением и нацией, на политической сцене на какой-то миг вдруг оказывается голая жизнь, которая и есть его тайная подлинная сущность. В

⁵¹⁴ Агамбен Дж. Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М., 2011. С. 165.

⁵¹⁵ Там же.

⁵¹⁶ См. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996. С. 380-381.

этом смысле он поистине есть «человек определенных прав», как предположила Ханна Арендт, здесь он впервые предстает таким, каким он есть, без постоянно прикрывающей его маски гражданина. Однако именно поэтому его фигуру столь сложно определить в политических терминах»⁵¹⁷.

Беженец свободен от государства, но бесправен. Ракурс, который предлагает Агамбен для рассмотрения проблемы беженца, не может быть однозначно приемлемым, поскольку предполагает уход от понятия прав человека в связи с кризисом национального государства, в рамках которого эта проблема и была освещена в работе Арендт. «Беженца необходимо считать тем, кем он и является, то есть ничем иным, как пограничным понятием, ввергающим в глубокий кризис фундаментальные категории национального государства, начиная от связки рождение - нация и заканчивая связкой человек - гражданин, и позволяющее таким образом очистить пространство для насущного обновления понятийного аппарата, ориентированного на политику, в которой голая жизнь больше не исключена и не подавлена государственной системой, ибо это подавление может принимать форму прав человека»⁵¹⁸. Но это обновление понятийного аппарата неизбежно предполагает разделение гуманитарного и политического, что выглядит абсолютно естественно в рамках биополитической концепции Агамбена, но, как минимум, не однозначен.

Об этом говорит один из известных современных французских исследователей Дидье Фассен в статье «Биополитика не есть политика жизни». Он полагает, что говорить о «разрыве гуманитарного и политического» в связи с фигурой беженца не представляется возможным, поскольку «гуманитарное стало преимущественной формой политики»⁵¹⁹. С точки зрения Фассена, «гуманитарное» не следует понимать как нечто,

⁵¹⁷ Агамбен Дж. Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М., 2011. С. 167.

⁵¹⁸ Там же. С. 170.

⁵¹⁹ Fassin D. La biopolitique n'est pas une politique de la vie // Sociologie et sociétés. Vol. 38. N. 2. 2006. Pp. 35-48. URL: <http://libertaire.free.fr/DFassin31.html> (accessed: 11.08.2022).

ограниченное деятельностью неправительственных организаций. Это понятие следует трактовать как категорию, «основанную на принципе нравственного отношения к человеческой жизни...»⁵²⁰

Фассен приводит пример из французской практики иммиграционного контроля 90-х годов XX века и говорит, что в этот период, в шесть раз сократилось число дел лиц, просящих убежища и получивших статус беженца, в семь раз увеличилось число иностранцев, обратившихся с просьбой об оформлении вида на жительство в связи с тяжелым заболеванием, которое не поддается лечению в стране происхождения, и получивших удовлетворение этой просьбы. Через некоторое время статистика показала, что некоторые из тех, кто получил отказ в первом случае, смогли получить вид на жительство после медицинской экспертизы⁵²¹. Фассен полагает, что данный пример иллюстрирует «сдвиг в легитимности политики жизни» в сторону ее безусловной гуманизации. У Агамбена (био)политика не может быть гуманной. В случае с положением беженцев она, возможно, может быть нейтральной, но всегда ищущей возможности «захватить» жизнь.

С изменением пространства политического, в том числе и по причине кризиса национального государства, с наступлением эпохи глобализации эта «захватническое» государство меняет свою тактику, решая вопрос о том, как политизировать «голую жизнь», не подвластную закону (исключенную из юрисдикции государства). Здесь Агамбен обращается к понятию чрезвычайного положения. «Сегодня, когда начинается распад крупных государственных структур и чрезвычайная ситуация стала, как и предсказывал Беньямин, нормой, пришло время рассмотреть вопрос о

⁵²⁰ Fassin D. La biopolitique n'est pas une politique de la vie // Sociologie et sociétés. Vol. 38. N. 2. 2006. Pp. 35-48. URL: <http://1libertaire.free.fr/DFassin31.html> (accessed: 11.08.2022).

⁵²¹ Ibid.

границах и об изначальной структуре государственности в какой-то новой перспективе»⁵²². Эта перспектива и называется у Агамбена биополитической.

Определяя ситуацию чрезвычайного положения, итальянский мыслитель ссылается на работу Карла Шмитта «Политическая теология», где суверен определен, как «тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении»⁵²³. То есть речь идет фактически о том, что суверен обладает властью приостановить действие закона. И, по Шмитту, «решение об исключении есть именно решение в высшем смысле»⁵²⁴. Власть установления чрезвычайного положения – это власть абсолютная в самом широком смысле. У Шмитта это тот случай, когда «государство демонстрирует свое превосходство над правовой нормой»⁵²⁵. Ну и, наконец, именно в «Политической теологии» Шмитт формулирует тезис, от которого Агамбен оттолкнется не только, рассуждая о чрезвычайном положении, но концептуализируя понятие «голой жизни». Шмитт говорит: «Исключение интереснее нормального случая. Нормальное не доказывает ничего, исключение доказывает все; оно не только подтверждает правило, само правило существует только благодаря исключению. В исключении сила действительной жизни⁵²⁶ взламывает кору застывшей в повторении механики»⁵²⁷. Кажется, что во многом Агамбен соглашается со Шмиттом, но обращает внимание на позиции, которые способствуют формированию того, что называется в его работах «биополитической перспективой».

Важным для Агамбена вопросом становится вопрос о соотношении правового и политического при чрезвычайном положении. Агамбен настаивает на том, что даже для профессионалов вопрос об этом соотношении не является очевидным. Специалисты (люди, профессионально

⁵²² Агамбен Дж. Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М., 2011. С. 19.

⁵²³ Агамбен Дж. Homo sacer. Чрезвычайное положение. М., 2011. С. 7.

⁵²⁴ Шмитт К. Политическая теология. М., 2000. С. 15.

⁵²⁵ Там же. С. 25.

⁵²⁶ У Шмитта «действительная жизнь» - аналог понятия «голой жизни» у Агамбена.

⁵²⁷ Шмитт К. Политическая теология. М., 2000. С. 28.

ориентирующиеся в сфере права) говорят, что ситуация крайней необходимости, на которой базируется чрезвычайное положение, не подпадает под действие закона. Кроме того, затруднено само определение термина «чрезвычайное положение», ибо он находится на границе между политикой и правом. Действительно, согласно распространенному мнению чрезвычайное положение является «точкой, в которой нарушается равновесие между публичным правом и политическим фактом», которая располагается - подобно гражданской войне, восстанию и сопротивлению - в «двойственной и неясной зоне, на пересечении юридического и политического»⁵²⁸. Вопрос о границах становится, таким образом, еще более насущным: «если чрезвычайные меры являются плодом политического кризиса и как таковые должны осмысливаться внутри политической, а не конституционно-правовой сферы, то они оказываются в парадоксальной ситуации юридических процедур, которые не могут быть интерпретированы в рамках права. Одновременно чрезвычайное положение предстает здесь как правовая форма того, что правовой формы иметь не может»⁵²⁹. В ситуации чрезвычайного положения власть обладает двояким статусом относительно правопорядка. У нее есть полномочия объявить о приостановке действия закона, оказавшись, таким образом, и в рамках существующего правопорядка и вне его.

Дальнейшие рассуждения Агамбена развиваются в двух направлениях. С одной стороны, мы можем говорить о чрезвычайном положении как о некоторой вынужденной ситуации как для населения, так и для власть имущих. Это ситуация гражданской войны, например, или восстания. С другой стороны, Агамбен говорит о характерном для XX века явлении, которое называет «узаконенной гражданской войной». Апофеозом этой войны является нацистский режим. Но, по мнению Агамбена, любой тоталитарный режим можно определить как режим узаконенной гражданской

⁵²⁸ Шмитт К. Политическая теология. М., 2000. С. 8.

⁵²⁹ Там же.

войны, введенный посредством чрезвычайного положения и сделавший возможным уничтожение не только политических соперников, но и целых категорий граждан, которых по каким-либо причинам представлялось невозможным интегрировать в политическую систему. И главное, о чем в этой связи говорит Агамбен: при том, что тоталитаризм ушел в прошлое использование вечного чрезвычайного положения (даже если оно и не было объявлено формально) стало одной из политических практик. Для того, чтобы, с одной стороны, показать механизм использования этой техники, техники чрезвычайного положения, а, с другой, - продемонстрировать то, что происходит с жизнью в этих условиях, Агамбен использует метафору лагеря.

Как известно, одна из глав в работе «*Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь*» носит название «Лагерь как биополитическая парадигма современности». Там Агамбен говорит о лагере не как об историческом факте или аномалии, относящейся к прошлому, но как о скрытой матрице, номосе политического пространства. Лагерь – это пространство, возникающее тогда, когда чрезвычайное положение превращается в правило. Так, чрезвычайное положение, бывшее, по сути, временным прекращением действия правовой системы по причине фактической ситуации опасности, отныне обретает постоянную пространственную локализацию, которая сама по себе, впрочем, неизменно остается вне обычного правопорядка»⁵³⁰. Надо сказать, что тема лагеря как номоса современности и «материализации чрезвычайного положения» не просто не теряет актуальности для Агамбена сегодня, но получает, с его точки зрения, все больше и больше подтверждений. В этом смысле пандемия COVID-19 стала для Агамбена и поводом к возвращению к основам собственной концепции, и к ее развитию в остро актуальном ключе.

С ранней весны 2020 года (с момента начала пандемии) и до сегодняшнего дня Агамбен не устает выражать свое крайне негативное

⁵³⁰ Агамбен Дж. *Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь*. М., 2011. С. 214.

отношение к действиям властей, направленных на борьбу с COVID-19. В этом смысле репрезентативным является, например, его высказывание, опубликованное итальянским электронным порталом «Quodlibet» под названием «Изобретение пандемии»⁵³¹. Агамбен уверен, что пандемия, точнее, то, с чем мы сталкиваемся в связи с мерами, принимаемыми государствами, по противодействию эпидемии, это иллюстрация его теории чрезвычайного положения. COVID-19 – идеальный повод погрузить мир в ситуацию чрезвычайного положения. Он утверждает, что масштабы бедствия сильно преувеличены и об этом свидетельствует статистика⁵³², и задается вопросом, зачем властям нужна паника населения⁵³³. Ответ ожидаем – паника создает идеальные условия для введения чрезвычайного положения, а, следовательно, для того, чтобы взять под контроль «голую жизнь». Агамбен подробно анализирует распоряжения правительства, скрупулезно отмечая, все запреты (которых, действительно, было достаточно) и говорит о том, что власти, «исчерпав терроризм как повод для принятия чрезвычайных мер», «изобрели» эту пандемию, чтобы расширить рамки своего контроля до небывалых размеров⁵³⁴, превратить социальное поле в «лагерь».

Жесткая позиция Агамбена, основанная на его биополитической теории, всегда вызывала неоднозначные реакции, прежде всего, его коллег. В

⁵³¹ Agamben G. L'invenzione di un'epidemia // Quodlibet. 26/02/2020. URL: <https://www.quodlibet.it/giorgio-agamben-l-invenzione-di-un-epidemia> (accessed: 12.08.2022).

⁵³² «В Италии нет эпидемии атипичной пневмонии (SARS-CoV2)», «инфекция, согласно эпидемиологическим данным, имеющимся на сегодняшний день и основанным на десятках тысяч случаев, вызывает легкие/средние симптомы (своего рода грипп) в 80-90% случаев. В 10-15% случаев может развиваться пневмония, но в подавляющем большинстве случаев в легкой форме. Подсчитано, что только 4% пациентов нуждаются в интенсивной терапии». (Перевод текста Агамбена опубликован на портале «Центра политического анализа». Агамбен Дж. Изобретение пандемии. URL: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/izobretenie-epidemii> (дата обращения: 12.08.2022)). Надо сказать, что и по прошествии трех лет Агамбен продолжает настаивать на подтасовке данных, несмотря на то, что новейшая статистика, например, сильно отличается от первоначальной.

⁵³³ Стоит отметить, что в этом выступлении, говоря о страхе как об инструменте властного контроля Агамбен очень созвучен Жижеку, о концепции которого шла речь выше.

⁵³⁴ Агамбен Дж. Изобретение пандемии. URL: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/izobretenie-epidemii> (дата обращения: 12.08.2022).

этом смысле интересен взгляд Томаса Лемке на творчество Агамбена. Интерпретация немецким ученым текстов Агамбена выглядит, пожалуй, наиболее сбалансированной с точки зрения позитивных оценок и критики. Прежде всего, Лемке, отмечая всю спорность тезиса об уподоблении тоталитарного режима демократическому (ведь парадигма лагеря работает одинаково при любом режиме, и в выступлениях последних лет Агамбен открыто об этом говорит различными способами), говорит, что «голая жизнь» как объект биополитики «приводит к приоритету частного над общественным, а в тоталитарных обществах оказывается решающим политическим критерием для того, чтобы приостановить действие прав человека»⁵³⁵. В отличие от большинства критиков Агамбена, Лемке настаивает на том, что у итальянского мыслителя демократия не равна диктатуре. Это утверждение Лемке сложно оспаривать в том смысле, что Агамбен, действительно, последовательно доказывает не идентичность тоталитаризма и демократии, но единство первоосновы. Первоосновой является «голая жизнь». Тоталитаризм и демократия используют разные техники власти. Если пользоваться терминологией Фуко, то действуют под разными именами. Неслучайным выглядит обращение Агамбена к Фуко с его рассуждениями о том, как поменялось даже само наполнение слова «право», когда речь у французского философа заходит о сексуальности как «о сюжете политических баталий». Агамбен уверен дело все в том, что «в буржуазных демократиях подобные притязания голой жизни приводят к главенству частного над публичным, личных свобод над общими обязанностями, а в тоталитарных государствах, наоборот, становятся важнейшим политическим критерием и идеальным пространством для решений верховной суверенной власти. Лишь исходя из того, что биологическая жизнь с ее потребностями повсюду стала ключевым политическим аргументом, можно понять ту парадоксальную скорость, с которой парламентские демократии в XX веке превратились в тоталитарные государства, а тоталитарные государства –

⁵³⁵ *Lemke T. Biopolitics. An advanced introduction. New York, London. 2011. P. 57.*

почти безболезненно трансформировались в парламентские демократии»⁵³⁶. То есть проблема фактически состоит не в том, что демократия и тоталитаризм суть одно и то же, а в том, что их невозможно различить именно по первооснове.

Но парадокс все же заключается в том, что целью является политизация голой жизни. Лемке, тем не менее, видит эту проблему в несколько ином ключе, обращаясь, в том числе, к агамбеновской метафоре лагеря. Он утверждает, что Агамбен сосредоточен на поиске закономерности, которая приводит современность именно к таким выводам, и главным в таком случае становится вопрос об основаниях политической рациональности, в рамках которой жизнь, ее сохранение, продление неизменно составляют предмет политико-правового регулирования⁵³⁷. Но и здесь, кажется, все отнюдь не однозначно. Именно эта новая рациональность позволяет Агамбену утверждать, что «в современных демократиях стало возможным публично говорить о том, что не осмеливались произнести нацистские биополитики, - и это явный признак того, что биополитика пересекла в своем развитии новый рубеж»⁵³⁸. Этот вывод следует из рассуждений итальянского философа на фукольддианскую тему соотношения власти и знания, а точнее, власти и медицины.

Сегодня жизнь и смерть являются понятиями политического. Такое оказывается возможным, благодаря достижениям науки. Агамбен ссылается на публикации сторонников и противников критерия смерти мозга, в которых возникают устрашающие, но очень мощные в семантическом смысле метафоры «новомертвого» и «псевдоживого». «Реанимационный бокс, в котором колеблются между жизнью и смертью «новомертвый», «запредельная кома» и «псевдоживой», являет собой пространство исключения, где голая жизнь предстает как таковая, впервые полностью

⁵³⁶ Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М., 2011. С. 155.

⁵³⁷ Lemke T. Biopolitics. An advanced introduction. New York, London, 2011. P. 57.

⁵³⁸ Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М., 2011. С. 210.

контролируемая человеком и его технологиями»⁵³⁹. В этом контексте возникает риторика, в которой ярые сторонники смерти мозга требуют вмешательства государства для «обеспечения беспрепятственных операций над телами псевдоживых ... Только государство может это сделать и должно это сделать... Организмы принадлежат общественной власти: тело национализируется»⁵⁴⁰. Агамбен, действительно, представляет оригинальную оптику при рассмотрении биополитической проблематики, но на этом фактически останавливается. Возможно, по этой причине Лемке, как будто бы даже с сожалением, отмечает, что Агамбен слишком сосредоточен на «голой жизни» и ее воплощениях. В своем стремлении «отыскать» *homines sacri* во всех, кто так или иначе может подойти под это определение (узники концлагерей, беженцы, умирающие в реанимациях больные), итальянский мыслитель проявляет упорство, но не выделяет критериев дифференциации. Лемке уверен, что это не результат недостатка аргументации (умение приводить убедительные аргументы, пожалуй, отличительная черта Агамбена), но редукция биополитики к проблеме «голой жизни»⁵⁴¹.

Лемке выделяет в связи с этим три проблемных направления в исследованиях Агамбена – юридическое, государствоцентристское и квазионтологическое. Что касается первого направления, то Лемке обращает внимание на то, что «“лагерь” предстает в интерпретации Агамбена не как некий дифференцированный и дифференцирующий континуум, но как “линия”, которая более или менее недвусмысленно разделяет голую жизнь и политическое»⁵⁴². Собственно, эта граница и есть фокус внимания Агамбена. «Голая жизнь» представляет собой у Агамбена некоторую самодостаточную ценность, и это, с точки зрения Лемке, проблема исключительно важная даже не столько для Агамбена, сколько для развития биополитики. Лемке пишет,

⁵³⁹ Агамбен Дж. *Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь*. М., 2011. С. 209.

⁵⁴⁰ Там же.

⁵⁴¹ Lemke T. *Biopolitics. An advanced introduction*. New York, London, 2011. P. 58-59.

⁵⁴² Ibid.

что Агамбена «интересует не столько “жизнь”, сколько ее “нагота”»⁵⁴³, а это приводит к тому, что лишь смерть (а точнее, распоряжение власти, которое неминуемо повлечет за собой смерть в буквальном или фигуральном смысле) существует как определяющий критерий. И в этом смысле биополитика Агамбена вполне может называться танатополитикой⁵⁴⁴.

Признавая правоту Лемке, нельзя вместе с тем, не отметить, что Агамбен не отказывает в возможности трансформации пространству биополитического. Хотя, разумеется, делает это совсем не так, как Фуко, говорящий о нормализации как главной составляющей *жизни*⁵⁴⁵: «Одновременно с утверждением биополитики мы присутствуем при непрекращающемся сдвиге границ чрезвычайного положения и решения о голой жизни, в котором воплощался принцип суверенитета. Если в каждом современном государстве существует некая предельная граница различения, точка, где решение о жизни превращается в решение о смерти, и биополитика может таким образом обернуться танатополитикой, то сегодня эта граница, разделяющая два несомненно различных пространства, не является уже столь очевидной; скорее речь идет о движущейся линии, мало-помалу перемещающейся в более широкие пространства социальной жизни, где суверен все больше и больше образует некий нерасторжимый симбиоз не только с юристом, но и с врачом, ученым, экспертом, священником»⁵⁴⁶. Что сущностно разделяет биополитические позиции Фуко и Агамбена, так это отношение к самому принципу бинарности. Лемке абсолютно точно улавливает, что для Фуко не может существовать оппозиции между *zoe* и *bios*, просто потому, что он не противопоставляет эти понятия. Биополитические основания, о которых говорит Агамбен, чужды Фуко, но в противопоставление ему абсолютно естественны для Шмитта. «Если Шмитт определяет суверенную власть через ее способность к установлению

⁵⁴³ *Lemke T. Biopolitics. An advanced introduction. New York, London, 2011. P. 59.*

⁵⁴⁴ *Ibid. P. 59.*

⁵⁴⁵ Курсив автора диссертационного исследования.

⁵⁴⁶ *Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М., 2011. С. 156.*

чрезвычайного положения, то Фуко интересуют нормальные условия, которые существуют помимо правовых механизмов и отчасти им вопреки. В то время, как Шмитта интересует процесс приостановки нормы, Фуко занимается производством нормальности»⁵⁴⁷. Агамбен остается верен позиции, согласно которой суверенная власть приравнивается к биовласти. Биовласть у Агамбена юридически работает по принципу «включение/исключение», никак не учитывая в своих практиках то, к чему был столь внимателен Фуко. С точки зрения Лемке, Агамбен «просто не понимает, что биополитика по существу является политической экономией жизни»⁵⁴⁸. Сведение биополитических механизмов к определению статуса жизни или ущемлению прав явно ограничивает поле современной биополитики⁵⁴⁹. В данном случае важно, что Лемке обращает внимание именно на современный ракурс биополитических исследований, на биополитику сегодняшнего дня и говорит о том, что сегодня исключение необязательно автоматически связано с формальным лишением политических прав.

Во многом вторая проблема, которую отмечает Лемке в рассуждениях Агамбена, связана с первой. Речь идет о «политизации природы» в смысле регулирования жизненных процессов благодаря развитию биотехнологий. Лемке справедливо соглашается с формулировкой о политизации природы, но отчаянно спорит в том, что «биополитика – это компетенция только государственного регулирования»⁵⁵⁰. Немецкий исследователь полагает, что такое искажение происходит потому, что Агамбен исходит лишь из опыта нацистской расовой политики. Биополитика, по мнению Лемке, – это отнюдь не всегда государство, это также область “автономных” субъектов, которые как сознательные пациенты, предприимчивые личности и ответственные родители должны требовать расширения своих биотехнологических

⁵⁴⁷ *Lemke T. Biopolitics. An advanced introduction. New York, London, 2011. P. 60.*

⁵⁴⁸ *Ibid. P. 60.*

⁵⁴⁹ *Ibid. P. 61.*

⁵⁵⁰ *Ibid.*

возможностей»⁵⁵¹. Здесь немецкий мыслитель опять же делает акцент на том, что необходимо исходить из условий сегодняшнего дня, который определяется качеством жизни как вопросом «индивидуальной полезности, личных предпочтений и подходящего распределения ресурсов»⁵⁵². Проблема, как считает Лемке, не в том, что «тело национализируется», а в том, что оно «коммерциализируется». То есть государство полностью уйдет из сфер, касающихся вопросов жизни населения, и эти вопросы окажутся уже в сфере научных и коммерческих интересов, всевозможных комитетов по этике, экспертного сообщества. Лемке выступает за обязательный анализ этого процесса как отдельной политической стратегии. Агамбен, действительно, обходит стороной эту сферу исследования, хотя говорит о важнейших актуальных примерах политико-правового регулирования проблем эвтаназии и трансплантологии, например. Лемке, в свою очередь, занимает позицию, которая является чрезвычайно популярной в поле современной биополитики⁵⁵³.

Наконец, последнее положение теории Агамбена, которое видится проблемным Лемке, – квазионтологический характер концепции биополитики. Под таким определением Лемке понимает то, что представление о жизни у Агамбена «остается статичным и внеисторическим»⁵⁵⁴. Возражение против позиции Агамбена основано на том, что понятие «жизнь» в древности имеет мало общего с современным понятием. Соответственно, положение Агамбена о неизменной биополитической природе власти не состоятельно. «Жизнь» идентифицируется как «самостоятельный принцип, действующий в своей

⁵⁵¹ *Lemke T.* Biopolitics. An advanced introduction. New York, London, 2011. P. 61.

⁵⁵² *Ibid.*

⁵⁵³ Об этом подробнее – в параграфах 4.2. и 4.3. последней главы настоящего исследования.

⁵⁵⁴ *Lemke T.* Biopolitics. An advanced introduction. New York, London, 2011. P. 62.

области знания со своими автономными законами»⁵⁵⁵ с момента появления современной биологии.

Критика со стороны Лемке видится безусловно состоятельной, но нельзя не заметить при этом, что немецкий исследователь, указывая на недостатки теории Агамбена, в процессе своего рассуждения, во-первых, практически всегда апеллирует к авторитету Фуко, во-вторых, уличает Агамбена в некоторой теоретической закостенелости, нежелании адаптировать свою теорию к изменяющейся реальности.

Любопытно, что сегодняшняя позиция Агамбена, похожая в большой степени на политический манифест, вызывает жаркую полемику в том числе в среде тех, кого можно назвать ближайшими коллегами и даже друзьями философа. Одним из ключевых аргументов против позиции итальянского мыслителя является то, что его теория просто не принимает в расчет современные реалии. В некотором смысле можно говорить о «парадоксе Агамбена», который заключается в том, что статус теории меняется в связи с нарушением ученым требования политической нейтральности. В ситуации сегодняшнего дня это видно особенно хорошо. И методологический инструментарий, и терминология («чрезвычайное положение», «голая жизнь», «лагерь»), которыми Агамбен пользуется, должны быть безусловно востребованы для теоретизации и оценки сегодняшней социально-политической действительности, но этого не происходит.

Весной 2020 года появляется ответ на манифест Агамбена, о котором речь шла выше. Ответ вышел в форме очень небольшого текста под названием «Вирусное исключение», а автором его оказался друг и коллега Агамбена Жан-Люк Нанси. Коротко говоря, Нанси убежден в том, Агамбен не прав, прежде всего потому, что руководствуется старыми методами для оценки новых реалий, ведь мы живем в мире, где связей (самого разного порядка) становится все больше и больше, они растут пропорционально

⁵⁵⁵ *Lemke T. Biopolitics. An advanced introduction. New York, London, 2011. P. 62.*

росту населения. Позиция Агамбена в таком случае угрожает гибелью целой цивилизации⁵⁵⁶.

За ответом Нанси последовал ответ итальянского коллеги Агамбена Роберто Эспозито под названием «Исцеленный до победного конца», который отмечает, что, будучи очень талантливым мыслителем, Нанси всегда «испытывал отвращение к парадигме биополитики»⁵⁵⁷. Однако сегодня каждый может наблюдать «развертывание биополитики: от вмешательства биотехнологий в области, когда-то считавшиеся естественными (рождение, смерть) до биологического терроризма... все современные политические конфликты имеют в своей основе отношения между политикой и жизнью»⁵⁵⁸. Вместе с тем нельзя буквально сопоставлять биополитическую теорию и происходящее в связи с пандемией COVID-19. Эспозито согласен, что параллели уместны, но не настолько, чтобы говорить о тотальной угрозе демократии. Да, на протяжении трех столетий медицина и политика были связаны настолько, что можно говорить о взаимном преобразении – медиализации политики и политизации медицины. Медиализованная политика, «освободившись от идеологических ограничений, больше уделяет времени минимизации рисков для населения, о которых, правда, настойчиво говорит». Политизированная медицина берет на себя функции социального контроля, чем и «объясняются столь разнородные оценки вирусологами природы коронавируса». Эти тенденции говорят о том, что политика изменилась. Но то, что происходило в Италии в начале пандемии, с точки зрения Эспозито, свидетельствовало, скорее, о разложении публичной власти, нежели о «тоталитарном сжатии».

⁵⁵⁶ Nancy J.-L. Viral exception // Viral intrusions and (other) friendships. URL: <https://johnpaulricco.com/2020/02/29/viral-intrusions-and-other-friendships/> (accessed: 13.08.2022).

⁵⁵⁷ Esposito R. Curati a oltranza // Antinomie. Scritture e immagini. URL: <https://antinomie.it/index.php/2020/02/28/curati-a-oltranza/> (accessed: 13.08.2022).
Английский перевод на странице: <https://positionspolitics.org/jean-luc-nancy-responds-to-giorgio-agamben-about-the-coronavirus/>

⁵⁵⁸ Ibid.

С одной стороны, теория Агамбена, представленная в форме политического манифеста, ожидаемо подвергается критике. С другой стороны, нельзя не заметить того, что в связи с критикой Агамбена как политического активиста, во-первых, возрастает интерес к биополитике как к направлению политической науки, а, во-вторых, – неизбежно актуализируются отдельные позиции собственно биополитической теории Агамбена. Это иллюстрирует ответ Роберто Эспозито. С точки зрения проявления политического активизма, позиция Эспозито кажется наиболее нейтральной, но при этом продуктивной в смысле развития эпистемологического потенциала биополитической теории. Таким образом, перед нами некоторый «особый случай» корреляции между научным исследованием и активизмом, когда политическая активность ученого через критическую полемику, разворачивающуюся вокруг его теории, дает возможности для новых теоретических поворотов в работе тех, кто совсем не обязательно придерживается жесткой политической позиции.

3.2. Ключевые понятия биополитической теории Роберто Эспозито

Роберто Эспозито – один из тех представителей итальянской традиции, кого цитируют не только в узкоспециальных публикациях, но к идеям которого обращаются исследователи, работающие в самых разных областях, – в философии, экономической теории, социальных и политических науках⁵⁵⁹. Это происходит, возможно, потому, именно в текстах Эспозито выражается дух итальянской биополитической традиции.

В самом начале настоящей главы речь шла о парадоксальности самого обозначения «итальянская биополитическая теория». В одной из рецензий на книгу Эспозито 2010 года под названием «Истоки и актуальность итальянской философии» автор, который настроен в целом весьма позитивно

⁵⁵⁹ Эспозито получил мировую известность благодаря, прежде всего, своим биополитическим исследованиям («Immunitas: защита и отрицание жизни», «Bios: биополитика и философия»), а также оригинальному подходу в осмыслении общественного порядка («Communitas: истоки и судьба сообщества»).

по отношению к новой работе итальянского мыслителя, говорит о том, что «Эспозито предлагает рассматривать эпитет «итальянский» не столько как отсылку к поздно обретенному единству нации, сколько как отсылку (с опорой на Делёза и Гваттари) к некоторой территории»⁵⁶⁰ и приводит ссылки на страницы книги, где очевидно демонстрируется слияние итальянской мысли с идеями Фуко, Делеза, Ницше, Хайдеггера. «К концу книги довольно много немецких и французских философов оказываются с этой точки зрения “итальянцами”»⁵⁶¹. Это справедливое замечание, но кажется, что его следует рассматривать, скорее, как доказательство специфики итальянской биополитической традиции, чем как повод для претензий в отсутствие самобытности. Тот факт, что идеи Эспозито во многом базируются на концепциях Фуко, Делеза, Нанси, не делает их вторичными. Пожалуй, в случае с Эспозито можно говорить о наибольшей степени оригинальности в разработке биополитической теории как теории комплексной.

Начать следует с того, что концепция биополитики у Эспозито – неотъемлемая часть итальянской философской традиции, основу которой составляет «жизнь» во всей полноте этого понятия. Эспозито говорит об этом постоянно, отнюдь не только в упомянутой выше работе, обращаясь к самим истокам итальянской политико-философской мысли. Итальянские мыслители – от Макиавелли, Бруно, Кампанеллы и Вико до Кроче и Грамши – были «сосредоточены на категории жизни в ее сложных связях с аспектами истории и политики ... Этот факт не мог не повлиять на разработку таких категорий, как “биоистория” и “биополитика”, которые, конечно, сложились благодаря Ницше и Фуко»⁵⁶². Но в течение долгого времени разработки Фуко оставались без должного внимания, и только благодаря итальянским

⁵⁶⁰ Дубилет А. Имманентность, конфликт и история: итальянская мысль Роберто Эспозито // Логос. №3 [99]. 2014. С. 289-294. С. 290.

⁵⁶¹ Там же.

⁵⁶² Campbell T., Luisetti F. On contemporary French and Italian political philosophy: an interview with Roberto Esposito // Minnesota Review. # 75. 2010. P. 109-118. P. 109.

исследователям получили развитие в мировом масштабе. Чтобы доказать этот тезис, Эспозито обращается к темам, которые являются ключевыми в биополитическом поле. «Если говорить о правах – человеческих или нечеловеческих, – то совершенно очевидно, что ни одна традиция, кроме итальянской, не имела в своей истории такого устойчивого диспозитива, как диспозитив римского права. Неслучайно, что некоторые из названий наиболее значимых текстов итальянских мыслителей – от “Империи” до “Homo Sacer”, от “Communitas” до “Третьего лица”⁵⁶³ – отсылают читателя к римской традиции. Так или иначе, но римское право обуславливает всю политико-правовую лексику Запада. В этом смысле итальянская традиция находится в привилегированном положении по отношению ко всем остальным»⁵⁶⁴. Надо сказать, что политологическая лексика самого Эспозито заслуживает отдельного внимания. Как минимум, представляется обязательным рассмотреть смысловое наполнение терминов, которые используются итальянским мыслителем при формировании его биополитической концепции.

В качестве первостепенного замечания можно обозначить взаимосвязь и взаимозависимость ключевых терминов в биополитической теории Эспозито «communitas» и «immunitas», «сообщества» и «иммунизации»⁵⁶⁵. Концептуализации каждого из этих понятий посвящена отдельная книга⁵⁶⁶, но в 2012 году вышла статья Эспозито под названием «Сообщество, иммунизация, биополитика», где он разъясняет корреляцию самих терминов, а также их значение для концепции биополитики⁵⁶⁷.

⁵⁶³ «Империя» - название работы М. Хардта и А. Негри, «Homo Sacer» - название цикла работ Дж. Агамбена, «Communitas» и «Третье лицо» - работы Р. Эспозито.

⁵⁶⁴ Campbell T., Luisetti F. On contemporary French and Italian political philosophy: an interview with Roberto Esposito // Minnesota Review. # 75. 2010. P. 109-118. P. 110.

⁵⁶⁵ Эспозито использует латинские слова в названиях. Это принципиально важно в этимологическом смысле для раскрытия понятий «сообщество» и «иммунизация».

⁵⁶⁶ См. ссылку на С. 27.

⁵⁶⁷ Esposito R. Community, immunity, biopolitics. URL: <https://quod.lib.umich.edu/p/pc/12322227.0003.001?view=text;rgn=main> (accessed:

Прежде всего, Эспозито заявляет, что значение каждого из терминов, вокруг которых строится его работа в последние годы, раскрывается во всей полноте только в семантической и концептуальной связке. Этот факт обусловлен последовательностью возникновения концепций сообщества (community)⁵⁶⁸ и биополитики в истории современной философской и политической мысли. В конце 80-х годов XX столетия во Франции и Италии развивается дискуссия о категории «сообщества». В рамках этой дискуссии понятие «сообщество» реконструируется под воздействием сначала органицистской социологии, затем теоретиков коммуникации и, наконец, американским неокommунитаризмом. Концепции «сообщества», сформулированные в рамках названных направлений, несмотря на явные отличия, имели общую черту: «сообщество» понималось как субстанция, способная связывать субъектов друг с другом, наделяя их общей идентичностью. Для определения сообщества была также важна категория «собственного», понимаемая либо как присвоение общего, либо как передача того, что принадлежит кому-то. В обоих случаях сообщество определялось взаимной принадлежностью. Члены сообщества, в конечном итоге, обладают «собственным», но при этом являются собственниками «общего». В ответ на этот парадокс появляются работы Жана-Люка Нанси «Непроизводимое сообщество», Мориса Бланшо «Неописуемое сообщество» и «Грядущее сообщество» Джорджо Агамбена. Эти работы похожи тем, что в них меняется смысл, вкладываемый в понятие «сообщество». «Сообщество» нельзя определять через собственность, которой обладают члены данного сообщества. Оно характеризуется конститутивной инаковостью. Это означает, что субъекты в сообществе объединены, скорее, благодаря различиям, нежели некой субстанцией или вещью. Сообщество есть нечто,

15.08.2022). Статья представляет собой своего рода пролегомены к работе «Bios: биополитика и философия».

⁵⁶⁸ Стоит отметить, что итальянское слово «comunita» и, соответственно, его английский аналог «community» имеют множество значений. Это и «общность», и «сообщество», и «община», и «жители коммуны» (то есть округа в итальянском городе).

что не может быть создано искусственно. Отсюда, собственно, название книги Нанси, подразумевающее невозможность производства в технологическом смысле. У Нанси сообщество – это множественное бытие. В этом смысле интересно наблюдение российского исследователя Е.А. Прохорова. Он пишет, что для Нанси «главное содержание понятия сообщества сводится, по сути, к приставке -со-. Она здесь понимается не как “одни с другими” и не означает просто “находиться рядом”»: -со- указывает на присутствие Другого. “Другой” – это место сообщества (communaute) как единения (communion), т. е. место бытия-себя-в-другом, который уже более не был бы чуждым, чья инаковость была бы идентификацией»⁵⁶⁹.

Эспозито, несомненно, видит перспективу именно в таком подходе, но считает, что проблема сообщества остается нерешенной. Рассмотрение «сообщества» вне ракурса субъективности делает связь этого понятия с понятием политического чрезвычайно проблематичным. С точки зрения Эспозито, трудно представить политику вне субъективности. В этом случае сообщество оказывается заведомо неполитическим⁵⁷⁰. После появления работ такого рода в научном дискурсе можно было наблюдать два направления рассуждений. Первое, имеющее политический уклон, но сводившееся к рассуждениям о малых родинах «земли и крови», второе – более плодотворное в теоретическом смысле, но непригодное для осмысления политики.

Эспозито уверен, что вся трудность заключается в том, что «аполитичность» сообщества Нанси и его последователей, заключается в том, что он смотрит на сообщество с точки зрения «cum», а не «minus»⁵⁷¹. Собственно, «секрет» Эспозито и его новаторский вклад в разработку

⁵⁶⁹ Прохоров Е.А. Концепт «сообщество» в современной социальной онтологии: Ж-Л. Нанси и Дж. Агамбен // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 2. С. 9-15. С. 10.

⁵⁷⁰ Esposito R. Community, immunity, biopolitics. URL: <https://quod.lib.umich.edu/p/pc/12322227.0003.001?view=text;rgn=main> (accessed: 15.08.2022).

⁵⁷¹ Ibid.

концепции сообщества (по его собственному мнению), заключается как раз в обращении к этимологии слова «сообщество», а именно, - к его латинским корням («*communitas*»), с целью сохранить политические коннотации этого понятия, не отказываясь, впрочем, от идей, которые предлагает, например, Нанси.

В фокусе внимания Эспозито, таким образом, оказывается корень «*tunus*». «*Munus*» – полисемантическое понятие, из значений которого Эспозито выбирает «закон» и «дар», а затем делает уточнение, что «*tunus*» следует трактовать как «закон безвозмездного дара». Это позволяет Эспозито «подчеркнуть семантику экспроприации, уже разработанную деконструктивистами»⁵⁷². То есть принадлежать к «*communitas*» в первоначальном смысле означает отказаться от самой драгоценной субстанции, то есть своей идентичности, в процессе открытия себя другому.

Стоит отметить, что эта позиция вызывает некоторые вопросы. В частности, об этом говорит Тимоти Кэмбелл, составитель одной из самых известных западных хрестоматий по биополитике, переводчик и издатель работ Эспозито, в статье «“*Bios*”, иммунитет, жизнь: мысль Роберто Эспозито»⁵⁷³. Кэмбелл видит проблему преимущественно в том, что «сообщество» (“*communitas*”) выглядит как образование, основанное на том, чего нет. Смысл существования сообщества заключается в том, что нечто ценное должно быть все время в состоянии передачи. То есть речь фактически идет о том, что член сообщества должен отдавать что-то, чего сам не имеет. Члены сообщества не могут и даже не должны оставлять «дар» себе. Но именно это производит эффект «пагубного воздействия взаимного донорства на индивидуальную идентичность», который в итоге приводит к

⁵⁷² *Esposito R. Community, immunity, biopolitics. URL: <https://quod.lib.umich.edu/p/pc/12322227.0003.001?view=text;rgn=main> (accessed: 15.08.2022).*

⁵⁷³ *Campbell T. “Bios”, immunity, life: the thought of Roberto Esposito // Diacritics. Vol. 36. # 2. P. 2-22.*

неспособности человека идентифицировать себя отдельно от сообщества⁵⁷⁴. Но понятие «*munus*», интерпретируемое именно так, как настаивает Эспозито, позволяет понять неразрывную связь сообщества и иммунизации.

Если «*communitas*» есть то, что связывает членов сообщества взаимным обязательством жертвовать, то «*immunitas*» есть то, что освобождает от этого обязательства. Сообщество относится к чему-то общему, открытому, а иммунитет (иммунизация) – к особенности ситуации, которая определяется «изъятием из общего состояния»⁵⁷⁵. Здесь Эспозито обращается к юридическому дискурсу и говорит о том, что парламентский или дипломатический иммунитет отлично иллюстрирует это важное для итальянского мыслителя значение слова, поскольку означает «не подпадать под юрисдикцию в отличие от остальных граждан» и, соответственно, «находится в ситуации исключительного (не распространяющегося на всех) права». Аналогичным образом характеризуется иммунитет в медицинском и биологическом смысле. Иммунизация естественная или искусственная подразумевает способность организма сопротивляться, благодаря наличию собственных антител. Совмещение юридического и медицинского смыслов дает Эспозито возможность сделать вывод о том, что, если сообщество обуславливает нарушение границ, защищающих идентичность индивида, то иммунитет отвечает за возможность сконструировать эти границы с целью защиты или нападения от угрожающего внешнего элемента. Этот принцип относится как к индивидуумам, так и к сообществам. Сообщество при этом рассматривается как имеющее иммунитет от любого чужеродного элемента, угрожающего ему извне. Отсюда происходит двойственность иммунитарной динамики [*dinamiche immunitarie*]. Когда уровень иммунизации переходит определенный порог (при том, что это необходимо для сохранения нашей жизни), сама жизнь попадает в своего рода «клетку», где мы в конце концов

⁵⁷⁴ *Campbell T.* “Bios”, immunity, life: the thought of Roberto Esposito // *Diacritics*. Vol. 36. # 2. P. 2-22.

⁵⁷⁵ *Ibid.*

теряем не только свободу, но смысл существования. То есть мы теряем существование в смысле способности открываться внешнему, а эта открытость и называется «*communitas*»⁵⁷⁶.

Возвращаясь к недостатку концепции Эспозито, о котором говорит Кэмпбелл, стоит сказать, что, исходя из рассуждений Эспозито, приведенных выше, этот недостаток должен преодолеваться. Собственно, Кэмпбелл об этом также пишет. Иммуниет ассоциируется со средствами, благодаря которым индивид защищается от экспроприирующих механизмов сообщества, поскольку препятствует контакту с тем, кто эти риски несет. Под риском, кстати, подразумевается потеря индивидуальной идентичности⁵⁷⁷. В итоге границы, отделяющие собственное от общественного реконструируются, когда происходит «замена частных или индивидуалистических моделей на коммунитарные формы организации»⁵⁷⁸. Иммуниет, таким образом, означает «не быть внутри общего и не иметь общего»⁵⁷⁹. Кэмпбэлл подчеркивает, что категория иммуниета у Эспозито предполагает сообщество, но одновременно отрицает его. Логичным кажется вывод Эспозито: «чтобы выжить сообщество должно интроецировать негативность собственной противоположности, даже если эта противоположность остается контрастирующим и недостающим модусом самого сообщества»⁵⁸⁰. Кэмпбелл говорит о том, что именно эта интроекция негативности или, иными словами, иммуниет и формирует основу прочтения биополитики у Эспозито. Эспозито будет настаивать, что идея современного субъекта, который наслаждается обладанием своих гражданских и политических прав, являет собой попытку получить иммуниет от «заражения сообществом». Именно эта попытка

⁵⁷⁶ *Esposito R. Community, immunity, biopolitics.* URL: <https://quod.lib.umich.edu/p/pc/12322227.0003.001?view=text;rgn=main> (accessed: 15.08.2022).

⁵⁷⁷ *Esposito R. Bios: biopolitics and philosophy.* Minneapolis, London, 2008. P. 47.

⁵⁷⁸ *Ibid.*

⁵⁷⁹ *Ibid.* P. 48.

⁵⁸⁰ *Ibid.* P. 47.

иммунизировать индивида от общего заканчивается тем, что сообщество рискует оказаться в процессе аутоиммунизации⁵⁸¹.

Фактически Эспозито обращается к идее Жака Деррида⁵⁸². Проводя аналогию с аутоиммунным заболеванием, когда иммунная система оборачивает собственную силу против тела, которое защищает. Этот случай не является типичным. Обычно иммунная система работает в целях защиты. Сбой же вызван исключительным усилением механизма защиты. «Подобным образом работает и политическое тело, когда барьеры, защищающие от внешнего, создают большие риски, чем те, от которых они должны защищать»⁵⁸³. Жизнь реальных сообществ демонстрирует, по мнению Эспозито, чрезмерную потребность в защите, которая в итоге создает прямо противоположный эффект – эффект опасности. Здесь сложно не заметить параллелей с идеями Фуко, продолженными, в частности, Жижекком, о том, что биовласть занята производством страха, который вызван распространением дискурса опасности. Однако особый интерес представляет сопоставление точек зрения Эспозито и Деррида, который изначально использует терминологию, которую берет на вооружение итальянский мыслитель для обоснования собственной биополитической концепции.

⁵⁸¹ *Campbell T.* “Bios”, immunity, life: the thought of Roberto Esposito // *Diacritics*. Vol. 36. # 2. P. 4-5.

⁵⁸² *Derrida J.* Autoimmunity: real and symbolic suicide: a dialogue with Jacques Derrida. Giovanna Borradori. *Philosophy in a time of terror: dialogues with Jurgen Habermas and Jacques Derrida*. Chicago, London, 2004. P. 85–136. Деррида говорит о том, что после 11 сентября 2001 года мир перешел в некоторое аутоиммунное состояние. Политическим символом этого состояния является терроризм, а причиной – смена мирового порядка. Окончание Холодной войны ознаменовало начало аутоиммунизации, поскольку исчезла идея сопротивления внешнему врагу и у США, и у Советского Союза.

⁵⁸³ *Esposito R.* Community, immunity, biopolitics. URL: <https://quod.lib.umich.edu/p/pc/12322227.0003.001?view=text;rgn=main> (accessed: 15.08.2022). Здесь Эспозито следует за Деррида. Эта идея очень похожа на идею о парадоксе суверенитета, высказанную Деррида. Французский философ говорит о том, что суверенитет дает свободу и одновременно ограничивает ее [*Derrida J.* Autoimmunity: real and symbolic suicide: a dialogue with Jacques Derrida. Giovanna Borradori. *Philosophy in a time of terror: dialogues with Jurgen Habermas and Jacques Derrida*. Chicago, London, 2004. С. 124.].

Деррида начинает разговор об «аутоиммунном» состоянии современного мира с замечания о том, что аутоиммунизация – «это странное поведение, когда живое существо в квазисуицидальной форме, разрушает собственный иммунитет в попытках иммунизироваться»⁵⁸⁴. 11 сентября 2001 года, являющееся отправной точкой интервью, в котором Деррида говорит об аутоиммунизации как о суицидальном синдроме, является не календарной датой, определяющей отдельное трагическое историческое событие, но точкой, в которой сходятся для французского философа глобализация, демократия и террор. «11 сентября» вбирает в себя противоречия, апории современного мира, и напоминает о неизбежности того, что Деррида называет «извращенной иммунизацией» или аутоиммунизацией⁵⁸⁵. Подобно тому, как аутоиммунное заболевание разрушает систему организма, возникая как отдельный очаг, аутоиммунизация в социально-политическом смысле есть явление глобальное. Деррида подчеркивает, что Соединенные Штаты «не единственная цель, возможно, даже не центральная или не конечная цель операции, с которой связано имя “бен Ладен”»⁵⁸⁶, цель – весь мир. «Террор состоял, на самом деле, не только в разрушении Башен-близнецов или атаке на Пентагон, он представлял собой даже нечто большее, чем уничтожение тысяч людей. Террор начался с демонстрации и эксплуатации образа террора жертвой этого террора»⁵⁸⁷. Эта жертва (США, а также любой, кто поддерживает США или любым образом связан с ними) обнажала мощь террора, демонстрируя возможности борьбы с ним. И это тоже признак аутоиммунного извращения. Собственно, все, что мы наблюдаем в социально-политическом поле после 11 сентября 2001 года – это, с точки зрения Деррида, нездоровые формы существования, «аутоиммунные состояния». Мир обречен на существование в «аутоиммунной логике», которая составит основу

⁵⁸⁴ *Derrida J.* Autoimmunity: real and symbolic suicide: a dialogue with Jacques Derrida. Giovanna Borradori. Philosophy in a time of terror: dialogues with Jurgen Habermas and Jacques Derrida. Chicago, London, 2004. P. 94.

⁵⁸⁵ *Ibid.* P. 121.

⁵⁸⁶ *Ibid.* P. 111.

⁵⁸⁷ *Ibid.* P. 108-109.

жизни не каждого отдельного государства, но мира. Доводом-иллюстрацией служит Деррида та форма, которую приобрела демократия сегодня. Можно утверждать, что демократия, если не запустила, то активизировала процесс аутоиммунизации мира. Демократия дала возможность «силам, которые силы не имеют, найти средства, чтобы завладеть американским оружием, в американском городе на территории американского аэропорта. Эти иммигранты, обученные и подготовленные в Соединенных Штатах, символизируют собой два самоубийства в одном: свое собственное (и оно всегда остается беззащитным перед лицом суицидальной, аутоиммунной агрессии) и самоубийство тех, кто их обучал и вооружал»⁵⁸⁸.

Кэмпбелл, сравнивая концепции Деррида и Эспозито, подчеркивает, что для Деррида понятие аутоиммунизации связано с двумя взаимосвязанными темами: первая – «извращенность демократии», вторая – «суицидальный аутоиммунный кризис»⁵⁸⁹.

Собственно, слово «извращенный», которое Деррида, действительно, довольно часто использует, в данном случае обозначает не только «неправильную», «аутоиммунную» форму, но нечто парадоксальное. Полностью реализованная идея демократия может оказаться не нужной тем, кто, казалось, должен был бы ее желать, – народу.

В работе «Разбойники», вспоминая о событиях в Алжире 90-х годов XX столетия, Деррида говорит о «самоубийственном» характере демократии: «...приостановка избирательного процесса в Алжире, возможно, является типическим событием, характерным для всех покушений на демократию, осуществляющихся во имя демократии. Алжирское правительство и значительная, хотя и не преобладающая, часть алжирского народа (и даже

⁵⁸⁸ *Derrida J.* Autoimmunity: real and symbolic suicide: a dialogue with Jacques Derrida. Giovanna Borradori. Philosophy in a time of terror: dialogues with Jurgen Habermas and Jacques Derrida. Chicago, London, 2004. P. 95.

⁵⁸⁹ *Campbell T.* "Bios", immunity, life: the thought of Roberto Esposito // *Diacritics*. Vol. 36. 2016. # 2. P. 9.

иностранцев, живущих в Алжире) считали, что приведенный в действие избирательный процесс вполне демократическим образом положил бы конец демократии. Поэтому они предпочли сделать это сами. Они суверенным образом приняли решение приостановить, по крайней мере на время, демократию *во имя ее собственного блага*, чтобы позаботиться о ней, чтобы предохранить ее от худшей и более вероятной агрессии... Демократия всегда была предрасположена к самоубийству, и если у нее и есть какое-то будущее, то только при условии иного осмысления жизни и жизненной силы»⁵⁹⁰. Если говорить о возможности демократии в интерпретации Деррида, то только в модальности будущего времени, даже в модальности «желаемого грядущего»⁵⁹¹.

Кэмпбелл полагает, что анализ апории иммунитет/сообщество у Эспозито во многом похож на анализ, представленный в работах Деррида, посвященных проблеме аутоиммунизации современного мира. Однако существенным отличием видится отказ Эспозито от идеи суицидальности. Пример с демократией ярко иллюстрирует эту неизбежность «самоубийства», но эта же идея пронизывает концепцию Деррида в целом. Причина, по мнению Кэмпбелла, в объекте, на котором сфокусировано внимание Деррида, когда он подробно говорит об аутоиммунизации мира. Речь идет о политике США, которые всегда желали иметь роль «блюстителей мирового порядка»⁵⁹². Пока агрессия США будет продолжаться, будет продолжаться и аутоиммунизация мирового организма.

Эспозито высказывается о демократии в контексте «*communitas/immunitas*» в ином ключе. В большом интервью Тимоти Кэмпбеллу и Федерико Луизетти 2010 года Эспозито отвечает на вопрос о том

⁵⁹⁰ Деррида Ж. Разбойники // НЛО. № 2. 2005. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/2/razbojniki.html> (дата обращения: 18.08.2022).

⁵⁹¹ Derrida J. Autoimmunity: real and symbolic suicide: a dialogue with Jacques Derrida. Giovanna Borradori. Philosophy in a time of terror: dialogues with Jurgen Habermas and Jacques Derrida. Chicago, London. 2004. P. 120.

⁵⁹² Campbell T. "Bios", immunity, life: the thought of Roberto Esposito // Diacritics. Vol. 36. 2016. # 2. P. 11.

«может ли существовать демократия без сообщества, а сообщество без демократии»⁵⁹³. Итальянский мыслитель говорит о том, что сообщество и демократия – понятия, безусловно, одного тематического поля, но они не идентичны. «Сообщество» - понятие, служащее для обозначения «общего характера существования», «демократия» - установленный политический режим⁵⁹⁴. Однако этот режим в интерпретации Эспозито называется «принципиально имунитарным». Это означает, что главный пункт на повестке дня в современных западных демократиях – это безопасность, в форме, нацеленной на противостояние опасному и экспроприативному «*communitas*». Но «требование защиты, которое объединяет все западные демократии, скорее, приводит к тому, что смысл великого слова «демократия» обесценивается, превращаясь в свою противоположность, как это уже случилось с идеей свободы, которая редуцировалась до неолиберального смысла»⁵⁹⁵. В отличие от Деррида, который подчеркивает «обреченность» демократии, Эспозито вполне допускает, что демократия жизнеспособна и человечество не должно возвращаться к «тому, что предшествовало демократии»⁵⁹⁶. Но «новая демократия» должна представлять собой глубокую переработку классической идеи демократии, а в ее основе должна быть жизнь, «которая сегодня составляет единственный фронт легитимации политики»⁵⁹⁷. Фактически речь должна идти о «биодемократии» или «биополитической демократии».

Если обратиться к Деррида, то перед нами возникнет опять же частный случай: концепция аутоиммунизации нераздельно связана с концепцией демократии. Но французский философ концентрируется конкретно на этой связке, исходит из нее. Эспозито же, говоря о демократии (об опасностях,

⁵⁹³ *Campbell T., Luisetti F.* On contemporary French and Italian political philosophy: an interview with Roberto Esposito // *Minnesota Review*. # 75. 2010. P. 114.

⁵⁹⁴ *Ibid.*

⁵⁹⁵ *Ibid.*

⁵⁹⁶ *Ibid.* P. 115.

⁵⁹⁷ *Ibid.*

которые таит в себе демократия с точки зрения запуска «аутоиммунных процессов»), на самом деле, говорит об отношениях между демократией и биополитикой. «Исторические и концептуальные рамки, в которых родилась современная демократия, характеризующаяся категориями суверенитета, равенства и свободы, сильно изменились»⁵⁹⁸. Эспозито отмечает несколько знаковых дат, которые послужили для изменения прежних представлений о демократии: 1968 год, 1971 год и 1972 год. В 1968 году «впервые ставятся вопросы о “роде”, понимаемом как “половое различие”, и о “поколении”, определяемом как “совокупность лиц, имеющая отличные от предыдущего поколения характеристики”. В 1971 году в США впервые была произведена генетическая модификация животного. В 1972 году состоялась первая всемирная конференция по вопросам окружающей среды, когда экология стала политическим вопросом первого порядка. Таким образом жизнь человека, жизнь рода, жизнь планеты занимали все больше места на политической сцене. Но «сцена» не была к этому готова»⁵⁹⁹. Эспозито видит основную проблему современной демократии в том, что ее лексикон (прежний язык, язык классической демократии) просто не может отразить сегодняшнюю реальность. «Как можно принять демократический язык формального равенства, если сейчас все большее значение имеют этнические, половые и религиозные различия между людьми, определяющиеся главным образом характеристиками их тел, крови, пола, возраста, состояния здоровья?»⁶⁰⁰ В такой ситуации необходимо учитывать не только принцип равенства, но «те различия и противопоставления, на которых концепция демократии собственно основана, – общественное и частное, искусство и природа, право и теология»⁶⁰¹. Кажется, что Эспозито, исходит в том числе и из этих предпосылок, когда поднимает тему

⁵⁹⁸ *Campbell T., Luisetti F.* On contemporary French and Italian political philosophy: an interview with Roberto Esposito // *Minnesota Review*. # 75. 2010. P. 115.

⁵⁹⁹ *Ibid.*

⁶⁰⁰ *Ibid.*

⁶⁰¹ *Ibid.*

иммунизации/аутоиммуннизации. Конечно, ему важно подчеркнуть, как именно работает аутоиммунный механизм на примере демократии (тем более, что благодаря Деррида, почва видится весьма подготовленной), но при этом для него крайне важно подчеркнуть разницу между иммунитетом и аутоиммунной реакцией, основываясь на идее сохранения «здоровья» сообщества. Возможность аутоиммунной реакции никогда нельзя исключать в силу специфики функционирования связки «сообщество»/ «иммунитет», но эта возможность сопоставима с возможностями защиты и точно над ними не превалирует.

Эспозито постоянно подчеркивает эту двойственность иммунитета. «То, что защищает тело – индивидуальное, общественное или политическое – это то, что одновременно препятствует его развитию»⁶⁰². Эспозито, как и Агамбен, ссылается на идею Вальтера Беньямина о том, что превышение дозы иммунизации представляет собой приношение в жертву живущих, то есть каждой отдельной жизни, чтобы соблюсти простую логику выживания. В этом и проявляется редукция жизни к голой биологической основе⁶⁰³. Но такой подход явно противоречит опорной корреляции Эспозито, которая состоит в том, что «иммунитарный диспозитив» представляет собой одновременно и защитный, и наступательный «синдром» нашего времени, «сообщество» выступает как форма сопротивления переизбытку иммунизации, которая бесконечно захватывает нас. «Если иммунизация – процесс, связанный с огораживанием, нацеленным на остановку коммуникации одних с другими, то сообщество представляет собой даже не большой круг, который их объемлет, но средство открытия границ, их стирания, смешивания опыта, принадлежащего разным людям освобождения от навязчивой идеи о безопасности»⁶⁰⁴. Опираясь на эту корреляцию, Эспозито делает вывод о том, что политика сегодня не может быть ничем,

⁶⁰² *Campbell T., Luisetti F. On contemporary French and Italian political philosophy: an interview with Roberto Esposito // Minnesota Review. # 75. 2010. P. 115.*

⁶⁰³ *Ibid.*

⁶⁰⁴ *Ibid.*

кроме как формой биополитики. Когда «иммунитет» трактуется как междисциплинарное понятие, находящееся одновременно и в поле права, и в поле биологии, между медицинской процедурой и юридической защитой, то очевидно, что политика, детерминируемая этим понятием, будет находиться в прямой связи с биологической жизнью.

Понять сущность отношений между понятием биополитики с одной стороны и находящимися в диалектической связи понятиями сообщества и иммунитета с другой можно исходя из не слишком продолжительной истории биополитической парадигмы. Эспозито не ставит своей целью реконструировать эту историю, но подчеркивает наличие антиномии, которая является определяющей для становления биополитической парадигмы. С точки зрения Эспозито, антиномия эта состоит в «недостаточной артикуляции» двух полюсов, составляющих термин «биополитика». Эспозито, несомненно, досконально владеющий материалом, о котором говорит, настаивает на том, что *bios* и *polis* «мыслились отдельно и только потом соотносились друг с другом»⁶⁰⁵. Такой подход означает, что либо жизнь «захватывается» политикой и объектом политики оказывается «голая жизнь», либо «политика рискует раствориться в ритме жизни»⁶⁰⁶. Понятно, что в первом случае биовласть сливается с суверенной властью (это очень ярко иллюстрирует концепция Агамбена, которая была рассмотрена выше). Во втором случае режим просто перестает быть режимом в политологическом смысле.

Эспозито обращается к Фуко и говорит, что философ никогда не выбирал между этими крайними вариантами, говоря о биополитике. В этом состоит ценность фукольдианской теории, с точки зрения Эспозито, но в этом же обнаруживается и ее недостаток. Итальянский мыслитель

⁶⁰⁵ *Esposito R. Community, immunity, biopolitics.* URL: <https://quod.lib.umich.edu/p/pc/12322227.0003.001?view=text;rgn=main> (accessed: 15.08.2022).

⁶⁰⁶ *Ibid.*

утверждает, что благодаря «парадигме иммунизации» удастся найти недостающее звено теории Фуко. Биолого-юридическое основание парадигмы, которую обосновывает Эспозито, позволяет нащупать точку пересечения между сферой жизни и сферой политики⁶⁰⁷. Эспозито убежден, что теория иммунизации позволит рассматривать две крайние интерпретации биополитики как части единого целого. «Иммунитарный диспозитив» с его позитивными и негативными характеристиками, охранительным и деструктивным характером дает эту возможность. Негативный смысл, который вкладывают в понятие биополитики не есть результат того, что власть подчиняет себе жизнь, но, скорее, результат противоречия, которое возникает, когда жизнь пытается защитить себя от опасностей, которым подвергается извне, в ущерб себе же.

Эспозито полагает, что эта двойственность, такая очевидная, благодаря теории иммунизации, позволяет более полно раскрыть понятие биополитики. Точкой отсчета Эспозито считает вопрос о специфике биополитики, точнее о том, существует ли эта специфика как таковая, ведь политика всегда имела дело с жизнью, в том числе в биологическом смысле. Надо отметить, что Эспозито отчетливее всех, кто задавался этим вопросом в методологическом смысле, формулирует его. «Можно ли считать аграрную политику Древнего Рима или использование тел рабов в древних империях формами биополитики? И если мы утвердительно отвечаем на этот вопрос, то чем они, в сущности, отличаются от того, что определяется термином биополитика сегодня? Возможно, биополитика возникает вместе с современностью, как считал Фуко? Или же это явление имеет более глубокую генеалогию?»⁶⁰⁸ Эспозито уверен, что на эти вопросы можно отвечать по-разному. Если рассматривать любую политику с точки зрения ее живой материи, то она может трактоваться как биополитика. Однако именно «иммунитарная

⁶⁰⁷ *Esposito R. Community, immunity, biopolitics.* URL: <https://quod.lib.umich.edu/p/pc/12322227.0003.001?view=text;rgn=main> (accessed: 15.08.2022).

⁶⁰⁸ Ibid.

характеристика» является определяющей, во-первых, для современного биополитического всплеска, во-вторых, для танатополитического поворота, если мы обращаемся к тоталитарным режимам. С точки зрения итальянского мыслителя, использование принципов теории иммунизации позволяет установить связь между современностью и биополитикой, а идея аутоиммунизации – определить точку расхождения между современной биополитикой и нацистской танатополитикой⁶⁰⁹. Дальнейшие рассуждения Эспозито поражают своей похожестью на рассуждения Фуко о природе нацизма. Более того, Эспозито даже акцентирует внимание на тех же фактах, что и Фуко, но использует собственную специфическую лексику. Эспозито говорит о том, что в определенный момент идея о расовой защите немецкого народа превратилась в идею самоуничтожения (когда поражение оказалось неизбежным). Для итальянского мыслителя это иллюстрация того, как «иммунитарный синдром приобрел аутоиммунный оттенок, а биополитика совпала с танатополитикой»⁶¹⁰. В продолжении рассуждений Эспозито также неизменно просматривается Фуко. Конец нацизма не означает конца биополитики, которая прочно укоренена в современном политическом сообществе. Она заменяет собой прежние идеологии, присутствуя во всех областях внутренней и международной политики. Если отвечать на вопрос, почему это происходит, то и здесь возникнет тень Фуко. Эспозито уверен, что распространение биовласти связано все с более заметным отсутствием различия между публичным и частным. «От сферы здравоохранения до сферы биотехнологий, от сферы этнических вопросов до сферы экологических, единственным источником политической легитимности сегодня оказывается сохранение и продолжение жизни»⁶¹¹. Именно в этом

⁶⁰⁹ *Esposito R. Community, immunity, biopolitics.* URL: <https://quod.lib.umich.edu/p/pc/12322227.0003.001?view=text;rgn=main> (accessed: 15.08.2022).

⁶¹⁰ Ibid.

⁶¹¹ Ibid.

контексте возникает необходимость того, что Эспозито называет аффирмативной биополитикой⁶¹².

Аффирмативная биополитика у Эспозито предполагает, что жизнь – не объект, а в «некотором смысле субъект политики»⁶¹³. Совершенно очевидно, что аффирмативная биополитика есть некая совершенная форма биополитики, которая преодолела все негативные формы, включая самую крайнюю степень негативного проявления – танатополитику. Путь к этому биополитическому идеалу Эспозито достаточно подробно описывает. Для итальянского мыслителя первым шагом к воплощению аффирмативной биополитики является иное понимание связи между ограничениями и потребностями, между расширением рынка и защитой нуждающихся. Этот шаг требует конструирования новых связей между национальной и международной политикой, между партиями и политическими движениями, индивидуальными и коллективными субъектами, то есть действий в рамках диалектики *communitas/immunitas*⁶¹⁴. Здесь Эспозито делает неожиданное уточнение, говоря, что речь идет о «переворачивании отношений власти» между сообществом и иммунитетом. Итальянский мыслитель предлагает рассматривать функцию «иммунной системы», понимаемую в социально-политическом смысле, как фильтр во взаимодействии между внешним и внутренним, но не как нечто, служащее для выстраивания барьера. Для этого, по мнению Эспозито, необходимо «деактивировать негативную иммунизацию» и «активизировать расширение пространств сообщества»⁶¹⁵. Здесь Эспозито, кажется, максимально ясно демонстрирует, как работает механизм иммунизации. «Негативная иммунизация» - это ненормальный

⁶¹² Эспозито использует термин «affirmative biopolitics». Слово «affirmative» имеет значения «позитивный», «утверждающий», «положительный». Каждое из этих значений может распространяться на явление, которое Эспозито называет «аффирмативной политикой». Буквально речь идет о политике, утверждающей и поддерживающей жизнь.

⁶¹³ Ibid.

⁶¹⁴ Ibid.

⁶¹⁵ *Esposito R. Community, immunity, biopolitics.* URL: <https://quod.lib.umich.edu/p/pc/12322227.0003.001?view=text;rgn=main> (accessed: 15.08.2022).

рост контроля и, соответственно, подчинения. Выражается она в установлении «разделительных барьеров» в самом широком смысле: эти барьеры блокируют циркуляцию идей, языков, информации. В практическом смысле это проявляется в механизмах биометрического контроля, видеонаблюдении, прослушивании телефонных разговоров, отслеживании Интернет-активности. Власть мотивирует эти действия обеспечением защиты каждого члена общества и общества в целом. Но защита означает тотальный контроль. Станным в этой связи кажется обращение Эспозито к работам Фуко лишь с целью отметить, что «субъективация, придающая смысл нашим практикам, всегда проходит через форму подчинения, так что выход из подчинения влечет за собой эффект де-субъективации»⁶¹⁶. Безусловно, Фуко подчеркивал наличие этого противоречия, но, кажется, вместе с тем, что Эспозито вообще реконструирует идею дисциплинарного общества Фуко, используя авторскую терминологию и примеры из социально-политической жизни начала XXI века. Однако итальянскому мыслителю удастся (во многом благодаря реально существующим практикам) продолжить идеи Фуко, делая акцент на глубинном диалектическом характере современной биополитики. Это, в частности, иллюстрирует пример с отказом от использования Интернета, означающим сегодня одновременно и уход из-под контроля, и информационную изоляцию⁶¹⁷.

Для Эспозито важно преодолеть эту «негативную иммунизацию», но его размышления на эту тему выглядят не слишком убедительно. Например, следует заранее различать «системы, которые облегчают наш коллективный и индивидуальный опыт, и те, которые уменьшают жизненную силу» или «сохранить зоны, которые будут вне коммуникационного пространства»⁶¹⁸. С этими суждениями трудно не согласиться, но разъяснений о способах

⁶¹⁶ *Esposito R. Community, immunity, biopolitics.* URL: <https://quod.lib.umich.edu/p/pc/12322227.0003.001?view=text;rgn=main> (accessed: 15.08.2022).

⁶¹⁷ Ibid.

⁶¹⁸ Ibid.

достижения цели нет не только в расширенном пояснении к книге «Bios», но и в самой работе.

Говоря о расширении пространства жизни для сообщества, Эспозито обращается к понятию «общий» и отмечает, что оно определяется, исходя из трех противоположностей, – концепций «собственного», «частного» и «иммунного». Каждое из этих понятий противопоставляется понятию общего, обозначая разные формы присвоения, приватизации и иммунизации. Это три способа растворения социальной связи, но прежде – идеи «общего блага», становящейся все менее заметной в глобализующемся мире.

Сегодня не только философы, но и юристы реконструируют понятие «общее благо», которое связано и с противоположным понятием личного блага, и с синонимичным понятием общественного блага. Право как таковое возникло в Риме как частное право и исторически утверждало в законодательной форме присвоение вещей теми, кто самовольно провозглашал себя собственниками⁶¹⁹. Эта история была государством в смысле присвоения благ. Таким образом, пространства общего, которое не принадлежит ни индивидам, ни государству, становилось все меньше. Оно превращалось в зону юридической неразрешимости, зону «ничьей вещи» [res nullius]. В момент, когда заработал «иммунитарный механизм», это «убежище» для общего стало еще меньше под воздействием собственного, частного, государственного. Иммунитет укрепил не только частные границы, но и пришел в сферу государственного. Суверенитет, согласно формулировке Эспозито, «фактически оказался первым и фундаментальным иммунитарным диспозитивом вместе с превентивно иммунизированными категориями собственности и свободы»⁶²⁰. Эспозито снова идет за Фуко и говорит, что на исходе Нового времени эти категории оказались в непосредственном

⁶¹⁹ *Esposito R. Community, immunity, biopolitics.* URL: <https://quod.lib.umich.edu/p/pc/12322227.0003.001?view=text;rgn=main> (accessed: 15.08.2022).

⁶²⁰ *Ibid.* Здесь Эспозито фактически повторяет идею Деррида «о парадоксе суверенитета», но опять же используя «авторский язык».

контакте с биологической жизнью, а вопрос общего блага (блага всех и никого) стал еще более значимым. Приватизация ресурсов окружающей среды – земли, воды, – городских пространств, интеллектуальных ресурсов – пространств информации и коммуникации – привела фактически к нивелированию понятия общего блага в социально-политическом дискурсе. Эспозито говорит о том, что Локк и Гроций уже отчетливо заявляют о том, что «надо делить мир, данный всем Богом, который никому не дан, на то, что принадлежит собственникам и на то, что принадлежит государству»⁶²¹. Опираясь на этот тезис, Эспозито делает вывод, что понятие «*demanio*» [государственная собственность] было дополняющим, а не противоположным частной собственности. Такого рода превращение из частного в государственное вместе с тем, что мы обычно называем «глобализацией», постепенно переплетается с феноменом, противоположным приватизации общественного так, что даже сама возможность чего-то похожего на общее благо исчерпывается или даже исключается. «Это становится еще более актуальным, когда при сегодняшнем биополитическом повороте каждый вид блага – материального или интеллектуального, телесного или технологического – начинает прямо или косвенно относиться к сфере биологической жизни, включая в нее интеллектуальные и языковые ресурсы (символические и воображаемые), потребности и желания»⁶²².

Борьба за установление порядка, который Эспозито называет «аффирмативной политикой», должна вестись, исходя из оснований, представленных выше. Она должна начаться с «разжимания клещей» общего и частного, которые угрожают раздавить общее в попытке расширить его пространство. Эспозито считает хорошим знаком конфликт, развернувшийся вокруг проекта приватизации воды, или дискуссию об эксклюзивных

⁶²¹ *Esposito R. Community, immunity, biopolitics.* URL: <https://quod.lib.umich.edu/p/pc/12322227.0003.001?view=text;rgn=main> (accessed: 15.08.2022).

⁶²² Ibid.

патентах, принадлежащих фармацевтическим компаниям, которые препятствуют распространению дешевых лекарств в беднейшие страны⁶²³.

Итальянский мыслитель предостерегает в то же время от ошибок, которые можно совершить на пути к реализации принципов аффирмативной политики. Нельзя, например, смешивать общее благо с благом, относящимся к суверенитету государства, или другой структуре, регулируемой принципом деления на государственное и частное. Он также осознает проблему, связанную с тем, что сегодня не существует юридических законов, защищающих общее, а не частное. Более того, нет даже языка, который позволил бы говорить о чем-либо как об общем. «Общее не есть общественное, диалектически противоположное частному или глобальное, которое соотносится с локальным. Общее есть нечто в значительной степени неизвестное и даже сопротивляющееся тому, чтобы быть определенным через категории, которые долгое время удерживались всеобщим иммунитетным диспозитивом. Здесь должна сыграть роль аффирмативная политика (политика, где жизнь выступает субъектом, а не объектом). Ведь в рамках аффирмативной политики появляется возможность мыслить об общем и мыслить общее»⁶²⁴.

Несомненно, концепция биополитики Эспозито заслуживает внимания, как минимум, потому что итальянский мыслитель щедро дополняет понятийный аппарат современной биополитики, последовательно и подробно объясняя, как и почему необходимо совмещать понятия естественно-научного и социально-политического языка. Концепция отличается также особым обращением с текстами своих предшественников и современников. В этом смысле его можно уверенно назвать «историком биополитики». О

⁶²³ *Esposito R. Community, immunity, biopolitics.* URL: <https://quod.lib.umich.edu/p/pc/12322227.0003.001?view=text;rgn=main> (accessed: 15.08.2022).

⁶²⁴ *Ibid.*

вкладе, который внес Эспозито в разработку поля современной биополитики, хорошо говорит Тимоти Кэмпбелл.

Прежде всего, Кэмпбэлл замечает, что одно из ключевых понятий теории Эспозито – «иммунизация» – имеет достаточно длительную историю. Среди авторов, которые развивали тему иммунитета в социально-политическом смысле, он называет Никласа Лумана, Донну Харауэй, Жана Бодрийяра⁶²⁵, отмечая при этом, что постепенно «парадигма иммунитета» сменяется «парадигмой аутоиммунитета». Разумеется, Кэмпбелл не забывает о Деррида и его рассуждениях об изменении социально-политического порядка после 11 сентября. Говоря о втором понятии, важном для понимания биополитической концепции Эспозито, «сообщество», Кэмпбелл уделяет особое внимание «конкурирующему понятию» биополитики, возникающему в работах Антонио Негри и Майкла Хардта, в частности, в тексте «Множество: война и демократия в эпоху империи»⁶²⁶. Здесь необходимо сказать несколько слов об этой альтернативной позиции в восприятии Кэмпбелла.

Как продолжатели идей Маркса, Хардт и Негри отталкиваются от понятия производства, определяя биополитику. «...Доминирующая форма современного производства, господствующая над остальными, производит «нематериальные блага», такие как идеи, знания, способы связи и взаимоотношения. При таком нематериальном труде производство переходит границы экономики в традиционном понимании и напрямую затрагивает культуру, общество и политику. В этом случае производятся не просто товары в вещественном смысле, а социальные взаимоотношения и жизненные формы как таковые. Мы называем такой тип производства

⁶²⁵ Работы Лумана и Харауэй относятся к середине 80-х годов XX столетия, Бодрийяра – к началу 90-х.

⁶²⁶ *Campbell T.* “Bios”, immunity, life: the thought of Roberto Esposito // *Diacritics*. Vol. 36. #. 2. P. 3.

“биополитикой”»⁶²⁷. Идея о том, что биополитика есть некий режим создания условий жизни в сущности очень напоминает идею Фуко. Хардт и Негри настаивают на использовании термина «производство» при определении биополитики, но имеют в виду то, что это производство материальных и нематериальных продуктов, которые необходимы для жизни, что дает возможность авторам «Множества...» разделить биополитику и биовласть, чего, как было показано выше, Фуко не делал. И биовласть, и биополитическое производство «затрагивают жизнь людей во всем ее многообразии», но происходит это по-разному: «биовласть возвышается над социумом как суверенная сила, превосходящая всякое бытие и навязывающая ему свой порядок. Биополитическое производство, напротив, присуще самому обществу. Оно порождает новые социальные отношения и формы благодаря сотрудничеству в труде. Биополитическое производство даст пищу нашему исследованию демократии, которое до сих пор оставалось слишком формальным. С его помощью будет выявлена и та социальная основа, на которой сегодня можно начинать реализацию проекта множества»⁶²⁸. Здесь важно подчеркнуть, что «проект множества» у Хардта и Негри имеет своей целью трансформацию социально-политического порядка и в идеале – освобождение в самом широком смысле (освобождение тех, кто в этом нуждается). Так вот биополитика оказывается основанием этого освобождения, фактически выполняя ту же функцию, что и аффирмативная политика в терминологии Эспозито. «Множество», в свою очередь, представляет собой понятие, необходимое для функционирования биополитики как в концептуальном смысле, так и применительно к реальным условиям современного мира в описании Хардта и Негри.

Первое, что делают Хардт и Негри для разъяснения концепции «множества», они противопоставляют это понятие понятию «народ». Главное отличие состоит в том, что множество «не является внутренне единым, а

⁶²⁷ Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2006. С. 125.

⁶²⁸ Там же. С. 125.

сохраняет плюралистичность и разнообразие», в отличие от народа, где «социальные различия синтезируются или сокращаются до состояния единообразия»⁶²⁹. Характеристика идентичности, такая важная для понятия народа позволяет ему выступать в качестве суверенной власти, а «множество для подобной роли не годится», потому что «оно состоит из собрания личностей — под каждой из них мы подразумеваем социального субъекта, чья оригинальность не может быть сведена к чертам сходства и отличает его от других»⁶³⁰. При этом «множество» не фрагментировано, не анархично, внутренне связано, в отличие, например, от толпы или массы, которые обладают прямо противоположными характеристиками. «Множество - внутренне разнообразный, сложный социальный субъект, строение и деятельность которого базируются не на идентичности или единстве (и тем более не на отсутствии различий), а на том, что в нем есть общего»⁶³¹. Далее Хардт и Негри говорят о том, что метафора политического организма оказывается применимой к суверенному, национальному государству, но не к политической форме нового типа. «Множество - это не политический организм, в котором кто-то один командует, а остальные подчиняются его приказам. Скорее, это самоуправляемая живая плоть»⁶³². «Живая плоть», кажется, если не аналогом *bios* у Эспозито, то чем-то очень похожим. Только множество, действуя как живая плоть может реализовать идею демократии в полном смысле (как управление каждого каждым).

Итак, множество действует как живая целостность, благодаря «общему». «Общее» возникает в процессе биополитического производства. «Условия производства и воспроизводства социальной жизни множества ... разворачиваются в постоянных столкновениях, общении и сцеплениях разных тел. Парадоксальным образом, общее возникает на обоих концах биополитического производства: это и его конечный продукт, и исходное

⁶²⁹ Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2006. С. 129.

⁶³⁰ Там же.

⁶³¹ Там же. С. 130.

⁶³² Там же. С. 130.

условие. Общее является одновременно и естественным, и искусственным; это наша первая, вторая, третья и так далее натура»⁶³³. Множество обладает биополитической природой. Личность формируется во множестве, поскольку коммуникация имеет всеобщий характер. «Нет и такого производства, которое не было бы одновременно сотрудничеством, основанным на общности. ... Множество представляет собой разрозненный набор личностей, порождающий общую жизнь; это своего рода социальная плоть, организующая саму себя в качестве нового общественного тела. Именно этим фактом и определяется биополитика»⁶³⁴. Множество, по определению, есть там, где есть общее (например, коммуникация как неотъемлемая часть человеческого существования), а общее является продуктом деятельности множества. Данный вывод кажется логичным, исходя из рассуждений Хардта и Негри, но не слишком убедительным. Общее рождается в общении, а общение есть человеческая необходимость, – тезис, тривиальный и точно требующий конкретизации.

Необходимость общаться, как и желание стать частью множества не означает возможности осуществить эти намерения. «Множество» – субстанция достаточно требовательная к своим составляющим. Демократия как цель существования «проекта множества» требует, как минимум, активной деятельности личностей, составляющих множество. Именно эту активность «следует считать матрицей свободы и множественности»⁶³⁵. Демократия становится, таким образом, не идеалом «власти народа», а идеалом «власти множества». «Матрица свободы», по Хардту и Негри и, соответственно, силы для созидания множества обнаруживается в самой сегодняшней ситуации. Социально-политический кризис, в котором оказалось мировое сообщество в начале XXI века просто не оставляет выбора человеку, поскольку в некотором смысле срабатывает инстинкт

⁶³³ Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2006. С. 420.

⁶³⁴ Там же. С. 421.

⁶³⁵ Там же.

самосохранения. Последние страницы «Множества...» выглядят в связи с этим как откровенный манифест: «Вопреки постоянной угрозе насилия и войны, несмотря на то, что планета и политические системы на ней больны, нетерпеливая жажда свободы и демократии еще никогда столь широко не распространялась по всему миру. ...Готовы бесконечные списки жалоб на нынешний глобальный порядок, причем претензии выдвигаются не только против бедности и голода и не только против политического и экономического неравенства и несправедливости, но и против загнивания жизни во всех смыслах. <...> Каждому признаку загнивания власти и каждому кризису демократического представительства, на всех уровнях мировой иерархии, противостоит демократическая воля к власти. Наш мир гнева и любви – это реальный фундамент, на который опирается конституирующая сила множества»⁶³⁶. За манифестом теряется то, что, кажется, могло бы получить дальнейшее развитие и, возможно, дало бы основание для продуктивного сопоставления с концепцией Эспозито.

Множество – новая форма социально-политической организации, которая должна прийти на смену суверенитету. Эта форма самовоспроизводится, находясь в режиме биополитики (в режиме воспроизводства всевозможных условий, необходимых для жизни). В собственно политическом смысле это означает, что осуществится переход от *res-publica* к *res-communis*. Для этого Хардт и Негри предлагают заменить понятия «общего» или «публичного» интереса понятиями, которые бы отражали допущение «общего участия в регулировании соответствующих благ и услуг»⁶³⁷ и надеются, что биополитический режим станет опорой для трансформации публичного интереса к общему интересу личностей, составляющих множество. «Другими словами, общий интерес есть такой обобщенный интерес, который не переходит в абстрактную форму под контролем государства. Он возвращается к личностям, которые

⁶³⁶ Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2006. С. 273.

⁶³⁷ Там же. С. 256.

сотрудничают в общественном, биополитическом производстве: это публичный интерес, который находится не в руках у бюрократии, а демократично достигается множеством»⁶³⁸.

Возвращаясь к комментариям Т. Кэмпбэлла, стоит сказать, что он видит ряд параллелей в концепциях Эспозито, Хардта и Негри. В частности, говорит о категории «плоти», которая становится одним из оснований парадигмы биополитики. В качестве же наиболее существенного различия, которое отмечает Кэмпбелл, стоит назвать негативный характер биополитики у Хардта и Негри. «Множеству» Хардта и Негри никак не удастся избежать того, что Эспозито называет «загадкой биополитики», а именно, биополитической идеи, согласно которой «жизнь укрепляется смертью»⁶³⁹. Это утверждение, разумеется, логично, поскольку Хардт и Негри исходят из предпосылки о том, что мир сегодня находится в состоянии войны, войны особой, не похожей на войну как на вооруженный конфликт или, точнее, на вооруженный конфликт национальных государств. «Война становится всеобщим феноменом, глобальным по масштабу и бесконечным. Сегодня по всему миру вспыхивают бесчисленные вооруженные конфликты... Такие конфликты, вероятно, точнее всего воспринимать как случаи не войны вообще, а войны гражданской»⁶⁴⁰. Эта другая война состоит из множества войн, но все они связаны между собой, в них нет места претензиям на суверенитет, но есть место борьбе за «относительное преобладание в рамках иерархий на самом высоком и самом низком уровнях глобальной системы»⁶⁴¹.

Не обходится текст Хардта и Негри без упоминания 11 сентября, которое, по их мнению, «принципиально не изменило» состояние мира, но

⁶³⁸ Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2006. С. 256.

⁶³⁹ Campbell T. "Bios", immunity, life: the thought of Roberto Esposito // *Diacritics*. Vol. 36. #. 2. P. 3.

⁶⁴⁰ Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2006. С. 13.

⁶⁴¹ Там же. С. 14.

заставило «нас признать его всеобщий характер»⁶⁴². Здесь аналогия, проводимая Кэмпбеллом между Хардтом, Негри и Агамбеном, когда он говорит о принципиальных отличиях концепции Эспозито становится совершенно ясной. В сущности, Хардт и Негри продолжают идею Агамбена, лежащую не только в основе концепции чрезвычайного положения, но и в основе «гражданской войны как политической парадигмы»⁶⁴³ современности.

3.3. «Война» и «выживание» как категории биополитики⁶⁴⁴

Теме «новой» гражданской войны как одной из принципиально важных в поле биополитики Агамбен уделяет особое внимание. Нельзя не отметить при этом, что он активно ссылается на мысли, возникшие в работах Ханны Арендт и Карла Шмитта. В сборнике «Stasis. Гражданская война как политическая парадигма», в котором представлены тексты двух семинаров о гражданской войне, проведенных Агамбеном в университете Принстона в октябре 2001 года, а также «Заметка о войне, игре и враге» 2018 года, автор говорит о том, что «понятие мировой гражданской войны было введено в 1963 году одновременно Ханной Арендт в ее книге «О революции»... и Карлом Шмиттом в его «Теории партизана», посвященной фигуре, которая знаменует собой конец концепции войны *Jus publicum Europaeum*, основанной на возможности четкого различения военных и гражданских, врагов и преступников»⁶⁴⁵. Нужно добавить к этому замечанию, что именно в работах этих немецких мыслителей тема войны обретает биополитический характер. Особенно отчетливо это проявляется в текстах Арендт.

⁶⁴² Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2006. С. 14.

⁶⁴³ Агамбен Дж. Stasis. Гражданская война как политическая парадигма. М., 2021.

⁶⁴⁴ При написании данного параграфа диссертации использованы результаты научных работ, выполненных автором лично и опубликованных ранее: Аласания К.Ю. Выживание как биополитическая концепция // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2020. № 6. С. 35-46; Аласания К.Ю. Режим выживания как новая парадигма биополитики (Эдгар Ийяс. «Режим выживания. Глобальная война и политическое») // Актуальные проблемы прогнозирования социально-политической динамики. Сборник трудов межфакультетских научных семинаров. М., 2022. С. 157-163.

⁶⁴⁵ Агамбен Дж. Stasis. Гражданская война как политическая парадигма. М., 2021. С. 7-9.

Как известно, анализ Арендт строится на сопоставлении войны и революции, на корреляциях, существующих между этими явлениями. Она отмечает, что связь между войной и революцией является очевидной, поскольку войны за освобождение либо «предшествуют и сопутствуют» революции, как в случае с Американской революцией, либо революции ведут к «освободительным войнам», как в случае с Французской революцией⁶⁴⁶. Но история XX века, по мнению Арендт, свидетельствует о возможности еще одной корреляции, «когда ожесточение войны служит как бы прелюдией к кульминации насилия и революции» или же, наоборот, «когда мировая война становится следствием революции, своего рода гражданской войной, охватившей всю землю»⁶⁴⁷. Вторая мировая война представляет собой самый яркий пример такого рода связи между войной и революцией, но предпосылки для возникновения этого явления складывались в период между Первой и Второй мировыми войнами. «Семена понятия о тотальной войне проросли не раньше, чем произошла Первая мировая война, во время которой различие между военным и гражданским населением уже не бралось в расчет, поскольку было несовместимо с применением новых видов оружия»⁶⁴⁸. Первым важнейшим признаком тотальной войны становится отсутствие деления на военных и гражданских не потому, что это «война без правил», а потому, что она предполагает неспособность армии выполнять функцию защиты населения⁶⁴⁹. Арендт объясняет этот факт отчасти использованием совершенно другого военного арсенала (биологического оружия, например), а отчасти изменением военной стратегии в самом широком смысле: «стратегия сдерживания фактически низвела роль военных – из защитников они превратились в мстителей, действия которых, как

⁶⁴⁶ Арендт Х. О революции. М., 2011. С. 13.

⁶⁴⁷ Там же. С. 14. Именно на этот отрывок из текста Арендт ссылается Агамбен, когда говорит о появлении понятия «мировой гражданской войны».

⁶⁴⁸ Там же. С. 10.

⁶⁴⁹ Благодаря этому признаку можно объяснить определение «гражданская» в интерпретациях войны нового типа.

правило, запаздывают и в целом малоэффективны»⁶⁵⁰. Вторым признаком, фиксирующим особенность нового типа войны также связан с последствиями Первой мировой. Арндт утверждает, что после Первой мировой стало очевидно, что «ни одно правительство, ни одно государство и ни одна форма правления не обладают достаточной прочностью, чтобы пережить поражение в войне»⁶⁵¹. Арндт говорит о том, что войны стали «делом жизни и смерти» в политическом смысле до возникновения ядерной угрозы. После того, как появилась ядерная угроза, в полную силу проявилась биологическая сущность войны. Вместе с тем опасность ядерной войны сделала очевидным еще один признак войны тотальной – политику сдерживания. Война нового типа «имеет своей целью избежание войны, нежели победу в ней, несмотря на все военные приготовления»⁶⁵².

Арндт отмечает, что идея о мире как цели войны известна со времен Аристотеля. Новизна заключается в том, что «избежание войны является не столько действительной или мнимой целью глобальной политики, сколько направляющим принципом самих военных приготовлений»⁶⁵³. Тотальная война – война парадоксальная, поскольку главной задачей политиков применительно к этому новому типу войны является ее недопущение, задачей военных – подготовка такого оружия, которое никогда не будет использоваться. Гонка вооружений превратилась в демонстрацию разрушительной силы совершенного оружия, собственно война – в демонстрацию войны. Действительно, демонстрации оказываются вполне достаточно ввиду того, что «за годы после Хиросимы наши технические успехи в разработке средств уничтожения быстро достигли такого уровня, когда все нетехнические факторы боевых действий, такие как боевой дух войск, стратегия, общая компетенция и даже случайность, перестали играть какую бы то ни было роль, так что результаты войны с большой точностью

⁶⁵⁰ Арндт Х. О революции. М., 2011. С. 10.

⁶⁵¹ Там же. С.10-11.

⁶⁵² Там же. С. 12.

⁶⁵³ Там же. С. 12.

могут быть определены заранее»⁶⁵⁴. Иными словами, в понимании Арендт, очевидность гибели всего живого в случае с войной нового типа делает политику биополитикой. В свою очередь, меняются и политические цели, и политические средства. Если попробовать определить вектор этих изменений, то он будет направлен от материального к нематериальному, от реального к символическому⁶⁵⁵.

Агамбен, несомненно, опирается на тезисы Арендт, рассуждая о «мировой гражданской войне», но расширяет их за счет спора со Шмиттом, который, в свою очередь, полемизирует с идеей Йохана Хёйзинги в стремлении дать определение понятию «тотальной войны». Хёйзинга, как известно, рассматривает «человеческое общество *sub specie ludi* (под знаком игры)»⁶⁵⁶. Особого внимания заслуживает понятие «агон» (“*agōn*”)⁶⁵⁷, о котором Хёйзинга пишет, что оно «несет в себе все формальные признаки игры и в том, что касается его функции, несомненно оказывается в рамках праздника, то есть в сфере игры»⁶⁵⁸. Эта «агональность» (игра, скрытая в понятии войны) заставляет пересматривать привычные разделения на политическое, правовое, религиозное.

Агональная модель явно импонирует Агамбену – он последовательно доказывает, что привязка агональной модели ко временам античности не является состоятельной, что эта модель «никогда полностью не забывалась», поскольку конфликтующие стороны вовсе не обязательно стремятся

⁶⁵⁴ Арендт Х. О революции. М., 2011. С. 13.

⁶⁵⁵ Идея Арендт, лежащая в основе представленного вывода, кажется очень продуктивной. Фактически прямым ее продолжением станут рассуждения Жана Бодрийера о символическом, симулятивном характере войны сегодня. Эта война, а точнее, цели и средства ее ведения оказываются у Бодрийера квинтэссенцией современной политики (об этом подробнее см. эссе Бодрийера «Войны в Заливе не было» и «Дух терроризма»). В более общем смысле идея игры вписывается в парадигму осмысления современного состояния мира (об этом – в параграфе 1 главы 4 настоящего исследования).

⁶⁵⁶ Агамбен Дж. *Stasis*. Гражданская война как политическая парадигма. М., 2021. С. 109.

⁶⁵⁷ Агон – борьба, состязание, соревнование.

⁶⁵⁸ Хёйзинга Й. Человек играющий. Опыт определения игрового элемента культуры. СПб., 2011. С. 62.

уничтожить противника. Целью может быть как раз демонстрация превосходства, о которой в несколько иной форме говорит Арндт. Отсюда происходит критика Агамбеном позиции Шмитта с его определением политического «через вражду и войну». Это определение, с точки зрения Агамбена, оказывается противоречивым, «поскольку в действительности оно нацелено на то, чтобы исключить другое, более древнее понимание войны»⁶⁵⁹. Иными словами, Шмитт не приемлет «несерьезности» применительно к войне⁶⁶⁰. Очевидно, Агамбен видит проблему в том, что агональная модель «забылась» с течением времени, хотя не развивает эту тему. Он просто констатирует, что сегодняшние конфликты развиваются отнюдь не по «агональным правилам»: «враг считается преступником или бесчеловечным существом»⁶⁶¹. Во многом именно наличием этой проблемы обусловлено превращение биополитики в танатополитику в интерпретации итальянского мыслителя.

«Форма, которую гражданская война приняла в мировой истории сегодня»⁶⁶² является, пожалуй, парадоксальным сочетанием «серьезности» и «агональности». Ведь речь идет о терроризме. Терроризм, в свою очередь, определяется как явление, возникающее, когда жизнь как таковая оказывается ставкой в политике⁶⁶³. Терроризм трактуется Агамбеном не просто как политическое явление или противоправные, антигуманные действия, но как некоторое постоянное состояние мира. «Игра» в данном случае обретает прямо противоположный смысл, не связанный со значением «праздник», но не утрачивает значения соревновательности. Это своего рода игра с призраком, постоянно присутствующим ощущением страха. Собственно, именно терроризм – «это “мировая гражданская война”, время

⁶⁵⁹ Агамбен Дж. Stasis. Гражданская война как политическая парадигма. М., 2021. С. 126.

⁶⁶⁰ Агамбен ссылается на книгу Шмитта 1956 года о Гамлете или Гекубе, где Шмитт «решительно утверждает, что игра подразумевает отрицание серьезности». [Агамбен Дж. Stasis. Гражданская война как политическая парадигма. М., 2021. С. 112].

⁶⁶¹ Агамбен Дж. Stasis. Гражданская война как политическая парадигма. М., 2021. С. 126.

⁶⁶² Там же.

⁶⁶³ Там же.

от времени поражающая ту или иную зону планетарного пространства. Неслучайно, что “террор” совпал с моментом, когда жизнь как таковая – нация, то есть рождение – стало принципом суверенитета. Таким образом, единственная форма, в которой жизнь как таковая может быть политизирована, – это, безусловная выставленность смерти, то есть голая жизнь»⁶⁶⁴.

С положением о том, что терроризм есть выражение всемирной войны как современного состояния спорят Хардт и Негри, утверждая, что «концепция терроризма не дает ... прочной теоретической или политической опоры для нынешнего глобального состояния войны»⁶⁶⁵ в силу расплывчатости смысла самого понятия. Если в начале XX века терроризм был так называемой «пропагандой действием»⁶⁶⁶, то современный смысл термин «терроризм» приобрел недавно⁶⁶⁷. «Терроризм стал политической концепцией (концепцией войны или, фактически, гражданской войны), которая имеет касательство к трем разным явлениям, иногда рассматриваемым по отдельности, а в других случаях смешанным вместе: (1) мятежу или восстанию против законного правительства; (2) применению правительством политического насилия в нарушение прав человека (в том числе, как некоторые считают, и прав собственности); и (3) практике ведения войны в нарушение соответствующих правил, включая нападения на гражданское население»⁶⁶⁸. Именно эта полисемия приводит к проблеме. Здесь Хардт и Негри фактически повторяют Фуко, хотя его языком не пользуются. Авторы «Множества...» полагают, что под такого рода определения можно подвести практически любое понятие⁶⁶⁹. Все, в

⁶⁶⁴ Агамбен Дж. *Stasis*. Гражданская война как политическая парадигма. М., 2021. С. 126.

⁶⁶⁵ Хардт М., Негри А. *Множество: война и демократия в эпоху империи*. М., 2006. С. 30.

⁶⁶⁶ Здесь Хардт и Негри вспоминают лишь про анархистов, устраивавших политические акции в России, Испании и Франции, но понятно, что и явление террора, и термин, наделенный соответствующим смыслом, имеет более длительную историю.

⁶⁶⁷ Хардт М., Негри А. *Множество: война и демократия в эпоху империи*. М., 2006. С. 30.

⁶⁶⁸ Там же. С. 30.

⁶⁶⁹ Там же. С. 29-30.

сущности, зависит от того, *кто* определяет нечто как имеющее отношение к терроризму⁶⁷⁰. В этой точке парадоксальным образом пересекаются понятия терроризма, глобальной войны и справедливой войны. Хардт и Негри с некоторой иронией отмечают, что сегодня мы имеем дело с тем, что в XVII веке определялось девизом «*Cujus regio, ejus religio*» («Кто правит, тот и определяет религию»)⁶⁷¹. Это, безусловно, очень мощный девиз с точки зрения политической семантики. Тот, кто правит, заведомо справедлив, и при этом активен в смысле продвижения собственной «правильной» веры. Разумеется, «правильная» вера подразумевает наличие веры «неправильной», с которой необходимо бороться. «Позиционирование врага на стороне порока приводит к тому, что враг и борьба с ним абсолютизируются, то есть выводятся за рамки политики – зло есть враг всего человечества»⁶⁷². Хардт и Негри отмечают следующую закономерность: война с терроризмом и/или справедливая война, помимо очевидно глобального (в самом широком смысле) посыла, подразумевает определенную внутривнутриполитическую стратегию, неизбежно включающую в себя «социальный контроль, близкий к тотальному»⁶⁷³. Стратегия эта возможна только в государстве особого типа, точнее, в государстве, которое находится в некоторой переходной форме. Авторы «Множества...» ссылаются, в частности, на работы американского социолога Лоика Вакана и говорят о том, что трансформация в данном случае заключается в переходе от государства благосостояния к государству в состоянии войны, а общество при этом можно назвать «обществом с нулевой терпимостью»⁶⁷⁴. Государство в переходном состоянии характеризуется тем, что общество чувствует ущемления свобод, что провоцирует постоянные волнения («проявления постоянной социальной

⁶⁷⁰ Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2006. С. 29-30.

⁶⁷¹ Там же. С. 29.

⁶⁷² Там же.

⁶⁷³ Там же.

⁶⁷⁴ Там же. С. 31.

борьбы»⁶⁷⁵). Функция власти при этом заключается в постоянной нейтрализации внутренних конфликтов за счет внешнего врага (или образа внешнего врага). Здесь авторы вполне логично ссылаются на Фуко с его утверждением о том, что «выполняемая политической властью функция по общественному умиротворению предполагает постоянное воспроизводство данного фундаментального соотношения сил в ходе своего рода тайной войны, причем воспроизведение его в общественных институтах, в системах поддержания экономического неравенства и даже в сферах личных и интимных взаимоотношений»⁶⁷⁶. Именно этот тип войны не просто связан, по Хардту и Негри с биовластью, но «оборачивается режимом биовласти, то есть такой формой правления, которая нацелена как на обеспечение контроля над населением, так и на производство и воспроизводство всех сторон общественной жизни»⁶⁷⁷.

Здесь Хардт и Негри в сущности повторяют тезис Агамбена о чрезвычайном положении, которое становится правилом. Глобальная война несет смерть хотя бы потому, что смерть – понятие, сопряженное с понятием войны, но парадоксальным образом она порождает жизнь⁶⁷⁸. «Последнее не означает, что война цивилизовалась или что она уже не столь жестока. Скорее, повседневная жизнь и нормальное отправление властных функций теперь пронизаны угрозой и ожесточением, присущими военному конфликту»⁶⁷⁹. Хардт и Негри настаивают на том, что знаменитая формула Клаузвица должна быть абсолютизирована⁶⁸⁰: «война становится основным принципом организации общественной жизни, а политика - лишь одним из ее инструментов или воплощений. В таком случае то, что напоминает

⁶⁷⁵ Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2006. С. 31.

⁶⁷⁶ Там же. С. 25.

⁶⁷⁷ Там же.

⁶⁷⁸ Там же.

⁶⁷⁹ Там же.

⁶⁸⁰ Там же.

гражданский мир, на деле всего лишь кладет конец одной разновидности войны, чтобы дать развернуться следующей»⁶⁸¹.

По замечанию американского исследователя испанского происхождения Эдгара Ийяса, Хардт и Негри последовательно развивают идею о том, что «глобализация превратила войну в постоянные социальные отношения и стерла традиционное различие между политикой и войной»⁶⁸². Вместе с тем Ийяс справедливо указывает на противоречие концепции глобальной войны у Хардта и Негри. С одной стороны, они связывают происхождение глобальной войны с переходом от современной войны к войне биополитической. Речь в данном случае идет о том, что в XX веке появился новый тип биополитического контроля «над населением и телами через государственные аппараты»⁶⁸³. Говоря об этом Ийяс, очевидно, имеет в виду идею Хардта и Негри о технологизации смерти, символами кульминации которой стали Освенцим и Херосима. Именно тогда стало возможно говорить о том, что социальная жизнь оказалась под полным биополитическим контролем. С другой стороны, авторы «Множества...» говорят о том, что войны XX века и глобальная война отличаются по самой своей сути. Так, начиная с войны в Персидском заливе 1991 года, человечество имеет дело с войной как «проектом по созданию нового мирового порядка». Таким образом, «биополитическая война» – война деструктивная, а «глобальная война» обладает свойством созидательности. Ийяс пишет, что «глобальная война конструктивна в той мере, в какой она постоянно переопределяет пространства глобализации и перестраивает

⁶⁸¹ Агамбен Дж. Stasis. Гражданская война как политическая парадигма. М., 2021. С. 24.

⁶⁸² Illas E. Survival, or, the war logic of global capitalism. A talk at Stanford University on March 3, 2015. URL: <https://arcade.stanford.edu/content/survival-or-war-logic-global-capitalism> (accessed: 28.08.2022).

⁶⁸³ Ibid.

распределение суверенной власти»⁶⁸⁴. Этот комментарий совершенно четко отсылает к концепции итальянского политического мыслителя Карло Галли.

В одной из самых своих известных работ «Политические пространства и глобальная война» Галли развивает концепцию глобальной войны, преодолевая то противоречие, о котором говорит Ийяс. Галли утверждает, что глобальная война, символическое начало которой было положено 11 сентября 2001 года, рождает новый тип конфликтов⁶⁸⁵. Война отныне не привязана к суверенитету государства, насилие имеет тенденцию к проявлению в форме терроризма, постоянной борьбы, предупреждающих действий, хронических угроз самого разного толка – от социальных до биологических. Естественным образом конфликты глобальной войны продолжают связывать с национальными государствами, но, на самом деле, их причины и эффекты охватывают множество территорий, населяющих их людей, управляющих ими властей. Глобальная война не исключает, между тем, наличия межгосударственных (явных) конфликтов (конфликты в Сирии, Израиле и Палестине) и внутригосударственных конфликтов, возникающих в результате сопротивления государственной власти (миграционная политика, национальная политика отдельно взятого государства). Принцип глобальной войны подразумевает, что каждый единичный конфликт вписан в глобальный порядок, и это становится основанием для непрекращающегося кризиса суверенной власти. Собственно, это и есть причина постоянной нестабильности.

Несмотря на то, что позицию Галли трудно назвать новаторской (в тексте названной работы присутствует довольно большое количество и явных, и скрытых аллюзий на концепции, которые были описаны выше), итальянский мыслитель представляет любопытный ракурс рассмотрения

⁶⁸⁴ *Illas E.* Survival, or, the war logic of global capitalism. A talk at Stanford University on March 3, 2015. URL: <https://arcade.stanford.edu/content/survival-or-war-logic-global-capitalism> (accessed: 28.08.2022).

⁶⁸⁵ *Galli C.* Political spaces and Global war. Minneapolis, 2010.

мира, находящегося в состоянии глобальной войны. Условно его можно назвать «пространственным».

Глобализация изменила реальное политическое пространство, но вместе с тем и восприятие пространства в политической науке. Однако глобализация является своего рода экстремальным ответом на политические катаклизмы XX века. В некотором смысле процесс политического управления в эпоху глобализации есть не что иное, как кризис-менеджмент (здесь вновь очевидна незначительно модифицированная идея Фуко). Соответственно, конфигурации политических пространств, возникшие как результат глобализации, по определению не могут быть стабильными. Но в то же время именно эта нестабильность заставляет переопределять не только новые политические контуры мира, но и само понятие политического. Таким образом, глобализация как кризисное состояние неизбежно связано с появлением новых парадигм, к которым относится парадигма глобальной войны. В рамках этой парадигмы Галли рассматривает государство как основное понятие политического.

Галли говорит о том, что «основной политической структурой новой истории в целом (и отчасти современной эпохи) являлось национальное государство», которое «удерживало первенство над религиозными институтами, империями, формами феодального правления, вольными городами и тоталитарными режимами», но установление этой структуры происходило парадоксальным образом «через революции или аналогичные им процессы»⁶⁸⁶. Описывая утверждение государства как доминирующей политической структуры через революции, Галли обращается к тому же принципу, что и Хардт и Негри («*Cujus regio, ejus religio*»), и говорит: этот процесс был сопряжен со смещением «эпицентра повседневной жизни от

⁶⁸⁶ Галли К. Национальное государство в глобальную эпоху // Россия в глобальной политике. 2009. № 5. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/naczionalnoe-gosudarstvo-v-globalnuyu-epohu/> (дата обращения: 27.08.2022).

религии к политике»⁶⁸⁷. В интерпретации Галли «концепция *cujus regio* выражает в территориальном смысле главенство политического подхода, культивируемого древнеримским правом и рационалистическим мировоззрением Нового времени, хотя и совершенно иными методами»⁶⁸⁸.

Государство стало обладать автономностью в создании правовой и административной системы. Следующей революцией (и в буквальном и в фигуральном смысле) стала Великая Французская революция. Государство стало «парламентским национальным государством»⁶⁸⁹. Для Галли это обозначает, что «социальное и политическое неравенство, повсеместно распространенное в национальных государствах *ancien régime*, и, как следствие, бюрократическая неэффективность компенсировались концепциями «гражданина мира» и всеобщего равенства, борьбой против привилегий и готовностью граждан следовать только законам, созданным в результате особых процедур, принятым национальным законодательным органом, состоящим из народных представителей»⁶⁹⁰. Однако, парламентское государство должно было пережить еще одну революцию⁶⁹¹. Галли называет ее «идеологической»⁶⁹². Необходимость этой революции была связана с «поиском средств содержательной интеграции рабочего класса, провокационного по своей природе, в государственный аппарат»⁶⁹³. Именно с этого момента понятия конфликта входит «в концепцию гражданства». Механизм в данном случае очевиден: понятия нации, а позже и класса начинают прочно коррелировать с понятием партии и, соответственно, получают институциональное воплощение. Принятие политических решений, таким образом, отныне исходило из самого понятия столкновения

⁶⁸⁷ Галли К. Национальное государство в глобальную эпоху // Россия в глобальной политике. 2009. № 5. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/nacziionalnoe-gosudarstvo-v-globalnuyu-epohu/> (дата обращения: 27.08.2022).

⁶⁸⁸ Там же.

⁶⁸⁹ Там же.

⁶⁹⁰ Там же.

⁶⁹¹ Там же.

⁶⁹² Там же.

⁶⁹³ Там же.

интересов, иначе не соответствовало бы сущности национального государства. Соответственно, следующей революцией, утвердивший внутренний конфликт в качестве конституирующего компонента национального государства, становится, с точки зрения Галли, большевистская революция. Фашизм, последовавший за революцией большевиков, представлял собой также революционную форму, позволившую максимально отразить конфликтность государства как политического образования.

Логика рассуждений Галли о государстве заслуживает внимания по ряду причин. В самом общем виде можно охарактеризовать эту концепцию развития государства как некое совмещение идей Шмитта, Фуко и Арендт. У Ханны Арендт, кажется, заимствуется идея рассмотрения истории государства сквозь призму революции (при том, что фокус внимания мыслителей очевидно отличен)⁶⁹⁴, влияние Фуко трудно не заметить в методологическом смысле (Галли не использует терминологию Фуко, но явно итальянскому мыслителю близок фукольдианский генеалогический подход и порядок рассуждений), сочинения Шмитта видятся концептуальной основой как таковой для выстраивания политической концепции Галли⁶⁹⁵.

Конфликт, который организует политическое пространство, то есть делает любое пространство политическим, – абсолютно шмиттовская идея. Но Галли при этом часто именуют «нешмиттовым шмиттологом» (“non schmittian schmittiologist”)⁶⁹⁶, поскольку он анализирует пространство политического в негативном ключе. Критики Галли считают это одной из основных проблем: стремление итальянского мыслителя представить анализ глобального политического пространства при использовании этой

⁶⁹⁴ См. *Арендт Х.* О революции. М., 2011.

⁶⁹⁵ Карло Галли называют одним из ведущих экспертов творчества К. Шмитта. Так книгу Галли «Генеалогия политического» считают текстом, где представлен наиболее подробный и точный разбор понятия политического у Карла Шмитта.

⁶⁹⁶ См., например, *Minca C.* Carlo Galli, Carl Schmitt, and contemporary Italian political thought // *Political geography*. # 31. 2012. P. 250-253.

негативной оптики приводит к отсутствию ясности в концептуализации пространства политического. Так голландский исследователь Клаудио Минка отмечает, что, будучи глубоким знатоком немецкой философии и политической теории, Галли, выстраивая свою концепцию политического (пространства) не упоминает, например, ни Ратцеля, ни Хаусхофера, хотя сама логика понимания политического подразумевает это⁶⁹⁷. То же самое можно сказать и о концептуализации государства как основополагающей категории политики. Галли, как будто просто игнорирует тех мыслителей, благодаря которым возник контекст, в котором он рассматривает государство. Продолжая тему «революционного становления», итальянский мыслитель говорит о том, что «демократическая революция» должна была уничтожить тоталитарный порядок, в котором национальное государство существовало на протяжении некоторого времени. «Вызов, принятый демократией, состоял в том, чтобы найти способ вовлечения рабочего класса, который не являлся бы ни авторитарным, ни конфликтным. В результате было создано демократическое и социальное национальное государство, которое, помимо конституционных гарантий правового национального государства, обеспечивает не только реальное участие в политической жизни, но и право на экономическое благосостояние (в форме потребления)»⁶⁹⁸. На этом Галли останавливается в своих рассуждениях об эволюции как революции и констатирует, что национальное государство находится в глубоком кризисе по причине глобализации, в процессе которой принцип «*cujus regio, ejus religio*» сменился на «*cujus regio, ejus oeconomia*» («чья власть, того и экономика»)⁶⁹⁹. Дальнейшие рассуждения итальянского мыслителя абсолютно вписываются в биополитическую линию, которая начинается с Фуко и продолжается современниками Галли. Более того, он

⁶⁹⁷ *Minca C.* Carlo Galli, Carl Schmitt, and contemporary Italian political thought // *Political geography*. # 31. 2012. P. 252.

⁶⁹⁸ *Галли К.* Национальное государство в глобальную эпоху // *Россия в глобальной политике*. 2009. № 5. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/naczionalnoe-gosudarstvo-v-globalnuyu-epohu/> (дата обращения: 27.08.2022).

⁶⁹⁹ Там же.

идет по абсолютно стандартной схеме, упоминая знаковые события, исторические, экономические, политические и культурные условия, способствовавшие складыванию особого типа политики. При этом «биополитика» фигурирует в текстах Галли как понятие, которое не требует никаких специальных пояснений, в контексте рассуждений о том, что кризисное состояние мира в эпоху глобализации провоцирует рост социального и экономического неравенства, на смену «гражданскому мышлению и классовой солидарности» приходит «корпоративный эгоизм»⁷⁰⁰. Все это происходит «на фоне безудержной конкуренции и пренебрежения всеми общими правилами»⁷⁰¹. Отсутствие правил и границ приводит к тому, что государство утрачивает возможность реального контроля. Его возможности исчерпываются тем, чтобы обеспечить минимальную функциональность в текущей ситуации. «Тем самым, – пишет Галли, – в современных демократиях утверждается биополитика: частная и личная жизнь каждого человека ничем не защищена от воздействия таких общественных сил, как экономика, технологии, медицинские науки, а также ценности и законы, навязываемые различными социальными институтами»⁷⁰². Здесь Галли вновь максимально сближается с Фуко в понимании биополитики как рассеянной по всему социальному телу формы власти, воздействующей на каждого и осуществляющей свое влияние ото всюду. Однако Галли обращает внимание на одну весьма существенную деталь, которая не была артикулирована ни у Фуко (в силу отсутствия контекста), ни у современников Галли.

Политика национального государства превращается в биополитику тогда, когда стираются границы в самом широком смысле, теряется возможность «опознавать врага». В этом смысле «свои» становятся

⁷⁰⁰ Галли К. Национальное государство в глобальную эпоху // Россия в глобальной политике. 2009. № 5. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/nacziionalnoe-gosudarstvo-v-globalnuyu-epohu/> (дата обращения: 27.08.2022).

⁷⁰¹ Там же.

⁷⁰² Там же.

«чужими» не в силу объективных обстоятельств, а в силу абстрактных опасений. «Век глобализации можно рассматривать и как эпоху, когда насилие и властные тенденции уже вряд ли будут ограничены географической территорией. И терроризм, и мощные миграционные потоки наглядно показывают, что национальному государству все труднее проводить различие между внешним и внутренним, а также регулировать происходящее внутри собственных границ»⁷⁰³. В этом заключается весьма специфическая черта новейшей формы биополитики и глобальной войны как формы биополитики – в невозможности очертить границы. Единственным ориентиром в ситуации глобальной войны становится угроза уничтожения, а единственным способом существования – выживание.

Только в условиях глобальной войны в ситуации выживания оказываются государства, население государств, каждый из тех, кто это население составляет. Государство не может быть готово к отражению угрозы просто потому, что эта угроза может исходить ото всюду. Не оспаривая несовершенств, о которых говорят критики Галли, обращаясь к его концепции, все же стоит подчеркнуть одно из ее несомненных достоинств. Галли представляет достаточно четкую классификацию современной войны. Первым этапом является «абсолютная война»⁷⁰⁴, которая представляет собой классический тип войны между национальными государствами, существующими в рамках Вестфальской системы. Цель этого типа войны определяется защитой национальных границ от внешних врагов. Для эпохи абсолютной войны, соотносящейся с эпохой Современности, были характерны межгосударственные конфликты (конфликты в собственном смысле слова, когда друг и враг определяются четко и окончательно). За

⁷⁰³ Галли К. Национальное государство в глобальную эпоху // Россия в глобальной политике. 2009. № 5. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/nacziionalnoe-gosudarstvo-v-globalnuyu-epohu/> (дата обращения: 27.08.2022).

⁷⁰⁴ Используя термин «абсолютная война», Галли апеллирует к Карлу фон Клаузевицу [Galli C. Political spaces and Global war. Minneapolis, 2010. P. 142.].

этапом абсолютной войны последовал этап «тотальной войны»⁷⁰⁵. Для эпохи тотальной войны, соотносящейся, по мнению Галли, с тоталитарными режимами XX века, были характерны конфликты, которые можно назвать «биополитическими». Цель тотальной войны – разрушение, а не защита. Но несмотря на разрушение как основополагающий принцип войны, для этого типа все еще актуально различие «своих» и «чужих». Важно добавить при этом, что именно в условиях тотальной войны со всей отчетливостью проявляется идея выживания. Выживание осмысливается как редукция политики до техник использования жизни для очищения или иммунизации социального тела, связывается с идеей «истребления народов» и с попытками выстоять в условиях экстремального биополитического контроля. Именно эта идея становится фундирующей для понимания войны глобальной.

Глобальная война – пространство, где нет разделения на «своих» и «чужих». По замечанию Э. Ийяса, «для Галли глобальная война не предполагает разделения между внутренним и внешним», в этом типе войны отражена обратная сторона глобализации, процесса, в каждой точке которого происходит «короткое замыкание между локальным и глобальным, что порождает бессистемное противоречие и делает насилие безграничным способом бытия»⁷⁰⁶. Ийяс подчеркивает, что тотальная война основывается на «тотальной мобилизации и немедленной милитаризации общества», а глобальная – «влечет за собой глобальную социализацию насилия»⁷⁰⁷. «Глобальная социализация насилия» означает, что режим выживания становится постоянным состоянием, характеризующим каждую из сфер человеческого существования, в том числе и политическую⁷⁰⁸. Здесь мы фактически возвращаемся к агамбеновской идее лагеря как к апофеозу

⁷⁰⁵ Галли ссылается здесь на Раймона Арона, который использовал этот термин.

⁷⁰⁶ *Illas E.* Survival, or, the war logic of global capitalism. A talk at Stanford University on March 3, 2015. URL: <https://arcade.stanford.edu/content/survival-or-war-logic-global-capitalism> (accessed: 28.08.2022).

⁷⁰⁷ Ibid.

⁷⁰⁸ *Galli C.* Political spaces and Global war. Minneapolis, 2010. P. 160, 163, 174.

чрезвычайной ситуации, месту, где выживают. Индивид при этом не осознает свое положение как чрезвычайное. И, возможно, именно это позволяет ему все-таки выжить. Здесь происходит смена ракурса размышлений: возникает необходимость перейти от выживания как некоторой формы биополитического существования к проблеме выжившего.

Нельзя не отметить, что «проблема выжившего» интересовала Агамбена, и результатом исследования этой темы стала работа «Что остается после Освенцима: архив и свидетель», но контекст настоящего исследования заставляет обратиться другому тексту, принадлежащему лауреату Нобелевской премии по литературе, австрийскому мыслителю Элиасу Канетти. Дело в том, что, когда Агамбен переходит к осмыслению проблемы выжившего, акцент очевидно смещается в сторону личностного переживания, проблеме возможности собственно человеческого существования «после». Политическое состояние узника уступает место состоянию психологическому. Конечно, говорить о том, что Агамбен выходит за рамки биополитического поля было бы не совсем справедливо. Но биополитические причины сложившейся ситуации интересуют мыслителя в данном случае меньше, чем состояние выжившего. Выживший в интерпретации Агамбена – это свидетель, получивший психическую травму (трудно сопоставимую по силе с какой-либо еще), несущий ее как печать, это человек, находящийся в этическом тупике. А вот Канетти в работе «Масса и власть» (1963) демонстрирует иной взгляд на эту тему.

«Миг, когда ты *пережил других*, — это миг власти. Ужас перед лицом смерти переходит в удовлетворение от того, что сам ты не мертвец. Мертвец лежит, переживший его стоит. Как будто прошла битва и ты сам победил тех, кто мертв. Когда речь идет о выживании, каждый враг другого, по сравнению с этим изначальным торжеством всякая боль ничтожна. При этом важно, что выживший *один* противостоит одному или многим мертвым. Он видит себя одного, он чувствует себя одного, и если говорить о власти, которую дает

ему этот миг, то нельзя забывать, что она порождается его *единственностью*, и только ею»⁷⁰⁹. Для Канетти выживание – один из необходимых аспектов власти вообще, без разделения ее на политическую, социальную, личностную⁷¹⁰. Ощутить собственную силу возможно, если у человека есть видимые, ощутимые примеры того, что другие не выжили. Парадоксальность и трагизм ситуации заключается в том, что власть – результат или атрибут жизни, но одновременно результат разрушения чужой жизни.

Но важна не только идея Канетти о том, что выживший – обладатель власти во всей ее полноте. Мыслитель говорит, что эра выживших заканчивается. В эпилоге «Изживание выживающего» Канетти обращает внимание на историческое изменение в связке между выживанием и властью. «Вопрос о том, есть ли возможность добраться до выживающего, который вырос до таких чудовищных пропорций, – это самый главный, можно даже сказать, единственный вопрос. Подвижность и специализированность современной жизни не дают правильно понять важность и сложность этого основного вопроса. Ибо единственное решение, противостоящее страстной тяге к выживанию: творческое одиночество, ведущее к бессмертию, – это решение лишь для немногих»⁷¹¹. Посыл Канетти, в сущности, близок тому, что говорит Агамбен, рассуждая о современной ситуации с пандемией, например, хотя текст Канетти написан за несколько десятков лет до того, как мир был охвачен паникой, вызванной вирусом. В тот момент, когда «подвижность и специализированность», уровень технологий, внедренных в нашу повседневность достигает определенного уровня, *страх* становится неотъемлемым атрибутом не только выживающего, но и выжившего. Не переживание прошлой травмы (как об этом говорил все тот же Агамбен задолго до пандемии), не ощущение собственного превосходства, победы над смертью, а именно страх, ощущение опасности, исходящей ото всюду.

⁷⁰⁹ Канетти Э. Масса и власть. М., 1997. С. 241.

⁷¹⁰ Взгляд Э. Канетти на власть вписан в фукольдианскую концепцию власти, которая не локализуется в строго ограниченной области социального пространства.

⁷¹¹ Канетти Э. Масса и власть. М., 1997. С. 502.

Канетти формулирует это следующим образом: «Чтобы бороться с этой растущей опасностью, которую кое-кто уже чувствует нутром, надо принять в расчет еще один новый факт. Выживающий сам испытывает страх. Он всегда боится. Его возможности необычайно и невыносимо выросли. Его триумф может стать делом минут или часов. Но на Земле нет уже безопасных мест, в том числе и для него самого. Новое оружие дотянется повсюду и повсюду достанет его самого. Его величина и его неуязвимость в постоянном конфликте. Он стал слишком большим. Властители сегодня трясутся *иначе*, как будто они такие же, как прочие люди. Изначальная структура власти, ее ядро и сердцевина - выживание властителя за счет всех других - свелась к абсурду, лежит в развалинах. Власть сегодня более могущественна, чем когда-либо, но и более проклята, чем когда-либо. Выживут все или никто»⁷¹².

Во второй половине XX века угроза нового оружия (в случае с Канетти это угроза ядерной войны, но в начале XXI века этот спектр угроз, как можно наблюдать сейчас, сильно расширяется) заставляют задуматься о том, что обретающий власть в результате выживания (выживший) обретает и новый страх, что его триумф (триумф жизни, а в интерпретации Канетти триумф власти) может длиться лишь до тех пор, пока не придет новая угроза. Сегодняшний мир – мир принципиально небезопасный, поэтому имеет место идея об «изживании выжившего», о конце эпохи выжившего. Эта тема становится чрезвычайно актуальной для современных исследователей, и во многом, кажется, вдохновляется посылом, который можно увидеть, в частности, в тексте Канетти.

Итак, в более ранних версиях проблема выживания и, соответственно, выжившего осмысливалась следующим образом: выживший – субъект, который пережил чрезвычайную, грозящую гибелью (окончанием) жизни ситуацию. Выживший сумел обрести некий контроль или даже власть над своей судьбой, определенную суверенность. Ключевым моментом

⁷¹² Канетти Э. Масса и власть. М., 1997. С. 502.

оказывается то, что наличие фигуры выжившего подразумевает, что война окончена, чрезвычайная ситуация сменяется ситуацией нормальной жизни. В наиболее же современных версиях концепция выжившего трансформируется в концепцию «режима выживания»⁷¹³. В этом смысле интересно обратиться к работе Эдгара Ийяса, книга которого «Режим выживания. Глобальная война и политическое» представляет собой своего рода реконструкцию идей мыслителей, о которых шла речь выше в настоящей главе.

Одна из ключевых тем в работах Ийяса – соотношение единичного и всеобщего в политическом, социальном, экономическом, культурном аспектах с глобализующимся миром⁷¹⁴. Надо сказать, что Ийяс делает акцент, с одной стороны, на необходимости включения единичного во всеобщее⁷¹⁵, но с другой, – на тех трудностях (зачастую непреодолимых), которые возникают в рамках этого неизбежного процесса.

Ключевым понятием книги становится «выживание». Ийяс говорит о том, что исследует феномен выживания как принцип, фундирующий логику происходящего в мире политического сегодня. Гипотеза автора состоит не просто в том, что борьба за жизнь составляет новое содержание политического, но, скорее, в том, что слияние в самом широком смысле как эффект глобализации влечет за собой состояние нестабильности, в котором находятся национальные государства, лишенные возможности существовать и действовать как прежде. По мнению автора, единственной возможностью проявления политической сущности оказывается стратегия вмешательства,

⁷¹³ Сочетание «режим выживания» встречается у ряда современных западных авторов, в данном исследовании в качестве опорной используется концепция Эдгара Ийяса, изложенная в книге, «Режим выживания. Глобальная война и политическое» (2020).

⁷¹⁴ Одна из наиболее известных работ Ийяса как раз посвящена проблематике, связанной с социально-политическими и культурными особенностями существования современной Каталонии. В этом тексте под названием «Осмысливая Барселону: идеологии глобального города» (2012) Ийяс обращается к тому, как связана специфика жизни Барселоны (в культурном и урбанистическом отношении) с переустройством Европы и мира после 1989 года.

⁷¹⁵ В качестве ключевого примера можно привести все то же национальное государство, существующее в глобализующемся мире.

составляющая основу режима выживания. Ийяс предпринимает попытку объяснить, в чем состоит специфика режима выживания, чем он отличается от биополитического режима, о котором говорили, скажем, М. Фуко, Дж. Агамбен, М. Хардт и А. Негри, почему режим выживания настолько прочно связан с понятием глобальной войны⁷¹⁶.

Состояние мира для Ийяса – состояние глобальной войны. Здесь он ожидаемо следует за Галли, цитируя его, подчеркивая ясность в концептуализации глобальной войны. Государство не может быть готово к отражению угрозы просто потому, что эта угроза может исходить ото всюду. Ийяс видит необходимость в том, чтобы описать специфику этого кризиса и разобраться в том, есть ли формы существования политического за пределами понятия «государство».

Ийяс исходит из тезиса о том, что глобальная война и кризис государственного суверенитета соотносится с логикой глобального капитализма. Насилие всегда сопровождало капитализм, империализм и эксплуатацию. Однако капитализм эпохи глобальной войны имеет свою специфику. Насилие на предыдущих этапах капитализма было печальным, но необходимым побочным эффектом прогресса; в эпоху глобализации насилие является источником формирования очагов кризиса, которые делают возможным мгновенное извлечение капитала из самой кризисной ситуации. Ийяс утверждает, что глобальная война и разрушение стали неотъемлемыми компонентами капитализма, проявляющего себя как в системах производства, так и в современных финансовых системах.

Автор «Режима выживания» считает, что слияние капитализма и глобальной войны поменяло смысл политического. В эпоху современности политическое было заключено в рамки государственного суверенитета, а в

⁷¹⁶ См. *Illas E. The survival regime. Global war and political. New York, 2020.*

эпоху глобализации⁷¹⁷ целью и, возможно, сущностью политического становится контроль, рассеивание или прямое подавление политического, которому способствует механизм рациональности рынка. В задачи Ийяса не входит анализ неолиберальной атаки на суверенитет, но он пытается показать, что в мире рациональности рынка государство вынуждено выживать в том смысле, что сохранять свою политическую сущность.

Ийяс показывает достаточно широкий спектр толкований понятия «выживание», направлений его концептуализации и говорит о том, что в классических интерпретациях (у Гоббса или Локка) сохранение жизни соотносится с защитной функцией государства. Сохранение жизни – первостепенная функция государства, но не особая форма политики. Выживание (сохранение жизни) представляет собой дополитическое условие, которое фиксируется и в дальнейшем встраивается в политику государства.

Наконец, Ийяс обращает внимание на то, что концепция выживания выступает в качестве инструмента осуждения неолиберализма, в рамках которого происходит редуцирование всех аспектов социальной жизни до экономической конкуренции. Неолиберальная редукция политики до экономики соотносится с редукцией человеческой жизни до «голой жизни». Другими словами, происходит замещение *homo politicus* на *homo oeconomicus*, что приводит к изменению фокуса внимания с человеческого достоинства и полноценной (во всех социальных аспектах) жизни на проживание жизни, сутью которого становится собственно выживание.

Ийяс, с одной стороны, называет себя продолжателем биополитической традиции. С другой, – он пытается выстроить собственную линию осмысления выживания как биополитического режима. Прежде всего, Ийяс предлагает понимать глобальное выживание как режим существования структур, которые постоянно вовлечены в ситуацию конфликта, но в то же

⁷¹⁷ Очевидно читается: «в эпоху “постсовременности”», хотя этот термин не является часто употребляемым в тексте.

время нацелены на производство позитивных форм жизни. Видимым выражением структуры выживания становятся люди в социобиологическом смысле (тела людей). Структура выживания определяет пространство, в котором капитализм, война и политика сливаются, будучи включенными в процесс глобализации. Понятие выживания необходимо для того, чтобы обозначить то, каким образом при непосредственной включенности в конфликт человеческих тел стираются границы между экономическими и политическими силами, эксплуатацией и доминированием, капиталом и властью. Исследователь настаивает на том, что примеры таких конфликтов мы можем видеть сегодня ежедневно, наблюдая, например, за беженцами и иммигрантами, для которых режим выживания открывает экстремальные, но неизбежные возможности для постоянного участия в борьбе за выживание. Понятно в данном случае, что для автора «Режима выживания» ситуация с иммигрантами и беженцами кажется наиболее показательной. Образ перемещающегося, преодолевающего границы человека, не имеющего связи с государством, по тем или иным причинам оторванного от него, и ощущающего дискомфорт в самых разных жизненных аспектах, – идеальный пример «голой жизни», как это было показано выше. Идея, которая повторяется из главы в главу, заключается в том, что понятие выживания необходимо для того, чтобы описать, как живущие тела (являющиеся при этом составляющими институтов и государств) борются за их собственное политическое существование в эпоху, когда государство не может осуществлять свою защитительную функцию в полной мере⁷¹⁸.

Борьба за выживание не подразумевает результата в полном смысле этого слова. Выживание – процесс, происходящий в вечном настоящем, которое бесконечно требует все новых конфликтов в борьбе за выживание. Ийяс приводит пример движения латиноамериканских нелегализованных иммигрантов, которые десятилетиями протестовали под лозунгом: «Мы

⁷¹⁸ *Illas E. The survival regime. Global war and political. New York, 2020. P. 200-207.*

здесь, но мы не живем». С одной стороны, участники этого движения выдвигали конкретные требования, в частности, о правах на работу и легализованную жизнь. Но, с другой стороны, – в этом лозунге воплощена мысль о «существовании здесь и сейчас». Ийяс говорит о том, что «существование здесь и сейчас» выживающих тел является типом политики «нулевой степени», которая становится продуктивной без того, чтобы иметь результат в стабильных, юридически формализованных пространствах. Защита самих себя с целью выжить в глобальном мире становится необходимостью в эпоху слома национального государства.

С точки зрения Ийяса, режим выживания сегодня – это не разоблачение неолиберализма. Выживание порождается неолиберализмом, но в то же время подрывает его изнутри. Неолиберализм претендует на то, чтобы составлять основу политико-экономической рациональности, организующей современный порядок. Но выживание в глобальной войне связано с прямо противоположным – отсутствием рациональности и перманентной нестабильностью, которые являются результатом логики капитализма.

Итак, теоретизация политики и политического в эпоху глобальной войны подразумевает, по Ийясу, решение ряда задач, среди которых главными представляются описание процесса размывания политических категорий в эпоху глобализации и предложение новой теории, которая преодолевала бы теорию жизни и власти (биополитическую теорию Мишеля Фуко). На страницах книги Ийяс предпринимает попытку эти задачи решить. Но назвать эту попытку удачной на сто процентов едва ли возможно. Ценность этой работы состоит, скорее, в постановке вопросов.

Так, автор «Режима выживания...» констатирует необходимость концептуальной переработки категорий политики, войны, насилия, государства, гражданского общества, жизни и смерти, но дальше констатации не продвигается. Вместе с тем более полноценной выглядит проработка понятия «режим выживания». Дело не только в том, что режим

выживания – это режим современного существования (собственно современность предстает у Ийяса как биополитический режим, то есть режим выживания), но в том, что Ийяс предпринимает попытку артикулировать, в чем состоит преодоление концепции биополитики, начало которой было положено в работах Фуко. Дисциплинарность, никуда не исчезающая из понятия биополитики, всегда подразумевает ограничение пространства (даже если речь идет об организации условий существования) с целью контроля населения. Эта черта биополитического контроля остается и в интерпретации биополитики Агамбена. Биополитический режим – это всегда режим ограничений, разграничений, наличия поля, которое создается властью с целью осуществлять контроль. В ситуации с режимом выживания обнаруживается парадокс, связанный с тем, что такое ограничение невозможно, по причине, на которую обратил внимание Канетти. Высокотехнологичный мир просто не дает возможности надежно ограничить пространство. И даже, если эта мера работает на протяжении определенного времени, то знать наверняка, откуда придет опасность и каков будет ее уровень, не может никто. В режиме выживания находится и властвующие и подчиненные. Ийяс продолжает эту идею, говоря о том, что глобальный режим (режим выживания) – это режим, нацеленный на управление перманентными угрозами в ситуации не проходящей нестабильности. Здесь необходимо зафиксировать серьезное смещение исследовательского фокуса.

Как было показано в предыдущей главе, Фуко, говоря о совершенствовании техник биовласти, придерживается позиции, согласно которой, эти техники нацелены на управление условиями жизни. Иными словами, чтобы управлять жизнью населения, необходимо иметь доступ к управлению жизненно важными условиями. Режим выживания предполагает, что идея управления фактически трансформируется в идею предсказания угроз и рисков, постоянно сопровождающих жизнь населения. Эта идея кажется, если не абсолютно новаторской, то, как минимум, в значительной

степени расширяющей концепцию биополитики. Похожая ситуация складывается и в случае с обращением к теме роли индивида в изменившемся мире политического. Ключевой в данном случае становится проблема соотношения роли государства, претерпевающего очевидные трансформации, и индивида. Выживание в этих условиях может принимать множество форм – от прямых атак (выступлений против существующего порядка) до диссидентских движений. Нельзя назвать эти формы прогрессивными или устаревшими, это просто формы существования. Ийяс говорит о том, что «логика выживания не относится к постсобытийным обстоятельствам тех, кто выходит живым из войны или тех, кто побеждает в битве, но, скорее, определяет продуктивное состояние, обусловленное наличием непосредственной катастрофы»⁷¹⁹.

В целом, можно констатировать, что книга Ийяса оставляет неоднозначное впечатление. С одной стороны, она видится абсолютно трендовым продуктом современной западной мысли, вращающейся вокруг биополитической оси. Ийяс анализирует огромный пласт материала, с большой деликатностью обращается с концепциями ключевых персон, занимавшихся и занимающихся проблемами, поднятыми в «Режиме выживания». С другой стороны, выводы, которые делает Ийяс, являются набросками к каким-то будущим выводам, концепция режима выживания находится только в стадии разработки. Очевидно, быть по-другому не может, поскольку Ийяс рассуждает о настоящем, в котором привычные формы человеческого существования (культурного, социального, политического, экономического) подвергаются трансформациям, о настоящем, наполненном рисками и неопределенностью.

⁷¹⁹ *Illas E.* Survival, or, the war logic of global capitalism. A talk at Stanford University on March 3, 2015. URL: <https://arcade.stanford.edu/content/survival-or-war-logic-global-capitalism> (accessed: 28.08.2022).

Выводы главы

Настоящая глава была посвящена рассмотрению картины мира политического, которая складывается при обращении к биополитическим исследованиям современных европейских мыслителей. В главе было показано, что специфика «итальянской биополитической традиции» заключается в том, что итальянские мыслители делают особый акцент на критике существующего политического порядка, выстраивают биополитические концепции на философских основаниях. Исследования итальянских авторов отличает антропологичность, стремление к созданию особого языка биополитики. Парадоксальность при этом состоит в том, что национальная итальянская специфика в осмыслении биополитики зачастую основана на концепциях представителей иных национальных школ политической мысли, прежде всего, немецкой (В. Беньямин, К. Шмитт, Х. Арндт) и французской (Ж. Деррида, Ж.-Л. Нанси). Несмотря на эти особенности, итальянские исследования заслуживают внимания как отдельное и важное направление биополитических исследований.

В фокусе внимания находились, прежде всего, биополитические концепции Джорджо Агамбена, Роберто Эспозито, Антонио Негри и Майкла Хардта, Карло Галли как составляющие некоторый единый комплекс биополитических представлений. В то же время было важно проследить линии преемственности, возникающие между идеями итальянских мыслителей и их предшественниками и/или современниками, представляющими школы политической мысли других стран.

При обращении к биополитической концепции Агамбена очевидно ощущается влияние четырех знаменитых фигур – Карла Шмитта, Вальтера Беньямина, Ханны Арндт, Мишеля Фуко. Агамбен откровенно заимствует у Беньямина понятие «голая жизнь» и, предварительно реконструировав его, делает одним из ключевых в собственной биополитической концепции. Похожая ситуация складывается и с понятием чрезвычайного положения,

также изначально фигурировавшего в сочинениях Бенямина, но адаптированного Агамбеном во многом благодаря творчеству Шмитта. При этом возможные обвинения во вторичности взгляда Агамбена на суть (био)политики оказываются не состоятельными, поскольку в рамках теории, которую разрабатывает итальянский мыслитель эти понятия встраиваются в биополитическое поле оригинальным образом. Так, в частности, происходит, когда Агамбен, отталкиваясь от шмиттовской концепции чрезвычайного положения, описывает текущее состояние политического, используя метафору лагеря, трансформируя, таким образом, понятие политического в понятие биополитического.

Аналогичная ситуация складывается применительно к проблеме беженца, проблеме, поднятой и разрабатываемой Ханной Арендт. В работах Агамбена понятие голой жизни Бенямина и фигуры беженца у Ханны Арендт совмещаются и вписываются в биополитический контекст. Для Агамбена беженец – воплощенная «голая жизнь», «человек без государства». Но, если у Арендт, «человек без государства» – человек без защиты, то у Агамбена это человек, «ушедший от власти государства», он бесправен, но/и свободен. В связи с этим парадоксом в творчестве Агамбена поднимается тема прав человека. И она любопытным образом проявляет себя в сопоставлении с концепцией Фуко.

Несмотря на то, что Агамбен признает вклад Фуко в развитие биополитической проблематики, ссылается на него, он принципиально не желает соглашаться в том, что биовласть – это продукт Нового времени. Для Агамбена любая власть – это биовласть, стремящаяся «политизировать жизнь». Но именно здесь обнаруживается противоречие, которое непосредственно связано и с проблемой «голой жизни», и с темой прав человека. В тот момент, когда Агамбен обращается к аспекту «дискурсивности» в биополитике (в его случае это тезис о том, что биовласть открыто заявляет о себе в декларациях о правах человека, и человек

превращается из «подданного» в «гражданина»), он полностью совпадает с Фуко в вопросе хронологии биополитики. Вместе с тем стоит отметить, что подход Агамбена к дискурсивности биополитики представляется гораздо менее метафизическим и гораздо легче вписывающимся в поле политической теории, чем подход Фуко. Агамбен вообще склонен в большей степени апеллировать к политической реальности (что, в целом подтверждает тезис о специфике итальянской биополитической традиции). Этот посыл прослеживается и в его рассуждениях об изменениях техник политизации «голой жизни» с изменением пространства политического. Одной из таких техник выступает война.

Тема войны нового типа и связанная с ней тема выживания является крайне важной для осмысления для биополитических исследований. Так или иначе к этим темам обращается каждый из авторов, чьи работы упомянуты в настоящей главе. Причина видится довольно тривиальной: независимо от того, какое определение дают мыслители этому новому типу войны, называя ее «глобальной гражданской войной» (Агамбен), «всемирной войной» (Хардт и Негри), «глобальной войной» (Галли), они говорят о совершенно особом состоянии мира.

Если попытаться обобщить рассуждения о войне как о явлении биополитики в работах итальянских мыслителей, то в них всегда будет обнаруживаться связь между этим новым типом войны, терроризмом (вплоть до того, что в качестве знаковой даты практически всегда фигурирует 11 сентября 2001 года – атака на Всемирный торговый центр) и глобализацией. Глобализация, в свою очередь, неразрывно связана с гегемонией капитала, превалированием экономики над политикой, погружением в состояние тотального неравенства, прикрываемого лозунгами о равенстве и свободе. Благодаря названным корреляциям, вырисовывается совершенно специфический ракурс рассмотрения проблемы демократии в эпоху глобальной войны.

Демократия предстает как некоторый идеал, к которому необходимо стремиться, но которого в этой новой биополитической реальности (по сути в ситуации глобальной войны) просто не может быть. Для достижения этого идеала необходимо пересмотреть принципы текущего мирового порядка как на уровне управляющих, так и на уровне управляемых.

Именно в этой связи в настоящей главе сравнительному анализу подвергаются ключевые компоненты биополитических концепций Роберто Эспозито, Антонио Негри и Майкла Хардта. В концепции Эспозито «демократия», «иммунизация» (“immunitas”) и «сообщество» (“communitas”) - понятия одного тематического поля, находящиеся в тесной связи. «Сообщество» служит для обозначения совместного существования, предполагающего, что общее является безоговорочной ценностью. Демократия – некий охранительный («иммунитарный» в терминологии Эспозито) режим, который, который не позволяет общему захватить индивидуальное, при этом не ограничивая значимость и ценность общего. Идеальным Эспозито видится вариант, при котором демократия выполняет свою защитную функцию, не редуцируясь до неолиберальной идеи. В основе новой демократии должна быть не свобода, а жизнь. По убеждению Эспозито, «новая демократия» – это своего рода «биодемократия».

Этот новый режим предполагает следование особой политической логике, которую Эспозито обозначает термином «аффирмативная биополитика», биополитика, в рамках которой жизнь рассматривается не как объект биополитики, но как субъект, как нечто, что составляет движущую силу политики. В довольно грубом приближении можно сказать, что Эспозито настаивает на исключительно позитивной трактовке биополитики, принципиально отличной от танатополитических трактовок, которое характерно не только, например, для Агамбена, но и для Хардта и Негри, которые используют похожие концептуальные построения, теоретизируя биополитику, но приходят к другим в сравнении с Эспозито выводам. Важно

при этом, что биополитика в интерпретации Хардта и Негри не превращается в свою противоположность (танатополитику), но существует только в связи с ней. Причиной тому – убежденность Хардта и Негри в том, что сегодняшнее состояние человечества следует характеризовать как состояние глобальной войны.

Роднит концепции Эспозито, Хардта и Негри понимание сути общественного устройства. Хардт и Негри используют термин «множество», и можно утверждать, что «множество» существует в логике, похожей на логику «*communitas/immunitas*». «Множество» - это некая новая форма существования общественного. Собственно, существование этого «множества» описано в текстах Хардта и Негри как биополитика, «биополитический режим». В сущности, этот режим по описанию весьма похож на «аффирмативную политику» Эспозито. Речь идет о некотором способе политического существования, в котором общий интерес не находится под контролем государства, но остается в сфере межличностного «биополитического» производства.

Можно констатировать, таким образом, что в фокусе внимания европейских мыслителей последней четверти XX – начала XXI века оказываются реалии современного мира политического, которые успешно подвергаются теоретизации в терминах биополитики. Парадокс заключается в том, что, несмотря на стремление к обозначению линий преемственности между существующими биополитическими концепциями, мыслители стремятся к созданию биополитических моделей, созданных при помощи авторского языка. В этом, с одной стороны, заключается проблема: отсутствие единого понятийного и концептуального аппарата затрудняет выстраивание рамок биополитики как направления политической науки. С другой стороны, такое положение вещей не исключает возможности выбора наиболее продуктивных концепций с целью продолжения создания канона биополитики как направления политической науки.

Глава 4. Методологический и концептуальный потенциал биополитики

4.1. Роль биополитического подхода в преодолении постмодернизма⁷²⁰

Выше, в контексте обращения к концепции биополитического в интерпретации Славоя Жижека, итальянских мыслителей, а также Эдгара Ийяса, неоднократно был упомянут тот факт, что биополитика может рассматриваться как некоторая важная составляющая часть в осмыслении современности. Жижек, как было показано, вписывает понятие биополитики в концепцию постполитического. Немаловажно, что словенский исследователь ссылается при этом на французского мыслителя Жака Рансьера и его восприятие политического в работе «Несогласие»⁷²¹. Здесь видится необходимым дать некоторые пояснения прежде, чем перейти к развитию темы о возможности трактовки биополитики как постполитики и соответствующими выводами из этого положения.

Начать следует с парадокса о том, что в тексте Рансьера не используются ни понятие биополитики, ни понятие постполитики. Вместе с тем французский мыслитель именно в сочинении «Несогласие» использует, например, такой термин, как «постдемократия». Это понятие представляется важным для объяснения того, почему, с одной стороны, возникает возможность говорить о биополитике как о составляющей постполитики, а, с другой, – почему постполитика предстает как нечто, что встроено в концепцию современности и в последнем пределе определяет ее.

⁷²⁰ При написании данного параграфа диссертации использованы результаты научных работ, выполненных автором лично и опубликованных ранее: *Аласания К.Ю.* Теоретические и методологические основания анализа политической власти во французском постмодернизме (вторая половина XX - начало XXI века). М., 2010; *Аласания К.Ю.* Политическая гиперреальность: образ Америки в постмодернизме // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 1 (42). С. 96-102; *Аласания К.Ю.* Биополитические аспекты концепции «полного мира» // Каспийский регион: политика, экономика, культура. № 2 (59). 2019. С. 69-73.

⁷²¹ *Жижек С.* О насилии. М., 2010. С. 169.

Рансьер представляет авторскую концепцию (пост)политического, предлагая интерпретировать традиционные классические понятия политической науки в оригинальном ключе. Так демократию он представляет не как политический режим и даже не как «образ социальной жизни», но как «учреждение политики как таковой»⁷²². Рансьер говорит о том, что любая политика демократична в точном смысле «не в смысле набора институций, а в смысле форм манифестации»⁷²³. Именно этот тезис ложится в основу понимания того, что Рансьер называет «постдемократией». Определение этого феномена у Рансьера неизбежно отсылает к концепции власти у Фуко, но весьма специфическим образом. С одной стороны, Рансьер очевидно продолжает Фуко в определении власти, с другой, – спорит со своим предшественником. И собственно объектом спора является то, что составляет основу (пост)демократии как в терминологическом, так и в концептуальном смысле. Рансьер пишет, что «постдемократия» – термин, который «просто послужит нам для обозначения парадокса, преподносящего под именем демократии консенсуальную практику стирания форм демократического действия. Постдемократия — это правительственная практика и концептуальная легитимация демократии после демоса, демократии, избавившейся от видимости, недосчета и спорности народа и потому сводимой единственно к игре государственных механизмов и сочетаний социальных энергий и интересов. Постдемократия—отнюдь не демократия, обнаружившая в игре социальных энергий истину институциональных форм. Это способ отождествления институциональных механизмов с расстановкой частей и частей в обществе, призванной устранить свойственные демократии субъект и действие»⁷²⁴. «Механика власти» у Рансьера чрезвычайно похожа на «механику власти» у Фуко, но это своего рода концептуальный перевертыш фукольдианской концепции.

⁷²² Рансьер Ж. Несогласие. Политика и философия. СПб., 2013. С. 144.

⁷²³ Там же.

⁷²⁴ Там же. С. 144 – 145.

«Демократия после демоса» оказывается политической техникой, которая направлена не просто на осуществление контроля над населением, не только на улучшение условий жизни, но на бесконечное «оналичивание» своего главного объекта. При этом основополагающим для этого нового политического режима остается один из ключевых принципов классической демократии – учет общественного мнения. «Как режим мнения, постдемократия основывается на том, чтобы заставить беспокойную и беспокоящую видимость народа и его всегда неверный учет исчезнуть за процедурами исчерпывающего оналичивания народа и его частей и гармонизации учета частей и образа целого. Ее утопия—это утопия непрерывного учета, который оналичивает сумму «общественного мнения» как тождественную телу народа»⁷²⁵. Нет ничего удивительного в том, что Жижек увидит в концепции Рансьера биополитическую основу, но у Рансьера речь идет о чем-то, что можно было бы назвать «пост-биополитикой». Основания для этого заложены в истории и теории формирования явления, которое принято называть «постмодерном».

Термин «постмодерн» образован при помощи префикса «пост». Использование данной приставки при словообразовании, с одной стороны, указывает на связь с понятием, послужившим базой для создания неологизма, с другой, – на ограничение концепции, лежащей в основе слова, от которого образован новый термин. В данном случае важно подчеркнуть, что приставка «пост» служит для ограничения исходного понятия, но не для его прямого отрицания. Смысл префикса «пост», таким образом, заключается в указании на то, что некоторая концепция, изменившись, перешла на новый уровень, но при этом не утратила связи с понятием, породившим ее. Собственно, именно об этом пишет Жан-Франсуа Лиотар в известном сочинении под названием «Состояние постмодерна», благодаря

⁷²⁵ Рансьер Ж. Несогласие. Политика и философия. СПб., 2013. С. 145 – 146.

которому термины «постмодерн» и «постмодернизм» полноценно вошли в научный дискурс.

Во введении к работе Лиотар пишет о том, что предметом его исследования является «состояние знания в современных наиболее развитых обществах»⁷²⁶, которое он называет «постмодерном». Для Лиотара «постмодерн» обозначает «состояние культуры после трансформаций, которым подверглись правила игры в науке, литературе и искусстве в конце XIX века»⁷²⁷. Стоит отметить при этом, что ровно на этот период приходится зарождение эстетического направления модернизма, что свидетельствует, с одной стороны, о невозможности рассматривать постмодерн (постмодернизм) в отрыве от модерна (модернизма) в самом широком смысле⁷²⁸. В работе Лиотара «Заметка о смыслах “пост”». Рассуждая о постсовременности⁷²⁹, автор говорит о том, что особенности этого состояния выражаются в различных формах движения мысли: «искусстве, литературе, философии, политике»⁷³⁰. Лиотар обращается к живописи начала XX

⁷²⁶ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998. С. 9.

⁷²⁷ Там же.

⁷²⁸ Слово «модерн» (“moderne” (фр.) – «современный») имеет несколько значений. Согласно одному из них, «современный» трактуется как отвечающий требованиям своего времени, относящийся к своему времени. Другое значение соотносится непосредственно с термином «модерн», которым обозначается целый ряд культурных явлений. В узком смысле под «модерном» понимают стиль в европейском искусстве конца XIX – начала XX века. В более широком смысле с помощью термина «модерн» определяют целую историческую эпоху, в рамках которой господствуют определенные мировоззренческие принципы. Эпоху «модерна», «современности» (modernity/modernité) зачастую связывают с философией Нового Времени. Под Новым Временем понимают исторический период, следующий за Античностью и Средневековьем. Данный период характеризуется особым мировоззрением, в основе которого лежит идея о том, что человек способен познать мир как единую систему, подчиняющуюся определенным объективным законам. Основные категории философии Нового Времени, среди которых можно назвать новшество, экспериментирование, прогресс, существуют в рамках цельной системы, центром которой является человеческий разум. Человек развивается в познании, двигаясь от простого к сложному. В связи с этим история человечества воспринимается как процесс восхождения от низшей стадии развития (социального, политического, экономического) к более высокой. Ориентация на новые, более совершенные формы является главной в эпоху модерна.

⁷²⁹ В данном случае термин «постсовременность» употребляется как синоним понятия «постмодерн».

⁷³⁰ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998. С. 9.

столетия и говорит о том, что в работах Сезанна, Пикассо, Кандинского, Малевича можно увидеть то, что свойственно постсовременности. Он уподобляет творчество этих художников анамнезу в психоаналитическом смысле этого термина. Лиотар пишет: «Пациент психоаналитика пытается переработать расстройство, от которого он страдает в настоящем, проводя свободные ассоциации между его элементами, на первый взгляд исключенными из всякого контекста, и какими-то пережитыми в прошлом ситуациями, что позволяет ему раскрыть тайный смысл своей жизни, своего поведения...»⁷³¹ Способность к анализу, осмыслению и соединению разрозненного в едином пространстве отличает постсовременное сознание. В заключении своей статьи Лиотар делает вывод о том, что приставка «пост» в слове «постмодерн» обозначает «не движение типа come back, flash back, feed back, т. е. движение повторения, но некий «ана-процесс», процесс анализа, анамнеза, аналогии и анаморфозы, который перерабатывает нечто «первозабываемое»³. Постмодерн в работах Лиотара – это состояние, общества, политики, культуры, обладающее рядом специфических черт. Благодаря логике, представленной в сочинениях Лиотара, можно утверждать, что «постсовременность» – служит для именованного современного состояния мира, которое характеризуется определенными признаками.

При всей условности этих признаков имеет смысл назвать их, опираясь на классификацию американского теоретика египетского происхождения Ихаба Хассана, представленную в работе «Постмодернистский поворот. Эссе о теории и культуре постмодернизма». Важно при этом, что Хассан говорит об отличительных чертах постмодерна в сравнении с чертами модерна. Эта знаменитая сравнительная таблица состоит из 66 позиций (33 признака современности и 33 признака постсовременности), но в контексте настоящего исследования особое значение имеют несколько из них: игра как признак постмодерна противопоставляется модернистскому признаку цели,

⁷³¹ Лиотар Ж.-Ф. Заметка о смыслах «пост» // Иностранная литература 1994. № 1. С. 58.

³ Там же. С. 59.

анархия – иерархии, рассеивание – центрированию, неопределенность – определенности⁷³².

Несмотря на то, что с момента публикации этого текста прошло более тридцати лет (работа была опубликована в 1987 году) он видится очень ценным с методологической точки зрения. Как минимум, можно констатировать, что, благодаря рассуждениям и аргументации Хассана, постмодернизм стал восприниматься как полноценный междисциплинарный комплекс идей, благодаря которым можно создать определенный образ современности. Важно при этом, что сам Хассан неоднократно говорит о том, что «постмодерн» не самый удачный термин, поскольку не видит в нем смысла, который видел Лиотар. То есть приставка «пост-» не обладает семантикой, демонстрирующей преемственность, а именно эта преемственность между современностью и постсовременностью является ключевой для понимания текущего состояния. Но, несомненно, для Хассана «постмодернизм» – это термин, служащий для обозначения того, что преодолевает принципы, по которым существовала эпоха Нового Времени, эпоха модерна.

Сама система критериев, выработанных модерном (рационализм, критицизм, индивидуализм, научный и технический прогресс) противоречит постмодернистскому восприятию действительности в целом и политического – в частности. Неудивительно, что именно за это постмодернизм и подвергается критике. Неприятие этих критериев само по себе мешает созданию вообще какой-либо теории и политической теории, в частности. Но именно здесь возникает очень любопытная коллизия. Американский ученый Майкл Раэн выделяет следующую особенность постмодернизма: «Описания идеальных миров или разрушительных стратегий письма и жизни представлены в изобилии, но ни одна из этих теорий не пытается ни предложить социальную теорию типа

⁷³² *Hassan I. The Postmodern turn. Essays in postmodern theory and culture. Ohio. 1987.*

хабермасовской, ни представить модель политической практики, вроде Негри. Постмодернизму присуща антипатия к системе и к логоцентрическому проекту подчинения мира категориям разума»⁷³³. С учетом разобранных в настоящем исследовании текстов Негри, его упоминание в данном контексте кажется чрезвычайно важным.

Выше шла речь о том, что представленная в теории Хардта и Негри концепция (био)политического мира, далека от классической (модернистской) концепции власти. И тем не менее, Разн противопоставляет постмодернистское видение мира модели, которую предлагает Негри. Один из вариантов объяснения непосредственно связан со способом теоретизации реальности. И, если речь идет не о постмодернистской теории, не о классической традиции, то возникает вопрос, какие принципы фундируют теорию, в рамках которой существует новая форма политики, которая, очевидно, обладает чертами биополитики. С достаточной степенью осторожности можно предположить, что биополитика как «постполитика» (с учетом некоторых описанных выше ее черт) вписывается в мировоззренческий комплекс, который в настоящий момент находится в фазе концептуального становления. Речь идет о метамодернизме. Этот термин входит в научный дискурс благодаря норвежцу Тимотеусу Вермюлену и голландцу Робину ван ден Аккеру, которые в 2010 году публикуют текст под названием «Заметки о метамодернизме», своеобразный манифест, где излагаются ключевые идеи некоторого нового мировоззренческого комплекса, пришедшего на смену постмодерну. Некоторые из этих идей видятся существенными для обоснования возможности включения наиболее новых концепций биополитики в поле этого мировоззренческого комплекса.

⁷³³ Ryan M. *Politics and culture: Working hypotheses for a postrevolutionary society*. L., 1989. Цит. по: *Цурина И. В. Социально-политический контекст философии постмодернизма*. М., 1994. С. 4.

Прежде всего, авторы «Заметок о метамодернизме» заявляют о том, что сами термины «постмодерн» и «постмодернизм» являются не слишком удачными. Их упреки, впрочем, сформулированные в гораздо более нейтральной манере, чем у Раэна сводятся к тому, что постмодернизм отрицает возможность построения теории как таковой, следовательно, такой теории как постмодернизм существовать не может. «В конце концов, “постмодерн” — это просто “броская фраза”, для разнообразных противоречивых тенденций, “модное словечко” для множества бессвязных форм чувственности»⁷³⁴. Тем не менее, «бессвязные формы чувственности»⁷³⁵ никак не мешают Чарльзу Дженксу, Жану-Франсуа Лиотару, Фредрику Джеймисону, Ихабу Хассану говорить о трансформациях в «материальном ландшафте»⁷³⁶, «об отказе от метарассказов (метанарративов), возникновении позднего капитализма, падении историцизма»⁷³⁷, - о том, что фиксирует некое новое состояние мира. С точки зрения Вермюлена и ван ден Аккера, эти рассуждения находятся в оппозиции модерну и всему, что с этим явлением ассоциировано. При этом авторы «Заметок...» действуют, используя методологию Лиотара и отмечают, что метамодерн приходит на смену постмодерну, как бы вбирая в себя постмодернистские тенденции. Они утверждают, что большая часть постмодернистских идей трансформируется, принимает «иную форму, и что более важно, новый *смысл*, новое значение и направление. К примеру, финансовые кризисы, геополитические нестабильности и климатологические неопределённости потребовали реформы экономической системы (“*un nouveau monde, un nouveau capitalisme*”⁷³⁸), но также и перехода от экономики “белых воротничков” к

⁷³⁴ Вермюлен Т., ван ден Аккер Р. Заметки о метамодернизме //Metamodern URL: <http://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism> (дата обращения: 05.10.2022).

⁷³⁵ Ibid.

⁷³⁶ Ibid.

⁷³⁷ Ibid.

⁷³⁸ «Новый мир, новый капитализм» (фр.)

экономике “зелёных воротничков”»⁷³⁹. Пожалуй, очевидным акцентом, который отличает рассуждения Вермюлена и ван ден Аккера от постмодернистских, имеющих в своей основе все же культурную составляющую, является политический акцент. В своем анализе окружающей действительности авторы «Заметок...» фактически продолжают постмодернистскую идею о децентрации и миноритизации политического⁷⁴⁰: «дезинтеграция политического центра как на геополитическом уровне (как следствие того, что экономики Востока заняли видное положение), так и на национальном уровне (вследствие неудачи «третьего пути», раскола между разными местностями, этносами, классами, и влияния блогосферы интернета), потребовали реструктуризовать политический дискурс. Так же и потребность в децентрализованном производстве альтернативных видов энергии; решение проблемы бессмысленно потраченного времени, пространства и энергии, вызванной расползанием (при)городов; устойчивое городское развитие — потребовали трансформации наших материальных ландшафтов»⁷⁴¹. В этой работе, как и в других работах Вермюлена и ван ден Аккера⁷⁴², предпринимается все та же попытка осмыслить новую, постоянно меняющуюся реальность, дать имя теории, благодаря которой можно систематизировать принципы осмысления этой реальности. Кажется, что метамодернизм – это более строгая (стремящаяся к структурированию мира) версия постмодернизма, которая во многом вырастает из наблюдений именно за политической реальностью. «Мы хотим ясно показать, что это новое формирование, значение и направление *напрямую* не произрастает из неких настроений после 11 сентября. Терроризм не смог ни вселить в нас сомнений в предполагаемом

⁷³⁹ Вермюлен Т., ван ден Аккер Р. Заметки о метамодернизме //Metamodern URL: <http://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism> (дата обращения: 05.10.2022).

⁷⁴⁰ Об этом подробнее см. Аласания К.Ю. Теоретические и методологические основания анализа политической власти в постмодернизме. М., 2010.

⁷⁴¹ Вермюлен Т., ван ден Аккер Р. Заметки о метамодернизме //Metamodern. URL: <http://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism> (дата обращения: 05.10.2022).

⁷⁴² См., например, Metamodernism: Historicity, affect, and depth after postmodernism /R. Van den Akker, A. Gibbons, T. Vermeulen (eds). Lanham, 2017.

превосходстве неолиберализма, ни вдохновить на рефлексию о базовых предположениях западной экономики, политики и культуры — совсем наоборот. Консервативный образ “войны с терроризмом”, возможно, был выбран именно для того, чтобы символизировать повторное подтверждение ценностей постмодерна. Тройная “угроза” кредитного кризиса, коллапса центра и изменений климата произвела противоположный эффект, т.к. вселила в нас сомнения, вдохновила на рефлексию и побудила нас начать движение от постмодерна к метамодерну»⁷⁴³. 11 сентября для авторов «Заметок...» – апофеоз постмодерна. Но, как было показано выше, именно 11 сентября стало знаковой датой, когда биополитические исследования получили новый импульс для развития и оказались чрезвычайно значимыми для изменения концепции политического в целом. Однако, если постмодернизм настаивает на том, что изменение концепции политического связано, прежде всего, со «смысловым опустошением» самого понятия политики⁷⁴⁴, то метамодернизм утверждает, что смысл отнюдь не утрачен, он просто стал другим. В частности, Вермюлен и ван ден Аккер полагают, что

⁷⁴³ Вермюлен Т., ван ден Аккер Р. Заметки о метамодернизме//Metamodern. URL: <http://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism> (дата обращения: 05.10.2022)

⁷⁴⁴ В этом смысле весьма показательны, например, эссе Жана Бодрийера. В работе «Дух терроризма» мыслитель, анализируя события 11 сентября, говорит о «конце политического»: «Первая мировая война положила конец верховенству Европы и эпохе колониализма. Вторая — покончила с нацизмом. Третья мировая, которая конечно же была, но велась в виде холодной войны и апотропии, положила конец коммунизму. С каждым разом, от одной войны к другой, мы все больше приближались к единому мировому порядку. Сегодня этот порядок, практически подошедший к своему концу, сталкивается с антагонистическими силами, которые рассеяны внутри самого глобализма и которые проявляются во всех современных общественных потрясениях» [Бодрийер Ж. Дух терроризма // Дух терроризма. Войны в заливе не было. М., 2016. С. 102]. Стоит отметить при этом, что идея «конца политики» органично вписана в общую теорию Бодрийера. Очень четко это сформулировано в эссе «Прозрачность зла»: ««...Идея прогресса исчезла, но прогресс продолжается. Идея богатства, которая предполагает производство, исчезла, но производство как таковое осуществляется наилучшим образом. И по мере того, как исчезает первоначальное представление о его конечных целях, рост производства ускоряется. Идея исчезла и в политике, но политические деятели продолжают свои игры, оставаясь втайне совершенно равнодушными к собственным ставкам» [Бодрийер Ж. Прозрачность зла. М., 2000. С. 12.]»

«история продолжается уже после её поспешно объявленного конца»⁷⁴⁵. В этой же логике можно предположить, что и политика никогда не заканчивалась.

Авторы «Заметок...» полагают, что рассуждения о «конце истории» обусловлены убеждением в том, что история имеет свою цель. Осознание того, что история (политика) закончилась, было связано с осознанием того, что описывал Фукуяма в своей знаменитой статье «Конец истории?» – универсализацию западной демократии, рассматриваемую когда-то как главную историческую политическую цель западного мира: «То, чему мы, вероятно, свидетели, — не просто конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой... Это не означает, что в дальнейшем никаких событий происходить не будет и страницы ежегодных обзоров “Форин Аффферз” по международным отношениям будут пустовать,— ведь либерализм победил пока только в сфере идей, сознания; в реальном, материальном мире до победы еще далеко»⁷⁴⁶. Стоит отметить, кстати, что по прошествии более, чем двух десятков лет с момента публикации программной статьи Фукуямы, позиция теоретика практически кардинально изменилась, и стала в большой степени репрезентативной для того, о чем говорят авторы «Заметок о метамодернизме». Ярким примером в этом смысле кажется статья Фукуямы 2021 года в британском журнале «The Economist», вышедшая под заголовком «Френсис Фукуяма о конце американской гегемонии»⁷⁴⁷.

⁷⁴⁵ Вермюлен Т., ван ден Аккер Р. Заметки о метамодернизме //Metamodern. URL: <http://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism> (дата обращения: 05.10.2022). Вермюлен и ван ден Аккер апеллируют к постмодернистам, но используют знаменитую метафору Ф. Фукуямы (об этом подробнее см. Аласания К.Ю. Теоретические и методологические основания анализа политической власти в постмодернизме. М., 2006.).

⁷⁴⁶ Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 135.

⁷⁴⁷ Francis Fukuyama on the end of American hegemony // The Economist. URL: <https://www.economist.com/by-invitation/2021/08/18/francis-fukuyama-on-the-end-of-american-hegemony> (accessed: 06.10.2022).

Название не должно при этом вводить в заблуждение: Фукуяма остается верным прежним идеалам, утверждая незыблемость демократических ценностей, но говорит о необходимости их продвигать в рамках нового мирового порядка, где гегемония Соединенных Штатов отнюдь не очевидна. Немаловажно, что в качестве одного из ключевых факторов, влияющий на трансформации мирового порядка, американский политолог называет биологический. Собственно, он рассуждает о том, как влияет пандемия COVID-19 на происходящее в США и в мире.

Сегодня Соединенные Штаты находятся перед лицом вызовов. Но эти вызовы происходят отнюдь не извне. Американское общество поляризовано настолько, что найти консенсус практически невозможно, какой бы ни была тема для обсуждения. Начиналась поляризация с расхождений по вопросам абортов и налогов, «но с тех пор переросла в ожесточенную борьбу за культурную идентичность»⁷⁴⁸. Традиционно серьезная внешняя угроза, которой, безусловно, является пандемия COVID-19, становится поводом для сплочения, но в Америке она только способствовала углублению разногласий, «поскольку социальное дистанцирование, ношение масок, а теперь и вакцинация рассматриваются не как меры общественного здравоохранения, а как политические действия»⁷⁴⁹. В этих рассуждениях, казалось бы, частного политического свойства прослеживается очевидная общетеоретическая тенденция, которая берет свое начало в постмодернистских рассуждениях о неразличимости границ общественного пространства, в котором «все, в конечном счете, оказывается политическим»⁷⁵⁰, а, точнее, биополитическим, если исходить из актуальной политической повестки. Фукуяма, между тем, демонстрирует, как

⁷⁴⁸Francis Fukuyama on the end of American hegemony // The Economist. URL: <https://www.economist.com/by-invitation/2021/08/18/francis-fukuyama-on-the-end-of-american-hegemony> (accessed: 06.10.2022).

⁷⁴⁹ Ibid.

⁷⁵⁰ Автономова Н. С. Постструктурализм // Современная западная философия: Словарь. М., 1991. С. 243.

конфликты, подпитываемые биологическим фактором, влияют на изменение не только внутренних конфигураций в политике Америки, но на положение США в мире. «Эти конфликты распространились на все стороны жизни, от спорта до марок потребительских товаров... Гражданская идентичность, которая была предметом гордости американцев как общности, представляющей многорасовую демократию, вдруг стала подвергаться сомнению ввиду появления противоборствующих нарративов о том, основана ли эта страна на идее свободы или на идее рабства»⁷⁵¹. Собственно, именно это влияет на трансформации статуса США в мире. Фукуяма не сомневается, что Америка не утратит своей политической мощи, но вот место политического гегемона в текущей ситуации США утратят. Во многом причиной этого оказываются последствия пандемии, которые делают внутренние социальные проблемы глобальными (био)политическими. «Соединенные Штаты вряд ли вернут себе прежний статус гегемона, да и не должны к этому стремиться. На что они могут рассчитывать, так это на поддержание со мирового порядка, основанного на демократических ценностях. Сможет ли он это сделать, будет зависеть ... от восстановления чувства национальной идентичности»⁷⁵².

Кажется, что США представляют собой совершенно специальный объект для осмысления в рамках дискуссий об изменении природы политического в парадигмах постмодерна и метамодерна. И, пожалуй, отследить одно из ключевых парадигмальных отличий можно, обратившись именно к этому сюжету.

Яркими примерами в постмодернизме могут служить тексты не только Жака Деррида, о концепции аутоиммунизации которого шла речь выше⁷⁵³, но и Умберто Эко, а также Жана Бодрийяра. В сочинениях Эко и Бодрийяра

⁷⁵¹ Francis Fukuyama on the end of American hegemony // The Economist. URL: <https://www.economist.com/by-invitation/2021/08/18/francis-fukuyama-on-the-end-of-american-hegemony> (accessed: 06.10.2022).

⁷⁵² Ibid.

⁷⁵³ См. параграф 3.2. настоящего исследования.

осмысление феномена Америки происходит в рамках концепции гиперреальности, концепции весьма значимой для постмодернизма в целом. Бодрийяр называет гиперреальностью «совокупность взаимодействия симулякров, которые представляют собой знаковую репрезентацию, лишенную реальной идеи, действительного смысла»⁷⁵⁴. Эко же говорит о том, что сама действительность постмодерна «гиперреальна» и характеризуется отказом от истины как ценности. То есть гиперреальность Бодрийяра – симулятивная реальность, в которой нет место истине (идее).

В интерпретации Эко гиперреальность – реальность, в которой люди осознанно уходят от истины (предпочитают подделки оригиналам⁷⁵⁵). Образцом «гиперреального» государства выступает Америка. Эко говорит о том, что Америка поглощена «идеей реализма» во всех его проявлениях настолько, что реализм оказывается в итоге гипертрофированным, превращаясь, таким образом в «гипер-реализм». Для Эко это своего рода культурная особенность Америки: любая идея может быть воспринята только, если она преподнесена в безупречной форме, а безупречная форма обеспечивается «настоящими» копиями реального образа⁷⁵⁶. Для воплощения идеи в совершенной форме необходимо техническое оснащение. И здесь зависимость является чрезвычайно очевидной: чем выше уровень технического оснащения, тем совершеннее воплощение идеи, тем проще ее донести до адресата. Эко приводит анекдотический пример о том, что при выходе из музея Нью-Йорка можно приобрести не только открытки, но репродукции исторических документов (от акта о продаже Манхэттена до Декларации независимости США). Репродукции эти отличает прекрасное качество, но проблема в том, что оригинал акта, написанный красивыми

⁷⁵⁴ Об этом подробнее см. *Аласания К.Ю.* Политическая гиперреальность: образ Америки в постмодернизме // *Каспийский регион: Политика, экономика, культура.* 2015. № 1 (42). С. 97.

⁷⁵⁵ В данном случае «подделка», «оригинал» - метафоры, обозначающие ложное и истинное, соответственно.

⁷⁵⁶ *Аласания К.Ю.* Политическая гиперреальность: образ Америки в постмодернизме // *Каспийский регион: Политика, экономика, культура.* 2015. № 1 (42). С. 98.

английскими буквами, был составлен на голландском языке. Этот ироничный пример – лишь вершина айсберга. И по мере продолжения размышлений Эко о феномене Америки тон рассуждений становится все более серьезным. Ключевые национальные идеи Америки утверждаются через имитацию, через искусственное, которое выдается за настоящее. Отсюда обращение мыслителей к образу Диснейленда.

Бодрийяр вообще говорит о том через Диснейленд проступает «объективный профиль Америки»⁷⁵⁷. Но еще более любопытно, что французский мыслитель обращается к метафоре концлагеря: «Диснейленд — прекрасная модель всех переплетающихся между собой порядков симулякров. Это прежде всего игра иллюзий и фантазмов: Пираты, Пограничная территория, Мир будущего и т. д. Этот воображаемый мир, как считают, причина успеха заведения. Но что притягивает толпы посетителей гораздо больше, так это социальный микрокосм, религиозное наслаждение миниатюризированной реальной Америкой со всеми ее достоинствами и недостатками. Вы паркуетесь снаружи, стоите в очередях внутри и остаетесь один на один с собой на выходе. В этом воображаемом мире единственной фантасмагорией является свойственная толпе теплота и сплоченность, а также чрезмерное количество гаджетов, необходимых для создания и поддержания этого эффекта массовости. Это полный контраст с абсолютным одиночеством автостоянки — настоящего концлагеря. Или иначе: внутри — целый арсенал гаджетов, которые, как магниты, притягивают толпу в разнонаправленных потоках; снаружи — одиночество, направленное на одну игрушку: автомобиль. По невероятному совпадению (и это, вероятно, одно из проявлений чародейства данного универсума) этот быстрозамороженный инфантильный мир, как оказывается, был задуман и воплощен в жизнь»⁷⁵⁸. Вырисовывается любопытная картина: концлагерь – непривлекательная реальность, Диснейленд – манящая гиперреальность, симулятивный мир, где

⁷⁵⁷ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М., 2015. С. 21.

⁷⁵⁸ Там же. С. 20.

человек счастлив в окружении вымышленных образов, созданных воображением, благодаря техническим достижениям. Перед нами апофеоз искусственности, великий обман, но при этом “дайджест американского образа жизни”»⁷⁵⁹.

Для Эко Диснейленд – идеальная метафора американской идеологии, понимаемой как совокупность принципов, объясняющих действительность. Для Бодрийера образ Диснейленда – нечто более сложное с точки зрения функциональности: «идеологическое» построение служит прикрытием симуляции третьего порядка: Диснейленд существует для того, чтобы скрыть, что Диснейлендом на самом деле является «реальная» страна — вся «реальная» Америка (примерно так, как тюрьмы служат для того, чтобы скрыть, что весь социум во всей своей полноте, во всей своей банальной вездесущности является местом заключения). Диснейленд представляют как воображаемое, чтобы заставить людей поверить, что все остальное является реальным, тогда же как весь Лос-Анджелес и Америка, которые окружают его, уже более не реальны, а принадлежат к порядку гиперреального и симуляции. Речь идет уже не о ложной репрезентации реального (идеологии), а о том, чтобы скрыть, что реальное перестало быть реальным, и таким образом спасти принцип реальности»⁷⁶⁰. «Спасать принцип реальности» необходимо, чтобы не обнаружилось главное – «потеря оригинала, то есть истины»⁷⁶¹. И в этой странной недействительной действительности весьма причудливым образом возникает проблема биологического как проблема социальная, культурная, экономическая и, разумеется, политическая.

Язык Бодрийера изобилует терминами из области медицины, экологии, психологии потому, что именно и только с помощью этих терминов можно

⁷⁵⁹ Бодрийер Ж. Симулякры и симуляции. М., 2015. С. 21.

⁷⁶⁰ Там же.

⁷⁶¹ Аласания К.Ю. Политическая гиперреальность: образ Америки в постмодернизме // Каспийский регион: Политика, экономика, культура. 2015. № 1 (42). С. 99.

уловить специфику псевдодействительности. «Диснейленд: пространство регенерации воображаемого, подобен размещенным в других местах, и даже в нем самом, заводам по переработке отходов. Сегодня повсюду перерабатывают отходы, а мечты, фантазмы, воображаемое (историческое, сказочное, легендарное) детей и взрослых и являются отходами, первыми ужасно токсичными испражнениями гиперреальной цивилизации. Диснейленд является прототипом этой новой функции на ментальном уровне. Но той же цели утилизации служат и все заведения по восстановлению сексуального, психического и соматического здоровья, которыми изобилует Калифорния. Люди больше не интересуются друг другом, но для этого есть различные общества и клубы. Они больше не соприкасаются друг с другом, но существует контактотерапия. Они больше не ходят пешком, но занимаются оздоровительным бегом и т. д. Всюду восстанавливают утраченные способности, или деградирующие тела, или потерянную коммуникабельность, или утраченный вкус к еде»⁷⁶². Для того, чтобы «спасти принцип реальности» надо начать с тела. Бодрийяр продолжает идею Фуко, хотя и доводит ее до абсурда. «Вновь изобретенные» дефицит, аскетизм, натуральные продукты, лечебное питание, йога – то, что «спасает реальность», но одновременно уводит от нее – «дефицит порождает именно рыночная экономика, а вовсе не натуральная: тут, на передовых рубежах торжествующей рыночной экономики, снова выдумывается дефицит/знак, дефицит/симулякр, симулируется поведение слаборазвитых (даже провозглашают марксистские тезисы) для того, чтобы, прикрываясь экологией, энергетическим кризисом и критикой капитала, добавить последний эзотерический венчик к торжеству эзотерической культуры»⁷⁶³.

Используя терминологию Фуко, можно сказать, что перед нами не просто неолиберализм, достигший своего апогея, но неолиберализм,

⁷⁶² Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М., 2015. С. 21-22.

⁷⁶³ Там же. С. 22.

пожирающий себя. Вывод, который делает Бодрийяр, чрезвычайно пессимистичен: «возможно, что ментальная катастрофа, имплозия и беспрецедентная ментальная инволюция подстерегают систему такого типа, видимыми признаками которых, похоже, и является это дикое ожирение или невероятное сосуществование самых причудливых теорий и практик, которое соответствует столь же невероятной коалиции излишества, райского блаженства и денег, невероятной реализации роскошной жизни и не поддающихся обнаружению противоречий»⁷⁶⁴.

Метамодернизм всячески стремится преодолеть этот тотальный пессимизм, связанный с бессмысленностью действительности, утверждая, что к осмыслению мира стоит подходить так, «как если бы предназначение истории могло существовать»⁷⁶⁵. Авторы «Заметок о метамодернизме» настаивают на том, что «вдохновлённый современным простодушием, но при этом просвещённый скептицизмом постмодерна, метамодернистский дискурс сознательно ввергает себя невозможной возможности»⁷⁶⁶. Вермюлен и ван ден Аккер возвращаются к идее создания некоторой структуры реальности, от которой так стремился уйти постмодерн. В качестве структурирующей составляющей вновь выступает нарратив, обладающий некоторой специфической цельностью, которая, по мнению авторов «Заметок...», отличается от модернистской, но самое любопытное, что манифест метамодернизма начинается с цитаты из речи Барака Обамы, произнесенной в Южной Каролине в 2008 году: «Это не выборы между регионами, религиями или полами. Это не про бедных или богатых, молодых или старых. И не про черных или белых. Это выборы между прошлым и будущим. Это выборы про то, согласны ли мы с той разобщенностью, раздором и скандалом, которые выдаются сегодня за политику или же мы сможем прийти к политике здравого смысла и инноваций, к политике общей

⁷⁶⁴ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М., 2015. С. 22.

⁷⁶⁵ Вермюлен Т., ван ден Аккер Р. Заметки о метамодернизме //Metamodern. URL: <http://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism> (дата обращения: 05.10.2022).

⁷⁶⁶ Там же.

жертвенности и совместного процветания... Да, мы можем. Да, мы можем меняться. Мы можем»⁷⁶⁷. В предвыборной речи Обамы авторы «Заметок...» видят некоторый символ эпохи, говорят «о новой чувственности», которая в отличие от «постмодернистской чувствительности»⁷⁶⁸ обладает упорядоченностью, унаследованной от эпохи модерна с ее «стремлением к смыслу», напряженностью, но в то же время из «постмодернистского сомнения» в смысле всего происходящего⁷⁶⁹. Соответственно, ключевым свойством сегодняшнего поколения является, с точки зрения авторов, «информационное простодушие» или «прагматический идеализм».

Вермюлен и ван ден Аккер, рассуждая о специфике новой эпохи, ссылаются на Канта, интерпретируя его идеи, правда, весьма специфическим образом. Авторы говорят о том, что немецкий классик использует в своих рассуждениях о целях и смысле человеческого существования формулу «как если бы» и приводят его высказывание из сочинения «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане»: «Отдельные люди и даже целые народы мало думают о том, что когда они, каждый по своему разумению и часто в ущерб другим, преследуют свои собственные цели, то они незаметно для самих себя идут к неведомой им цели природы как за путеводной нитью и содействуют достижению этой цели, которой, даже если бы она стала им известна, они бы мало интересовались»⁷⁷⁰. Для авторов «Заметок...» это высказывание необходимо и важно для того, чтобы интерпретировать его в соответствии с «метамодернистским поворотом», в условиях сегодняшней действительности. А сегодня это означает, что «человечество ... в действительности не движется к естественной, но неизвестной цели, но

⁷⁶⁷ Вермюлен Т., ван ден Аккер Р. Заметки о метамодернизме // Metamodern. URL: <http://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism> (дата обращения: 05.10.2022).

⁷⁶⁸ О «постмодернистской чувствительности» как об одном из важнейших понятий постмодернизма см., например, Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996. С. 212.

⁷⁶⁹ Вермюлен Т., ван ден Аккер Р. Заметки о метамодернизме // Metamodern. URL: <http://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism> (дата обращения: 05.10.2022)

⁷⁷⁰ Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. М., 1994. С. 12-13.

притворяется, будто движется к ней, так чтобы развиваться нравственно и политически»⁷⁷¹. В этом смысле Вермюлен и ван ден Аккер кажутся чрезвычайно оптимистичными, с легкостью совмещая био-этико-политические компоненты в одном, метамодернистском пространстве. Метафора, которую авторы «Заметок...» используют как иллюстрацию к своему смелому тезису, подкрепленному выводами Канта, едва ли выглядит в должной степени убедительной. «Если вы нам простите такую банальную метафору, метамодерн преднамеренно берёт на вооружение двойное послание (double-bind) типа “морковка и осёл”. Как и осёл, он преследует морковку, которую он никогда не съест, поскольку морковка всегда вне досягаемости. Но в точности из-за того, что он никак не может съесть морковку, он никогда не прекращает преследовать её. В царстве этики не встретишь модернистского ослика (где-то ещё объевшегося морковкой), в королевстве политики постмодернистский ослик (отказавшийся от преследования морковки) не пользуется признанием»⁷⁷². Конечно, дело не только в том, что авторы «Заметок...», заявляя о том, что эпоха постмодерна с ее иронией, вседозволенностью, отсутствием границ и конечных суждений уходит в прошлое, используют постмодернистскую метафору. В этих рассуждениях о природной сущности целей, а, следовательно, подвижности ценностей, обнаруживается одна существенная сложность, которая непосредственно связана со спецификой сегодняшнего существования. В самом простом приближении можно эту сложность свести к тому, что мир Канта принципиально отличается от мира сегодняшнего и в умозрительном и в буквальном смысле.

Слоган «Да, мы можем» получает, очевидно, другое смысловое наполнение, если посмотреть на него не с точки зрения немецкого философа XVIII века, утверждающего, что все, задуманное природой, имеет свою цель

⁷⁷¹ Вермюлен Т., ван ден Аккер Р. Заметки о метамодернизме // Metamodern. URL: <http://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism> (дата обращения: 05.10.2022).

⁷⁷² Там же.

и все природные задатки человека как единственного разумного существа на земле направлены на применение его разума, но с точки зрения сторонников концепции, которая заслуживает все большую популярность в первой трети XXI века. Речь идет об идее, которая благодаря американскому исследователю Герману Дейли была развита в концепцию «полного мира»⁷⁷³.

Стоит сразу заметить, что эта концепция первоначально экономическая. Однако речь идёт не просто об определении состояния мира посредством анализа экономики и экономических парадигм. Дейли прослеживает взаимосвязи, которые дают основания полагать, что концепцию «полного мира» можно трактовать не только как экономическую, но как биополитическую. При этом осмысление места человека, использующего все блага современной эпохи⁷⁷⁴, играет немаловажную роль в биополитической трактовке концепции «полного мира». Учёный утверждает, что по причине экспансивного экономического роста, начиная со времен Второй мировой войны, мы теперь живем в мире, который можно назвать «полным». Однако мы ведём себя так, как будто живем в «пустом» мире, богатом пространствами и ресурсами, которых всегда будет достаточно. Базовые положения классической экономики, сформулированные в эпоху «пустого мира», больше не являются состоятельными, поскольку человечество исчерпывает или (в некоторых случаях) исчерпало природные ресурсы на локальном, региональном и планетарном уровнях. Идея бесконечного экономического роста ведёт человека по пути, итогом которого станет экологический коллапс. Чтобы свернуть с такого опасного пути, следует придерживаться модели экономики, центром которой была бы идея качественного, а не количественного развития, идея взаимозависимости экономического хозяйствования и глобальной экосферы. Следствием этого

⁷⁷³ Об этом подробнее см. *Аласания К.Ю.* Биополитические аспекты концепции «полного мира» // *Каспийский регион: политика, экономика, культура.* № 2 (59). 2019. С. 69-73.

⁷⁷⁴ Дейли не использует понятий «постмодерн» или «метамодерн», но описывает специфическое состояние мира, не похожее на предшествующие фазы его существования.

должна стать ревизия вопросов, связанных с изменением политики и институтов развития устойчивой экономики⁷⁷⁵. Сегодняшняя экономика отличается от той, которая была прежде, потому что эпоха, когда капитал, созданный человеком, являлся ограничивающим фактором в экономическом развитии, уступила место эпохе, когда возможности экономического развития определяет природный фактор. Природный капитал является хранилищем, из которого можно черпать природные ресурсы. Логика человеческого развития (рост популяции), а также логика экономического развития предполагала бесконечную эксплуатацию природного капитала без оглядки на то, что они заканчиваются. И в институциональном смысле не было ничего, что бы могло обеспечить защиту природы от чрезмерной эксплуатации⁷⁷⁶. Предполагая, что природный капитал становится ограничивающим фактором, Дейли предлагает сфокусироваться на инвестициях и технологиях, которые способствовали бы развитию природного капитала в большей степени, чем на технологиях, обеспечивающих накопление капитала человеком. В связи с этим, по мнению Дейли, должны развиваться новые социальные, экономические, политические программы. И такие программы существуют, получая поддержку Всемирного банка, ООН и других международных организаций⁷⁷⁷. Дейли выводит на первый план проблемы, которые, безусловно, составляют повестку дня на самом высоком уровне, но в то же время выглядят неразрешимыми. Парадоксальность ситуации заключается в том, что биополитическая направленность, которая с очевидностью обнаруживается в концепции Дейли, проявляется также в коллизии между «биологическим» и «политическим».

⁷⁷⁵ *Daly H. Economics for a Full World // A great tradition initiative essay. 2015. June. P. 1–15. P. 1. URL: <https://www.greattransition.org/images/Daly-Economics-for-a-Full-World.pdf> (accessed: 21.10.2022).*

⁷⁷⁶ *Daly H. Ecological economics and sustainable development. Cheltenham, Northampton, 2007.*

⁷⁷⁷ *Ibid.*

Эту специфику отмечают авторы доклада, который был представлен на юбилейном заседании Римского клуба в 2018 г. и впоследствии опубликован⁷⁷⁸. Авторы доклада согласны с американским экономистом. Однако успешное достижение социально-экономических целей политических программ (в частности, авторами доклада упоминается программа развития 2030, принятая правительством США) входит в очевидное противоречие с экологическими задачами, определёнными в этой же самой программе – стабилизация климата, очистка океанов, восстановление ресурсов биосферы. Единственное решение, позволяющее снять это противоречие, – использовать интегративный подход в выстраивании внешней политики, оставив в прошлом принципы, которые казались незыблемыми. Однако речь идёт отнюдь не просто о преодолении политических стереотипов: авторы настаивают на необходимости «новой философии», принципы которой могли бы лечь в основу нового мышления, мышления эпохи «полного мира».

Мир, в котором господствует человек, по-прежнему имеет шанс на процветание в будущем⁷⁷⁹. Но будущее у этого мира есть при условии, что «угнетение» планеты будет остановлено. Сделать это все сложнее и сложнее, поскольку ключевой характеристикой современного мира является его принципиальная нестабильность.

Естественное развитие мира ведет к разрушениям планетарного масштаба. И причины этих разрушений нельзя найти, обратившись лишь к одной из сфер человеческого существования. Проблемы экологического характера неразрывно связаны с социальными, экономическими, политическими, духовными аспектами жизни общества.

⁷⁷⁸ *Weizsäcker E. U. von., Wijkman A. Come On! Capitalism, short-termism, population and the destruction of the planet. A Report to the Club of Rome. New York, 2018.*

⁷⁷⁹ Здесь следует отметить, что авторы доклада используют для обозначения современной эпохи термин «антропоцен». «Антропоцен» – это эпоха господства человека над жизнью планеты в целом, включая ее биогеохимическую структуру.

Беспорядок сегодняшнего мира очевиден большинству людей. Состояние страха и безнадежности – вот что остается людям, живущим в сегодняшнем мире, где обычными становятся все усугубляющееся социальное неравенство, политическая немощь государств, войны, безработица, массовые миграции. В этой риторике, совершенно иной в стилистическом, в концептуальном отношении в сравнении с текстами социально-политических теоретиков и философов, трудно не увидеть абсолютных идейных совпадений. Собственно, следующий шаг, который делают Вайцеккер и Вийкман, связан с тем, чтобы убедить аудиторию в необходимости «изменить тренды развития мира, изменив умы»⁷⁸⁰.

Конечно, для того, чтобы понять возможности формирования нового типа мышления, следует проанализировать теоретические и философские основания кризиса, в котором пребывает современное общество. Авторы начинают с обращения к энциклике «*Laudato Sí. Забота об общем доме*» Папы Римского Франциска. Они утверждают, что основания сегодняшних религиозных и бытовых верований так же, как и наша система экономики, проистекают из эпохи «пустого мира» и непригодны для современного «полного мира». Дестабилизацией климата и деградацией экосистем мы обязаны капитализму в том виде, в котором мы его знаем. Катастрофичность ситуации заключается в том, что, несмотря на тот колоссальный объём знания, которым мы сегодня обладаем, а также теми технологическими возможностями, которые позволяют обретать эти знания, кажется, что оно не позволяет сменить курс, буквально ведущий планету Земля к разрушению. Возникает вопрос о том, что принципиально новое должен осознать человек, стремящийся не просто выживать, но гармонично существовать в этом новом мире. Здесь ожидаемо возникает пересечение с рассуждениями теоретиков, размышляющих о специфике современной эпохи (независимо от терминов, которые они употребляют) через призму жизненного потенциала в самом

⁷⁸⁰ *Weizsäcker E. U. von., Wijkman A. Come On! Capitalism, short-termism, population and the destruction of the planet. A Report to the Club of Rome. New York, 2018. P. 10.*

широком смысле. Авторы доклада предлагают пересмотреть постулаты философии Нового времени, ведь в философии Нового времени есть место только одному ответу – ответу единственно правильному, только одной идеологии – идеологии единственно возможной, только одной доктрине – доктрине единственно верной. Но именно это и заставляет задуматься о необходимости изменений во взгляде на мир.

Иной взгляд на мир («философия Нового Просвещения» - в терминологии авторов доклада) должен базироваться на идее баланса: «В основе этого типа Просвещения – идея ценности баланса, а не утверждения “правильной” доктрины. Мы открыто говорим о балансе между людьми и природой, между краткосрочностью и долгосрочностью, а также между общими и частными интересами»⁷⁸¹. Этот тезис, очевидно, претендует на то, чтобы стать слоганом новой эпохи. Но при попытках показать, как возможно следовать этому девизу, возникает все та же проблема соотношения (противопоставления, столкновения) биологического и политического. Ракурс этой проблемы, несомненно, отличен от ракурса политической теории и политической философии, но суть ее не меняется и раскрывается в последней части доклада, посвященной описанию возможностей проведения политики баланса.

Вайцеккер и Вийкман характеризуют типы политических курсов (включая финансовые системы), поддерживающих реализацию проектов, способствующих стабилизации мировой ситуации. В частности, одной из ключевых позиций является то, что типовые условия, обозначенные в государственных программах, должны делать экологически чистые технологии по-настоящему рентабельными и побуждать инвесторов поддерживать долгосрочные решения в вопросах развития. Основной вывод авторов, очевидно, вытекает из предпосылки о том, что новая политика

⁷⁸¹ *Weizsäcker E. U. von., Wijkman A. Come On! Capitalism, short-termism, population and the destruction of the planet. A Report to the Club of Rome. New York, 2018. P.158.*

должна строиться на основании принципа баланса, соответствовать условиям «полного мира». На практике это будет означать следующее: экономика отныне не может не брать во внимание тот факт, что бесконтрольное пользование ресурсами ведёт к гибели планеты, соответственно, политика любого государства в эпоху «полного мира» должна также учитывать данное обстоятельство. Но здесь становится очевидной другая проблема. Авторы доклада полагают, что в вопросах, затрагивающих экологическую безопасность планеты, национальные государства не должны иметь права принимать единоличные решения⁷⁸². Вопрос, который появляется в связи с этим утверждением, очевиден: политика государств в эпоху «полного мира» предполагает отказ (по крайней мере, частичный отказ) от того, что и в теории политики эпохи современности, и в политической практике, казалось незыблемым, – суверенитета. Пожалуй, из всех утверждений, а иногда даже манифестов Римского клуба, артикулированных в юбилейном докладе, это наиболее спорное. Вместе с тем оно коррелирует с главным посылом доклада. Рациональность такого рода политических стратегий продиктована ещё одной характеристикой «полного мира». «Полный мир» – это мир в кризисной ситуации, мир, полный рисков. Здесь, с одной стороны, обнаруживается очевидная корреляция с идеей Фуко о специфике политического управления в современную эпоху, когда оно обретает форму риск-менеджмента с учетом всего, что имеет отношение к жизни, с другой, – видится параллель с разнообразными концепциями общества риска, среди которых особо имеет смысл выделить концепцию Ульриха Бека.

4.2. Биополитика в поисках языка описания процессов трансформации современного общества⁷⁸³

⁷⁸² *Weizsäcker E. U. von., Wijkman A. Come On! Capitalism, short-termism, population and the destruction of the planet. A Report to the Club of Rome. New York, 2018. P. 92.*

⁷⁸³ При написании данного параграфа диссертации использованы результаты научных работ, выполненных автором лично и опубликованных ранее: *Аласания К.Ю. Биополитические аспекты концепции «полного мира» // Каспийский регион: политика, экономика, культура. № 2 (59). 2019. С. 69-73; Аласания К.Ю. «Идентичность» как*

Бек, излагая свою концепцию общества риска, делает акцент на том, что ключевой характеристикой общества этого нового типа оказывается кризис глобального характера, который связан с экологической катастрофой. «Нельзя сказать, что наше столетие обойдено историческими катастрофами: две мировые войны, Аушвиц, Нагасаки, затем Харисбург и Бхопал, теперь вот Чернобыль. Это вынуждает к осторожности в выборе лексики и к обострённому восприятию особенностей исторического развития»⁷⁸⁴. Для Бека очень существенно, что на этом новом этапе человеческого развития имеют в точном смысле глобальный характер, который обнаруживается в том, что размывание границ в политическом смысле неразрывно связано с размыванием любых других границ, в том числе, границ личных. И рассуждения Бека в данном случае принципиально важны потому, что они концептуально занимают некоторую промежуточную позицию между тяготеющими к метафизике рассуждениями о пост- и метамодернизме, и манифестами европейских интеллектуалов, стремящихся к точным формулировкам, составляющим политические программы современности.

Для немецкого теоретика вопрос стирания границ оказывается одновременно вопросом методологическим (именно он ложится в основу размышлений о переходе «к другому модерну»), социально-экономическим (когда речь заходит о процессах и последствиях глобализации) и биополитическим (когда Бек касается темы идентичности в современном мире). «Все страдания, все беды и насилия, которые люди причиняли друг другу, обрушивались до сих пор на “других” – евреев, чёрных, женщин, политических иммигрантов, диссидентов, коммунистов и т. д. С одной стороны, существовали заграждения, лагеря, городские кварталы, военные блоки, с другой – собственные четыре стены – реальные или символические

понятие биополитики в эпоху глобализации // *Философия политики и права*. 2022. № 13. С. 52-62; *Аласания К.Ю.* «Жизненная политика» и «политика жизни»: сравнительный анализ биополитических концепций Э. Гидденса и Н. Роуза // *Ценности и смыслы*. 2020. № 3 (67). С. 32-44.

⁷⁸⁴ Бек У. *Общество риска: На пути к другому модерну*. М., 2000. С. 7.

границы, за которыми могли укрыться те, кого, казалось бы, не коснулась беда. Всё это есть по-прежнему – и всего этого после Чернобыля уже нет. Чернобыль – это конец “других”, конец всех наших строго культивировавшихся возможностей дистанцирования друг от друга, ставший очевидным после радиоактивного заражения. От бедности можно защититься границами, от опасностей атомного века – нельзя»⁷⁸⁵. Итак, грань между «своим» и «чужим» стирается, и в основе этой метаморфозы отнюдь не только и не столько экономический или политический интерес, но угроза жизни. В данном случае важно добавить, что это угроза жизни *человечества*. Национальные границы, кажется, служили своеобразной защитой, гарантией безопасности в силу того, что замкнутость территории предполагает больше возможностей для предотвращения опасности, исходящей извне. Мир глобализованный, принципиально «безграничный», отличает невозможность заранее предсказать, откуда надвигается угроза.

Еще одним источником опасности оказывается уровень технологического прогресса, которого человечество достигло за последние десятилетия. Парадокс заключается в том, что природные катаклизмы в самом широком смысле (биологические, экологические) неизбежны в силу того, что мы достигли состояния «полного мира», и теперь задача человечества заключается в том, чтобы своевременно реагировать на катастрофические события, ставшие следствием научного и технологического прогресса, но в то же время являющиеся условием выживания. Бек говорит о том, что «все уже живут в состоянии антропологического шока от пережитой грозной зависимости цивилизационных форм жизни от «природы» – зависимости, которая аннулировала все наши понятия о «гражданской зрелости», «собственной жизни», национальности, пространстве и времени»⁷⁸⁶.

⁷⁸⁵ Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. М., 2000. С. 7.

⁷⁸⁶ Там же. С. 6.

Важно, что в концепции общества риска Бека понятия риска и катастрофы очень тесно переплетаются, но не являются идентичными друг другу. «Прежде всего, следует различать риск и катастрофу. Риск не означает катастрофы. Риск означает предчувствие катастрофы. Риски предполагают перенос будущего в настоящее, в то время как реальное будущее будущих катастроф в принципе неизвестно»⁷⁸⁷. Немецкий теоретик говорит о том, что обязательным условием поддержания этого кризисного (шокового) состояния являются технологии, а точнее коммуникативные технологии: «При отсутствии техник визуализации, символических форм и сообщений СМИ риски ничего не значат. Поэтому глобальные риски — это глобально медиатизированные риски»⁷⁸⁸. Фактически Бек описывает механизм «политизации жизни». Предчувствие катастрофы побуждает человека к действию. Это своего рода инстинкт. И турбулентность политическая, таким образом, оказывается неотделимой от турбулентности в повседневной жизни людей. Личное становится неотделимым от публичного, интимное от политического. Это один из признаков современного мира, и именно это дает возможность контроля населения на новом, биополитическом, уровне.

Помимо названной черты, следует сказать еще о нескольких важных характеристиках общества риска (а, следовательно, современного мира). Речь идет о «делокализации», «некалькулируемости», «некомпенсированности». Бек расшифровывает эти признаки и говорит о том, что «делокализация» означает невозможность ограничить угрозу (риск) каким-то пространством — все угрозы сегодня глобальны. «Некалькулируемость» — невозможность просчитать последствия современных катастроф. «Некомпенсированность» означает, что мир просто не может быть прежним по причине как раз достижений научного и технологического прогресса: «Если климат меняется бесповоротно, если развитие генетики делает возможным необратимое

⁷⁸⁷ Бек У. Жизнь в мировом обществе риска: космополитический поворот // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2012. № 5. С. 40.

⁷⁸⁸ Там же.

вмешательство в жизнь человека, если случается ядерная катастрофа, тогда уже слишком поздно говорить о компенсации. Новое качество угроз человечеству разрушает логику компенсации, ее место занимает принцип «предосторожности путем предотвращения»⁷⁸⁹.

Следующий шаг в осмыслении текущей ситуации как раз связан с пониманием того, как можно идентифицировать себя в этом принципиально нестабильном мире, лишенном границ, и нужно ли. Эти вопросы Бек ставит в контексте того, что он называет «космополитизацией». Бек всячески подчеркивает, что, несмотря на созвучность, «космополитизация» – это не «космополитизм» в негативном смысле слова⁷⁹⁰. Для немецкого мыслителя космополитизация – это процесс выстраивания новых взаимосвязей мира. Эти взаимосвязи могут иметь разные последствия и производить разные эффекты, далеко не всегда положительные. «Мы живем в эпоху не космополитизма, но космополитизации: «глобальный Другой» — среди нас. Понятию «космополитизация» сопутствует множество заблуждений и ложных интерпретаций»⁷⁹¹, – говорит Бек и приводит пример глобальной трансплантологии. Пример этот отчасти метафорический, отчасти гиперболизированный. Но именно отчасти. Как было сказано выше, общество риска (такое, каким его видит Бек) есть в том числе результат развития технологий, прогресса человечества. Результатом этого прогресса становится размывание границ не только национальных государств, но сфер человеческой жизни. И дело даже не в том, что политика неотделима от экономики, а экономика от культуры. Дело в том, что личное, интимное и в последнем пределе биологическое стало иметь непосредственное отношение к политике, к вопросам идентификации. «Победа глобальной индустрии операций по пересадке органов (а вовсе не ее кризис!) подорвала ее

⁷⁸⁹ Бек У. Жизнь в мировом обществе риска: космополитический поворот // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2012. № 5. С. 40-41.

⁷⁹⁰ Здесь имеется в виду, что космополитизация в понимании Бека не имеет отношения, например, к непатриотическому настроению и поведению.

⁷⁹¹ Там же. С. 38.

собственные этические основания и открыла дорогу для теневой экономики, поставляющей на мировой рынок «свежие» органы. В мире радикального неравенства нет недостатка в отчаявшихся людях, готовых за гроши продать почку, часть печени, легкое... <...> «Мусульманские» почки очищают «христианскую» кровь. Представители «белых рас» дышат с помощью легких чернокожих. Белокурый менеджер смотрит на мир глазами чернокожего уличного мальчишки. <...> Тела состоятельных людей превращаются в лоскутные одеяла. Бедные, напротив, потенциально или реально становятся одноглазыми обладателями одной почки, резервуаром для запасных частей. Поштучная продажа органов — их пожизненная страховка. А на другом конце цепочки — биополитический «гражданин мира» — белый мужчина, подтянутый или располневший, с почкой индуса и глазом мусульманина. Этот пример иллюстрирует мое понимание «космополитизации»: глобальный бедный — не только среди нас, глобальный бедный — внутри нас. И уже по одной этой причине «глобального Другого» более не существует»⁷⁹². В обществе риска (и здесь можно уверенно добавить «в эпоху биополитики») проблема идентичности формулируется по-новому. Так, по крайней мере на первый взгляд, можно интерпретировать это эмоциональное, но достаточно точное высказывание Бека.

Однако Бек дает одно важное пояснение. Он предлагает различать философский космополитизм, имеющий дело с нормами, и социологический, — оперирующий фактами. «Космополитизм, в том его философском смысле, который вкладывают в него Иммануил Кант и Юрген Хабермас, означает нечто активное, задачу или сознательное решение, которое внедряется «сверху» и ответственность за реализацию которого несут элиты. Сегодня, однако, пошлая и нечистая космополитизация разворачивается стихийно и незаметно, мощно и агрессивно. Скрытая за фасадами существующих

⁷⁹² Бек У. Жизнь в мировом обществе риска: космополитический поворот // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2012. № 5. С. 38.

национальных конструкций, она существует вне зависимости от суверенных территорий и правил поведения. От самой вершины общества она идет вниз, обнаруживая себя в повседневной семейной жизни, рабочих отношениях, в индивидуальных телах и карьерах, хотя национальные флаги продолжают развиваться, а национальные идентичности, установки и формы сознания даже крепнут»⁷⁹³. Можно утверждать, что концепция общества риска, представленная у Бека, помимо очевидных признаков (кризисное состояние, принципиальная неопределенность, стирание границ в самом широком смысле), обладает некоторым дополнительным биополитическим потенциалом, напрямую связанным с этими признаками.

Практически в каждом из своих сочинений по соответствующей проблематике немецкий теоретик говорит о парадоксе эпохи, в которой существует современное человечество: сила новой эпохи (эпохи «другого модерна») состоит «в угрозе опасности, которая не признаёт охранных зон и дифференциаций современного мира»⁷⁹⁴. Опасность существования заложена в самой логике развития мира. «Эта не признающая границ динамика опасности не зависит от степени заражения и споров о его последствиях. Напротив, любые измерения говорят об опасности для всех. Признание опасности атомного заражения равносильно признанию безысходности для целых регионов, стран и частей света. Продолжение жизни и признание опасности вступают в противоречие друг с другом»⁷⁹⁵. В то же время приходится констатировать, что такое противоречие не является абсолютно очевидным, поскольку человечество живет в режиме своеобразной инерции эпохи модерна⁷⁹⁶. Несмотря на то, что в безопасности «людям, явно, отказано», человечество должно воспринимать «остаточный риск» как

⁷⁹³ Бек У. Жизнь в мировом обществе риска: космополитический поворот // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2012. № 5. С. 38.

⁷⁹⁴ Там же.

⁷⁹⁵ Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. М., 2000. С. 7.

⁷⁹⁶ В терминологии Бека эпоха модерна (современности) отождествляется с индустриальной эпохой.

«оборотную сторону беспрецедентных благоприятных возможностей (процветания, относительно высокого уровня социального обеспечения и общего комфорта)»⁷⁹⁷. Однако сегодня риск имеет другую природу. В самом общем приближении можно сказать, что риск эпохи модерна (индустриальной эпохи) отличается от эпохи «другого модерна» тем, что он является принципиально не просчитываемым. Важно при этом, что описание того, как работала система «исчисления рисков» в эпоху индустриализма, перекликается с тем, как Фуко представляет неолиберальные техники биовласти. «“Исчисление рисков” является связующим звеном между естественными, техническими и общественными науками. Оно применимо к совершенно различным явлениям не только в области управления здравоохранением (от опасности курения до опасности радиационного заражения), но и в сферах экономического риска, риска, связанного с пожилым возрастом, безработицей, дорожными происшествиями, определенными периодами жизни и т.д. Вдобавок оно допускает что-то вроде “технологической морализации”, которая больше не нуждается в непосредственном применении моральных и этических императивов. Например, при определенном уровне загрязнения воздуха место “категорического императива” занимают показатели смертности. Применительно к подобным случаям можно сказать, что исчисление рисков – это пример своеобразной этики без морали, математической этики технологического века»⁷⁹⁸. Понятие риска у Бека можно трактовать как в полной мере биополитическое в том смысле, в котором о биополитике говорит Фуко. Риски в интерпретации немецкого теоретика «открывают возможность документировать следствия, которые первоначально персонифицировались и перекладывались на индивидов»⁷⁹⁹, но поняты как систематические события (как нечто, имеющее отношение к населению

⁷⁹⁷ Бек У. От индустриального общества к обществу риска // Альманах Thesis. Вып. 5. 1994. С. 161.

⁷⁹⁸ Там же. С. 163.

⁷⁹⁹ Там же.

вообще) они стали нуждаться в общем (политическом) регулировании: «Благодаря статистическому описанию рисков (скажем, в форме вероятностей несчастных случаев), туман индивидуализации рассеивается, хотя и явно недостаточно в случае болезней, вызываемых воздействием окружающей среды, таких, как ложный круп, астма или даже рак. Тем самым открываются возможности для соответствующих политических действий: вину за несчастные случаи на работе, к примеру, не возлагают на тех, чье здоровье так или иначе уже пострадало, но вместо этого связывают подобные случаи, отвлекаясь от их индивидуальной окраски, с организацией производства, с недостатком предосторожностей и т.д.»⁸⁰⁰ Бек не оригинален, утверждая, что почву для управления населением в эпоху «нового модерна» готовит модерн (техники, развиваемые в индустриальную эпоху). Однако важным для Бека оказывается способность индустриальной системы обращаться «к своему непредсказуемому будущему»⁸⁰¹. Превращение неисчислимого в исчислимое, по мнению Бека, – важнейшее достижение индустриальной эпохи. Проблема заключается в том, что сегодня, в эпоху «другого модерна», оно едва ли полезно. Объясняется этот факт тем, что вызовы современной эпохи опровергают саму логику управления рисками. «Совпадение нормального и исключительного, – пишет Бек, – как раз и характеризует появление технологических вызовов, которые занимают нас сегодня: ядерной энергетики, многих видов химического и биотехнологического производства, продолжения и углубления экологической деградации»⁸⁰². Проблема заключается в том, что любое решение может привести к уничтожению всего живого⁸⁰³. Бек, концентрируясь, казалось бы, на концептуализации отдельно взятого

⁸⁰⁰ Бек У. От индустриального общества к обществу риска // Альманах Thesis. Вып. 5. 1994. С. 163-164.

⁸⁰¹ Там же. С. 164.

⁸⁰² Там же. С. 165.

⁸⁰³ Здесь специфическим образом звучат известные постмодернистские идеи о небинарном устройстве мира, об относительности истины. Даже правильное (с точки зрения учета всех текущих условий и расчета возможных рисков) решение может привести к гибели.

понятия, понятия риска, предельно ясно формулирует то, что скрывается за метафорами постмодернистов и теоретиков метамодерна, когда они пытаются описать специфику эпохи, пришедшей на смену эпохе модерна. Он говорит о том, что в век ядерных, химических и генетических технологий исчезла связь между «предшествующим» и «последующим». То, что могли обеспечить социальные институты индустриальной эпохи, – взаимосвязь между «будущим и гарантированным обеспечением в настоящем», сегодня обеспечить невозможно⁸⁰⁴. «Наше общество остаточного риска стало обществом без гарантий, оно не застраховано, и парадокс в том, что защищенность убывает по мере роста опасностей. Нет ни одного института – ни реально, ни, видимо, даже в замысле, – который был бы готов к “наихудшему мыслимому бедствию”, как нет и формы общественного порядка, которая обеспечивала бы социальные и политические гарантии в этом худшем из возможных случаев»⁸⁰⁵. Дальнейшие рассуждения Бека перекликаются с тем, что будет сказано европейскими интеллектуалами с высокой трибуны в упомянутом выше докладе Римского клуба. Немецкий теоретик убежден, что эта беспрецедентная ситуация усугубляется тем, что человечество продолжает жить, мысля категориями уходящей эпохи, веря в незыблемость прогресса, неоспоримость научных догматов: «Заботу о последствиях, способную гарантировать некоторое уменьшение потенциальных опасностей, заменяют догмой технологической безошибочности, которая опровергается каждой следующей катастрофой. Владычица страны ошибок, наука, становится покровительницей этой неприкосновенной догмы...Соответственно политическая стабильность в обществах риска оказывается стабильностью отказа от обдумывания последствий»⁸⁰⁶. Стоит еще раз подчеркнуть, что Бека едва ли можно назвать теоретиком-постмодернистом или метамодернистом, но и не увидеть в его

⁸⁰⁴ Бек У. От индустриального общества к обществу риска // Альманах Thesis. Вып. 5. 1994. С. 165.

⁸⁰⁵ Там же.

⁸⁰⁶ Там же. С. 166.

рассуждениях очевидных параллелей с теми авторами, которых объединяют в одно теоретическое поле по принципу следования постмодернистским и/или метамодернистским принципам. Бек, кажется, делает то, о чем довольно абстрактно рассуждают Вермюлен и ван ден Аккер, – пытается показать, как постмодернистские принципы стирания границ, «недоверия к метарассказам», отсутствия целеполагания (столь резко и небезосновательно критикуемые) обретают воплощение в социально-политической реальности. Этот переход характеризуется возрастающей методологической и концептуальной значимостью таких категорий, как «жизнь», «риск», «безопасность» («безопасность человека», «безопасность человечества»), «технологии», «наука», «политика». Таким образом, благодаря изысканиям Бека, с одной стороны, можно проследить, каков механизм перехода из одного состояния мира к другому, с другой, – с достаточной степенью четкости определить, почему это состояние можно характеризовать как биополитическое. Наконец, в рассуждениях немецкого теоретика намечается еще одно направление, которое видится чрезвычайно актуальным для современных биополитических исследований. Это направление связано с осмыслением трансформации дихотомии «индивидуальное-политическое».

Бек замечает, что европейскую жизнь конца XX века отличает следующее противоречие: «уровень безопасности, опирающийся на совершенство техно-бюрократических норм и средств контроля, и распространение угрозы исторически новых опасностей, которые проскальзывают сквозь все заградительные сети закона, технологии и политики»⁸⁰⁷. По мнению немецкого мыслителя, корни этого противоречия не технологические, но социально-политические. Бек говорит о том, что причина в самом «смещении времен» и добавляет, что это противоречие не исчезнет, пока «живут старые индустриальные стереотипы рациональности и

⁸⁰⁷ Бек У. От индустриального общества к обществу риска // Альманах Thesis. Вып. 5. 1994. С. 167.

контроля»⁸⁰⁸. Окончание этого состояния будет ознаменовано тем, что «невероятные события станут вероятными», когда мир вступит в эпоху «нормальных катастроф». Эта новая реальность в итоге определит фактически индивидуальную необходимость в гарантиях безопасности: «Главный социально-исторический и политический потенциал экологических, ядерных, химических и генетических опасностей кроется в крушении административной системы, в крахе научно-технической и правовой рациональности, а также институциональных гарантий политической безопасности, потребность в которых становится настоятельной необходимостью для каждого»⁸⁰⁹. Бек в некотором смысле задает импульс для появления собственно биополитических концепций, которые формируются в поле размышлений о современном состоянии мира. Речь, в частности, идет о концепции жизненной политики британского социолога Энтони Гидденса.

Концепция жизненной политики (life politics) органично вплетена в размышления о разрыве между современностью и постсовременностью (новой современностью), эпохой «позднего модерна», о глобальных трансформациях, которые претерпевает сегодня современный мир. В фокусе внимания исследователя оказывается то, как эти изменения (прежде всего, социально-политические) влияют на повседневную жизнь человека. Естественная человеческая жизнь оказывается встроенной в глобальные трансформации, и это новое состояние рождает новые ощущения, новые опасности (риски), новые способы существования.

Одной из ключевых характеристик новой эпохи является то, что она не является безопасной. Гидденс констатирует факт принципиальной незащитности человеческой жизни. Парадоксальным образом эта незащитность возникает в результате безупречного научно-технического и

⁸⁰⁸ Бек У. От индустриального общества к обществу риска // Альманах Thesis. Вып. 5. 1994. С. 167.

⁸⁰⁹ Там же.

политического развития⁸¹⁰ и являет собой фактически «достижение» современности. Дело в том, что развитие (как одна из ключевых характеристик современности) неразрывно связано с культивацией сомнения и скепсиса⁸¹¹. Современный уровень знания и технологий делает мир открытым для «экспериментов», для допущений, для отрицания и в то же время для установления новых традиций, правил. Пусковым механизмом жизненных изменений у Гидденса выступает человек, который имеет сегодня беспрецедентные возможности для того, чтобы дальше трансформировать себя и мир, который его окружает⁸¹².

Начало этим трансформациям положено уже потому, что происходит пересмотр прежнего порядка. Причина трансформаций – сама жизнь. Тут, конечно, нельзя не отметить параллель с фукольдиданским подходом к осмыслению этого процесса. Под «меняющейся жизнью» Гидденс подразумевает то, что социальные практики изменяются под влиянием нового знания вообще и обновленного знания об этих практиках. Знание участника при этом является частью самой практики⁸¹³. Таким образом, ключевой характеристикой современной эпохи является рефлексивность. Но парадокс заключается в том, что именно рефлексивность как неотъемлемая черта человеческого сознания, достигшего определенного уровня, становится причиной нестабильности. Любое суждение может

⁸¹⁰ Под политическим развитием современные исследователи понимают движение в сторону установления демократического порядка, либерализации. Такая логика понимания политического развития кажется вполне соотносящейся с ключевыми установками теории Спенсера, о которой шла в первом параграфе первой главы настоящего исследования.

⁸¹¹ Здесь вновь видна очевидная аллюзия на постмодернистское «недоверие к метарассказам», выраженное, правда, в иных терминах.

⁸¹² Понимание роли человека в теории Э. Гидденса во многом объясняет то, почему ни сам Гидденс, ни исследователи его теории не используют терминов «постмодерн» и «постсовременность». Для тех, кого называют постмодернистами, или тех, кто использует соответствующие термины для описания состояния мира, имеющего похожие на характеристики, которые присваивает этому состоянию Гидденс, роль человека в жизненных трансформациях явно меньше.

⁸¹³ Такое понимание социальной практики очевидно коррелирует с понятием социальной практики в теории дискурса Нормана Фэркло, о которой шла речь выше.

(рискует) быть подвергнуто сомнению. Вместе с тем, чтобы подвергнуть сомнению любую форму знания, необходимо, чтобы знание прочно вошло в повседневную жизнь человека. И именно это можно наблюдать сегодня. То, что до определенного момента существовало как объект осмысления лишь для ограниченного числа людей (ученых), сегодня на уровне повседневной практики внедряется в жизнь⁸¹⁴.

Соответственно, предопределенные кем-то извне схемы жизни и жесткая система социальных ролей претерпевают изменения. Проблема выбора и принятия индивидуальных решений обостряется как никогда на фоне многообразия конфигураций, которые предлагает сама жизнь. Разумеется, эти изменения происходят не только на индивидуальном уровне (хотя, безусловно, этот уровень является чрезвычайно важным в концепции жизненной политики Гидденса), но и на уровне общественно-политическом. Дихотомия «личное (интимное) – публичное (политическое)» ложится в основу рассуждений о «жизненной политике» как об одном из вариантов биополитики.

Гидденс начинает рассуждения о «жизненной политике» с осмысления трансформаций, которые происходят с демократией в

⁸¹⁴ Самым очевидным примером может служить распространенная практика получения информированного согласия. Понятие «информированного согласия» является одним из ключевых в поле «современного этико-правового регулирования медицинской практики и биомедицинского экспериментирования. Под “добровольностью” понимается то, что согласие дано осознанно, свободно, самостоятельно, независимо, без принуждения. Согласие, данное в исследовательских ситуациях свидетельствует о готовности гражданина допустить в отношении собственного организма как системы определенные манипуляции и оказывать содействие развитию науки посредством разрешения использования полученной информации в процессе исследования, направленного на расширение научных знаний как о частных проблемах биологии человека и медицины (исследование определенных болезней, фармакологические испытания и т.п.), так и о системообразующих предметах биомедицинского комплекса наук – здоровье, критериях и содержательных характеристиках представлений о норме и патологии и т.п. “Информированность” означает, что гражданин дает свое согласие осознанно, на основании представленной врачами или организаторами биомедицинского эксперимента достоверной и полной информации, предъявленной субъекту согласия в доступной для понимания форме» [Брызгалова Е.В. и др. Специфика информированного согласия доноров депозитариев биоматериалов // Технологии живых систем. 2018. № 2. Т. 15. С. 4].

современном ему мире⁸¹⁵. Прежде всего, следует отметить, что демократия в традиционном смысле Гидденса интересует в очень малой степени. Гидденс ссылается на британского политолога Дэвида Хелда с его интерпретацией демократии и говорит о том, что политическая демократия имеет своей целью обеспечение «свободных и равных отношений между индивидами», а достигает этого при помощи решения ряда задач⁸¹⁶. К этим задачам относится, например, «создание таких обстоятельств, в которых люди могут развивать свои потенциальные возможности и выражать свои разнообразные качества», «защита от произвольного использования политического авторитета и подавляющей власти», «включенность индивидов в детерминированные условия их объединения (предварительное условие в этом случае состоит в том, что индивиды принимают аутентичный и резонный характер суждений других индивидов)»⁸¹⁷. При том, что Гидденс принимает эти положения Хелда с некоторыми ограничениями, в качестве объединяющего начала он отмечает автономию, которая означает «способность индивидов быть само-рефлексивными и само-детерминируемыми»⁸¹⁸, то есть способными к обдумыванию, самостоятельному, независимому суждению, выбору различных способов действия⁸¹⁹. Установки, транслируемые Хелдом, с точки зрения Гидденса, присущи тому, чем станет демократия в будущем. Но трансформации, которые можно наблюдать сегодня, – это, определенно, начало формирования нового порядка, который называть политическим порядком ошибочно, поскольку по сути своей понятие «демократия» должно трактоваться намного более широко в сравнении с классической его интерпретацией как политического режима.

⁸¹⁵ Книга, в которой подробно излагается концепция жизненной политики «Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах» увидела свет в 1992 году.

⁸¹⁶ Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб., 2004. С. 191.

⁸¹⁷ Там же. С. 192.

⁸¹⁸ Там же.

⁸¹⁹ Там же.

Для Гидденса важно вместе с тем подчеркнуть, что этот новый порядок не подразумевает анархии. Власть должна быть, но она оправдывает свое существование до тех пор, пока «признает принцип автономии»⁸²⁰. Механизм действия «новой демократии» очевидно напоминает форму делиберативной демократии: «индивидам должны быть предоставлены средства для того, чтобы их голос был услышан, ... предоставлена трибуна для проведения свободной дискуссии»⁸²¹, поскольку сама демократия «означает дискуссию, возможность использования “силы лучшего аргумента” для учета при определении решения (наиболее важными из которых являются решения политические)»⁸²². В отличие от Дэвида Хелда, теоретизирующего процесс эволюции демократии, представляющего самые современные ее формы, или Юргена Хабермаса, который развивает собственно концепцию делиберативной демократии, Гидденс осуществляет отнюдь не тривиальный поворот в своих рассуждениях, когда делает вывод о том, что целью этого нового порядка властвования оказывается, с одной стороны, появление «более просвещенного гражданства»⁸²³, но с другой, – сам этот порядок есть не что иное, как следствие «расширения познавательных горизонтов индивида»⁸²⁴. По Гидденсу, новый социальный порядок обретет идеальную форму тогда, когда он будет представлять собой и результат осмысленной, целенаправленной, подкрепленной знанием о предмете деятельности индивида, и результат «эмоциональной образованности» индивида. Политика не должна быть предметом спора и, следовательно, источником негативных эмоций: «Политически образованный участник диалога способен канализировать свои эмоции позитивным образом: скорее рассуждать, доказывая свои убеждения, нежели втягиваться в болезненные размышления

⁸²⁰ Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб., 2004. С. 192.

⁸²¹ Там же. С. 193.

⁸²² Там же.

⁸²³ Там же.

⁸²⁴ Там же.

через полемику или эмоциональную критику»⁸²⁵. Пафос текста Гидденса в том, что все классические принципы и механизмы демократии должны способствовать, в сущности, одной цели – развивать индивидуальность. В интерпретации Гидденса «развивать индивидуальность» означает эмансипировать ее. Достаточно значимую часть в сочинении Гидденса занимают рассуждения о том, как соотносится политическая демократия и «демократизация личной жизни»⁸²⁶. Одним из специфических направлений, в котором развивается это соотношение оказывается «эмансипационная политика». В данном случае эмансипация предполагает легитимность в самом широком смысле – это освобождение от социального и политического принуждения при условии существования внутри системы. Эмансипационная политика как политический курс направлена на максимальное нивелирование неравенства и подавления. Она предполагает продвижение идей социальной справедливости и политического участия.

Если попробовать дать наиболее общее определение эмансипационной политике Гидденса, то оно опять же должно быть помещено в контекст рассуждений о смене эпох. Эмансипационная политика – это, прежде всего, политика, нацеленная на освобождение от традиции (классической традиции, традиции Нового времени). Политика эмансипации дополняет процесс демократизации как в политическом, так и в личностном смысле, поскольку сама по себе является характеристикой новой эпохи. «Открытая природа глобальных проектов современности имеет реальные корреляты в неопределенных результатах повседневных социальных экспериментов... Что можно сказать с какой-то степенью определенности, так это то, что демократии недостаточно. Политика эмансипации — это политика внутренне соотносящихся систем современности; она ориентирована на контроль распределительной власти и не может вступать в столкновение с властью в ее

⁸²⁵ Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб., 2004. С. 193.

⁸²⁶ Там же. С.196-202.

порождающем родовом аспекте»⁸²⁷. Понятие эмансипационной политики становится необходимым дополнением «новой демократии». «Жизненная политика» – понятие, которое служит для того, чтобы обозначить эмансипационную политику в развитии.

В последнем пределе жизненная политика – апофеоз политики эмансипации, как поздний модерн – апофеоз развития современности. Если политика эмансипации направлена на достижение каких-либо свобод и в этом смысле представляет собой освобождение от ограничений, то политика жизни направлена на утверждение разнообразия жизненных стилей⁸²⁸. «Мы определяем понятие жизненной политики скорее как политику жизненного стиля, <...> действующую в контексте институциональной рефлексивности»⁸²⁹. В самом общем виде задачу жизненной политики можно определить как создание таких условий жизни, которые будут способствовать раскрытию самости. Движение от политики эмансипации к жизненной политике – это движение от общего к частному, от понятий свободы, равенства, справедливости, к понятиям самоактуализации. В политике такого типа соединяются этическое и политическое. Здесь можно увидеть аллюзию к античному восприятию политического и парадоксальным образом к понятию *bios* в том значении, на котором настаивал Агамбен, обращаясь к Аристотелю⁸³⁰. Дело в том, что жизненная политика «относится не к тому, “политизировать” — в узком смысле этого понятия — решения, связанные со стилем жизни, но к тому, чтобы ре-морализировать их или, выражаясь более точно, поднять на поверхность те моральные и

⁸²⁷ Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб., 2004. С. 202.

⁸²⁸ В данном случае «эмансипационная политика» воплощает собой идею «свободы от», то за «жизненной политикой» закреплено значение «свободы для».

⁸²⁹ Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб., 2004. С. 202.

⁸³⁰ Парадоксальность ситуации связана с тем, что в восприятии Агамбена (как это было подробно показано выше) «политизация жизни» – основание для выстраивания биополитической теории как теории, направленную на критику существующего порядка. У Гидденса позиция является прямо противоположной: «политизировать жизнь» означает, в сущности, выбрать свой образ жизни.

экзистенциальные проблемы, которые ограничение опыта оттолкнуло от повседневной жизни»⁸³¹. В сущности, главный вопрос эпохи жизненной политики – «Как я буду жить?», который пришел на смену вопросу «Кто я?»⁸³². Сама постановка вопроса о стиле жизни позволяет соединить в одном пространстве философские, этические идеи и «практические заботы»⁸³³. Вместе с тем процесс ответа на этот вопрос возвращает нас к идеям Фуко и Лиотара. Дело все в том, что основанием для совмещения различных аспектов и человеческого мышления, и человеческих практик предполагает особое состояние знания. В интерпретации Гидденса, правда, необходимо добавить, что это состояние характеризуется специфическим знанием человека о самом себе, о собственной телесности, которое, конечно, неотделимо от развития знания вообще.

Новое восприятие себя определяется теми возможностями, которые дают новые технологии, и именно это запускает процесс иного восприятия действительности. То, что раньше казалось незыблемым, недоступным для вмешательства, то, что мыслилось как рок, сегодня – поле для выбора. И это поле индивидуального выбора зачастую связано с судьбой общества, развитием государства. Самым очевидным примером становятся, конечно, репродуктивные технологии.

С появлением репродуктивных технологий по-новому оценивается сексуальность, отделенная от репродуктивности, пересматривается понятие родительства. При определенных условиях (и создание этих условий является частью жизненной политики) воспроизводство обусловлено не природой, а выбором человека. Разумеется, что этот индивидуальный выбор влияет на общественно-политические процессы как внутригосударственные, так и межгосударственные. В последнем пределе выбор индивида

⁸³¹ Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб., 2004. С. 203.

⁸³² Там же. С. 203.

⁸³³ Там же.

связывается с возможностью выживания человечества или, напротив, с проблемой перенаселения. Выбор, прежде всего, моральный выбор на обыденном уровне жизни становится основой социально-политических практик. Гидденс настаивает на том, что в данной ситуации неизбежно переосмысливаются моральные установки современности и актуализируется то, что замалчивалось и оставалось за скобками. Это еще одна из характеристик современного состояния общества, состояния парадоксального и принципиально небезопасного.

Гидденс говорит о том, что «даже риски, сопряженные с серьезными последствиями, не являются просто маловероятными возможностями, которые могут игнорироваться в повседневной жизни, хотя и за счет определенных психологических издержек. Некоторые из таких рисков, а также множество других, потенциально угрожающих жизни индивидов или другим образом влияющих на них, внедряются прямо в основу повседневной деятельности»⁸³⁴. Помимо репродуктивных технологий, которые по определению связаны с вопросом возможности давать жизнь и таким образом изменять демографические показатели, существуют другие технологические возможности влиять на «жизненные шансы» и, соответственно, вносить коррективы в формулу «безопасность, территория, население»⁸³⁵. Современное состояние общества, по Гидденсу, это не только и не столько ощущение риска или отсутствия опасности. Современное состояние – это сочетание риска и возможностей, которое дает современное знание. «Во многих обстоятельствах сочетание риска и возможности является столь сложным, что индивидам становится невероятно трудно понять, в какой степени стоит доверять отдельным предписаниям или системам, а в какой степени этого делать не следует»⁸³⁶. Собственно, именно

⁸³⁴ Гидденс Э. Последствия современности. М., 2011. С. 289.

⁸³⁵ Еще один очевидный пример, который приводит сам Гидденс, это загрязнение окружающей среды. В результате мы имеем очевидные воздействия на здоровье населения и последствия, связанные с ухудшением состояния здоровья.

⁸³⁶ Гидденс Э. Последствия современности. М., 2011. С. 290.

в этом контексте возникает тема, которая становится одной из ключевых для современных биополитических исследований – тема доверия к обладающему знанием. В сущности, речь идет о новом ракурсе фуколдианской идеи «власти-знания», но от этого тема не теряет ни своей актуальности, ни теоретической значимости. Кажется, что во многом благодаря рассуждениям Гидденса в поле биополитики органично вплетается биоэтическая составляющая. Важно отметить при этом, что она вводится на уровне осмысления ее как некоторой социальной практики. Риск как неотъемлемая составляющая современного состояния общества, связанный со сложностью технологического знания, отягощает существование каждого отдельно взятого индивида. В некотором смысле это становится препятствием для выстраивания жизненной политики. Гидденс иллюстрирует это, используя довольно очевидные примеры. «И, хотя профиль риска, определенный на какой-либо данный момент времени, выглядит объективным, его интерпретация для отдельного индивида или группы индивидов зависит от степени учета потенциальных изменений в образе жизни и от обоснованности предположений о возможности таких изменений. Может оказаться, что однажды установленный образ жизни (скажем, следование определенной диете) довольно трудно нарушить, поскольку он, вероятнее всего, увязан с другими аспектами поведения личности. Все эти соображения влияют на рефлексивное усвоение обывателями параметров риска, отфильтрованных абстрактными системами. Неудивительно, что, сталкиваясь с этой усложненностью, некоторые люди перестают доверять практически всем медикам и консультируются с ними только в моменты отчаяния, в другое время упрямо придерживаясь своих уже установившихся привычек»⁸³⁷. Говоря о доверии, Гидденс остается верным положению о том, что для выстраивания собственного стиля жизни необходим психологический комфорт. Доверие – показатель комфорта. При этом

⁸³⁷ Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // Thesis. 1994. Вып. 5. С. 117.

абстрактные системы⁸³⁸, доведенные до совершенства в эпоху «позднего модерна», не могут обеспечить достаточную степень психологического комфорта: «Абстрактные системы основываются на доверии, но они не доставляют морального удовлетворения, как, например, персонализированное доверие или присущий традиционной среде моральный порядок, в соответствии с которым протекала повседневная жизнь»⁸³⁹. Для создания необходимой «психологической поддержки» в обществе риска должны существовать те, кто обеспечит комфортное существование на индивидуальном уровне. По мнению Гидденса, эту функцию должны выполнять эксперты, «которые сконцентрированы на реконструкции самоидентичности, т.е. консультировании или терапии. Решение начать лечение может привести к наделению полномочиями [другого]. В то же время такое решение по своей природе не отличается от других касающихся образа жизни решений, принимаемых в условиях современности»⁸⁴⁰. Необходимо подчеркнуть, что этот вывод представляет собой заключение о том, как *должна* выстраиваться коммуникация между экспертами и обывателями в обществе риска, но никак не констатацию текущей ситуации. В описании реально существующего положения вещей Гидденс остается верным идее о том, что конструирование властных систем (социальных, политических институтов) находится в прямой зависимости от обладания знанием. И в этом смысле британский теоретик, конечно, продолжает идеи Фуко⁸⁴¹.

Концепция Гидденса во многом небезупречна. Об этом говорит Томас Лемке, справедливо подчеркивая, что концепция «жизненной политики» является не достаточно проработанной⁸⁴². Ключевая претензия Лемке

⁸³⁸ Примером абстрактной системы может служить глобальная денежная система, символическая и материальная одновременно.

⁸³⁹ Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // Thesis. 1994. Вып. 5. С. 129.

⁸⁴⁰ Там же. С. 133.

⁸⁴¹ В работах Гидденса нет прямых отсылок к Фуко, но преемственность идей очевидна.

⁸⁴² Lemke T. Biopolitics: An advanced introduction. New York, London, 2011. P. 85.

заключается в том, что «политика эмансипации» и «жизненная политика» не разделяются концептуально. Однако, эта претензия не совсем справедлива. Концепции эмансипационной политики и жизненной политики вполне органично вписываются в общую тенденцию рассуждений о современности («эпохе позднего модерна») как об эпохе общества риска с присущими ей особенностями и могут рассматриваться как характеристики этой эпохи. В переходе от «эмансипационной политики» к «политике жизни» просматривается собственно переходность, свойственная современному миру. Стоит заметить, что недовольство Лемке связано еще и с тем, что Гидденсу не удается четко определить те границы, где заканчивается современность и начинается «поздний модерн»⁸⁴³. Соответственно, не совсем понятно, когда «политика» становится «жизненной политикой». Но этот вопрос можно адресовать буквально каждому исследователю, который анализирует процесс перехода от одного состояния мира к другому, независимо от терминов, которые используются для обозначения этих состояний. И подобно тому, как Лиотар предлагает искать корни постмодерна в модерне, а Вермюлен и ван ден Аккер истоки метамодерна – в постмодерне, Гидденс ссылается на наиболее актуальные для его времени, но все же классические версии демократии и исходит из них, выстраивая собственную биополитическую концепцию.

Критика Лемке видится убедительной тогда, когда он вменяет в вину британскому теоретику его «аполитичность». В отличие от постмодернистской «политики идентичности», от которых Гидденс стремится дистанцироваться, его «политика образа жизни» отнюдь не напоминает миноритизированную политику (политику меньшинств, которые заявляют об отличиях «и бросают вызов универсализму модерна»)⁸⁴⁴. Гидденс, действительно, очень скуп в своих объяснениях того, «как именно индивидуальная самоактуализация связана с коллективными процессами

⁸⁴³ *Lemke T.* Biopolitics: An advanced introduction. New York, London, 2011. P. 85.

⁸⁴⁴ *Ibid.*

принятия решений и какие виды репрезентации и способы артикуляции для этого необходимы»⁸⁴⁵. В то же время нельзя отрицать тот факт, что обсуждение вопросов, связанных с «жизненной политикой» и, соответственно, о принципах индивидуальной автономии, самоопределения, свободы действий (в том числе и политических), базирующееся на размышлениях о новых формах знания, возможностях вмешательства в природу человека, о роли экспертного сообщества в обществе риска складываются в некоторое отдельное поле биополитических исследований. Позиция, согласно которой «жизненная политика» есть своего рода требование времени, во многом пересекается с позицией исследователя, имя которого прямо ассоциируется с современной западной биополитикой. Речь идет о британском мыслителе Николасе Роузе и его концепции политики жизни.

Надо сказать, что Томас Лемке называет биополитическую концепцию Николаса Роуза одной из самых влиятельных биополитических концепций на сегодняшний день⁸⁴⁶. Возможно, дело в том, что Роузу лучше, чем многим другим ученым, работающим в поле гуманитарных биополитических исследований, удастся представить биополитику как многокомпонентную сферу, в которой сочетаются подходы «классиков» биополитической теории (Фуко, Деррида) с новейшими подходами, которые обусловлены не просто ростом объема знания, развитием конкретных его областей (биологических, генетических), но связаны с технологическими практиками, свойственными современности. При этом у Роуза отчетливо просматривается идея о том, что биополитика всегда коррелирует с вопросом о границах между культурным и природным, технологическим и органическим⁸⁴⁷. Соответственно, в текстах Роуза последовательно транслируется идея о том, что биологическое сегодня

⁸⁴⁵ *Lemke T. Biopolitics: An advanced introduction. New York, London, 2011. P. 85.*

⁸⁴⁶ *Ibid.*

⁸⁴⁷ Таким образом Роуз реконструирует идеи, которые очевидно являются ключевыми для философии жизни.

не может быть отделено от морального и политического. Результатом синтеза этих идей является концепция «этополитики».

Рассуждая о синтезе биологического и социального, Роуз подразумевает, что человек совершенно определенным образом использует достижения биологического знания. В частности, задачи современной генетики не должны иметь ничего общего с евгеническими вмешательствами. Роуз исключает из поля собственных биополитических рассуждений анализ того, как современная генетика может способствовать усовершенствованию техник селективного отбора или регуляции показателей численности населения. Здесь следует отметить, что Роуз существенно изменяет концептуальные рамки биополитики, заданные Фуко, настаивая на том, что биополитика есть стратегия, направленная не на население в целом, не на «тело нации», а на генетику индивида. Интересно при этом, что фукольдианская идея об общественном здоровье как объекте биополитики в рассуждениях Роуза не пропадает, но становится подчиненной идее сохранения индивидуального здоровья. Роуз отмечает, что современные биополитические стратегии, основанные на современном знании, прежде всего, избирательные, «умные», принципиально отличные от репрессивных методов, базирующихся на евгенических принципах. И именно здесь у Роуза возникает еще одна точка сближения с концепцией Гидденса. Роуз говорит о том, что биополитические стратегии должны быть нацелены на области наибольшего риска.

В статье «Политика самой жизни», опубликованной в журнале «Теория, культура и общество» в 2001 году Роуз констатирует, что биополитика, какой ее видел, например, Агамбен, – это биополитика второй половины XX века. Соответственно, критическая направленность биополитической теории вполне оправдана. Однако в рамках политической рациональности, свойственной началу XXI века (Роуз называет этот тип «развитым либеральным» (“advanced liberal”)), можно говорить о том, что

биополитические акценты изменились. Сегодня биополитика связана не со стремлением «классифицировать, идентифицировать, устранять или ограничивать жизнь тех, кто не является совершенным»⁸⁴⁸; она не имеет своей целью «способствовать размножению тех, кто имеет наилучшие биологические характеристики во имя улучшения популяции, расы, нации»⁸⁴⁹. То есть биополитика, с точки зрения британского теоретика, не должна ассоциироваться с евгеническими идеями. Далее Роуз фактически повторяет идею Фуко, адаптируя ее к современному контексту. Он говорит о том, что современная биополитика «состоит из множества стратегий, которые направлены на управление областями, которые отличает повышенная рискогенность»⁸⁵⁰. Биополитика – это многоуровневые стратегии, но ключевым посылом Роуза оказывается то, что задача власти заключается в том, чтобы снизить совокупный уровень риска применительно к населению. Специфика сегодняшнего дня заключается в том, что областей риска становится сегодня все больше и больше. Логика рассуждений Роуза подводит к идее о том, что каждый сегодня находится в зоне риска в той или иной степени и, соответственно, поле биополитики расширяется настолько, что любая политическая стратегия становится биополитической.

Здесь важно подчеркнуть, что идею Роуза трудно назвать новаторской в силу даже тех примеров, которые были рассмотрены выше. Однако логика его рассуждений позволяет достаточно ясно понять механизм категориальной связи между современностью, биополитикой и риском. Вместе с тем чрезвычайно важным для Роуза оказывается проблемное поле, которое включает в себя антропологическую и этическую проблематику. Опять же нельзя утверждать, что Роуз является пионером в смысле

⁸⁴⁸ *Rose N.* The Politics of life itself // *Theory, culture & society*. 2001. Vol. 18 (6). P. 7. URL: https://sociology.exeter.ac.uk/media/universityofexeter/collegeofsocialsciencesandinternationalstudies/sociology/research/egenis/The_Politics_of_Life_Itself.pdf (accessed: 06.11.2022).

⁸⁴⁹ Ibid.

⁸⁵⁰ Ibid.

включения в биополитическую сферу проблем такого типа, но его выводы определенно заслуживают внимания.

Роуз ставит вопрос о том, что испытывает человек, оказываясь в зоне риска, неизбежно возникающей в результате политических трансформаций и развития технонауки. Прежде всего, доступность средств вмешательства в природные процессы способствует созданию впечатления о том, что человек (человеческое тело, человеческое здоровье) – податливая, мягкая субстанция, состояние которой можно скорректировать или улучшить. Соответственно, меняется восприятие человеком самого себя, меняется восприятие собственной идентичности. В связи с этим формируется новый комплекс этических и политических вопросов. Собственно, анализируя именно эту, иную в сравнении с тем, как ее понимали «классики» биополитических исследований, совокупность вопросов, Роуз вводит понятие этополитики.

По большому счету Роуз определяет этополитику как современную форму биополитики⁸⁵¹ и, следовательно, как политику жизни. Жизнь эта представляет собой жизнь в обществе риска, где все обещания иллюзорны, где одним из ключевых понятий является вероятность, но не уверенность. Примеры, которые приводит Роуз так или иначе всегда связаны с биомедициной. В частности, Роуз говорит о том, что эта вероятность, уступающая место уверенности, отчетливо проявляется в ситуации, когда ведется речь о генетических исследованиях, которые позволяют, скажем, предсказать развитие наследственного заболевания: обнаружить предрасположенность не означает с уверенностью предсказать возможность проявления генетического заболевания. Роуз делает вывод о том, что потенциал современного знания нельзя недооценивать. Но парадоксальным образом это знание, «новые методы выявления восприимчивости»

⁸⁵¹ Этот факт отмечает Лемке и подчеркивает его значимость для развития современных биополитических исследований. [См., например, *Lemke T. Biopolitics: An advanced introduction. New York, London, 2011. P. 100-101.*]

открывают, в сущности, «пространство неопределенности»⁸⁵². Все, что связано с принятием решений (как на индивидуальном, так и на коллективном уровне) в ситуации подобного рода неопределенности, оказывается, по Роузу, в пространстве этополитики. В этом смысле можно говорить о том, что биополитика «сливается с тем, что именуется «этополитикой»: политикой самой жизни, политикой должного ее проживания»⁸⁵³.

Этополитика у Роуза – это понятие, необходимое для описания способов, при помощи которых этос человеческого существования – чувства, мораль или основополагающие принципы функционирования человека, групп, институтов – достигает такого уровня, что способен обеспечить наличие «сферы-медиума» (среды), в пределах которой самоуправление автономного индивида может войти в полное соответствие с императивами наилучшего политического правления. В рамках этополитики объектом принятия решений является сама жизнь в ее каждодневных проявлениях. Если дисциплинарная власть индивидуализирует и нормализует, а биовласть коллективизирует и социализирует, то этополитика обращена к «самотехникам», посредством которых люди должны оценивать себя самих и действовать в соответствии с собственными принципами, чтобы сделать себя лучше, чем они есть сейчас»⁸⁵⁴.

В область этополитики у Роуза входит широкий спектр вопросов, начиная от вопроса об индивидуальном стиле жизни и заканчивая вопросами о жизни целых сообществ. Однако их объединяет общий смысловой стержень, который Роуз обозначает при помощи понятия «витализм». Для Роуза витализм – это все темы, которые вращаются вокруг ценности существования в согласии с самой жизнью. К ним философ относит,

⁸⁵² Rose N. The Politics of life itself // Theory, culture & society. 2001. Vol. 18 (6). P. 7. URL: https://sociology.exeter.ac.uk/media/universityofexeter/collegeofsocialsciencesandinternationalstudies/sociology/research/egenis/The_Politics_of_Life_Itself.pdf (accessed: 06.11.2022).

⁸⁵³ Ibid.

⁸⁵⁴ Ibid.

например, «качество жизни», «право на жизнь», «право на выбор», вопросы, связанные с эвтаназией, генной терапией, клонированием и т.д.⁸⁵⁵.

Одним из очевидных достоинств концепции Роуза является то, что он осознает и анализирует двойственность политики жизни, построенной на базе этики. С одной стороны, человек, находящийся в современных условиях, неизбежно сопоставляет предоставленные ему возможности трансформации и использует их. Это фактически новый тип человеческой деятельности хотя бы потому, что она осуществляется в поле того, что до относительно недавнего времени представлялось недоступным, незыблемым, неизменным. Определенно, результатом этой деятельности видится расширение границ норм жизни и здоровья, что требует новых техник контроля на разных управленческих уровнях. Идеальным вариантом для Роуза является открытие новых полей для демократических обсуждений, новых сфер принятия решений.

С другой стороны, новые возможности сопряжены с новыми рисками. Первая и опять же практически неизбежная проблема – коммерциализация. Результаты научных исследований, имеющие своей целью лишь получение прибыли, приводят к тому, что прямо противоположно тому, что Роуз называет истинной демократией. Проще говоря, коммерциализация ведет к новым формам неравенства и эксплуатации⁸⁵⁶.

Однако, по Роузу, опасность коммерциализации не является единственной. Философ очень любопытно ставит вопрос об опасности «экспертного сообщества» в условиях современной жизни. Этополитические проблемы являются очагами вокруг которых формируется тот или иной дискурс, который специалисты в разных областях (биоэтика, генетика,

⁸⁵⁵ *Rose N.* The Politics of life itself // *Theory, culture & society*. 2001. Vol. 18 (6). P. 7. URL: https://sociology.exeter.ac.uk/media/universityofexeter/collegeofsocialsciencesandinternationalstudies/sociology/research/egenis/The_Politics_of_Life_Itself.pdf (accessed: 06.11.2022).

⁸⁵⁶ *Rose N.* The Politics of life itself: Biomedicine, power, and subjectivity in the twenty-first century. Princeton, P. 31-39.

фармацевтика, биотехнологии и т.п.) навязывают обывателю. И это тоже своего рода неизбежность, поскольку в каждой из профессиональных областей существует собственные ответы на вопросы о жизни. Но итогом этого неизбежного распространения готовых ответов оказывается то, что человек, принимающий решение о собственной жизни, руководствуется не собственной моралью, принципами, чувствами. Таким образом, персональный жизненный выбор прочно связывается с экономическими, медицинскими, политическими интересами, которые, в свою очередь, неразрывно связаны между собой.

Очевидно, усиливая акцент на роли экспертного сообщества и биоэтического контроля, Роуз продолжает линию Фуко в части осмысления особого статуса знания в процессе совершенствования неолиберальных форм управления: «Подъем “развитых либеральных” управленческих технологий ... включал в себя, в частности, реорганизацию власти государства, переложившего многочисленные функции по управлению здоровьем человека и его воспроизводством, являвшихся на протяжении XX века зоной ответственности формальных аппаратов правительства, на квазиавтономные регламентирующие инстанции, например, на биоэтические комиссии, на частные корпорации (частные репродуктивные клиники и биотехнологические компании, продающие генетические тесты напрямую потребителям), профессиональные группы, такие как медицинские ассоциации. Эти инстанции регулируются «на расстоянии» мощными механизмами аудита, стандартов, целевых показателей и бюджета)»⁸⁵⁷.

Работы Роуза, посвященные биополитической проблематике, относятся к ряду наиболее часто цитируемых в современных исследованиях соответствующего профиля. Действительно, перед нами концепция,

⁸⁵⁷ *Rose N. The Politics of life itself: Biomedicine, power, and subjectivity in the twenty-first century. Princeton, 2007. Цит. по Брызгалова Е.В. и др. Специфика информированного согласия доноров депозитариев биоматериалов // Технологии живых систем. 2018. № 2. Т. 15. С. 5.*

вбирающая в себя множество аспектов, которые исторически способствовали формированию концепции биополитики. Многоаспектность при этом не делает концепцию эклектичной, не законченной, не доработанной. В отличие, скажем, от концепции Энтони Гидденса, которая во многом подвергается критике именно по этой причине. Концепция Роуза видится более целостной, возможно, по той причине, что естественные (связанные с жизнью, здоровьем) проблемы становятся обязательной частью государственной политики. Это явление Роуз называет «демократизацией биополитики»⁸⁵⁸. То есть подход Роуза отличается тем, что он объясняет необходимость существования нового политического порядка, исходя из собственно биологической необходимости – заботе о собственном (индивидуальном) здоровье, что изменяет саму траекторию взгляда на (био)политику.

Роузу, кажется, удастся то, что не в полной мере удастся Гидденсу: он показывает, как такая субстанция, как человеческое тело, становится не просто объектом власти (как в случае с теориями, например, Фуко, Агамбена или Арендт), но субъектом власти или, точнее, поводом для осуществления власти. То есть, с одной стороны, нельзя не заметить преемственность идей, существующую между Роузом и Гидденсом в части важности человеческой телесности для осмысления проблем индивидуальной идентичности, самости, самовосприятия и, соответственно, следствий этого для формулирования особенностей современного общественного развития. С другой стороны, Роузу удастся показать, как все эти факты влияют на изменение природы политического.

Наконец, важность тематики, которую развивает Роуз, постулируя ключевые принципы этополитики, связана с вопросом о прагматических аспектах экспертного знания. Об этом довольно точно говорит Лемке,

⁸⁵⁸ *Rose N. The Politics of life itself: Biomedicine, power, and subjectivity in the twenty-first century. Princeton, P. 5-7.*

анализируя концепцию Роуза: «Проблема “пастырских полномочий” и авторитетов структурируется вокруг этополитических проблем и влечет за собой размышления над вопросами о смысле и ценности жизни. Врачи, специалисты по биоэтике, консультанты по генетическим вопросам, ученые и представители фармацевтических предприятий и биотехнологических компаний популяризируют научное знание и одновременно распространяют оценочные суждения... Таким образом, становится очевидно, что глубоко интимные проблемы, связанные с телесностью, здоровьем (физическим и душевным) оказываются неразрывно связанными с политическими, научными, медицинскими и экономическими интересами»⁸⁵⁹.

Можно с уверенностью констатировать, что в настоящее время тексты Роуза представляют собой материал, к которому так или иначе обращаются все исследователи, работающие с биополитической проблематикой в области политической науки. Однако это не означает, что концепция биополитики Роуза считается канонической. Есть, как минимум, два направления критики концепции Роуза.

Первое направление связано с сомнениями по поводу того, что современная биополитика исключает евгенические смыслы. Так, немецкий исследователь Лена Кох, доказывает, что процессы исключения и отбора в контексте генетических и репродуктивных технологий нельзя рассматривать как принадлежащие прошлому. Скорее, можно говорить о том, что изменились формы вмешательства и способы его оправдания⁸⁶⁰. Нет, разумеется, сомнений в том, что эти практики подлежат не просто осуждению, но исключению, но говорить о том, что сама евгеническая идея ушла в прошлое, как минимум, рано.

Второе направление возражений против состоятельности концепции Роуза связано с нечеткостью разграничений понятий «этополитика» и

⁸⁵⁹ *Lemke T.* Biopolitics: An advanced introduction. New York, London, 2011. P. 102.

⁸⁶⁰ См. *Koch L.* The Meaning of eugenics: Reflections on the government of genetic knowledge in the past and the present // *Science in context.* 2004. # 17 (3). P. 315–331.

«биополитика». Американский исследователь Брюс-Стюарт Браун, например, говорит о том, что вопросы, которые, по задумке Роуза, находятся в поле этополитики, – это вопросы, актуальные лишь для ограниченного числа жителей земли. Прежде всего, для тех, кто имеет доступ хотя бы к информации о достижениях науки, и, конечно, для тех, кто может пользоваться этими достижениями в силу финансовых возможностей. По мнению Брауна, говоря о биополитике как об этополитике необходимо вводить понятие биобезопасности. Именно оно способно сделать этополитику концепцией современной биополитической сферы. Браун утверждает, что нельзя рассуждать о человеческом теле как об объекте принятия решений, в отрыве от биологических и биополитических условий вне этого тела. Браун приводит пример с распространением птичьего гриппа в 2005 году. В любой угрожающей не только индивиду, но и роду ситуации необходимо понимать, что тело – это, прежде всего, молекулярная совокупность, которая взаимодействует с другими молекулярными совокупностями (как человеческими, так и нечеловеческими) и, следовательно, потенциально подверженная заражению. В эпидемиологическом и политическом дискурсах, учитывающих предотвращение данного патогенного распространения, открытое и подверженное опасностям молекулярное тело (молекулярная частица) является тканью – тело, которое взаимодействует с другими человеческими и нечеловеческими телами и перманентно подвержено риску заражения. И если мы не вписываем в поле биополитики решение такого рода задач, задач биобезопасности, то переходить на более высокий уровень, как это делает Роуз, просто не имеет смысла. Надо отметить, что концепция этополитики не отрицается как таковая. Однако, по убеждению Брауна, современная картина биополитики будет неполной, если исключить из нее концепцию биобезопасности⁸⁶¹.

⁸⁶¹ См. *Braun B.* Biopolitics and the molecularization of life // *Cultural geographies*. 2007. # 14.

Брюс Браун, кажется, прав лишь отчасти, поскольку контекстуально понятно, что этополитика – это наиболее современная форма биополитики. Этополитика начинается тогда, когда «рискогенность» жизни достигает своего апогея. В данном случае в качестве аргумента можно принять упрек в отсутствии в текстах Роуза отдельно разработанной темы биобезопасности. Однако этот факт можно расценивать как повод для дальнейших разработок темы биополитики с акцентом на биобезопасность.

4.3. Стратегии и перспективы развития биополитики как направления политической науки⁸⁶²

Следует отметить, что в поле современных биополитических исследований наблюдается две совершенно очевидных тенденции. Первая тенденция связана как раз с образованием новых терминов, представляющих собой «гибриды» традиционных терминов политической науки и корня «био». К такого рода терминам относятся «биобезопасность» (попытка концептуализации этого термина осуществляет, например, упомянутый выше Брюс Браун), «биовласть», «биолегитимность», «биосоциальность». Вторая тенденция связана с возникновением целого ряда терминов и терминологических сочетаний, которые в своем составе корня «био» не имеют, но обращаются к проблемам взаимодействия жизни и политики. Из рассмотренных выше примеров можно в данном случае назвать «танатополитику», «этополитику», «политику жизни», «жизненную политику». Вместе с тем каждая из названных тенденций очевидно предполагает возможность открытия новых теоретических шлюзов не только в области расширения концептуального поля биополитики, но и в области методологии биополитических исследований. В этом смысле чрезвычайно репрезентативной видится концепция биосоциальности.

Р. 6–28.

⁸⁶² При написании данного параграфа диссертации использованы результаты научной работы, выполненной автором лично и опубликованной ранее: *Аласания К.Ю.* «Биополитика»: интерпретации и смыслы в современном социально-политическом знании // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. №1 (62). С. 60-66.

Понятие «биосоциальность» вводит в научный оборот американский мыслитель Пол Рабиноу в своей знаменитой работе «Искусственность и Просвещение: от социобиологии к биосоциальности»⁸⁶³. Фактически эта концепция появляется в рамках продолжения Рабиноу биополитической теории Мишеля Фуко. В фокусе внимания Рабиноу оказывается дихотомия «тело-население»: «Фуко выделил особую, характерную для модерна форму власти — “био-техно-власть”. ... Исторически практики и дискурсы биовласти концентрировались вокруг двух разных полюсов: с одной стороны, это “анатомо-политика человеческого тела” — точка, на которой крепятся и на которую нацелены дисциплинарные технологии; с другой стороны, это полюс регулирования, которое направлено на население и использует множество разнообразных стратегий, сосредоточенных на знании, контроле и благосостоянии. Я полагаю, что сегодня из этих двух полюсов, тела и населения, формируется то, что можно назвать постдисциплинарным (пусть даже оно все еще остается в рамках модерна)»⁸⁶⁴. Здесь, разумеется, нельзя не отметить того, что рассуждения о сменах форм власти естественным образом вписываются в дискурс смены эпох с учетом всех нюансов, о которых шла речь в первом параграфе настоящей главы. Однако, более важным оказывается замечание Рабиноу о том, что между полюсами тела и населения формируется некий «постдисциплинарный». Эпоха «постдисциплинарного общества» предполагает рассмотрение жизни этого общества через «новые виды знания и власти»⁸⁶⁵.

Рабиноу, как известно, обращается к проекту «Геном человека». Уникальность проекта заключается в том, что «его точно можно назвать

⁸⁶³ *Rabinow P. Artificiality and Enlightenment: From sociobiology to biosociality // Jonathan Crary J., Sanford K. Incorporations. New York, 1992. P. 234–252.*

⁸⁶⁴ *Рабиноу П. Социобиология и биосоциальность // Человек. 2019. Т. 30, № 6. С. 9.*

⁸⁶⁵ Там же. С. 10.

технонаучным, причем сразу в двух смыслах»⁸⁶⁶. Прежде всего, речь идет о том, что при достаточном финансировании возможно вывести технологии на новый уровень. Но важнее, что «объект познания (геном человека) будет познан таким образом, что его можно будет изменить. Это принципиальный для модерна аспект, в нем буквально воплощается вся рациональность модерна. Целями и средствами проекта выступают одновременно репрезентация и вмешательство, знание и власть, понимание и реформа — все они встроены в проект с самого начала»⁸⁶⁷. Для Рабиноу важно понять зависимость трансформации социальных практик от развития проекта.

К основным результатам исследования Рабиноу, безусловно, можно отнести то, что с возникновением «постдисциплинарного» порядка преодолевается разделение, которое никогда не подвергалось сомнению, — разделение между природой и культурой: «В будущем новая генетика перестанет быть биологической метафорой для общества модерна и превратится в сеть, где обращаются формы идентичности и точки ограничений, вокруг которых и посредством которых возникнет новый тип самопроизводства, который я называю биосоциальностью. Если социобиология — это культура, выстроенная на базе метафоры природы, то в рамках биосоциальности природа будет строиться по модели культуры, понятой как практика. Природа будет познана и преобразована через технологии и станет наконец искусственной, а культура — естественной. Если этот проект осуществится, то станет основой для преодоления разрыва между природой и культурой»⁸⁶⁸. Естественным следствием такого откровенно трудно представимого слияния окажется необходимость изобретения нового языка, составляющего абсолютно иной дискурс, отвечающий требованию времени. Рассуждения о биологизации социального или, напротив, о переводе социального в биологическую плоскость (по

⁸⁶⁶ Рабиноу П. Социобиология и биосоциальность // Человек. 2019. Т. 30, № 6. С. 11.

⁸⁶⁷ Там же.

⁸⁶⁸ Там же.

аналогии с социал-дарвинизмом или социобиологией) видятся, как минимум, не соответствующими текущей ситуации.

Новая реальность (кстати, определяемая через понятие риска⁸⁶⁹), если не предполагает, то, по крайней мере, не исключает понимание социального через биологическое. Это видится логичным ввиду развития генетики, в частности, роста знания о генетических заболеваниях и рисках. Рабиноу делает, возможно, слишком смелый, но имеющий основания вывод, говоря о том, что именно это станет базой для формирования новых индивидуальных и коллективных идентичностей. Популяризация же новой (когда-то узко специальной информации) приведет к реальной возможности образования нового языка, при помощи которого эти новые идентичности будут описывать себя. «Это соображение ставит целый ряд проблем, однако здесь я обращаю внимание только на одну из них — на то, что, вероятно, благодаря этой новой информации возникнут новые групповые и индивидуальные идентичности и практики. К примеру, уже существуют группы по нейрофиброматозу, где люди встречаются и обмениваются опытом, продвигают интересы страдающих от этой болезни, обучают своих детей, преобразуют свою домашнюю среду и так далее. Именно это я и имею в виду под биосоциальностью. Я не обсуждаю какой-то гипотетический ген агрессии или альтруизма. Но совсем несложно представить себе группы,

⁸⁶⁹ Стоит отметить, что трактовка понятия риска как критерия, определяющего современное состояние общества, очень во многом перекликается и с классической трактовкой Фуко, и с трактовкой соавтора Рабиноу Роуза, которая была проанализирована выше. В частности, Рабиноу пишет, что «В условиях модерна предотвращение болезни — это, прежде всего, отслеживание рисков. Риск — это не результат особых опасностей, которые возникают из-за непосредственного присутствия личности или группы, а сочетание безличных «факторов», которые делают риск вероятным. То есть предотвращение риска — это наблюдение не за индивидом, а за вероятным возникновением болезней, аномалий, девиантного поведения с целью их минимизации и, наоборот, максимизации здорового поведения. Мы частично уходим от прежнего личного дисциплинарного и терапевтического наблюдения за индивидами и группами, о которых известно, что они опасны или больны. Вместо этого мы приближаемся к прогнозированию факторов риска, которые деконструируют и реконструируют индивидуального или группового субъекта» [Рабиноу П. Социобиология и биосоциальность // Человек. 2019. Т. 30, № 6. С. 17].

формирующиеся вокруг хромосомы 17, локуса 16256, сайта 654376 вариантного аллеля с замещением гуанина. У таких групп будут свои специалисты-медики, лаборатории, нарративы, традиции и гигантское множество заботящихся о том, чтобы помогать им переживать, делиться, влиять на свою судьбу и “осознавать” ее»⁸⁷⁰. С точки зрения объяснения смысла понятия «биосоциальность» этот тезис вполне понятен. Однако более важным в контексте настоящего диссертационного исследования кажется обратить внимание на концептуальную взаимосвязь «биосоциальности» и биополитики. И для прояснения этой связи вновь придется подчеркнуть, что современное состояние общества для Рабиноу – это состояние принципиального риска. Соответственно, люди, использующие для идентификации биомедицинский словарь (идентифицируя себя в терминах генетики), фактически определяют точки повышенного риска. Риск при этом перестает быть некоторым абстрактным понятием, он обретает вполне конкретные контуры.

Томас Лемке, рассуждая о вкладе Рабиноу в развитие биополитических исследований, подчеркивает: концепция биосоциальности дает возможность Рабиноу последовательно доказывать, что «технические инновации и системы научной классификации создают материальные условия для новых форм социализации, репрезентативных моделей политики идентичности, посредством которых знание о конкретных телесных свойствах и генетических характеристиках определяет отношение индивида к себе и к другим»⁸⁷¹. Логика рассуждений Рабиноу подводит читателя к тому, что эти новые сообщества, объединенные по генетическому признаку, отнюдь не пассивны. Они не являются просто получателями медицинской помощи или объектами научных исследований. Собственно, сама болезнь становится основой для разнообразной социальной и политической деятельности. Лемке говорит о том, что во многом благодаря Рабиноу впоследствии получит

⁸⁷⁰ Рабиноу П. Социобиология и биосоциальность // Человек. 2019. Т. 30, № 6. С. 20.

⁸⁷¹ Lemke T. Biopolitics: An advanced introduction. New York, London, 2011. P. 98.

развитие направление в рамках которого разрабатываются концепции «биологического» или «генетического гражданства»⁸⁷². При учете того, что основополагающим принципом является активность пациентов, механизм развития социальной и/или политической деятельности потенциально может выглядеть следующим образом: группы людей с определенным заболеванием работают со специалистами (например, с врачами); в рамках данной работы могут собираться средства для продолжения исследований, ориентированных на нужды пациентов, создаваться коммуникационные сети, осуществляться публикационная деятельность. По замечанию Лемке, распространение этих механизмов как раз и приводит к формированию новых форм политической активности⁸⁷³. Характерной чертой при этом оказывается принципиальная новизна этих форм. В частности, требования по получению прав, основанных на генетических (или в общем виде биологических) аномалиях, как раз и являются предметом обсуждения для авторов, которые развивают концепции «биологического»/ «генетического» гражданства. Данные концепции объединяет «идея о системной связи между биомедицинскими знаниями, концепциями идентичности, самости и способами политической артикуляции»⁸⁷⁴.

Лемке, суммируя ключевые тезисы авторов, работающих в названных областях, справедливо акцентирует внимание на том, что, благодаря Рабиноу, становится, с одной стороны, определяющим, а, с другой, – принципиально отличающим от традиционных политических форм признаком такого рода организаций: «...организации пациентов, группы самопомощи и семейные ассоциации представляют собой новые

⁸⁷² См., например, *Petryna A. Life exposed: Biological citizens after Chernobyl. Princeton, 2002; Heath D., Rapp R., Taussig K.-S., Genetic citizenship // Nugent D., Vincent J. Companion to the Handbook of Political Anthropology. Oxford, 2004. P. 152-167; Rose N., Novas C. Biological citizenship // Ong A., Collier S.J. Global assemblages: Technology, politics, and ethics as anthropological problems. Oxford, 2005. P. 439–463; Гребенщикова Е.Г. Биологическое гражданство: от пациентских организаций до потребительской геномики // Человек. Т. 30. Вып. 6. 2019. С. 72-81.*

⁸⁷³ *Lemke T. Biopolitics: An advanced introduction. New York, London, 2011. P. 98.*

⁸⁷⁴ *Ibid. P. 99.*

коллективные субъекты, благодаря активности которых стираются границы между неспециалистами и экспертами, между активными исследователями и пассивными бенефициарами технического прогресса»⁸⁷⁵. Лемке полагает, что биологический критерий объединения позволяет говорить, как минимум, о трех возможных сферах политической активности.

Во-первых, немецкий ученый говорит о «группах самопомощи», то есть организациях пациентов или ассоциации семей пациентов, которые функционируют с целью привлечь как общественное внимание, так и внимание государства, к проблемам. Во-вторых, он выделяет поле политического активизма, где происходит борьба, касающаяся вопросов материальных или политических (идеологических) ограничений в доступе к необходимым медицинским технологиям и к бионаучному знанию. В самых очевидных случаях речь идет просто о выступлениях против использования достижений генетического знания исключительно в коммерческих целях, что потенциально приводит к невозможности использования жизненно важных разработок в силу их высокой стоимости. Третью область деятельности «биополитических групп давления» составляют усилия по расширению сферы влияния посредством участия во всевозможных биоэтических комитетах, а также борьба за представительство во власти с целью участия в парламентских обсуждениях⁸⁷⁶.

Солидаризируясь с Лемке, стоит отметить, что до возникновения концепции биосоциальности в интерпретации Рабиноу, пожалуй, никто столь подробно и с достаточной степенью ясности не описывал модель биополитики, формирующуюся «снизу». Несомненно, продолжая фукольдианскую традицию, Рабиноу принципиально смещает акцент с биовласти как власти, по природе своей принципиально тотализующей, к биовласти как одной из основ демократического порядка. Исследования

⁸⁷⁵ Lemke T. Biopolitics: An advanced introduction. New York, London, 2011. P. 98.

⁸⁷⁶ Ibid. P. 99.

Рабиноу (в том числе в соавторстве с Николасом Роузом⁸⁷⁷) демонстрируют возможность изучения взаимосвязи «между коллективными формами действия и групповыми идентичностями»⁸⁷⁸, составляющими население в биополитическом смысле.

Концепция Рабиноу в то же время, скорее, задает направление дальнейших разработок в сфере осмысления мотивации, критериев объединения, возможностей влияния, нежели претендует на исчерпывающую характеристику того, чем является сегодня биополитика. Конечно, главным критическим аргументом будет то, что «принцип биологической ограниченности» противоречит «политическому принципу всеобщности». Здесь ясно видно продолжение постмодернистской идеи о миноритизации политики, но вопрос о перспективе ее развития остается не решенным.

Обращаясь к недостаткам в концепции Рабиноу, Лемке подчеркивает это обстоятельство, и говорит о том, что «политика, проводимая группами, объединенными по генетическому (биологическому) признаку, всегда основана на различии, а не на «биологической идентичности»⁸⁷⁹, что, кажется, претит самой идее политического. Если исходить из того, что биополитическая (постполитическая) эпоха есть продолжение эпохи политической, то можно предполагать аналогии с классическими представлениями о политике.

На самом деле, Лемке ставит вопрос гораздо более общего свойства. Этот вопрос связан с самой возможностью концептуализации биополитики как постполитики. С учетом сказанного выше, первым шагом к концептуализации «биополитического» может явиться обращение к классическим трактовкам политического для того, чтобы понять в какой степени возможно перенесение «традиционных» смыслов политического в область биополитики.

⁸⁷⁷ См., например, *Rabinow P., Rose N. Biopower today // Biosocieties 1 (2). 2006. P. 195–217.*

⁸⁷⁸ *Lemke T. Biopolitics: An advanced introduction. New York, London, 2011. P. 99.*

⁸⁷⁹ *Ibid.*

В знаменитом сочинении Раймона Арона «Демократия и тоталитаризм» представлен подробный анализ того, что можно иметь в виду, когда мы говорим о политике в наиболее современном варианте. Для того, чтобы обосновать применение термина «политика» в разных контекстах (как бытовых, так и научных) Арон обращается к английским словам “politics” и “policy”, каждое из которых можно перевести, как «политика».

“Policy” – «концепция, программа действий, а то и само действие одного человека, группы людей, правительства»⁸⁸⁰. Речь, таким образом, идет о некоторой последовательности шагов, которая необходима для решения определенной задачи, значимой для совокупности людей. Собственно, именно наличие единой, важной не для одного, но для многих цели, является обязательным и конституирующим элементом политики в этом значении. Данное понимание политики вполне соотносится с древнегреческим значением, которое связывается с целями существования полиса. Примерами современного понимания “policy” становятся программы действий правительства по решению какой-либо проблемы (антимонопольная политика – деятельность государства по формированию конкурентной среды с целью избежать монополии единственной структуры в какой-либо области) или, скажем, взгляды определенного политика на развитие государства, соответственно, цели, к которым он стремится, и инструменты, которыми он пользуется. «Политика» в значении “policy” подразумевает стратегию движения к определенной цели, значимой для определенного сообщества и способы реализации этой стратегии.

Понятие политики, которое Арон обозначает “politics”, в самом общем виде можно трактовать как более широкое по отношению к “policy”. В том смысле, что этим словом обозначается сфера (поле), где взаимодействуют акторы, имеющие свои цели, интересы и стратегии. По Арону, это область взаимодействия политических курсов и, соответственно, акторов, которые

⁸⁸⁰ Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993. С. 21.

представляют эти курсы. Разумеется, действия, осуществляемые акторами могут вступать в противоречия, и тогда мы говорим о конфликте. Реализуемые в политике стратегии могут в то же время дополнять друг друга, что дает нам возможность оценивать это как консенсус. Любопытно при этом одно замечание Арона о том, что «у правителей есть программы действий, которые не могут, однако, претворяться в жизнь без поддержки со стороны управляемых. А подчиняющиеся редко единодушно одобряют тех, кому им надлежит повиноваться»⁸⁸¹. Благодаря этому замечанию становится очевидно, что политика – это, с одной стороны, поле, в котором объединены правящие и управляемые, а с другой, – сфера общественной жизни, где противопоставляются друг другу или взаимодействуют друг с другом программы действий. Достижение общезначимой цели невозможно без включения в программу действий как тех, кто разрабатывает эту программу, так и тех, кто будет прямо или косвенно в реализации этой программы участвовать. И здесь мы подходим еще к одному пониманию политики, которое связано как раз со способом осуществления власти или даже с основанием взаимодействия тех, кто правит, с теми, кто управляется. Арон обращается к греческому слову “πολιτεία”. Но если придерживаться прежней логики, то следует привести английское слово “polity”, поскольку оно видится значимым для раскрытия смыслов «биополитического».

Арон настаивает на максимально широкой трактовке “πολιτεία”, отмечая, что это – «режим полиса», то есть «способ организации руководства, отличительный признак организации всего сообщества»⁸⁸². Действительно, в зависимости от того, при каких условиях происходит взаимодействие управляющих и управляемых, одна система взаимодействия отличается от другой. Возвращаясь к рассуждениям о политике как о сфере пересечений политических стратегий, здесь можно, например, говорить о разнообразии направления этих стратегий. В самом общем виде можно

⁸⁸¹ Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993. С. 22.

⁸⁸² Там же. С. 24.

утверждать, что стратегия, вырабатываемая правящими, направленная на решение общезначимых задач, но не подразумевающая обратной реакции управляемых, будет характерна для жестких, авторитарных режимов. Соответственно, политические курсы, разрабатываемые властью с расчетом на обратную связь, на взаимодействие с теми, кто составляет большинство, – это режим демократического взаимодействия. Вместе с тем, говоря о политическом режиме, никак не уйти от взаимодействий, характерных для определенного сообщества взаимодействий, имеющих место внутри этого сообщества. Таким образом, приходится говорить о политике как образе взаимодействия власти и общества, который в то же время определяет порядок взаимоотношений внутри самого общества.

Арон отмечает: философы прошлого, говоря о политике, были убеждены в том, что структура власти всегда адекватна сущности сообщества. «Их убежденность основывалась на двух посылах: без организованной власти жизнь общества немислима; в характере власти проявляется степень человечности общественных отношений. Люди человечны лишь постольку, поскольку они подчиняются и повелевают в соответствии с критериями человечности»⁸⁸³. Далее Арон ссылается на теорию общественного договора Руссо и говорит о том, что ценность знаменитого трактата заключается, в том числе, в попытке показать связку между происхождением сообщества и истоками власти. Кажется, что упоминание теории Руссо здесь совсем не случайно. Руссо, например, говорит, «что люди достигли того предела, когда силы, препятствующие им оставаться в естественном состоянии, превосходят в своем противодействии силы, которые каждый индивидуум может пустить в ход, чтобы удержаться в этом состоянии. Тогда это изначальное состояние не может более продолжаться, и человеческий род погиб бы, не измени он своего образа жизни. Однако, поскольку люди не могут создавать новых сил, а могут лишь

⁸⁸³ Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993. С. 32.

объединять и направлять силы, уже существующие, то у них нет иного средства самосохранения, как, объединившись с другими людьми, образовать сумму сил, способную преодолеть противодействие, подчинить эти силы одному движителю и заставить их действовать согласно»⁸⁸⁴. Объединение в сообщество – сознательное коллективное решение, которое направлено не на сохранение жизни индивида, но на сохранение жизни рода. Соответственно, дальнейшее существование определяется необходимостью взаимодействия (основанного, по Руссо, на договоре) между правящими и управляемыми. Политико-правовой механизм запускается, благодаря желанию сохраниться, сохранить жизнь.

Если исходить из положения о том, что политика вообще немыслима и бессмысленна без человека (живущего и взаимодействующего с другими, в том числе и с властью имущими), то биополитика и политика становятся абсолютными синонимами. Однако в современном дискурсе политической науки гораздо более популярной является, скорее, противоположная точка зрения. По большому счету она основана на том, что не принимается во внимание различие *zoe* и *bios*, на котором так настаивал Агамбен. Смысл «био» сводится к жизни в биологическом смысле, и тогда в слове «биополитика» соединяются два фактически противоположных смысла⁸⁸⁵.

На самом деле, способы употребления термина «биополитика» и (что более любопытно) история расширения семантического поля биополитики, наталкивают на мысль о том, что постижение смысла этого термина и его дальнейшая концептуализация, предполагает фокусировку именно на линии, где пересекаются/сливаются/сталкиваются биологическое и политическое. Об этом очень точно говорят американские политологи Стивен Петерсон и Алберт Сомит в предисловии к «Учебнику по биологии и политике». Подчеркивая многоаспектность понятия «биополитика», ученые отмечают,

⁸⁸⁴ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М., 1998. С. 208.

⁸⁸⁵ См., например, Lemke T. Biopolitics: An advanced introduction. New York, London, 2011. P. 2.

что для политической науки наиболее интересным является рассмотрение вопроса о том, как взаимосвязаны между собой «жизнь» и «политика».⁸⁸⁶ Если оттолкнуться от этого тезиса, то можно утверждать, что любая область политических исследований, в которой возникает этот вопрос, может расцениваться как область биополитических исследований. Собственно, именно эта характеристика видится определяющей для современных биополитических исследований, посвященных самым разным аспектам.

Это замечание Сомита и Петерсона оказывается очень точным. Фактически именно оно так или иначе проиллюстрировано в настоящем исследовании. Но примечателен тот факт, что именно эти американские авторы выступают с позицией, которая весьма однозначно обозначает линию, проходящую между жизнью и политикой. Посыл их известной книги «Провал построения демократической государственности: когда идеология встречается с эволюцией», опубликованной в 2005 году, заключается в том, что демократия является отнюдь не естественным политическим порядком. Скорее, наоборот, люди генетически в подавляющем большинстве случаев предрасположены жить в условиях достаточно жестко иерархически выстроенных, подразумевающих централизованную власть⁸⁸⁷. Этот, откровенно говоря, социал-дарвинистский тезис авторы смягчают, обратившись (кажется, далеко не случайно) к высказыванию Эдмунда Бёрка о том, что «мы не можем поменять природу вещей и человека, но должны воздействовать на них, настолько положительным образом, насколько можем»⁸⁸⁸. Соответственно, работа Сомита и Петерсона посвящена тому, как совместить несвойственное человеку со свойственным ему.

⁸⁸⁶ Peterson S.A, Somit A. Handbook of biology and politics. Cheltenham, Northampton, 2017. P. 3.

⁸⁸⁷ Somit A., Peterson S. The Failure of democratic nation building: Ideology meets evolution. New York, Hamshire, 2005. P. VI-VII.

⁸⁸⁸ Ibid. P. VII.

Лемке определяет подход Сомита и Петерсона как своего рода «новый бихевиорализм»⁸⁸⁹ и констатирует, что при всей разнородности области исследований, которую называют биополитической, можно говорить о единой исследовательской перспективе, в основе которой лежат три фундаментальных принципа⁸⁹⁰. Во-первых, объектом исследования является политическое поведение, которое фундировано некоторыми доказуемыми биологическими факторами. Во-вторых, «биополитический» подход предполагает описание и объяснение этого поведения с целью выстраивания определенного политического курса («рациональной политики»), который, по определению, соответствует биологическим потребностям. В-третьих, характерной чертой «биополитического» подхода является «оптика стороннего наблюдателя», которая предполагает, что исследователь объективен именно потому, что он не является актором. Более того, концепции, которые строятся на осмыслении политической реальности с точки зрения участника, рассматриваются как несовершенные с точки зрения их научной обоснованности⁸⁹¹.

Подобно тому, как постмодернистские подходы формируются на основе критики классических подходов, биополитический подход в политической теории утверждается за счет критики традиционных подходов. В частности, одним из методологических «упреков» представителей биополитического направления к классической политологии заключается в том, что она исходит из положения о свободе человека, забывая о том, что существуют естественные биологические ограничения. Для «биополитологии» это означает, что политическое поведение человека

⁸⁸⁹ Лемке говорит о том, что в середине 60-х годов в политической науке разрабатывается новый теоретический подход, который основан на «натуралистическом изучении политики». Яркими представителями этого подхода являются как раз Петерсон и Сомит, которые используют биологические концепции и методы исследования для изучения причин и форм политического поведения. [Lemke T. Biopolitics: An advanced introduction. New York, London, 2011. P. 15].

⁸⁹⁰ Lemke T. Biopolitics: An advanced introduction. New York, London, 2011. P. 17.

⁸⁹¹ Ibid.

обусловлено биологически. В этом смысле озабоченность социально-политических наук традиционными проблемами социализации, политического «окультуривания» кажется представителям биополитического не оправданной. Более того, сведение политики к социальным и культурным основаниям предполагает игнорирование глубинных причин происходящего в политике. Наиболее перспективными представителям биополитического подхода кажутся «биокультурные» и/или «биосоциальные» критерии⁸⁹².

Ряд западных исследователей, к числу которых можно отнести Сомита и Петерсона, пытаются следовать указанным выше принципам, рассматривая, например, отношения господства и подчинения, проблемы властвования и господства сквозь призму «биологической рациональности и полезности»⁸⁹³, но парадоксальным образом практически каждая из работ этих авторов так или иначе содержит расистские, социал-дарвинистские, евгенические мотивы⁸⁹⁴. Здесь, естественно, возникает вопрос о том, есть ли выход из противоречивой ситуации, которая, собственно, и складывается по причине формирования нового проблемного поля в политической науке.

Если исходить из положения о том, что при всей разнородности современного концептуального и методологического поля биополитики своеобразной точкой опоры оказывается вопрос о соотношении жизни

⁸⁹² Lemke T. *Biopolitics: An advanced introduction*. New York, London, 2011. P. 17.

⁸⁹³ Ibid. P. 18.

⁸⁹⁴ См., например, *Somit A., Peterson S. Darwinism, dominance, and democracy: The biological bases of authoritarianism*. Westport, 1997; *Blank R., Hines R. Biology and political science*. New York, 2001; *Flohr H. Bureaucracy and its clients: Exploring a biosocial perspective* // White E., Losco J. *Biology and bureaucracy*. Lanham, 1986. P. 57–116; *Meyer-Emerick N. Public administration and the life sciences: Revisiting biopolitics* // *Administration and society* 38 (6). 2007. P. 689–708. *Rushton Ph. Race differences: A global perspective* // *Somit A., Peterson S., Research in biopolitics*. Stamford, 1998. P. 119–136; *Wiegele T. Biopolitics: Search for a more human political science*. Boulder, 1979; *Wilson E. Consilience: The unity of knowledge*. New York, 1998. Разумеется, далеко не все авторы из этого списка откровенно демонстрируют социал-дарвинистский и уж тем более расистский подход, но, как было отмечено в случае с Сомитом и Петерсоном, им едва ли удастся избежать соответствующих ассоциаций. Выделяется здесь, наверное, только Хайнер Флор, который, по замечанию Лемке, «следует расистским образцам» Филиппа Раштона, подчеркивая число преступников среди афроамериканцев выше, чем среди белых американцев [Lemke T. *Biopolitics: An advanced introduction*. New York, London, 2011. P. 19.]

(человека) и политики, то возникает необходимость обратиться к методологии, которая позволяла бы решать теоретические задачи биополитики, фокусируясь именно на этом ключевом соотношении. При условии, что политическая наука никогда не пренебрегала обращением к методам, используемым в других социально-гуманитарных науках, имеет смысл обратиться к методологии, которая, с одной стороны, достаточно прочно ассоциируется сегодня с биоэтическим полем, а, с другой, – представляет собой совокупность подходов, которые видятся весьма продуктивными в области биополитики. Речь идет о социально-гуманитарной экспертизе. В наиболее широком смысле социально-гуманитарная экспертиза представляет собой специфическую область научного анализа, который может «осуществляться на процессуальном, результативном, ценностном и системном уровне, каждый из которых имеет свою специфику»⁸⁹⁵. Прежде всего, социально-гуманитарная экспертиза нацелена на оценку «возможного использования результатов научного знания и их влияния на развитие общества и человека»⁸⁹⁶. То есть эта методология по своей сути предполагает фокусировку либо на принципиально новой проблематике, либо на проблемах, которые обладают существенным потенциалом к трансформации. К такого рода проблемам относится все, что связано с жизнью человека как существа биосоциального. В этом случае биополитическая проблематика представляет собой частный случай для социально-гуманитарной экспертизы.

Одним из важнейших компонентов социально-гуманитарной экспертизы при этом является этическая составляющая, ведь «развитие этики науки XX в. показывает, что аксиологическая оценка распространяется не

⁸⁹⁵ Брызгалова Е.В., Аласания К.Ю., Садовничий В.А., Миронов В.В., Гавриленко С.М., Вархотов Т.А., Шкомова Е.М., Набиуллина Е.А. Социально-гуманитарная экспертиза функционирования национальных депозитариев биоматериалов // Вопросы философии. 2016. № 2. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1346 (дата обращения: 26.11.2022).

⁸⁹⁶ Там же.

только на результат применения научных знаний в виде технологических продуктов, но и на процесс получения знаний, вплоть до способов постановки научных задач»⁸⁹⁷. Вполне естественным в связи с этим оказывается традиционное увязывание социально-гуманитарной экспертизы с биоэтикой, точнее, с той сферой биоэтических исследований, которые касаются биомедицины и биотехнологий. Действительно, функционирование инновационных продуктов, возникающих в результате применения новейших (био)технологий, по определению, не может однозначно предполагать того, что норма, в соответствии с которой будет осуществляться оценка этого функционирования существует. Соответственно, социально-гуманитарная экспертиза нацелена, в том числе, на определение (новых) ценностных ориентиров, которые могут служить рамкой для анализа того или иного продукта, явления, следствий их функционирования. Кажется, что и в этом смысле социально-гуманитарная экспертиза выступает эффективным средством анализа биополитической проблематики.

«Рискогенность» как характеристика мира в биополитическую эпоху предполагает использование методологии социально-гуманитарной экспертизы. «Экспертиза направлена на описание таких решений, которые имели бы следствием предотвращение конфликтов между различными ценностными ориентациями при рассмотрении предметов научных исследований, академической деятельности субъектов, возникающих новых продуктов и технологий. Выявление в ходе экспертизы социально-гуманитарной размерности возникающих проблем позволило бы описать с точки зрения последствий для человека, общества и государства наиболее приемлемые варианты, пути управляющих воздействий на процесс с целью

⁸⁹⁷ Брызгалова Е.В., Аласания К.Ю., Садовничий В.А., Миронов В.В., Гавриленко С.М., Вархотов Т.А., Шкомова Е.М., Набиуллина Е.А. Социально-гуманитарная экспертиза функционирования национальных депозитариев биоматериалов // Вопросы философии. 2016. № 2. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1346 (дата обращения: 26.11.2022).

достижения целевых индикаторов результата»⁸⁹⁸. То есть сама сущность социально-гуманитарной экспертизы отвечает специфике биополитического поля современной науки.

В этой связи кажется несколько странным, что, например, Лемке противопоставляет биоэтику и биополитику, говоря о «критическом духе биополитической аналитики», который должен помочь «разрушить нынешнее институциональное и дискурсивное доминирование биоэтики»⁸⁹⁹. С точки зрения Лемке, биоэтика редуцирует ключевой вопрос о соотношении жизни и политики до ценностных и этических аспектов. Биоэтика фокусируется на абстрактном выборе. Для Лемке это означает, что биоэтический подход не предполагает обращения аналитиков к вопросу о возможности использовать научные (технологические, биомедицинские) технологии теми, кто ими обладает. То есть биоэтика игнорирует социальные ограничения и ожидания, которые связаны с использованием возможностей, которые дает современная наука⁹⁰⁰.

Противопоставленный биоэтике «биополитический анализ» предполагает исследование истории и социального контекста, в котором возникают биотехнологические и биомедицинские инновации, чтобы представить альтернативные варианты решений. Биополитический подход учитывает гносеологические и технологические основы жизненных процессов, «интегрирует их в стратегии власти и субъективации»⁹⁰¹. В «биополитическом анализе» сочетаются «диагностика современности» с «ориентацией на будущее». Наконец, благодаря «биополитическому анализу» проблематизируются внешне очевидные вещи, и эта

⁸⁹⁸ Брызгалова Е.В., Аласания К.Ю., Садовничий В.А., Миронов В.В., Гавриленко С.М., Вархотов Т.А., Шкомова Е.М., Набулина Е.А. Социально-гуманитарная экспертиза функционирования национальных депозитариев биоматериалов // Вопросы философии. 2016. № 2. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1346 (дата обращения: 26.11.2022).

⁸⁹⁹ Lemke T. Biopolitics: An advanced introduction. New York, London, 2011. P. 122.

⁹⁰⁰ Ibid. P. 122.

⁹⁰¹ Ibid. P. 123.

проблематизация ведет к изменениям в жизни: «Как результат, аналитика биополитики имеет спекулятивное и экспериментальное измерение: она не утверждает то, что есть, а предвосхищает то, что могло бы быть»⁹⁰². Описание того, что Лемке называет «биополитическим анализом» поразительно похоже на подход, названный выше «социально-гуманитарной экспертизой». В связи с чем нужно отметить, что противопоставление биоэтики и «биополитического анализа» видится не слишком продуктивным. Напротив, биоэтический компонент кажется необходимым для того, чтобы «биополитический анализ» в том виде, в котором его представляет Лемке, состоялся.

Едва ли «биополитический анализ» может отождествляться с социально-гуманитарной экспертизой, но, определенно, должен включать ее как важную составляющую, которая подразумевает использование биоэтических элементов анализа, ведь «сложность прогнозирования и трудность контроля за последствиями вовлечения в процессы исследований и разработок человеческой телесности и генетических основ существования биосферы в целом определяется неполнотой знаний, что проявляется как в процессе самой исследовательской деятельности, так и при оценке ее последствий. Методология социально-гуманитарных наук (системный подход, постановка и решение проблем «часть – целое», «причина – следствие», «случайность – необходимость») могут помочь в систематизации и оценке следствий и на социальном уровне (макро- и микросоциальном), и на биографическом уровне для отдельного человека»⁹⁰³.

Примером применения социально-гуманитарной экспертизы как части биополитического анализа может выступать исследование, проведенное

⁹⁰² Lemke T. *Biopolitics: An advanced introduction*. New York, London, 2011. P. 123.

⁹⁰³ Брызгалова Е.В., Аласания К.Ю., Садовничий В.А., Миронов В.В., Гавриленко С.М., Вархотов Т.А., Шкомова Е.М., Набиуллина Е.А. Социально-гуманитарная экспертиза функционирования национальных депозитариев биоматериалов // Вопросы философии. 2016. № 2. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1346 (дата обращения: 26.11.2022).

группой российских учеными в рамках реализации проекта «Ноев Ковчег»⁹⁰⁴, результаты которого были изложены в монографии «Биобанкинг: социально-гуманитарные аспекты». Одна из частей исследования была посвящена рассмотрению специфическому виду деятельности, непосредственно основанной на методологии социально-гуманитарной экспертизы, а в качестве ее объекта выступали биобанки⁹⁰⁵.

Одним из важных в контексте темы настоящего исследования тезисов является тезис о том, что «биобанкинг объективно сопряжен с решением широкого круга правовых, моральных, коммуникативных и социально-политических задач, выходящих далеко за рамки профессиональных компетенций связанных с ним отраслевых специалистов - технологов, медиков, биологов, юристов и др. Важным следствием из этого является необходимость системы общественного контроля и внешней экспертизы, позволяющая корректировать неблагоприятные с точки зрения общественного блага эффекты узкоспециальных «точек зрения» различных групп стейкхолдеров, связанных с биобанкингом, и распределять ответственность, связанную с высокими социальными рисками этого института»⁹⁰⁶. Авторы

⁹⁰⁴ Проект Московского университета «Ноев ковчег» стартовал в 2015 году. Его целью стало создание многофункционального сетевого хранилища биологического материала – от отдельных биологических молекул до целых живых организмов. Отдельным направлением проекта стало направление «Биобанк человека». Целью работы по данному направлению стала разработка научных, этико-правовых, методологических подходов к биобанкированию биоматериалов человека.

⁹⁰⁵ «Биобанки представляют собой государственные или частные организации, занимающиеся забором, обработкой и хранением человеческих биологических образцов, а также данных, связанных с определенным видом биоматериала, и их деятельность детерминирована определенной исследовательской целью. В зависимости от нее различается выбор биологического материала, условий и средств хранения, требований к данным, а также определяется возможность применения материала в дальнейшем. Таким образом, организация деятельности биобанка определяется в соответствии с поставленной исследовательской или практической целью» [Брызгалина Е.В., Аласания К.Ю., Садовничий В.А., Миронов В.В., Гавриленко С.М., Вархотов Т.А., Шкомова Е.М., Набиулина Е.А. Социально-гуманитарная экспертиза функционирования национальных депозитариев биоматериалов // Вопросы философии. 2016. № 2. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1346 (дата обращения: 26.11.2022)]

⁹⁰⁶ Брызгалина Е.В., Аласания К.Ю., Вархотов Т.А., Гавриленко С.М., Рыжов А.Л., Шкомова Е. М. Биобанкинг: социально-гуманитарные аспекты. М., 2018. С. 28.

монографии представляют концепцию социально-гуманитарного сопровождения биобанкинга, которая в качестве важной части включает в себя анализ биополитических аспектов функционирования биобанков.

С точки зрения необходимости социально-гуманитарного сопровождения, авторы выделяют две ключевые группы вопросов. Первая – касается проблем этико-правового регулирования, вторая – организации коммуникации и маркетинга. Первую группу вопросов можно условно назвать «внешними», поскольку она связана «с неизбежностью участия биобанка в социальной и политической жизни в той или иной форме и рисками, которые это участие создает» и касается «таких формы работы биобанка, в которых он не может являться полностью автономным (отношения с донорами, оценка моральной приемлемости целей и методов исследований, которые могут проводиться на базе материалов биобанка и др.)»⁹⁰⁷. Вторая группа включает в себя «внутренние» вопросы, относящиеся «к системе управления деятельностью биобанка как хозяйствующего субъекта»⁹⁰⁸. Однако «внутренние» вопросы носят вовсе не только технический характер. Дело в том, что технологическое и административное обеспечение работы биобанка находится в тесной связи с социальной средой и «порождает специфические социальные (экономические и политические) риски, выходящие далеко за рамки администрирования и технологического обеспечения» собственно биобанка⁹⁰⁹. В данном случае имеет значение технология хранения и тип биологического материала⁹¹⁰, организация информационного сопровождения

⁹⁰⁷ Брызгалова Е.В., Аласания К.Ю., Вархотов Т.А., Гавриленко С.М., Рыжов А.Л., Шкомова Е. М. Биобанкинг: социально-гуманитарные аспекты. М., 2018. С. 29.

⁹⁰⁸ Там же.

⁹⁰⁹ Там же.

⁹¹⁰ «Решение, принимаемое по этим вопросам, принципиально ограничивает дальнейшие возможные траектории использования коллекций, а также потенциал объединения коллекций и возможности участия в исследованиях, использующих материалы и данные различных биобанков. При этом спрос на такого рода объединения растет ввиду растущей зависимости научных методов от размера выборки и потребности в новых образцах. Кроме того, выбор технологической модели организации биобанка во многом определяет дальнейшую финансово-хозяйственную модель его эксплуатации, включая стоимость поддержания инфраструктуры и возможности коммерциализации. В силу перечисленных

коллекций биоматериалов⁹¹¹, регулирование доступа внешних субъектов к базам данных⁹¹². Выводы приведенного выше исследования показывают, что биобанк является в некотором смысле идеальным объектом для того, чтобы обозначить сложность и «рискогенность» современных биотехнологических институций. В то же время они демонстрируют необходимость включения социально-гуманитарной экспертизы в методологическое поле биополитики.

Наконец, следует отметить тот факт, что возникновение объектов, подобных биобанку, и политика государства, проводимая в отношении этих объектов, показывают значимость социально-гуманитарной экспертизы для оценки общественного мнения, формирующегося по поводу неизбежных эффектов функционирования инновационных институций и, возможно, для

причин соответствующие решения операторам и администраторам целесообразно принимать совместно со специалистами в области экономического прогнозирования, этики науки и социологии науки» [Брызгалина Е.В., Аласания К.Ю., Вархотов Т.А., Гавриленко С.М., Рыжов А.Л., Шкомова Е. М. Биобанкинг: социально-гуманитарные аспекты. М., 2018. С. 29].

⁹¹¹ «Эффективность работы биобанков как источника материала (образцов и данных) для научных и клинических исследований принципиально зависит от полноты и качества базы данных, связанной с образцами – ее актуальности, структурной полноты, параметрической эффективности и адекватности социометрических данных (необходимых для популяционных исследований). При этом управление базой данных требует решения как традиционных методологических вопросов сбора данных (эффективность базовой параметрической матрицы, намеренные и произвольные искажения данных донорами, сокрытие информации и т.п.), так и специфических коммуникативных проблем, возникающих при работе с донорами (этичность вопросов, формирование у донора готовности предоставлять конфиденциальные сведения о себе, обеспечение доступности донора для обновления данных и др.)» [Брызгалина Е.В., Аласания К.Ю., Вархотов Т.А., Гавриленко С.М., Рыжов А.Л., Шкомова Е. М. Биобанкинг: социально-гуманитарные аспекты. М., 2018. С. 30].

⁹¹² «Поскольку биобанки создаются для исследовательских целей, определенный уровень открытости информации является для них естественным. Однако ввиду специфики информации, хранящейся в базах данных биобанка, всегда присутствует риск неэтичного и даже криминального использования информации сторонними агентами. Необходимо учитывать, что оборотной стороной доступности информации всегда является возможность злоупотребления информированностью, а значит, операторам и владельцам биобанков необходимо очень внимательно подходить к вопросам регулирования доступа к базам данных и выстраиванию коммуникационной политики» [Брызгалина Е.В., Аласания К.Ю., Вархотов Т.А., Гавриленко С.М., Рыжов А.Л., Шкомова Е. М. Биобанкинг: социально-гуманитарные аспекты. М., 2018. С. 30].

сглаживания негативных общественных реакций.

Выводы главы

Анализ биополитики в современной политической науке невозможен без обращения к вопросам, связанным с концептуальным и методологическим аппаратом, которые используются в текстах по соответствующей проблематике. Одной из ключевых особенностей биополитики в этом смысле становится проблематизация биополитического в связи с вопросом о смене эпох. В главе рассмотрен вопрос о том, как трансформация политики в биополитику коррелирует с дискуссией о переходе от эпохи современности к эпохе постсовременности (от модерна к постмодерну), от эпохи постмодерна к эпохе метамодерна.

Классическая концепция политического, фундированная принципами, заложенными в эпоху Нового времени (современности), трансформируется таким образом, что по мере приближения к настоящему времени обретает «биополитические» черты. Вместе с тем необходимо констатировать, что биополитика как постполитика является частью некоторого комплекса идей, который в настоящий момент пребывает в стадии становления. Одним из вариантов обозначения такого комплекса является «метамодернизм». При всей подвижности концептуального каркаса этой модели объяснения современности, прежде всего, обусловленной иногда очень нечеткой границей между постмодернизмом и метамодернизмом, она обладает чертами, которые позволяют говорить о том, что в новом политическом пространстве особое место отводится проблемам, связанным собственно с жизнью.

Несмотря на то, что установки метамодернизма выглядят более оптимистичными в сравнении с постмодернистскими, определение сегодняшнего состояния мира невозможно без обращения к категории риска. Биополитика как политика «эпохи пост» одновременно воспринимается как политика в эпоху общества риска. В концепциях общества риска процесс размывания границ в политическом смысле ассоциирован с нивелированием

границ вообще, включая те, что служат для отделения «собственного» от «чужого». В этом смысле специфическим образом ставится вопрос об идентичности, которая сегодня не может быть охарактеризована в терминах какой-то одной области (политологии, социологии, экономической науки, культурологии, биологии). Проблема идентичности в эпоху общества риска раскрывается как комплексная проблема, и важнейшее место в ее раскрытии занимает биополитический аспект. То, что грань между своим и чужим стирается в ситуации, например, глобальной экологической катастрофы, в целом видится очевидным. Однако речь идет отнюдь не только об экстремальных случаях. В этом смысле показательна позиция Ульриха Бека, который утверждает, что оппозиция «богатый-бедный» в эпоху, когда существует проблема теневого рынка трансплантологии, обретает обязательные биополитические коннотации. В последнем пределе это означает, что бедный потенциально рискует стать «хранилищем для запасных частей» того, кто может себе позволить эти «запасные части» приобрести. Разумеется, в этой ситуации биологическое, выраженное в жизненной необходимости, становится, с одной стороны, однозначной доминантой, а, с другой, – именно в силу доминирования открывает новое поле проблем, связанных с политическими, социальными, этическими, культурологическими следствиями.

Технологическое пространство, в котором существует биополитика как политика в эпоху общества риска, максимально широко. Так, биополитика не существует вне коммуникативного пространства. Фукольдиданская идея о биополитическом потенциале дискурсивных практик получает разнообразные продолжения в самых современных биополитических исследованиях, фокусом которых выступает идея риска. Без визуализации, символизации, медиатизации общество риска как общество, находящееся в постоянном предчувствии катастрофы, в состоянии турбулентности, просто не существует. Агамбенская мысль о

«политизации жизни» реализуется через идею о повседневном непринужденном погружении современного человека в информационное пространство. Распространение рассуждений подобного рода дают импульс для формирования концепций, подобной концепции «жизненной политики» Энтони Гидденса.

Одной из ключевых позиций, обозначенных в рамках этой концепции является то, что в результате трансформаций социального пространства, общественного и научного дискурса человек использует политику как инструмент для самоутверждения, самоидентификации, самореализации. И в данном случае речь должна идти уже не о политизации жизни, но о «демократизации личной жизни». В концепции Гидденса со всей отчетливостью обозначается вектор в интерпретации биополитики: от биополитики как области тотального контроля – к биополитике («жизненной политике») как области индивидуального выбора.

Более многокомпонентным и неоднозначным предстает вопрос о сущности биополитики в оптике смены эпох у Николаса Роуза. Разработки Роуза являются значимыми в том смысле, что в них размышления о безусловных изменениях статуса биополитики сочетаются с рассуждениями о том, что ключевой биополитический вопрос о границах между культурным и природным, технологическим и органическим не теряет своей актуальности сегодня. Биологическое не может быть отделено от морального и политического, если говорить о человеке. Из этих суждений вырастает концепция «этополитики» Николаса Роуза.

В данной концепции получает развитие идея о том, что современные биополитические стратегии, основанные на колоссальном объеме знания, избирательны и «умны», но при этом принципиально отличны от репрессивных стратегий, приписываемых биополитике изначально. Они должны быть нацелены на минимизацию рисков, которые сопутствуют повседневной жизни человека. Этополитика предполагает применение

техник власти применительно к индивиду, и в этом трудно не увидеть сходства с фукольдланской идеей биополитики. Но эти техники направлены не на то, чтобы дисциплинировать, но на то, чтобы активизировать индивидуальное самоуправление, принципы которого в конечном итоге должны максимально полно совпадать с представлениями публичной власти о наилучшем социально-политическом порядке. Эта идея Роуза во многом перекликается с идеей о биосоциальности Пола Рабиноу с той точки зрения, что биосоциальность становится основанием для описания модели биополитики, которая формируется «снизу».

Если же придерживаться условий рассмотрения биополитики в ракурсе смены эпох, то концепция биосоциальности, несомненно, вписывается в постмодернистские рассуждения о миноритизации политики, которые усиливаются в метамодернизме. Дело в том, что концепция биосоциальности, которая понимается как «новый тип самопроизводства», возникающий вокруг различных форм идентичности, позволяет рассуждать о том, что достижения техники (технонауки) способствуют созданию новых форм социализации и политического участия. В последнем пределе они способствуют возникновению новых форм идентичности, которую в полном смысле можно назвать биополитической. Именно по этой причине концепция биосоциальности прочно связана, к примеру, с концепциями «биологического» или «генетического» гражданства.

При том, что ни одна из представленных концепций, очевидно, не может претендовать на то, чтобы считаться канонической, рассмотрение каждой из них в контексте рассуждений о специфике современного состояния мира, позволяет обратиться к вопросу о важности обозначения ключевых подходов к оценке проблем, характерных для этого состояния.

При всем многообразии современного концептуального поля биополитики в основе методологии, позволяющей анализировать биополитические проблемы, должен быть вопрос о соотношении

человеческой жизни и политики. Очевидно, что такую методологию можно было бы назвать биополитической. Однако, в главе показана недостаточная обоснованность метода биополитики в трактовке, представленной, например, у Томаса Лемке. Дело в том, что Лемке в рассуждениях о биополитическом подходе противопоставляет его подходу биоэтическому. В настоящем исследовании предлагается говорить о подходе, который сочетал бы в себе биоэтический и биополитический методы. Подходом такого рода является социально-гуманитарная экспертиза, методология, по сути своей направленная на оценку принципиально новых общественных и индивидуальных проблем, которые являются следствием применения достижений технонауки. Необходимость введения социально-гуманитарной экспертизы в методологическое поле биополитики проиллюстрирована в главе на примере функционирования такого объекта, как биобанк.

Заключение

В процессе исследования было обосновано положение о том, что построение концептуального каркаса современной биополитики как части политической науки невозможно без детального рассмотрения эволюции биополитических идей, которые можно обнаружить задолго до появления в научном дискурсе понятия биополитики, в частности, – в органицизме, социал-дарвинизме и философии жизни.

Не без учета ряда условностей, связанных со спецификой античной политико-философской традиции, в работе было показано, на каком основании и в какой мере суждения античных мыслителей об органической неделимости природного и социального (политического) можно рассматривать в качестве основы будущих биополитических исследований. В этой связи немаловажным видится следующее обстоятельство: с одной стороны, можно говорить о том, что античные источники (в качестве наиболее яркого примера в настоящем исследовании рассматривается «Политика» Аристотеля) могут рассматриваться как основание для формирования направления биополитических исследований, в которых речь идет о биополитике как о стратегии совершенствования государства посредством политического вмешательства; с другой стороны, античная идея о космическом всеединстве становится чрезвычайно продуктивной для развития всевозможных версий направлений биополитики, которые можно условно назвать экологическими. Наиболее подробно в этой связи в работе проанализирован пример риторики Римского клуба, основу которой, в частности, составляют декларации приоритета экологического подхода над экономическими выгодами.

Неоднозначность влияния органицистских идей на формирование современных биополитических концепций прослеживается отнюдь не только на примере античной мысли. Отдельное внимание в работе уделено концепции Герберта Спенсера и корреляциям этой концепции с социал-

дарвинизмом. В диссертации была обозначена необходимость различения положений, изложенных в теории Спенсера и идей, фундирующих комплекс теорий, объединенных под названием социал-дарвинизм, при анализе влияния на формирование биополитики как направления политической науки. В работе показано, что в некотором смысле органицизм Спенсера и социал-дарвинизм можно противопоставить друг другу.

Прежде всего, следует отметить, что органицизм Спенсера неотделим от развития либеральной традиции в истории политической мысли. Соответственно, развитие общественного организма предполагает, по Спенсеру, с одной стороны, институциональное усложнение (разветвление) политических структур, но, с другой, – работу этих структур во благо развития индивида. Это направление получает развитие в наиболее новых концепциях биополитики, к которым можно отнести концепции Николаса Роуза, Пола Рабиноу и Энтони Гидденса. Наиболее ярким примером в этом смысле кажется концепция «жизненной политики» Гидденса. В его интерпретации биополитики ключевой является идея о том, что для наиболее современной формы существования общества характерна неразрывная связь между «демократизацией личной жизни» (жизни индивида) и демократизацией в традиционном политическом смысле. Рассуждения Гидденса подводят к тому, что политика должна способствовать развитию жизни (индивида), помогать его самоидентификации и самореализации.

Предпосылки осмысления политического в социал-дарвинизме схожи с предпосылками Спенсера (анализ того, почему эти предпосылки совпадают, построен на рассмотрении корреляций теорий Мальтуса, Дарвина и Спенсера), но выводы принципиально отличаются. Социал-дарвинистские идеи во многом берут на вооружение политические теоретики эпохи Третьего Рейха.

В настоящем диссертационном исследовании неоднократно подчеркивается, что биополитика Третьего Рейха является собой совершенно специфический и однозначно крайне негативный пример компиляции идей, которые можно отнести отнюдь не только к социал-дарвинистскому направлению или к теории Спенсера. Дело в том, что биополитика как часть идеологии Третьего Рейха, представляет собой фактически политику истребления (нечто, что противопоставлено политике жизни), но для обоснования которой используются идеи, составляющие концептуальный фундамент «политики жизни». В частности, парадоксальным образом, нацистам частично удается использовать идеи, которые являются основополагающими для направления, которое в истории мысли получило название «философия жизни». Парадоксальность связана с тем, что «философия жизни» является своего рода преодолением как органицистских, так и социал-дарвинистских установок. Этот тезис доказан в диссертации благодаря обращению к критике соответствующих идей органицизма и социал-дарвинизма, представленный как в западной, так и в отечественной исследовательской литературе.

В диссертационном исследовании дан подробный обзор ключевых тем в творчестве Фридриха Ницше, Освальда Шпенглера и Георга Зиммеля, которые, пройдя определенные трансформации, получают продолжение в современных биополитических исследованиях. Отдельное внимание уделяется очевидной преемственности между ницшеанской «волей к власти» («волей к жизни») и фукольдианской концепцией биовласти, а также между методологией Ницше и подходом Фуко в рамках разработки его биополитической теории.

Важность влияния концепций Шпенглера на складывание современной биополитики как направления политической науки определяется ключевыми для философа идеями противостояния человека и окружающего его мира, а также противопоставления искусственного и естественного (природного,

жизненного) как неотъемлемой части бытия. Проблема взаимодействия (столкновения) человека с окружающим его миром получает продолжение в рассмотренной в настоящем исследовании концепции «полного мира», а о границах искусственного и жизненного, органического и технологического специфическим образом рассуждает Николас Роуз, представляя свою концепцию этополитики. В настоящем исследовании подчеркивается в то же время, что проблемное поле, в котором развивается данная концепция, берет свое начало в сочинениях Шпенглера, но оптика, которую использует Роуз, несомненно, сближает его с позицией Георга Зиммеля, говорящего о человеке, который в процессе познания жизни, способен изменить свое жизненное пространство и измениться сам.

Тема жизненного пространства в том смысле, котором эта тема существует изначально в области политической географии, а впоследствии в области геополитики, является безусловно значимой в контексте настоящего исследования. В этом смысле обязательным было обращение к теории Рудольфа Челлена, продолжателя идей Фридриха Ратцеля. Именно Челлену принадлежит авторство терминов «геополитика» и «биополитика» в значениях, максимально близких к современным. Для настоящего исследования принципиально важным стало рассмотрение корреляции данных понятий, с целью прояснения первоначального смысла биополитики.

Теория Челлена представляет собой как концептуальную, так и методологическую ценность. Дело в том, что ключевые компоненты политической теории Челлена, а именно, территория и население, воспринимаемые как составляющие органической целостности, а также функционал государства, фактически сводящийся к обеспечению максимально высокого уровня жизни, основанного в первую очередь на безопасности, войдут в «биополитическую формулу» Фуко. В диссертационном исследовании неоднократно подчеркивается, что подход Фуко к оценке биополитики является прямо противоположным подходу

Челлена, ведь биополитическая теория Фуко формируется как критическая по отношению к позициям, подобным позиции шведского ученого, но компоненты остаются неизменными.

Методологическая ценность состоит в том, что благодаря системному подходу, который Челлен демонстрирует в своих политических сочинениях, его теорию в целом можно характеризовать в равной степени и как геополитическую, и как биополитическую. Парадоксальным образом биополитической в полной мере можно назвать и теорию Мишеля Фуко, хотя она построена на принципиально противоположных основаниях.

Анализу биополитической теории Мишеля Фуко и ее рецепциям посвящена отдельная глава настоящего диссертационного исследования, поскольку именно благодаря французскому мыслителю понятие «биополитики» в полной мере стало концептуализироваться в области политической науки. В диссертации показано, на каких основаниях, помимо обозначенного выше (в связи с теорией Челлена), политическую теорию Фуко можно назвать биополитической. Примечательно, что эти основания во многом сближаются благодаря генеалогическому методу Фуко.

Направление развития форм власти у Фуко довольно четко определено: от власти суверенной – через власть дисциплинарную – к биовласти. Сущность власти всегда проявляется в вопросе о том, как властителю следует распорядиться жизнью и смертью подданного. И если для суверенной власти актуален принцип «позволить жить или заставить умереть», то биовласть расставляет акценты прямо противоположным образом, декларируя принцип «позволить умереть или заставить жить». Переход от одного принципа к другому неизменно связан с развитием знания, а точнее, с тем историческим моментом, когда знание (достижения науки в самых разных областях) позволяет сделать население объектом биополитического контроля. Таким

образом, знание является неотъемлемой частью биовласти, а биовласть, в свою очередь, всячески способствует развитию знания.

Несомненно, знанием, которое имеет особую значимость для развития биополитики у Фуко, является медицинское знание. Дело в том, что именно медицинское знание, с одной стороны, выступает общей областью для применения техник и дисциплинарной, и биовласти, а, с другой, – цементирует связь компонентов «биополитической формулы» Фуко. Ведь именно благодаря медицине можно обеспечивать благополучие главного объекта биополитики – населения. Благополучие подразумевает в данном случае и безопасность в собственном смысле и оптимизацию условий жизни населения, «благоустройство» жизненного пространства. В исследовании подчеркивается, что понятие «территории» в интерпретации Фуко, несомненно, максимально широкое и предполагает не только и не столько географические границы, но взаимовлияния населения и условий существования.

В понятийном поле биополитики у Фуко связку «власть-знание» необходимо дополнить понятием дискурс. Помимо того, что история общественного развития – это история смены типов власти, типов знания, это еще и история смены типов дискурса, точнее, это история формирования различных типов дискурса, которые соответствуют определенному типу власти и определенному типу знания. На основании чего в диссертационном исследовании сделан вывод о том, что «дискурсивность» властной природы представляется одним из важнейших методологических оснований анализа биополитики у Фуко.

«Дискурсивность» как основание биополитики имеет большой теоретико-методологический потенциал. На примере исследований текстов ведущих представителей направления современного критического дискурс-анализа (Нормана Фэркло, Рут Водак, Тёна ван Дейка) показаны основания,

согласно которым дискурс-анализ можно считать методологией биополитики как части политической науки. Дискурс, понимаемый и как вербальный объект и как социальная практика, включенная в некий историко-политический контекст, обуславливает восприятие человеком мира через взаимовлияние социальной и дискурсивной структур посредством создания ментальных схем в сознании индивидов. Такая трактовка дискурса позволяет фокусироваться на исследовании отношений господства и подчинения как на определенном результате взаимодействия ментальных моделей в сообществе индивидов, которые, с одной стороны, формируются в дискурсивном поле, а, с другой, – воспроизводятся благодаря дискурсу (Т. ван Дейк). В работе подчеркивается, что важным компонентом при рассмотрении дискурс-анализа как биополитической методологии является задача отслеживания злоупотребления властью, а точнее, дискурсивного воспроизводства злоупотребления властью. Таким образом, дискурсивное насилие рассматривается как биополитическая проблема.

Весьма специфическим, с точки зрения традиционных интерпретаций, и вполне логичным в контексте фукольдианской традиции видится обращение представителей критического дискурс-анализа к теме неолиберализма. С подачи Фуко неолиберализм трактуется как некоторый современный «порядок дискурса». Неолиберализм у Фуко – это режим общественно-политического существования, в основе которого лежит биовласть. Неолиберализм – это одновременно и продолжение либерализма, и ответ на кризис либерализма. Соответственно, техники биовласти представляют собой управление, основанное на либеральной рациональности, когда свобода становится средством контроля, когда принцип «заставить жить» проявляется в предоставлении населению максимально комфортных условий существования и в итоге становится главной политической ставкой.

Оставаясь верным своей логике, Фуко настаивает на том, что и либерализм, и неолиберализм представляют собой поле для реализации биовласти. Разница заключается в том, что главным для либерализма был вопрос о границах вмешательства в жизнь (населения), для неолиберализма – о границах невмешательства. Но ни объект, ни инструментарий власти не изменился. В качестве объекта выступает жизнь (условия жизни) населения, в качестве инструментария – механизмы свободного рынка.

В той или иной степени биополитическая теория Фуко оказывает влияния на каждого из тех авторов, которые касаются биополитической проблематики, начиная с 70-х годов XX века. Кто-то из мыслителей (Жиль Делез, например) последовательно развивает идеи Фуко, связанные с неизбежным превращением дисциплинарной власти в биовласть, кто-то (Славой Жижек, например) перенимает отдельные принципы (принцип «дискурсивности»), чтобы говорить о биополитике как о постполитике и одновременно о политике страха, кто-то не соглашается с Фуко (Агамбен, например), но все равно исходит из фукольдианских предпосылок, говоря о биополитике.

В этом смысле особого внимания заслуживает итальянская биополитическая традиция, рассмотренная в настоящем исследовании в отдельной главе. В диссертации обращено внимание на парадокс, возникающий при обращении к итальянским авторам. Он связан с тем, что, несмотря на ряд черт, общих для итальянских мыслителей, среди которых антропологичность, критика существующего политического порядка, очевидное стремление к созданию авторского биополитического словаря, их рассуждения о биополитике существуют благодаря опоре на идеи других национальных школ политической мысли (немецкой, например) или благодаря диалогу с представителями этих школ (особенно репрезентативным в этом смысле является обращение к французской традиции). Это, однако, ни в коем случае не преуменьшает значимости

текстов Джорджо Агамбена, Роберто Эспозито, Антонио Негри, Карло Галли для развития биополитики как направления политической науки.

В рамках сопоставительного анализа идей итальянских мыслителей с идеями их предшественников и современников в настоящем диссертационном исследовании удалось уточнить семантическое наполнение ключевых понятий, которые активно используются при обращении к проблемному полю биополитики сегодня. В этом смысле важно упомянуть понятия «голой жизни» и «чрезвычайного положения», которые Агамбен заимствует у Вальтера Беньямина и концептуализирует в рамках собственной биополитической теории с опорой на идеи Карла Шмитта. Реконструкция данных понятий позволяет Агамбену описывать текущее состояние политического, используя метафору лагеря. За счет подобного рода теоретических операций понятие политического фактически трансформируется у Агамбена в понятие биополитического.

Тема изменения пространства политического и превращения его в биополитическое пространство оказывается значимой для итальянских мыслителей. Существенно при этом, что именно в связи с этой темой в текстах итальянских авторов возникает целый спектр понятий, которые крайне важны для выстраивания структуры современного биополитического поля.

Специфическим и обязательным компонентом изменений, происходящих с миром политического является с точки зрения итальянских мыслителей война. «Война» у итальянских авторов представляет собой понятие, служащее одновременно и для описания механизма, благодаря которому происходят трансформации политического пространства, и для фиксации особенностей современного состояния мира. Отсюда – специфическая терминология, которой пользуются Агамбен («глобальная гражданская война»), Хардт и Негри («всемирная война»), Галли («глобальная война»).

Анализ, проведенный в рамках настоящего исследования, показал, что биополитические характеристики нового политического пространства обнаруживаются итальянскими мыслителями благодаря концептуальной связке: война нового типа – терроризм – глобализация – демократия. Глобализация при этом трактуется как состояние господства капитала, превалирования экономики (экономической выгоды) над политикой, специфический социально-политический порядок, при котором тотальное неравенство прикрывается лозунгами о равенстве и свободе. Обозначенная специфика позволяет говорить об особом («биополитическом») взгляде итальянских мыслителей на проблему идеального (желаемого, оптимального) в текущей ситуации политического режима.

Опираясь на традиционными политологическими понятиями, итальянские мыслители подчеркивают, что наиболее адекватным в сегодняшнем мире оказывается демократический режим, но с весьма существенными поправками, которые связаны, прежде всего, с ревизией текущей ситуации (ситуации глобальной войны) как на властном уровне, так и на уровне подчинения. В этой связи в настоящем диссертационном исследовании проведен компаративный анализ специфических для авторов, представляющих итальянскую традицию, понятий, а именно: «иммунизация» (“immunitas”), «сообщество» (“communitas”), «множество». Ключевым выводом является то, что новая форма демократии является собой некий «иммунитарный» (в более традиционной терминологии политической науки семантически близким к этому термину выступает термин «охранительный») режим, который не позволяет общему захватить индивидуальное, при этом не ограничивая значимость и ценность общего. Такой режим существования предполагает следование специфической (био)политической логике, которую Эспозито, например, называет «аффирмативной биополитикой». Эта логика предполагает, что жизнь вообще не должна быть объектом политики, но должна составлять ее движущую силу.

Похожая ситуация возникает при введении понятия «множество» в биополитический дискурс (в настоящем диссертационном исследовании данное понятие проанализировано на материале текста работы Хардта и Негри). Режим существования «множества» фактически и есть биополитический режим, который достаточно легко сопоставим с режимом существования в условиях «аффирмативной политики». Идеальным следствием установления такого порядка является ситуация, при которой общий интерес не находится под контролем государства, но остается в сфере межличностного «биополитического» производства.

Ввиду обозначенной выше позиции в диссертационном исследовании сделан вывод о том, что несмотря на общность ряда принципов анализа политического, характерных для представителей итальянской биополитической традиции, можно констатировать, что вектор представлений о биополитике меняется от резко негативного восприятия этого феномена (Дж. Агамбен) до положительных его трактовок (Р. Эспозито).

В исследовании подчеркивается, что многообразие биополитических моделей, создаваемых с помощью авторского языка, разнонаправленность концептуализации ключевых понятий при введении их в поле биополитики видится весьма продуктивным для продолжения исследований в этой области. Вместе с тем во многом благодаря итальянским мыслителям подготавливается база для обращения к вопросам, связанным с методологическим аппаратом современной биополитики. В частности, речь идет о вопросе о том, как трансформация политики в биополитику коррелирует с дискуссией о переходе от эпохи современности к эпохе постсовременности (от модерна к постмодерну), от эпохи постмодерна к эпохе метамодерна.

В настоящем диссертационном исследовании рассмотрен вопрос о том, как меняется статус политического в рамках идейных комплексов, которые с

некоторой степенью условности называются постмодернизмом и метамодернизмом. Условность связана, во-первых, с неустойчивостью и недостаточной четкостью определений этих понятий, во-вторых, с тем, что авторы, которые обращаются к вопросу об изменении статуса политического, совсем не обязательно используют понятия «постмодерн»/«постсовременность» или «метамодерн», предпочитая говорить о современной эпохе или современности (к их числу можно отнести все тех же итальянских мыслителей или Энтони Гидденса, например). Но для настоящего исследования было важно прояснить, что направление трансформации понятия политического очевидно определяется тем, что в новом политическом пространстве особое значение имеют вопросы, связанные собственно с жизнью. В этом смысле можно констатировать, что постмодернистская установка о размывании границ (как в самом широком, так и в узком политическом смысле), трансформируясь специфическим образом в метамодернизме, позволяет утверждать, что биополитика обнаруживается в каждой из сфер человеческого существования.

Отсутствие границ лишает человека защиты и определенности. Современный (постсовременный/метасовременный) человек существует в ситуации риска, его существование по определению не безопасно. Отсюда следует очевидный вывод о том, что биополитика как политика «эпохи пост» одновременно может называться политикой общества риска. В этой связи в диссертационном исследовании проанализирована проблема, которую условно можно обозначить как проблему биополитической идентичности.

В диссертации показано, что начало разработки этой проблемы было положено в работах Ханны Арендт и продолжено Джорджо Агамбеном в рамках рассуждений о биополитическом статусе беженца, «человека без государства». Но если и у Арендт, и у Агамбена эта тема рассматривается сквозь призму вопроса о правах человека, то у теоретиков общества риска, к которым относится, например, Ульрих Бек, поле рассуждений значительно

расширяется. На основании анализа текстов Бека в диссертации показано, что проблема идентичности в эпоху общества риска раскрывается как комплексная проблема, и важнейшее место в ее раскрытии занимает биополитический аспект. То есть ключевая проблема «свой-чужой» обретает новые аспекты. Одной из основополагающих причин является научное, техническое, биотехнологическое развитие. В диссертации сделан акцент на парадоксе, который заключается в том, что биологическое (сама жизнь) становится, с одной стороны, однозначной доминантой, а, с другой, – именно в силу доминирования открывает новое поле проблем, связанных с политическими, социальными, этическими, культурологическими следствиями. В качестве наиболее показательного примера приводится проблема «богатый-бедный» в интерпретации Бека.

Пространство политического, несомненно, расширяется за счет научного и технологического развития. Собственно, это и есть условие трансформации политики в биополитику. Эта, в сущности, фукольдианская идея получает широкое распространение в самых современных концепциях биополитики. Но важным в рамках настоящего исследования оказывается наблюдение, связанное с тем, что биополитические стратегии в наиболее современных интерпретациях, например, у Николаса Роуза и Пола Рабиноу представляют собой своего рода «перевертыш» фукольдианской трактовки. Современные биополитические стратегии «умны» в том смысле, что заведомо не репрессивны: они нацелены (должны быть нацелены) на минимизацию рисков, с которыми потенциально сталкивается человек, но не с целью дисциплинировать (как это было у Фуко), а с целью активизировать желание и возможности к самоуправлению, принципы и цели которого в конечном итоге должны максимально полно совпадать с представлениями публичной власти о наилучшем социально-политическом порядке. В самом общем виде такая идея становится основанием для создания концепции «биосоциальности» Пола Рабиноу. В сущности, понятие биосоциальности

становится фундаментом для создания модели биополитики, которая формируется «снизу».

В диссертационном исследовании сделан вывод о том, что концепция биосоциальности может быть отнесена к проблемному полю, связанному с «новой идентичностью», поскольку дает возможность рассуждать о возможностях технонауки, способствующих созданию новых форм социализации и политического участия. В последнем пределе биосоциальность является определяющей для возникновения новых форм идентичности, которую в полном смысле можно назвать биополитической.

Последний параграф настоящего исследования был посвящен анализу подходов к осмыслению биополитической проблематики при учете сопутствующих сложностей, связанных с тем, что поле биополитики очевидно находится на этапе становления. В исследовании была показана недостаточная обоснованность довольно распространенной в западной литературе позиции, представленной, в частности, у Томаса Лемке, согласно которой биополитический анализ должен быть противопоставлен биоэтическому подходу. Более продуктивным видится подход, в котором сочетались бы компоненты биополитического и биоэтического анализа. Правомерность такой позиции обоснована на примере описания социально-гуманитарной экспертизы как комплексной методологии.

С учетом вышесказанного можно констатировать, что в диссертационном исследовании в процессе отслеживания концептуальных изменений, происходящих в осмыслении феномена биополитики, удалось очертить границы того теоретического поля, которое занимает биополитика в сфере политической науки, показать истоки и концептуальные основания развития биополитической проблематики в западной политической мысли, описать базовые концепты биополитики.

Компаративный анализ концепций биополитики периода второй половины XX – начала XXI века, а также рассмотрение новейших, зачастую авторских, концепций биополитики позволили определить векторы дальнейшего развития биополитики.

Ряд результатов проведенного исследования связан с методологическими аспектами заявленной темы. В качестве основных следует выделить, с одной стороны, рассмотрение методологического потенциала биополитики как категории, определяющей современность в работах западных политических мыслителей, а, с другой, – возможность включения методологии критического дискурс-анализа, а также теоретических подходов социально-гуманитарной экспертизы в спектр методов анализа биополитики.

Авторы самой, пожалуй, известной хрестоматии, в которой собраны базовые тексты по биополитической проблематике, Тимоти Кэмпбелл и Адам Ситц говорят о том, что сегодня мы находимся в процессе написания канона биополитики. С одной стороны, представляется, что написание канона невозможно без обращения к теоретическому багажу, накопленному в истории политической науки. С другой стороны, весьма перспективными видятся разработки биополитической проблематики в политологических исследованиях самого широкого спектра с учетом национальной российской специфики.

Список использованной литературы

1. *Абашидзе А.А., Солнцев А.М.* Новое поколение прав человека: соматические права // Московский журнал международного права. М., 2009. №1. С. 69-82.
2. *Абрамов Р.Н., Кожанов А.А.* Концептуализация феномена Popular Science: модели взаимодействия науки, общества и медиа // Социология науки и технологий. 2015. № 2. С. 45- 60.
3. *Агамбен Дж.* Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М., 2011.
4. *Агамбен Дж.* Homo sacer. Чрезвычайное положение. М., 2011.
5. *Агамбен Дж.* Homo sacer. Что остается после Освенцима. М., 2012.
6. *Агамбен Дж.* Stasis. Гражданская война как политическая парадигма. М., 2021.
7. *Агамбен Дж.* О том, чего мы можем не делать / Агамбен Дж. Нагота. М., 2014. С. 74-79.
8. *Агамбен Дж.* Оставшееся время: Комментарий к Посланию к Римлянам. М., 2018.
9. *Агамбен Дж.* Похвала профанации / Агамбен Дж. Профанации. М., 2014.
10. *Агамбен Дж.* Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М., СПб., 2018.
11. *Агамбен Дж.* Что такое народ? / Агамбен Дж. Средства без цели. М., 2015.
12. *Агамбен Дж.* Что такое повелевать? М., 2013.
13. *Аласания К.Ю.* Биополитика от Спенсера до Эспозито: ключевые концепции и подходы. М., 2023.
14. *Аласания К. Ю.* Теоретические и методологические основания анализа политической власти во французском постмодернизме (вторая половина XX – начало XXI века). М., 2010.

15. Аласания К.Ю. «Биополитика»: интерпретации и смыслы в современном социально-политическом знании // Каспийский регион: политика, экономика, культура. № 1 (62). 2020. С. 60-65.
16. Аласания К.Ю. «Жизненная политика» и «политика жизни»: сравнительный анализ биополитических концепций Э. Гидденса и Н. Роуза // Ценности и смыслы. 2020. № 3 (67). С. 32-44.
17. Аласания К.Ю. «Идентичность» как понятие биополитики в эпоху глобализации // Философия политики и права. 2022. № 13. С. 52-62.
18. Аласания К.Ю. Биополитика в современной западной политической философии. М., 2021.
19. Аласания К.Ю. Биополитические аспекты концепции «полного мира» // Каспийский регион: политика, экономика, культура. № 2 (59). 2019. С. 69-73.
20. Аласания К.Ю. Выживание как биополитическая концепция // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2020. № 6. С. 35-46/
21. Аласания К.Ю. Дискурсивные начала биополитики в работах М. Фуко и С. Жижека // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. № 2. 2022. С. 96-109.
22. Аласания К.Ю. Ментальная модель в социальном познании: интерпретации Т. ван Дейка // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 62. С. 260-264.
23. Аласания К.Ю. Политическая гиперреальность: образ Америки в постмодернизме // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 1 (42). С. 96-102.
24. Аласания К.Ю. Понятие биополитики в геополитической теории Рудольфа Челлена // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2020. № 1. С. 18-28.

25. *Алексеева Т. А.* Политическая философия как «практичное» знание // Полис. Политические исследования. 2010. № 1. С. 54-60.
26. *Алексеева Т.А.* Современные политические теории. М., 2000; *Алексеева Т. А.* Методологические вопросы политической философии // Полития. – 2004. № 3. С. 130-169.
27. *Алмонд Г., Верба С.* Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. М., 2014.
28. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М., 2001.
29. *Андерсон П.* Истоки постмодерна. М., 2011.
30. *Аннан К.* Сохранились ли у нас всеобщие ценности // Международная жизнь. 2004. № 2. С. 70-77.
31. *Антоновский А.Ю.* Наука как социальная система. Никлас Луман о механизмах социальной эволюции знания и истины // Вопросы философии. 2017. № 7. С. 158-171.
32. *Арендт Х.* Vita activa, или О деятельной жизни. СПб., 2000.
33. *Арендт Х.* Личная ответственность при диктатуре / *Арендт Х.* Ответственность и суждение. М., 2013.
34. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М., 1996. С. 380-381.
35. *Арендт Х.* О революции. М., 2011.
36. *Аристотель.* Политика. М., 2018.
37. *Арон Р.* Демократия и тоталитаризм. М., 1993.
38. *Арон Р.* Опиум интеллектуалов. М., 2015.
39. *Арутюнова Н.Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
40. *Асеева И.А.* Философские и биоэтические аспекты развития новых конвергентных технологий как фактора трансформации среды обитания человека // Философия науки. 2016. № 2. С. 85-96.
41. *Ашмарин И.И.* Основы гуманитарной экспертизы // Человек. 1997. № 3. С. 76–86.

42. *Багдасарьян Н.Г. Горохов В.Г. Назаретян А.П.* История, философия и методология науки и техники. М., 2016.
43. *Багдасарьян Н.Г.* Страх как «онтологическое ядро» современности: российский контекст // Социальная политика и социология. 2018. № 2. С.161-169.
44. *Бадью А.* Этика. Очерк о сознании Зла. СПб., 2006.
45. *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М., 2004.
46. *Барт Р.* Нулевая степень письма // Французская семиотика. От структурализма к постструктурализму. М., 2000.
47. *Барт Р.* Система моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003.
48. *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004.
49. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2002.
50. *Бек У.* Жизнь в мировом обществе риска: космополитический поворот // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2012. № 5. С. 35-52.
51. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.
52. *Бек У.* От индустриального общества к обществу риска // Альманах Thesis. Вып. 5. 1994. С. 161-168.
53. *Белялетдинов Р.Р.* Кибер-человек: взгляд в будущее // Человек. 2006. № 6. С. 128-131.
54. *Белялетдинов Р.Р.* Социогуманитарное обеспечение проектов персонализированной медицины: философский аспект // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 4. С. 12-26.
55. *Бенхабиб С.* Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эпоху. М., 2005.
56. *Бергер П.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания М., 1995.

57. *Бехман Г.* Современное общество как общество риска // Вопросы философии. 2007. №1. С. 26-46.
58. *Бикбов А.Т.* За порогом новой эры правления // Дин М. Правительственность: власть и правление в современных обществах. М., 2016. С. 7 – 32.
59. *Бланио М.* Мишель Фуко, каким я себе его представляю. СПб., 2002.
60. *Богомякова А.С.* «Генетизация» общества: технологии и риски. // Человек. 2016. № 6. С. 45-58.
61. *Богущка М.* Традиционное и человеческое измерения национальной безопасности: сравнительный анализ концептуальных моделей Польши и России: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2014. 232 с.
62. *Бодрийяр Ж.* Америка. М., 2000.
63. *Бодрийяр Ж.* Войны в Заливе не было. Дух терроризма. М., 2016.
64. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006.
65. *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла. М., 2000.
66. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М., 2000.
67. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции. М., 2015.
68. *Бойцова О.Ю.* Зиммель // Философия политики и права. Энциклопедический словарь. М., 2018.
69. *Бойцова О.Ю.* Капкан для хищника: Освальд Шпенглер о судьбах религии в западном мире // Диалог со временем. 2020. Выпуск 71. С. 134-140.
70. *Бойченко М.И.* Герберт Спенсер как создатель новой картины мира // Спенсер Г. Социальная статика. Киев. 2013.
71. *Болтански Л., Кьяпелло Э.* Новый дух капитализма. М., 2011.
72. *Борисов С.Н., Римский В.П.* «Человек террористический» в изменяющемся мире модерна и тоталитаризма: к методологии проблемы // «Личность. Культура. Общество». Международный журнал социальных и гуманитарных наук. Спец. выпуск 1 (33). 2006. С. 152-159.

73. *Брызгалина Е.В.* Биоэтика пандемии: абрис проблемного поля // Человек. Том 31, № 4. 2020. С. 41-56.
74. *Брызгалина Е.В., Аласания К.Ю., Вархотов Т.А., Гавриленко С.М., Рыжов А.Л., Шкомова Е.М.* Биобанкинг: социально-гуманитарные аспекты. Монография. М., 2018.
75. *Брызгалина Е.В., Аласания К.Ю., Садовничий В.А., Миронов В.В., Гавриленко С.М., Вархотов Т.А., Шкомова Е.М., Набиулина Е.А.* Социально-гуманитарная экспертиза функционирования национальных депозитариев биоматериалов // Вопросы философии. 2016. № 2. С. 8-21.
76. *Брызгалина Е.В., Гавриленко С.М., Вархотов Т.А., Аласания К.Ю., Шкомова Е.М., Рыжов А.Л.* Специфика информированного согласия доноров депозитариев биоматериалов // Технологии живых систем. 2018. Т. 15, № 2. С. 4–15.
77. *Брызгалина Е.В., Ефименко А.Ю., Аласания К.Ю., Шкомова Е.М., Гавриленко С.М., Вархотов Т.А., Мацкеплишвили С.Т., Стамбольский Д.В.* Информированное согласие на получение и использование клеточного материала человека: нормативно-правовое и этическое регулирование // Российский кардиологический журнал. 2018. № 12. С. 84-90.
78. *Бубер М.* Проблема человека. М. 1995.
79. *Буданов В.Г.* Парадигма сложности и социогуманитарные проекции конвергентных технологий // Вопросы философии. 2016. № 1. С. 59-70.
80. *Буйкин С.В., Брагина Е.Ю., Конева Л.А., Пузырёв В.П.* Базы данных коллекций биологического материала: организация сопроводительной информации // Бюллетень сибирской медицины. 2012. №1. С.111-121.
81. *Бурдые П.* Социология политики. М., 1993.

82. *Буренко В.И.* Управление и политика в эпоху постмодернизма // Вестник национального института бизнеса. 2018. № 32. С. 18-26.
83. *ван Дейк Т.А.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2013.
84. *ван Дейк Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
85. *Вархотов Т.А., Гавриленко С.М., Стамбольский Д.В., Огородова Л.М., Брызгалова Е.В., Аласания К.Ю.* Задачи социально-гуманитарного сопровождения создания национального банка-депозитария биоматериалов в России // Вопросы философии. 2016. № 3. С. 124-138.
86. *Васильева Н.А.* ООН и глобальное управление: эколого-аксиологический аспект // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Выпуск 4. 2008. С. 154-159.
87. *Вебер А.Б.* Современный мир и проблема глобального управления // Век глобализации. Выпуск №1. 2009. С. 3-15.
88. *Вельш В.* «Постмодерн». Генеалогия и значение одного спорного понятия // Путь. 1992. № 1. С. 109–136.
89. *Визгин В.* Генеалогический проект Мишеля Фуко: онтологические основания // Мишель Фуко и Россия: Сб. статей / под ред. О. Хархордина. СПб.; М., 2001.
90. *Водак Р.* Критическая лингвистика и критический анализ дискурса // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 286-291.
91. *Водак Р.* Язык. Дискурс. Политика. Волгоград, 1997.
92. *Гегель Г.В.Ф.* Философия истории // Сочинения в 14 тт. Т. VIII. М., 1956.
93. *Гидденс Э.* Девять тезисов о будущем социологии // THESIS. Вып.1. 1993. С. 22-51.
94. *Гидденс Э.* Навстречу глобальному веку // Отечественные записки. 2002. №6. С. 15-21.
95. *Гидденс Э.* Последствия современности. М., 2011.

96. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // Thesis. 1994. Вып. 5. С. 107-134.
97. Гидденс Э. Трансформация интимности: сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб., 2004.
98. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004.
99. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. М., 2005.
100. Гийому Ж., Мальдидье Д. О новых приёмах интерпретации, или Проблема смысла с точки зрения анализа дискурса // Квадратура смысла. М., 1999.
101. Гоббс Т. Сочинения в 2 тт. М., 1991.
102. Горбулёва М.С., Мелик-Гайказян И.В., Мещерякова Т.В. Меч и скальпель: семиотическая диагностика трансформаций властных взаимоотношений как культурных детерминаций основных принципов биоэтики. Томск, 2013.
103. Горохов В.Г. Социальные технологии прикладных междисциплинарных исследований в сфере социальной оценки техники // Эпистемология и философия науки. 2013. № 1. С. 135-150.
104. Горохов В.Г. Эволюция инженерии: от простоты к сложности. М., 2015.
105. Горяинов О.В. «Чрезвычайное положение в условиях «божественного насилия»: ответ Карла Шмитта Вальтеру Беньямину // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». № 1. 2013. С. 5-16.
106. Гребенищикова Е.Г. Биологическое гражданство: от пациентских организаций до потребительской геномики // Человек. Т. 30. Вып. 6. 2019. С. 72-81.
107. Гребенищикова Е.Г. Социогуманитарное обеспечение технотехники // Философия, методология и история науки. 2016. Т. 2. № 1. С. 15-21.

108. *Григорьева В.С.* Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты. Тамбов, 2007.
109. *Гринфилд А.* Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. М., 2018.
110. *Грицанов А.А.* «Надзирать и наказывать» // Постмодернизм. Энциклопедия. Минск, 2001.
111. *Гуторов В.А., Шириняну А.А.* О новом «историческом прочтении» либеральной традиции // Диалог со временем. 2021. № 74. С. 398-406.
112. *Гуторов В.А., Шириняну А.А., Шутов А.Ю.* О проблеме междивизиональных отношений России и зарубежной Европы в начале XXI века // Балтийский регион. Т. 10. 2018. № 4. С. 132-141.
113. *Дарвин Ч.* Собрание сочинений в 9 тт. Т. 4. М., Л., 1951.
114. *Дегтярев Ю. Г., Фомин О.Ю., Солтанович А.В., Marzelieze S.* Информированное согласие на медицинское вмешательство: медико-правовые аспекты // Здоровоохранение. 2014. № 2. С. 27-38.
115. *Декомб В.* Современная французская философия. М., 2000.
116. *Деланда М.* Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность. Пермь, 2018.
117. *Делез Ж.* Post Scriptum к обществам контроля // Переговоры. М., 2004.
118. *Делез Ж.* Ницше и философия. М., 2003.
119. *Делез Ж.* Ницше. СПб., 2011.
120. *Демьянков В.З.* Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. М., 2002. № 3. С.32-43.
121. *Джеймисон Ф.* Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М., 2019.
122. *Дин М.* Правительственность. Власть и правление в современных обществах. М., 2016.

123. Диспозитив биополитики: власть и свобода: сравнительный анализ полемических дискурсов: коллективная монография. СПб., 2020.
124. *Дубилет А.* Имманентность, конфликт и история: итальянская мысль Роберто Эспозито // Логос. №3 [99]. 2014. С. 289-294.
125. *Дуглас М.* Окружающая среда и риск // Социологическое обозрение. Том 3. 2007. № 3. С. 37-48.
126. *Ефременко Д.В.* Концепция общества знания как теория социальных трансформаций: достижения и проблемы // Вопросы философии. 2010. №1. С. 49-61.
127. *Жижек С.* Год невозможного. Искусство мечтать опасно. М., 2012.
128. *Жижек С.* Добро пожаловать в пустыню Реального. М., 2002.
129. *Жижек С.* Накануне Господина: сотрясая рамки. М., 2014.
130. *Жижек С.* О насилии. М., 2010.
131. *Жукова И.В.* Становление левого антитоталитаризма: франкоязычная критика сталинской системы в 1930-1940-е г.: дис. ... канд. ист. наук: 23.00.01. Екатеринбург, 1999. 182 с.
132. *Зиммель Г.* Конфликт современной культуры // Культурология. XX век. Антология. М., 1995.
133. *Зиммель Г.* Созерцание жизни // Избранное. Т. 2. М., 1996.
134. *Зиммель Г.* Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования // Избранное. Проблемы социологии. М., СПб., 2015.
135. *Зинченко Ю.П., Рыжов А.Л., Тхостов А.Ш., Брызгалова Е.В.* Проблемы оценивания психологических характеристик доноров биобанка: научные и практические аспекты // Российский психологический журнал. 2016. Vol. 13, № 3. Р. 140–151.
136. *Иваненко Е. А., Корецкая М. А., Савенкова Е. В.* Архаическое и современное тело жертвоприношения: трансформация аффектов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2012. № 2 (12). С. 17-41.

137. *Ильин И. П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996.
138. *Йоргенсен М.В., Филлипс Л. Дж.* Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, 2008.
139. *Канарш Г.Ю.* Идея органицизма в современных исследованиях человека и общества // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 2. С. 50-60.
140. *Канетти Э.* Масса и власть. М., 1997.
141. *Кант И.* Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. М., 1994.
142. *Канторович Э.* Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М., 2014.
143. *Касавин И.Т.* STS: опережающая натурализация или догоняющая модернизация? // Эпистемология и философия науки. 2014. № 1. С. 5-17.
144. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
145. *Киященко Л.П.* Этнос постнеклассической науки (к постановке проблемы) // Философия науки. Вып. 11: Этнос науки на рубеже веков. 2005. С. 5-10.
146. *Кобылин И.И.* Исток и сингулярность: Дж. Агамбен и М. Фуко о рождении биовласти // Философия и общество. № 3. 2011. С. 171-183.
147. *Коваленко В.И.* О возможностях новых измерений предметного поля политической науки // Политическая наука и политологическое образование в России: основные вехи, проблемы, перспективы (к 30-летию образования отделения политологии в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова). Материалы всероссийской научной конференции. М., 2022. С. 6-27.
148. *Кожев А.* Понятие власти. М., 2006.

149. *Корецкая М.А.* (Не) напрасные жертвы: травма как точка сборки биополитического коллективного тела // Международный журнал исследований культуры. 2017. № 4 (29). С. 29-43.
150. *Корецкая М.А.* Амбивалентность власти: мифо-теологический аспект // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2015. Т. 17. № 1-1. С. 196-200.
151. *Корецкая М.А.* Виртуальная война как продолжение биополитики другими средствами// Аспирантский вестник Поволжья. 2016. № 7-8. С. 57-62.
152. *Корецкая М.А.* Воля к власти: к генеалогии концепта// Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2015. № 2 (18). С. 112-134.
153. *Косов Г.В.* Экологическая составляющая политического процесса: дис. ... докт. полит. наук: 23.00.02. Ставрополь, 2005. 337 с.
154. *Кравченко С.А.* Модерн и постмодерн: «старое» и новое видение // Социологические исследования. № 9. 2007. С. 24-34.
155. *Лакан Ж.* Функция и поле речи и языка в психоанализе. М., 1995.
156. *Латур Б.* Когда вещи дают сдачи // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2003. № 3. С. 20-39.
157. *Латур Б.* Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб., 2013.
158. *Латур Б.* Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб., 2006.
159. *Латур Б.* Пастер: война микробов, с приложением «Несводимого». СПб., 2015.
160. *Латур Б.* Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014.
161. *Латур Б.* Политики природы. М., 2018.
162. *Леви П.* Канувшие и спасенные. М., 2010.

163. *Лекторский В.А.* Современные технологии и человеческие ценности // Человек и его будущее. Новые технологии и возможности человека. М., 2012. С. 252–261.
164. *Лехциер В.* Болезнь: опыт, нарратив, надежда. Очерк социальных и гуманитарных исследований медицины. Вильнюс, 2018.
165. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. М., 1998.
166. *Лиотар Ж.-Ф.* Заметка о смыслах «пост» // Иностранная литература 1994. № 1. С. 54-66.
167. *Ло Д.* После метода: беспорядок и социальная наука. М., 2015.
168. *Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А.* Платон. Аристотель. М., 2005.
169. *Луков В.А.* От экспертизы социальной к гуманитарной экспертизе // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 114–118.
170. *Луман Н.* Власть. М., 2001.
171. *Луман Н.* Понятие риска // THESIS. 1994. № 5. С. 135-160.
172. *Луман Н.* Реальность массмедиа. М., 2005.
173. *Макаров М. Л.* Основы теории дискурса. М., 2003.
174. *Макина В.А.* Социально-философские основания биополитики: дис. ... канд. философск. наук: 09.00.11. Волгоград, 2000. 143 с.
175. *Мальтус Т.-Р.* Опыт закона о народонаселении. М., 1895.
176. *Манович Л.* Язык новых медиа. М., 2018.
177. *Массис А.* Шпенглер – предвестник национал-социализма // Тетради по консерватизму. 2020. № 4. С. 248.
178. *Матвеева Е.В.* Межуровневые взаимодействия в общественной, государственной и мировой экологической политике: дис. ... докт. полит. наук: 23.00.02. Саратов, 2012. 413 с.
179. *Медоуз Д., Рандерс Й., Медоуз Д.* Пределы роста: 30 лет спустя. М., 2012.
180. *Мелик-Гайказян И.В.* Диагностика моделей биоэтики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 45. С. 75-82.

181. *Мелик-Гайказян И.В.* Memory-turn: архитектура биоэтики как диагностика нового поворота в философии // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2012. №4 (20). С. 165-180.
182. *Мелик-Гайказян И.В.* Бумеранг конструирования: траектории полета в коммуникативном пространстве // Конструирование человека. Сборник научных статей. Сер. «Системы и модели: границы интерпретаций». Томск, 2008. С. 114-158.
183. *Мелик-Гайказян И.В. Жукова Е.А.* Философские проблемы технологий и феномен HI-TECH // Михель Д.В. Воплощенный человек: Западная культура, медицинский контроль и тело. Саратов, 2000.
184. *Мелик-Гайказян И.В.* Символизм технологий «конструирования человека» // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 22: Философский анализ проектов конструирования человека: идеалы и технологии: сб. науч. ст. /под ред. П.Д. Тищенко. М., 2015. С. 15-35.
185. Мир в войне: победители и побежденные. 11 сентября 2001 глазами французских интеллектуалов. М., 2003.
186. *Миронов В.В., Миронова Д.В.Г.* Добродетельный террор, или Кто определяет границы свободы слова (размышляя над книгами Тило Саррацина) // Этическая мысль. 2018. Т. 18. № 2. С. 99-115.
187. *Миронов В.В., Миронова Д.В.Г.* Мультикультурализм: толерантность или признание? // Вопросы философии. 2017. № 6. С. 16-28.
188. *Михель Д.В.* Власть, знание и мертвое тело: историко-антропологический анализ анатомических практик на Западе в эпоху Ранней Современности // Логос. 2003. № 4-5 (39). С. 163-173.
189. *Михель Д.В.* Воплощенный человек: Западная культура, медицинский контроль и тело. Саратов, 2000.
190. *Михель Д.В.* Медикализация общества: теория, история, микрополитика // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7. № 3. С. 293-294.

191. *Мол А.* Множественное тело: онтология в медицинской практике. Пермь, 2017.
192. *Мортон Т.* Статья экологичным М., 2018.
193. *Мухатаев П.Н.* Интерпретация понятия «социал-дарвинизм» в западной и отечественной историографии конца XIX – начала XXI века // Самарский научный вестник. 2016. № 4 (17). С. 126-133.
194. *Мчедлова М.М., Казаринова Д.Б.* Вызов пандемии COVID-19 и религия: онтология vs политика // Полис. Политические исследования. М., 2021. С. 148-162.
195. *Мэк Э.* Предисловие // *Спенсер Г.* Политические сочинения. В 5 тт. Т. 1. М., Челябинск. 2014.
196. *Найт Ф.* Понятие риска и неопределенности // THESIS. 1994. №5. С. 12-29.
197. *Нанси Ж.-Л.* Непроизводимое сообщество М., 2009.
198. Неопределенность как вызов. Медиа. Антропология. Эстетика / Коллективная монография под ред. Кристофа Вульфа и Валерия Савчука. СПб., 2013.
199. *Ницше Ф.* Воля к власти. М., 1994.
200. *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла // Сочинения в 2-х тт. Т. 2. М., 1990.
201. *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М., 1991.
202. *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011.
203. *Олескин А.В.* Биополитика и ее приложимость к социальным технологиям // Вопросы философии. № 7. 1995. С. 76-88.
204. *Олескин А.В.* Сетевые структуры с точки зрения биополитики // Полис. Политические исследования. № 1. 1998. С. 68-86.

205. *Олескин А.В.* Социокультурная роль современной биологии и ее отражение в биополитике: историко-научный анализ: дис. ... докт. биол. наук: 07.00.10. М., 2002. 284 с.
206. *Павлов А.* Добродетельная тирания. Классическая политическая философия в поисках новой терминологии // Логос. Том 25 #6. 2015. С. 22-43.
207. *Перевезенцев С.В.* Историческое сознание: опыт типологизации // Тетради по консерватизму. 2017. № 3. С. 11-21.
208. *Пищита А. Н.* Согласие на медицинское вмешательство. Медико-правовой анализ. Юридические стандарты. Практика реализации. М., 2006.
209. *Подорога В. А.* Апология политического. М., 2010.
210. Политическая энциклопедия. В 2-х тт. Т. 2. М., 1999.
211. *Попов Д.В.* «Биовласть и жизнь: философско-антропологические основания, потенциал и перспективы биополитики». Омск. 2021.
212. *Попов Д.В.* Управление жизнью: философско-антропологические основания, потенциал и перспективы биополитики: дис. ... докт. филос. наук: 5.7.8. Омск, 2022. 388 с.
213. *Попова О.В.* Биотехнологическое конструирование детства: от патологии к усовершенствованию// Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 20: Гуманитарный анализ биотехнологических проектов “улучшения” человека: сб. науч. ст. / под ред. Б.Г. Юдина. М., 2015. С.114 – 132.
214. *Попова О.В.* Биотехнологическое конструирование искусственного – естественного: социальный контекст // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 2. С. 161–171.
215. *Попова О.В.* Интимные технологии и кризис социальности // Человек. 2017. № 1. 138-152.
216. *Попова О.В.* Человек как текст и этика читателя: биополитический контекст // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 7. Под ред. Ф.Г. Майленовой. М., 2013. С. 123 – 146.

217. *Прокофьев А.В.* Справедливость или преодоление человеческой природы? (метанормативный контекст понятия «справедливость») // Этическая мысль. Выпуск 4. М., 2003. С. 23-49.
218. *Прохоров Е.А.* Концепт «сообщество» в современной социальной онтологии: Ж-Л. Нанси и Дж. Агамбен // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 2. С. 9-15.
219. *Рабиноу П.* Социобиология и биосоциальность // Человек. 2019. Т. 30, № 6. С. 8–26.
220. *Рансьер Ж.* Несогласие. Политика и философия. СПб., 2013.
221. *Ратцель Ф.* Земля и жизнь сравнительное жизнеописание: в 2 тт. СПб., 1906. Т. 2.
222. *Резник О.Н., Кузьмин Д.О., Скворцов А.Е., Резник А.О.* Биобанки – неоценимый ресурс трансплантации: история, современное состояние, перспективы // Вестник трансплантологии и искусственных органов. 2016. Том XVIII, № 4. С.123-132.
223. *Ренан Э.* Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений в 12-ти томах. Т.6. Киев, 1902. С.87-101.
224. *Риккерт Г.* Философия жизни. Киев. 1998. С. 289.
225. *Рорти Р.* Философия и зеркало природы. Новосибирск, 1997.
226. *Русаков С.С.* Эволюция стратегий анализа власти в политической философии Мишеля Фуко: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01. СПб., 2017. 235 с.
227. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре. М., 1998.
228. *Савиньи Ф.К. фон* Римское право в Средние века // Немецкая историческая школа права: Сборник. Челябинск, 2010.
229. *Савиньи Ф.К. фон.* Система современного римского права. Т. 1. М., 2011.
230. *Сарна А. Я.* Образ и медиум: визуальный текст в массовой коммуникации: сборник статей. Минск, 2012.

231. *Сергунин А. А.* Суверенитет: эволюция концепта // Политическая экспертиза. 2010, Т.6. №4. С. 5 - 21.
232. *Сидякина Н.А.* Философско-методологические основания биополитики: автореферат дис. ... канд. философск. наук: 09.00.01. М., 1991. 24 с.
233. *Симакова М.* Альянсы хрупких тел, или Политика уязвимых жизней. Рецензия на книгу: Батлер Дж. (2017) Заметки к перформативной теории собрания // Социология власти. №1. 2018. С. 215-226.
234. *Сокулер З. А.* Методология гуманитарного познания и концепция “власти-знания” Мишеля Фуко // Философия науки. Выпуск 4. М., 1998. С. 174-182.
235. *Сокулер З.А.* Знание и власть: наука в обществе модерна. СПб., 2001.
236. *Соловей И.В.* Философские смыслы поля политики: дис. ... докт. философск. наук: 09.00.11. Ижевск, 2012. 271 с.
237. *Соловьев А.И.* Гражданин в потоках цифровизации: коллизия политики и культуры // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 216-230.
238. *Соловьев А.И.* Политическое «разрушение» государственности или «Ноев ковчег» постсовременности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 50. С. 200-209.
239. *Спенсер Г.* Опыты научные, политические и философские. Минск, 1999.
240. *Спенсер Г.* Основания биологии // Сочинения Герберта Спенсера. СПб., 1899
241. *Спенсер Г.* Политические сочинения. В 5 тт. М., Челябинск. 2014.
242. *Стамбольский Д. В., Брызгалина Е. В., Ефименко А. Ю.* и др. Информированное согласие на получение и использование клеточного

- материала человека: нормативно-правовое и этическое регулирование // Российский кардиологический журнал. № 23 (12). 2018. С. 84-90.
243. *Степанов Ю.С.* Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX в. М., 1995. С. 35-72.
244. *Степин В.С.* Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб., 2009. С. 249-295.
245. *Терборн Г.* Глобализация и неравенство: проблемы концептуализации и объяснения // Социологическое обозрение. Том 4. № 1. 2005.
246. *Тищенко П. Д.* Биотехнологическое улучшение человека в эпоху консьюмеризма // Рабочие тетради по биоэтике. Выпуск 23. Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения» человека: сб. науч. ст. / под ред. Б. Г. Юдина. М., 2016. С. 12-38.
247. *Тищенко П.Д.* Биовласть в эпоху биотехнологий. М., 2001.
248. *Тищенко П.Д.* Биовласть: эвристическое пространство концепта в антропологии // Этнографическое обозрение. № 6. 2013. С. 102-108.
249. *Тищенко П.Д.* Биотехнологическое улучшение человека в эпоху консьюмеризма // Рабочие тетради по биоэтике. Выпуск 23. Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения» человека: сб. науч. ст. / под ред. Б. Г. Юдина. М., 2016. С. 12-38.
250. *Тищенко П.Д.* Вместо заключения. ГУЛАГ: модернизация и мегамшины по Льюису Мамфорду // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 13: Человек – NBIC машина: исследование метафизических оснований инновационных антропотехнических проектов: сб. науч. ст. / под ред. П.Д. Тищенко. М., 2012. С. 116-119.
251. *Тойнби А.* Постижение истории. М., 2021.
252. *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти: знание, богатство и сила на пороге XXI в. М., 2001.

253. *Федорова М.М.* Суверенитет как политико-философская категория Современности // *Философский журнал*. 2009. № 1 (2). С. 154-164.
254. *Фидлер Л.* Пересекайте рвы, засыпайте границы // *Современная западная культурология: самоубийство дискурса*. М., 1993. С. 462–518.
255. *Филиппов Ю.Н., Абаева О.П., Филиппов А.Ю.* История становления информированного добровольного согласия пациента в России // *Медицинский альманах*. 2013. №1 (25). С. 11-13.
256. *Фокин С.Л.* «Этика капитализма: язык, логика суда, террор ответственности» // *Альманах Центра исследований экономической культуры*. СПб., 2013. С. 91-102.
257. *Фромм Э.* Бегство от свободы. М.: Академический проект. 2008.
258. *Фромм Э.* Здоровое общество. Догмат о Христе. М., 2005.
259. *Фуко М.* Omnes et Singulatim: К критике политического разума // *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью*. М., 2005. Ч. 2.
260. *Фуко М.* Безопасность, территория, население // *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью*. М., 2006. Ч. 3.
261. *Фуко М.* Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году. СПб., 2011.
262. *Фуко М.* Власть и знание // *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью*. М., 2002.
263. *Фуко М.* Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996.
264. *Фуко М.* Дисциплинарное общество в кризисе // *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью*. М., 2002.
265. *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997.

266. Фуко М. Мишель Фуко. Ответы философа // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2002. Ч. 1.
267. Фуко М. Ницше, Генеалогия, История // Философия эпохи постмодерна: Сборник переводов и рефератов. Минск, 1996.
268. Фуко М. Нужно защищать общество. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. СПб., 2005.
269. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году. СПб., 2010.
270. Фуко М. Рождение социальной медицины // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2006. Ч. 3.
271. Фуко М. Управление собой и другими. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982-83 учебном году. СПб., Наука. 2011.
272. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134-148.
273. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции М., 2004.
274. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М., 2002.
275. Хабермас Ю. Политические работы. М., 2005.
276. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. М., 2010.
277. Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004.
278. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2006.
279. Хардт М., Негри А. Субъективные фигуры кризиса // Синий диван. Философско-теоретический журнал. Вып. 19. 2014. С. 85-104.
280. Харт К. Постмодернизм. М., 2006.
281. Хаусхофер К. О геополитике. М., 2001.

282. *Хёйзинга Й.* Человек играющий. Опыт определения игрового элемента культуры. СПб., 2011.
283. *Хен Ю.В.* Цели и средства евгеники (этический и естественно-научный статус дисциплины) // *Философия науки.* Вып. 11: Этнос науки на рубеже веков. М., 2005.
284. *Хмелевская С.А.* Регенеративная медицина – путь к биологическому бессмертию человека? // *Вестник Московского университета. Серия 7: Философия.* № 2. 2019. С. 38-54.
285. *Хоффман Б.* Терроризм - взгляд изнутри. М., 2003.
286. *Цурина И.В.* Социально-политический контекст философии постмодернизма. М., 1994.
287. *Челлен Р.* Государство как форма жизни. М., 2008.
288. *Челлен Р.* Политика как наука // *О политической науке, ее соотношении с другими отраслями знания и об изучении политического пространства / Полис.* 2005. № 2.
289. *Черезова К.В., Сериков А.Е.* Социальный эволюционизм Герберта Спенсера и Дарвинизм // *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология».* 2014. № 2 (16). С. 99-115.
290. *Шилов А.С.* Становление экополитологии как науки: генезис, методология, перспективы развития: дис. ... докт. полит. наук: 23.00.01. М., 2005. 394 с.
291. *Шлюмбом Ю.* Беременные находятся здесь ради нужд учебного заведения. // *Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины.* СПб., 2008. С.73–103.
292. *Шмитт К.* Государство: право и политика. М., 2013.
293. *Шмитт К.* Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. Смысл и фиаско одного политического символа. СПб., 2006.
294. *Шмитт К.* Номос Земли. О праве народов *jus publicum Europaeum.* СПб., 2008.
295. *Шмитт К.* Политическая теология. М., 2000.

296. *Шпенглер О.* Закат Европы. М., 1998.
297. *Шпенглер О.* Человек и техника // Культурология. XX век. Антология. М., 1995.
298. *Щипков А.В.* Философия коронавируса // Международная жизнь. 2021. № 5. С. 12-19.
299. *Эко У.* Полный назад. М., 2007.
300. *Юдин Б.Г.* Биополитика улучшения человека // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 20: Гуманитарный анализ биотехнологических проектов “улучшения” человека: сб. науч. ст. / под ред. Б.Г. Юдина. М., 2015. С. 91–104.
301. *Яницкий О.Н.* Риск в современном обществе. Россия как общество риска: методология анализа и контуры концепции // Общественные науки и современность. 2004. №2. С. 5-15.
302. *Яркеев А.В.* Древнегреческие истоки современной биополитики // Политика. № 2 (97). 2020. С. 7-21.
303. *Яркеев А.В.* Онтологические основания зла в современном обществе: философско-герменевтический аспект: дис. ... докт. философск. наук: 09.00.11. Ижевск, 2019. 383 с.
304. *Abrahamsson C.* On the genealogy of Lebensraum // *Geographica helvetica*. # 68. 2013. P. 37-44.
305. *Agamben G.* *Opus Dei: An archaeology of duty.* Stanford, 2013.
306. *Alexander J. C.* *Performance and power.* Cambridge. 2011.
307. *Alexander J. C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N. J., Sztompka P.* *Cultural trauma and collective identity.* Berkeley, 2004.
308. *Alexander J.C., Giesen B., Mast J. L.* *Social performance: symbolic action, cultural pragmatics, and ritual.* Cambridge, 2006.
309. *Aparicio L., Lipworth W., Then S.-N.* Biobanking of blood and bone marrow: Emerging challenges for custodians of public resources // *Journal of law and medicine.* 2013. 21 (2). P. 343-350.

310. *Awadalla P., Boileau C., Payette Y., Idaghdour Y., Goulet J.-P., Knoppers B., Hamet P., Laberge C.* Cohort profile of the CARTaGENE study: Quebec's population-based biobank for public health and personalized genomics // *International journal of epidemiology*. 2013. Vol. 42, № 5. P. 1285–1299.
311. *Baker L. R.* The Metaphysics of everyday life: an essay in practical realism. Cambridge, 2009.
312. *Bassin M.* Imperialism and the Nation State in Friedrich Ratzel's political geography // *Progress in human geography*. September. 1987. P. 473 – 495.
313. *Beauchamp T. L, Childress J. F.* Principles of biomedical ethics. New York, 1994.
314. *Beck U.* World risk society. Maiden, 1999.
315. *Beck U., Giddens A., Lash S.* Reflexive modernization: politics, traditions and aesthetics in the modern social order. Cambridge, 1994.
316. *Benveniste E.* On discourse // *The theoretical essays: Film, linguistics, literature*. Manchester, 1985.
317. *Biopolitics. A Reader.* Ed. by Campbell T. and Sitze A. Durham and London, 2013.
318. *Blank R., Hines R.* Biology and political science. New York, 2001.
319. *Blasimme A., Moret C., Hurst S.A., Vayena E.* Informed consent and the disclosure of clinical results to research participants // *The American journal of bioethics*. 2017. Vol. 17, № 7. P. 58-60.
320. *Blaxter M.* Health and lifestyles. London, 1990.
321. *Bledsoe M.J.* Ethical, legal and social issues of biobanking: past, present, and future// *Biopreservation and biobanking*. 2017. №2. P. 142-146.
322. *Botkin J.R., Rothwell E., Anderson R., Stark L.A., Mitchell J.* Public attitudes regarding the use of electronic health information and residual clinical tissues for research // *Journal of community genetics*. 2014. Vol. 5. № 3. P. 205–213.

323. *Braun B.* Biopolitics and the molecularization of Life // Cultural geographies. № 14. 2007. P. 6–28.
324. *Bryzgalina E., Alasania K., Varkhotov T. Gavrilenko S., Shkomova E.* The social dimension of biobanking: objectives and challenges // Life Sciences, Society and Policy. 2017. Vol. 13, № 1. P. 15.
325. *Burgess M.M.* From “trust us” to participatory governance: deliberative publics and science policy // Public understanding of science. 2014. Vol. 23, № 1. P. 48–52.
326. *Burns T.W.* Science communication: a contemporary definition // Public understanding of science. 2003. Vol 12, Issue 2. P. 183 – 202.
327. *Busby H., Martin P.* Biobanks, national identity and imagined communities: The case of UK biobank // Science as Culture. 2006. Vol. 15, № 3. P. 237–251.
328. *Butler J.* Notes toward a performative theory of assembly. Harvard, 2015.
329. *Butler J., Athanasiou A.* Dispossession: the performative in the political, Cambridge, 2013.
330. *Campa R.* Biopolitica e biopotere. Da Foucault all’Italian teory e oltre // Orbis idearum. Special Issue. Idea of Power. V. 3. Issue 1. 2015. P. 125-171.
331. *Campbell T.* “Bios”, immunity, life: the thought of Roberto Esposito // Diacritics. Vol. 36. # 2. P. 2-22
332. *Campbell T., Luisetti F.* On contemporary French and Italian political philosophy: an interview with Roberto Esposito // Minnesota review. # 75. 2010. P. 109-118.
333. *Chalmers D.* Genetic research and biobanks // Methods in Biobanking. 2011. Vol. 675. P. 1–37.
334. *Chalmers D.* The conscious mind: in search of a fundamental theory. New York and Oxford, 1996.
335. *Chiesa L., Nedoh B., Piasentier M.* Italian biopolitical theory and beyond: genealogy, psychoanalysis, and biology. Edinburg, 2016.

336. *De Souza Y., Greenspan J.* Biobanking past, present and future: responsibilities and benefits // *AIDS*. 2013. Vol. 27. №3. P. 303–312.
337. *Degler C.N.* In search of human nature: the decline and revival of Darwinism in American social thought. New York. 1991.
338. *Derrida J.* Autoimmunity: real and symbolic suicide: a dialogue with Jacques Derrida / Borradori G. Philosophy in a time of terror: dialogues with Jurgen Habermas and Jacques Derrida. Chicago, London. 2004. P. 85–136.
339. *Derrida J.* For what tomorrow...: a dialogue with Elisabeth Roudinesco. Stanford, 2004.
340. Discourse, war and terrorism / Discourse approaches to politics, society and culture. Vol. 24. Philadelphia, 2009.
341. *Dodge K., Rutter M.* Genes, environments, and public policy // Gene-environment interactions in developmental psychopathology / ed. Dodge K.A., Rutter M. New York, 2011. P. 258–276.
342. *Doiron D., Parminder R., Ferretti V., L'Heureux J., Fortier I.* Facilitating collaborative research: Implementing a platform supporting data harmonization and pooling // *Norsk Epidemiology*. 2012. Vol. 21, № 2. P. 221–224.
343. *Dove E.S., Joly Y., Knoppers B.M.* Power to the people: a wiki-governance model for biobanks // *Genome biology*. 2012. Vol. 13, № 5. P. 158-168.
344. *Ducournau P., Cambon-Thomsen A.* Users and uses of the biopolitics of consent: a study of DNA banks // *The ethics of research biobanking*. Ed. by Solbakk J.H., Holm S., Hofmann B. New York, London, 2009. P. 33–48.
345. *Durant J. R.* Copernicus and Conan Doyle or why should we care about the public understanding of science? // *Science and public affairs*. 1990. Vol. 5. P. 7-22.
346. *Eco U.* Travels in hiperreality. New York, 1986.
347. *Esposito R.* Bios: biopolitics and philosophy. Minneapolis, 2008.
348. *Esposito R.* The third person. Cambridge, 2012.

349. *Fairclough I., Fairclough N.* Political discourse analysis: a method for advanced students. London, 2012.
350. *Fairclough N.* Critical discourse analysis and the marketization of public discourse: the universities // *Discourse and society*. 1993. P.133-168.
351. *Fairclough N.* Discourse and social change. Cambridge, 1992.
352. *Fairclough N.* Language and power. London, 1989.
353. *Fairclough N.* Text and context: linguistic and intertextual analysis within discourse analysis // *Discourse and society*. 1992. 3(2). P. 193-217.
354. *Fairclough N.* The dialectics of discourse // *Textus*. No. 2. Vol. XIV. 2001. P. 231-242.
355. *Fairclough N., Wodak R.* Critical discourse analysis // *Discourse studies: A multidisciplinary introduction* / T.A. van Dijk (ed.). Vol. II. London, 1997. P. 258-284.
356. *Flitner M., Volker H.* Modernity and life politics: conceptualizing the biodiversity crisis // *Political geography*. # 21. 2002. P. 319– 340.
357. *Flohr H.* Bureaucracy and its clients: Exploring a biosocial perspective // White E., Losco J. *Biology and bureaucracy*. Lanham, 1986. P. 57–116.
358. Foucault, biopolitics, and governmentality. Ed. by Nilsson J. and Wallenstein S.-O. // *Södertörn philosophical studies* (14). Södertörn, 2013.
359. *Fuller S.* New frontiers in science and technology studies. New York, 2007.
360. *Galli C.* Political spaces and Global war. Minneapolis, 2010.
361. *Gefenas E., Dranseika V., Cekanauškaite A., Serepkaite J.* Research on human biological materials: what consent is needed, and when // *The international library of ethics, law and technology*. Vol. 8: Biobanks and tissue research. The public, the patient and the regulation. Dordrecht, Heidelberg, London, New York, 2011. P. 95.
362. *Gergen K.* The social construction of the person. London, New York, 1985.
363. *Giddens A.* Europe in the Global Age. Cambridge, 2007.

364. *Giddens A.* Modernity and self-identity: self and society in Late Modern Age. Cambridge, 1991.
365. Global America: the cultural consequences of globalization / edited by Ulrich Beck, Nathan Sznajder and Rainer Winter. Liverpool, 2003.
366. *Gottweis H., Chen H., Starkbaum J.* Biobanks and the phantom public // Human genetics. 2011. Vol. 130, № 3. P. 433–440.
367. *Gunnflo M.* Rudolf Kjellén: Nordic biopolitics before the Welfare State // Retfærd. 2015. Årg. 38, nr.150. P. 24-39.
368. *Haraway D.* The biological enterprise: sex, mind and profit from human engineering to sociobiology // Simians, cyborgs and women: the reinvention of nature. New York, 1991.
369. *Hassan I.* The culture of postmodernism // Theory, culture, and society. Cleveland, 1985. P. 119-131.
370. *Hassan I.* The postmodern turn: essays in postmodern theory and culture. Columbus, Ohio, 1987.
371. *Hassan I.* The right promethean fire: imagination, science, and cultural change. Urbana, 1980.
372. *Heath D., Rapp R., Taussig K.-S., Nugent D., Vincent J.* Genetic citizenship // Companion to the handbook of political anthropology. Oxford, 2004. P. 152-167.
373. *Hedgecoe A., Martin P.* Genomics, STS, and the making of sociotechnical futures // The handbook of science and technology studies. 3-d edition. MIT Press, 2008. P. 817–840.
374. *Held D.* A Globalizing world: culture, economics, politics. New York, 2005.
375. *Hughes B.* Disability activism: social model stalwarts and biological citizens // Disability & society. 2009. № 24(6). P. 677–688.
376. *Illas E.* The survival regime. Global war and the political. New York and London, 2020.

377. *Kadri S.* The concepts of common good and public interest: from Plato to biobanking // *Cambridge quarterly of healthcare ethics*. 2011. № 20. P. 554–562.
378. *Karimi-Busheri F., Rasouli-Nia A.* Integration, networking, and global biobanking in the Age of new biology // *Biobanking in the 21st century* / ed. Karimi-Busheri F. Cham: Springer International Publishing, 2015. Vol. 864. P. 1–9.
379. *Karlsen J.R., Solbakk J.H., Holm S.* Ethical endgames: broad consent for narrow interests; open consent for closed minds // *Cambridge quarterly of healthcare ethics*. 2011. 20/4. P. 572–583.
380. *Karlsen J.R., Strand R.* Annexation of life: the biopolitics of industrial biology// *The ethics of research biobanking*. Ed. by Solbakk J.H., Holm S., Hofmann B. New York and London, 2009. P. 315 – 330.
381. *Koch L.* The Meaning of eugenics: Reflections on the government of genetic knowledge in the past and the present // *Science in context*. 2004. # 17 (3). P. 315–331.
382. *Krasmann S.* Imagining Foucault. On the digital subject and “Visual Citizenship”// *Foucault studies*. 2017. No. 2. P. 10-26.
383. *Kress G., Hodge R.* Language as ideology. New York, 1993.
384. *Lash S.* Another modernity, a different rationality. Oxford, 1999.
385. *Lasswell H.* The structure and function of communication in society // *The process and effects of mass communication*. Chicago, 1971. P. 84 - 99.
386. *Lemke J.L.* Textual Politics: Discourse and social dynamics. London, 1995.
387. *Lemke T.* Biopolitics: advanced introduction. New York, London, 2011.
388. *Levenson D.* Personalized medicine presents challenges and opportunities // *American journal of medical genetics*. 2010. Vol. 152A, № 2. P. vii – viii.
389. *Lyotard J.-F.* Postmodern fables. Minneapolis, 1997.
390. *Lyotard J.-F.* The postmodern explained: correspondence 1982-1985. Minneapolis, 1993.

391. *Metamodernism: Historicity, affect, and depth after postmodernism* /R. Van den Akker A. Gibbons, T. Vermeulen (eds). Lanham, 2017.
392. *Metzinger T.* Being no one: the self-model theory of subjectivity. Cambridge, London. 2003.
393. *Meyer-Emerick N.* Public administration and the life sciences: Revisiting biopolitics // *Administration and society* 38 (6). 2007. P. 689–708.
394. *Minca C.* Carlo Galli, Carl Schmitt, and contemporary Italian political thought // *Political geography*. № 31. 2012. P. 250-253.
395. *Nancy J.-L.* Note sur le terme “biopolitique.” // *La création du monde ou la mondialisation*. Paris, 2002. P. 137–143.
396. *Nielsen K.H.* Scientific communication and the nature of science // *Science & education*. 2013. Vol. 22, № 9. P. 2067–2086.
397. *Nordmann A.* Collapse of distance: epistemic strategies of science and technoscience // A plenary lecture at the Annual meeting of the Danish Philosophical Association, Copenhagen. March. 2006.
398. *Peterson S.A, Somit A.* Handbook of biology and politics. Cheltenham, Northampton. 2017.
399. *Petryna A.* Life exposed: Biological citizens after Chernobyl. Princeton, 2002.
400. *Quitterer J.* The changing self: philosophical concepts of self and personal identity in a post-clinical age of genetics // *Genetics as social practice: transdisciplinary views on science and culture* / ed. Prainsack B., Schicktanz S., Werner-Felmayer G. Farnham, Surrey. Burlington, 2014.
401. *Rabinow P.* Artificiality and Enlightenment: from sociobiology to biosociality // Jonathan Crary and Sanford Kwinter, eds. New York, 1992. P. 234–252.
402. *Rabinow P.* French DNA: trouble in purgatory. Chicago, 1999.
403. *Rabinow P.* Making PCR: a story of biotechnology. Chicago, 1996.
404. *Rabinow P., Rose N.* Biopower today // *Biosocieties* 1 (2). 2006. P. 195–217.

405. *Rifkin J.* The empathic civilization. Cambridge, 2009.
406. *Roberts J., Karvonen Ch., Gramham et al.* Biobanking in the XXI century: driving population metrics into biobank quality // Biobanking in the 21st century / F. Karimi-Busheri (ed.). Cham, 2015. P. 95-112.
407. *Rose N.* The politics of life itself: biomedicine, power, and subjectivity in the twenty-first century. Princeton, 2007.
408. *Rose N., Abi-Rached J.M.* Neuro: the new brain sciences and the management of mind. Princeton, 2013.
409. *Rose N., Novas C.* Biological citizenship // Global assemblages: Technology, politics and ethics as anthropological problems, Ed. by Ong A., Collier S. Oxford, 2005. P. 439–463.
410. *Rushton Ph.* Race differences: A global perspective // Somit A., Peterson S., Research in Biopolitics. Stamford, 1998. P. 119–136.
411. *Russell N.* Science for the public: what science do people need and how might they get it? // Communicating science. Professional, popular, literary / N. Russell (ed.). Cambridge, 2010. P. 67-132.
412. *Shenhav S.R.* Concise narratives: A structural analysis of political discourse // Discourse studies. 7/3/2005. P. 315-335.
413. *Shusterman R.* Postmodernist aestheticism: a new moral philosophy? // Theory, Culture & Society. 1988. Vol. 5. № 2–3. P. 346–347.
414. *Sloterdijk P.* The immunological transformation: on the way to thin-walled “societies” // Biopolitics. A Reader. Ed. by Campbell T. and Sitze A. Durham and London, 2013. P. 310-317.
415. *Somit A., Peterson S.* Darwinism, dominance, and democracy: The biological bases of authoritarianism. Westport, 1997.
416. *Somit A., Peterson S.* Introduction: Main currents in biopolitics // International political science review. 1987. № 8 (2). P. 107– 110.
417. *Somit A., Peterson S.* The failure of democratic nation building: Ideology meets evolution. New York, Hamshire. 2005.

418. *Steinsbekk K.S., Ursin L.O., Skolbekken J.-A., Solberg B.* We're not in it for the money-lay people's moral intuitions on commercial use of "their" biobank // *Medicine, health care, and philosophy*. 2013. Vol. 16, № 2. P. 151–162.
419. *Strasser B.* Collecting nature: Practices, styles and narratives // *Osiris*, 2012. Vol. 27, № 1. P. 303 – 340.
420. *Sunder R. K.* *Biocapital: the constitution of postgenomic life*. Durham, 2006.
421. *Tallacchini M., Biggeri A.* Citizens' veillance on environmental health through ICT and genomics // *Epidemiologia e Prevenzione*. 2014. Vol. 38, № 5. P. 292–301.
422. *Tallacchini M.* A participatory space beyond the "autonomy versus property" dichotomy // *The International Library of Ethics, Law and Technology*. Vol 14: *Ethics, Law and Governance of Biobanking*. National, European and International Approaches. Dordrecht, Heidelberg, London, New York. 2015. P. 24 - 26.
423. *The risk society and beyond: critical issues for social theory* / edited by Barbara Adam, Ulrich Beck, and Joost van Loon. London, 2000.
424. *van Dijk T. A.* *Ideology: a multidisciplinary approach*. London, 1998.
425. *van Dijk T.* Discourse semantics and ideology // *Discourse and society*. 1995. Vol. 6 (2). P. 243-289.
426. *van Dijk T.A.* *Critical discourse analysis* // *Handbook of discourse analysis* / D. Tannen, D. Schiffrin, H. Hamilton (eds). Oxford, 2001.
427. *van Dijk T.A.* *Ideology and Discourse Analysis* // *Journal of Political Ideologies*. 11/2/2006. P. 115-140.
428. *Wacquant L.* *Punishing the poor: the neoliberal government of social insecurity*. Durham and London, 2009.
429. *Wacquant L.* *Urban outcasts: a comparative sociology of advanced marginality*. Cambridge, 2008.

430. *Wallenstein S.-O.* Introduction: Foucault, biopolitics, and governmentality. // *Foucault, Biopolitics, and Governmentality*. Ed. by Nilsson J. and Wallenstein S.-O. *Södertörn philosophical studies* (14). Södertörn. 2013. P. 7-34.
431. *Wallerstein I.* Globalization or the Age of Transition? // *International sociology*. 2000. № 2. P. 200-211.
432. *Wiegele T.* *Biopolitics: Search for a more human political science*. Boulder, 1979.
433. *Wilson E.* *Consilience: The unity of knowledge*. New York, 1998.
434. *Wodak R.* *Critical discourse analysis // Qualitative research practice* / C. Seale, G. Gobo, J.F. Gubrium, D. Silverman (eds). London, 2004.

Электронные ресурсы

435. *Агамбен Дж.* Изобретение пандемии. URL: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/izobretenie-epidemii> (дата обращения: 12.08.2022).
436. *Алиева Н.З., Калинина Н.А.* Трансформация общества знаний в обществе риска // *Успехи современного естествознания*. 2012. № 6. С. 198-199.
URL: <https://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=30583> (дата обращения: 27.12.2021).
437. *Вермюлен Т., ван ден Аккер Р.* Заметки о метамодернизме // *Metamodern* URL: <http://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism> (дата обращения: 05.10.2022).
438. *Галли К.* Национальное государство в глобальную эпоху // *Россия в глобальной политике*. 2009. № 5. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/naczionalnoe-gosudarstvo-v-globalnuyu-epohu/> (дата обращения: 27.08.2022).
439. *Ден В.Э.* Учение Рудольфа Челлена о предмете и задачах геополитики // *Известия Русского географического общества*. 1997. Т.

129. Вып. 1-2. URL: http://ecgeo.spbu.ru/doc/Den%20vs%20Rudolf_Kjellen.pdf (дата обращения: 28.12.2021)
440. Деррида Ж. Разбойники // НЛО. № 2. 2005. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/2/razbojniki.html> (дата обращения: 18.08.2022)
441. Дююи Ж.-П. Медицина и власть // Отечественные записки. 2006. №1. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=28&article=1201> (дата обращения 27.12.2021)
442. Каким мир станет после пандемии: прогнозы современных философов. Составитель К. Киселева // Журнал «Сноб». URL: <https://snob.ru/entry/191734/> (дата обращения: 4.08.2020)
443. Кропоткин П.А. Взаимная помощь как фактор эволюции. URL: https://iphras.ru/elib/Kropotkin_Vzaimopom.html (дата обращения: 28.12.2022).
444. Ратцель Ф. Государство как оседлый организм // Ратцель Ф. Политическая география / Личность. Культура. Общество. 2003. Т. 5. Вып. 1-2 (15-16). С. 211-229. URL: <https://iphras.ru/uplfile/reznik/soviet/bibl/1/Ratzel.pdf> (дата обращения: 28.12.2022)
445. Федорова М.М. Историческое сознание модерна и политическая проективность // Полилог. Т. 5. 2021. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110015839-4-1/> (дата обращения: 25.12.2022).
446. Федорова М.М. Современность: подходы и проблематизация // Полилог. № 2. Т. 4. 2020. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110011020-4-1/> (дата обращения: 25.12.2022).
447. Юдин Г.Б. «Зарождение биополитики Мишеля Фуко и максимизация жизни» // Биополитика – все самое интересное на ПостНауке. URL: <https://postnauka.ru/video/61275> (дата обращения: 04.08.2022).

448. *Agamben G.* L'invenzione di un'epidemia // Quodlibet. 26/02/2020. URL: <https://www.quodlibet.it/giorgio-agamben-l-invenzione-di-un-epidemia> (accessed: 12.08.2022).
449. *Biobanks and the Public.* Governing Biomedical Research Resources in Europe // BBMRI Project. Funded by the European Commission. Project GA 212111 // Text and Layout, TRI Inc. Printed in Austria, 2013. URL: <http://www.bbmri-eric.eu/wp-content/uploads/BBMRI-Biobanks-and-the-Public.pdf> (accessed: 12.08.2022)
450. *Boucaud-Victoir K.* How Michel Foucault got neoliberalism so wrong. Interview with Daniel Zamora // Jacobin. 09/06/2019. URL: <https://jacobin.com/2019/09/michel-foucault-neoliberalism-friedrich-hayek-milton-friedman-gary-becker-minoritarian-governments> (accessed: 08.08.2022).
451. *Daly H.* Economics for a Full World // A great tradition initiative essay. 2015. June. P. 1–15. P. 1. URL: <https://www.greattransition.org/images/Daly-Economics-for-a-Full-World.pdf> (accessed: 21.10.2022).
452. *Esposito R.* Community, immunity, biopolitics. URL: <https://quod.lib.umich.edu/p/pc/12322227.0003.001?view=text;rgn=main> (accessed: 15.08.2022).
453. *Esposito R.* Curati a oltranza // Antinomie. Scritture e immagini. URL: <https://antinomie.it/index.php/2020/02/28/curati-a-oltranza/> (accessed: 13.08.2022).
454. *Fassin D.* La biopolitique n'est pas une politique de la vie // Sociologie et sociétés. Vol. 38. N. 2. 2006. P. 35-48. URL: <http://libertaire.free.fr/DFassin31.html> (accessed: 11.08.2022).
455. Francis Fukuyama on the end of American hegemony // The Economist. URL: <https://www.economist.com/by->

- [invitation/2021/08/18/francis-fukuyama-on-the-end-of-american-hegemony](#)
(accessed: 06.10.2022).
456. *Guattari F.* The three ecologies. 2000. URL:
[https://monoskop.org/images/4/44/Guattari_Felix_The_Three_Ecologies.pdf](#)
(accessed: 12.12.2021).
457. *Hassan I.* From postmodernism to postmodernity: The Local/Global Context // Critical Issues Series. №3. 2000. URL:
[http://www.scienzepostmoderne.org/DiversiAutori/Hassan/HassanFromPostmodernismToPostmodernity.html](#) (accessed: 21.10.2022).
458. *Hodgson G.M.* Social Darwinism in Anglophone academic journals: A contribution to the history of the term // Journal of historical sociology. 17(4). 2004. P. 428-63. URL:
[https://uhra.herts.ac.uk/bitstream/handle/2299/406/100873.pdf?sequence=1](#)
(accessed: 28.12.2022).
459. *Illas E.* Survival, or, the war logic of global capitalism. A talk at Stanford University on March 3, 2015. URL:
[https://arcade.stanford.edu/content/survival-or-war-logic-global-capitalism](#)
(accessed: 28.08.2022).
460. *Nancy J.-L.* Viral exception // Viral intrusions and (other) friendships. URL:
[https://johnpaulricco.com/2020/02/29/viral-intrusions-and-other-friendships/](#) (accessed: 13.08.2022).
461. *Ojakangas M.* Biopolitics in the political thought of classical Greece. URL:
[https://www.academia.edu/35763736/Biopolitics_in_the_Political_Thought_of_Classical_Greece](#) (accessed: 10.07.2022).
462. *Rose N.* The politics of life itself // Theory, culture & society. 2001. Vol. 18 (6). P. 1–30. P. 11. URL:
[https://sociology.exeter.ac.uk/media/universityofexeter/collegeofsocialsciencesandinternationalstudies/sociology/research/egenis/The_Politics_of_Life_Itself.pdf](#) (accessed: 06.11.2022)

463. *Rovescio I., Agamben G.* Two texts on the Green pass. URL: <https://illwill.com/green-pass> (accessed: 09.08.2022).
464. *Silva G.A.D., Higuera Del Prado C.* Political theology and COVID-19: Agamben's critique of science as a new "Pandemic Religion"// Open theology. URL: <https://doi.org/10.1515/opth-2020-0177> (accessed: 09.08.2022).
465. *Wodak R.* Critical discourse analysis: history, agenda, theory and methodology. 2008. URL: https://www.corwin.com/sites/default/files/upm-binaries/24615_01_Wodak_Ch_01.pdf (accessed: 26.12.2021)
466. *Yepes R. D.* Sacred violence, sovereign violence: contrasting the thought of René Girard and Giorgio Agamben. URL: https://www.academia.edu/5480305/Sacred_Violence_Sovereign_Violence_Contrasting_the_Thought_of_Ren%C3%A9_Girard_and_Giorgio_Agamben?auto=download (accessed: 28.12.2021).